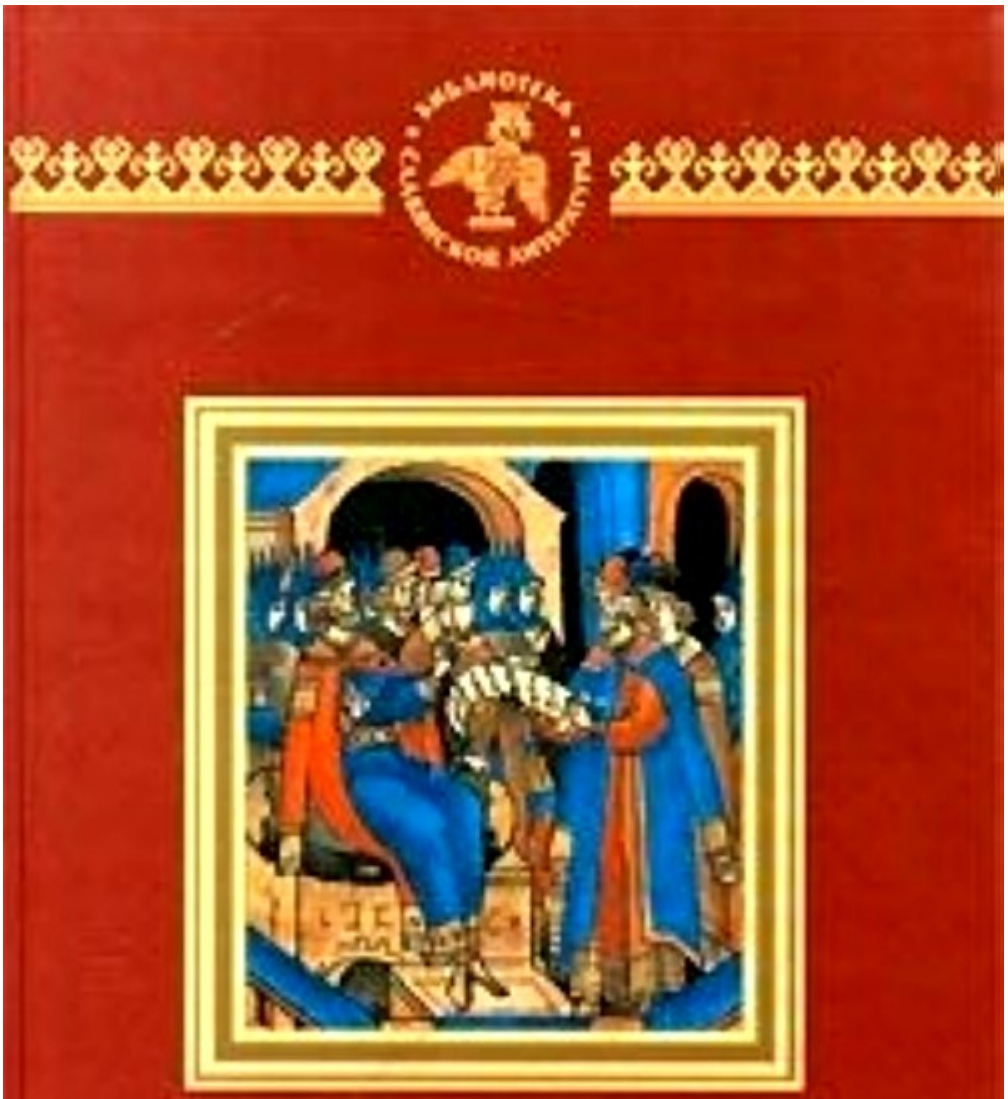


СЛОВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

СЛОВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА
«ПАНОРАМА»
2000

УДК 882
ББК 84 (2 Рос – Рус) 6
С 48

Составление, вступительная статья *О. Гладковой*

В оформлении переплета использован фрагмент древнерусской миниатюры XIV в.

На фронтисписе — гравюра художника *В.А. Фаворского* «Боян»

© Составление, вступительная статья. О.В. Гладкова, 2000

© Художественное оформление. Издательство «Панорама», 2000

ISBN 5-85220-373-4

НЕПРИВЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древнерусская, а точнее русская средневековая, литература отодвинута от нас вдаль не только во времени. Нас отталкивает от нее весь опыт чтения, «испорченный» современной литературой.

Чтобы научиться ее читать и войти в ее непривычный мир, нужно приобрести новый читательский опыт. А для начала приведем наставление средневекового автора своему читателю: «Когда читаешь книгу, не стремись быстро дочитать до другой главы, но подумай, что говорят в книге прочитанные слова, и трижды обращайся к одной и той же главе. Делай так, чтобы не только на устах, но и в сердце твоем оседали слова книги...»[1].

* * *

С принятием христианства на Руси появились письменность и литература, сначала это была литература переводная, пришедшая из Византии в южно-славянских переводах, но очень скоро появилась и своя, оригинальная. Произведения переписывались от руки и распространялись в копиях — списках, многие произведения таким образом неоднократно переписывались не одно столетие.

Древнерусская литература разделялась на две большие части — церковную, используемую при богослужении, в монастырском обиходе, и светскую. О церковной литературе нам известно больше: памятники церковной письменности постоянно переписывались, сохранялись, необходимость в них поддерживалась церковью.

О светской литературе известно меньше, особенно о светских произведениях раннего периода. Можно думать, что этот пласт литературы был достаточно обширен, однако отношение к светской литературе не было слишком бережным. Вот судьба некоторых ранних памятников светской литературы: «Слово о полку Игореве» сохранилось в одном дефектном списке предположительно XVI в., да и тот погиб в пожаре 1812 года, «Поучение» Владимира Мономаха дошло в одном списке, а «Слово» и «Моление» Даниила Заточника (две редакции XI—XIII вв. одного памятника) сохранились лишь в поздних списках.

Отличий древнерусской литературы от современной много. Во-первых, это литература в основном анонимная: в Древней Руси не было такого понятия, как авторское право. Мы можем назвать не-

---

[1] Из «Изборника Святослава 1076 года» — одного из древнейших литературных рукописных сборников. Цит. в переводе по: Преданья старины глубокой...: Хрестоматия / Вступ. ст., составление, переводы и коммент. Н.И.Прокофьева. М., 1997. С.40—41.

которых древнерусских авторов: митрополита Илариона, летописца Нестора, загадочного Даниила Заточника; его тезку, паломника Даниила, автора «Хожения»; князя Владимира Мономаха, самого царя Ивана Грозного, Ермолая-Еразма, автора «Повести о Петре и Февронии»; некоторые другие имена восстанавливаются благодаря скрупулезному труду историков, источниковедов, филологов, ведь творчество древнерусского писателя было принципиально анонимно — авторы не стремились к известности (как осуждающе писал митрополит Иларион, это «есть пример дерзости и желание славы»), а хотели послужить Богу и ближним. Однако нельзя думать, что древнерусские произведения лишены индивидуального начала: оно неизменно проявляется в талантливом произведении, но оно не было самоцелью. Кроме того, последующие переписчики нередко выступали вольными или невольными соредакторами автора и при переписывании вносили что-то свое, поэтому, читая древнерусское произведение, важно знать, с какой редакцией мы имеем дело — с ранней, наиболее близкой к авторскому тексту (автографов древних авторов практически не сохранилось), или с поздней, но, возможно, по-своему интересной. Бывает и так, как, например, в случае со «Словом» и «Молением» Даниила Заточника, что пока невозможно определить, какая редакция — «Слово» или «Моление» — первична, а какая вторична, и какой текст, в конце концов можно признать авторским.

Во-вторых, древнерусская литература — это литература без вымысла, в ней ничего не «придумывается», она написана не для развлечения, а для поучения, назидания. Поэтому о чем бы ни шла речь в средневековом произведении — об огненных столпах, о надоедливых бесах, о всевозможных чудесах, — во все это автор и его читатели верили и воспринимали как документальное свидетельство и соответственно не старались сознательно приукрасить свой рассказ за счет вымысла, «присочинив» что-нибудь, напротив, старались описать либо то, чему сами были очевидцами, либо то, о чем можно было узнать из достоверных источников, рассказов современников событий, письменных свидетельств. Не следует удивляться однако тому, что в числе таких «документальных» свидетельств в литературу попадали легенды и мифы, ведь и миф, и легенду средневековый человек воспринимал как реальность.

В-третьих, важно понять, что в большинстве случаев древнерусского автора (особенно церковного писателя) при описании земных событий интересовало проявление небесного, сакрального в земной жизни. Причины изменения в земной жизни древнерусский человек находил на небесах, однако на протяжении веков представление о соотношении земного и небесного менялось. На раннем этапе (X—XI вв.), в представлении древнерусского человека, мир

идеальный существовал практически рядом с миром реальным и выражал себя в символе. Отсюда особый художественный строй произведений, его наполненность символами, идущими от Священного Писания: библейские Агарь и Сарра — символы Ветхого и Нового заветов, камень — символ Христа, олень — символ стремящейся к Богу души и одновременно тоже символ Христа и т.д. Для памятников раннего периода — «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, переводного «Жития Евстафия Плакиды» — присуще особое мироощущение, для которого характерно гармонически-поэтическое восприятие действительности, вера в любовь и справедливость Бога и Его мира.

Однако очень скоро это равновесие было нарушено: новая религия не устранила противоречия между людьми: возникали феодальные раздоры, появился «новый Каин» (Святополк Окаянный, убивший своих братьев, Бориса и Глеба), а главное, на Русь обрушилась страшная беда — татаро-монгольское нашествие. Древнерусские книжники объясняли появление татар умножением грехов среди христиан. Плач «о погибели Русской земли» отразился во многих произведениях эпохи начала татаро-монгольского ига. Представление о гармоническом мире сменилось ощущением непреодолимого разделения мира небесного и реального, в котором человек оказался во власти земных сил и начал осознавать себя центром этого земного мира, начал вникать в череду причин и следствий несовершенной материальной жизни. Если раньше все объяснялось «Божьим соизволением» или «дьявольским прельщением», то теперь в древнерусские произведения все более стали проникать материальные обоснования поступкам героев, ходу событий. Например, Феврония из «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма «врачует» князя Петра от струпьев, появившихся на нем из-за крови «неприязненного» (то есть имеющего отношение к дьяволу) змея, вовсе не обращаясь к Божьей помощи, а всего лишь дунув на горсть хлебной закваски. Трудно представить себе такой эпизод в раннем, да еще и житийном памятнике.

Эти тенденции окрепли к XVII в.: в литературе стал появляться откровенный вымысел, откровенная занимательность. Человек не перестал верить в Бога, но он стал больше полагаться на себя и собственный разум, стал приверженцем рационального в земной жизни. Начиналось Новое Время.

Четвертое отличие древнерусской литературы от современной состоит в особой роли канона. Канон в древнерусской литературе — это закрепленный традицией набор признаков, которым должно было обладать произведение того или иного жанра. Автор подчинен канону (так, как он его понимает) и через канон связан с тек-

стами Священного Писания и текстами своих предшественников. «Мастером, хорошим писателем или художником, был тот, кто тщательно изучил нормы и правила и продолжает, а не нарушает существующую традицию. Рассказать о каком-либо новом событии так, чтобы это было предельно похоже на подобные рассказы авторитетных мастеров прошлого и соответствовало нормам и традиции, сказать новое, чтобы оно предельно походило на старое, — вот таков был предел мастерства», — писал Ю.М.Лотман, ученый, исследователь литературы и культуры[2]. Наиболее строго соблюдались канонические требования в церковной литературе.

Самым распространенным жанром церковной литературы было, пожалуй, житие. Житие — вообще особый жанр, достойный отдельного внимания, потому что он является одним из предтечей современного романа, некоторые из житий исследователи даже назвали «христианскими романами». Но тем не менее велика и разница между житием и современным романом! В центре внимания жития — подвиг веры, совершаемый конкретным историческим лицом или группой лиц. События русской исторической жизни неизбежно находили отражение в древнерусском житии, где подвигом веры могло стать подчинение младших князей старшему («Сказание о Борисе и Глебе»), мученическая смерть князя в Орде («Повесть об убиении в Орде Михаила Тверского»), миссионерство среди народов Сибири («Житие Стефана Пермского») и т.д.

Сюжет и композиция жития подчинены хронологической последовательности, часто это рассказ о всей жизни. Тогда он начинается с рождения или даже с событий, предшествовавших рождению. Святой, как правило, рождается у благочестивых родителей, его появление на свет сопровождается чудесными знамениями, в детстве он отличается от своих сверстников тем, что не хочет принимать участия в их играх, он прилежен в учении, он поражает окружающих знанием Священного Писания, далее описываются его духовные подвиги в зрелом возрасте, необычная смерть и посмертные чудеса. Следует понимать, что финальная смерть святого, порой мучительная, но всегда сопровождаемая чудесами, в христианском памятнике не воспринимается трагически, напротив, это знак Божественной отмеченности — святые таким образом достигают высшего блага, уготованного Богом человеку, — Царствия Небесного.

В современной литературе жанровые признаки жития продолжают жить во многих произведениях: глубокое понимание житий-

---

[2] Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы. М., 2000. С.24.

ных памятников помогло Ф.Достоевскому создать образ «раннего человеколюбца» Алеши Карамазова («Братья Карамазовы»), переосмысление жития дано в страшном «Житии Павла Фивейского» Л.Андреева; житийные образы и мотивы появляются у Л.Толстого («Отец Сергий» и др.), Н.Лескова («Соборяне», «Гора» и др.), лирике И.Бунина («Матфей Прозорливый», «Святой Евстафий» и др.), в творчестве современных писателей (Ч.Айтматов. «Плаха»).

Одними из распространенных и любимых произведений, находящимися на стыке духовной и светской литературы, были так называемые «хожения», или — со старославянским «жд» — «хождения», то есть путевые очерки, литература путешествий. Мы, пожалуй, привыкли к тому, что судьба многих литературных героев связывается с путешествием: «охота странствовать» в поисках ума «нападает» на Чацкого, бежит от тоски на юг России и Кавказ Онегин, на пути в Персию умирает Печорин, летит на «птице-тройке» Чичиков... Преодолевают пространство герои Гомера, Жюля Верна, А.Конан Дойла и Б.Окуджавы. Странствуют сами авторы и их герои.

Древнерусские люди тоже путешествовали и описывали свои странствия. «Повесть временных лет» сохранила летописные рассказы о путешествии княгини Ольги в Цареград, о пути апостола Андрея в Киев и Новгород, предвещавшие появление жанра хожений. Однако произведением, открывающим историю жанра и ставшим классическим образцом для всех последующих авторов, стало «Хожение Даниила, игумена Русской земли». «Игумен Русской земли» (так ответственно назвал себя сам Даниил) путешествует по Сирии и Палестине, его интересуют прежде всего «святые места», где происходили библейские события. Назначение хожения — заменить путешествие изложением, стать путеводителем для читателя, не отправляющегося в путь: «Да кто услышит (или прочтет) о местах святых, устремился бы душою и воображением к этим святым местам и Богом будет приравнен к тем, кто совершил путешествие в эти места», — пишет Даниил. «Хожение» Даниила стало непререкаемым образцом для всех последующих авторов этого жанра — Игнатия Смольнянина, Стефана Новгородца и др.

С конца XIV в. на Руси сложилась новая разновидность хожений, авторы которых уже были не паломниками, а дипломатами и купцами. Таким новатором стал Игнатий Смольнянин, в «Хожении» которого рассказы о святынях Константинополя перемежаются светскими эпизодами, но наиболее известное хожение этой уже светской разновидности жанра принадлежит знаменитому тверскому купцу Афанасию Никитину, совершившему в 1466—1472 гг. путешествие в Индию через Прикаспийское Закавказье и Иран. В

своем «Хожении за три моря» Афанасий Никитин впервые рассказал русскому читателю о неведомых дотоле восточных городах и странах — от Египта до берегов Тихого океана.

Среди жанров светской литературы можно назвать летописную повесть (например, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»), послание («Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского»), позднее — бытовую повесть (например, «Повесть о Савве Грудцыне»). Некоторые произведения светской литературы вообще не подчинены канону или выходят далеко за его рамки: по-своему уникальны «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника, «Слово о полку Игореве».

Следующим немаловажным отличием древнерусской литературы от современной является совершенно иное отношение читателя к тексту произведения: попросту говоря, наши предки читали не так, как мы. Во-первых, читали вслух, особыми ритмовыми фразами, ориентируясь на специальные знаки в рукописи, при этом ритмовая фраза далеко не всегда совпадала с границей предложения. Попытка передать особый ритм произведения отразилась во многих переводах нашей книги — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Житие Евстафия Плакиды», «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина», фрагменты из «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским» и некоторые другие произведения переведены с учетом ритма оригинала. Во-вторых, произведения древнерусской литературы читались неоднократно и были рассчитаны на медленное, вдумчивое, наконец, благоговейное постижение и освоение текста, занимательность которого в современном понимании этого слова вовсе не была главной. По тексту учились, причем не единоразово, а при каждом чтении, постепенно открывая для себя сокровенный смысл, узнавая цитаты, аллюзии, символы из Священного Писания, постигая мудрость жизни, смысл событий.

Отношение к книге как к учебнику жизни дает себя знать и в современности, а совсем уж в чистом, средневековом, виде сохранилось в отдельных случаях и поныне — прежде всего на Русском Севере или у старообрядцев. Об этом, в частности, свидетельствует в своей автобиографии писатель, авторитетный знаток Русского Севера, Поморья Б.В.Шергин: «Однажды я дал старику, моему дяде, комплект юмористического журнала «Будильник». Он вернул мне журнал со словами: *«Что же отсюда можно вынести?»* (выделено нами. — *О.Г.*)[3]. Можно не сомневаться, что такой же недоуменный вопрос задал бы и древнерусский книжник.

---

[3] Цит. по: Коваль Ю.И. Веселье сердечное // Коваль Ю.И. Опасайтесь лысых и усатых. М., 1993. С.277.

* * *

Для Древней Руси была привычна историческая тема, размышления о судьбе славян, Русской земли. Русский летописец знал, что славянская история — это часть мировой истории и писал о славянах как о потомках Иафета, сына библейского Ноя («Повесть временных лет»).

Тема красоты Русской земли и одновременно ее «погибели» — страданий ее от неразумных князей и набегов кочевников зазвучала еще до татаро-монгольского ига — в «Повести временных лет» и в знаменитом «Слове о полку Игореве». «В предельно лаконичной поэме автор создал поэтически емкий обобщенный образ Русской земли, — писал ученый и переводчик «Слова о полку Игореве» Н.И. Прокофьев, — воспел ее князей, воинов, их жен, родные просторы, реки, степи, родную историю, поэзию, выразил горечь и скорбь о положении смердов-пахарей, о «нелюбии» и распрях феодальных князей, действия которых приводили к напрасной гибели людей, в результате чего «печаль жирная течет» по земле Русской, обильно политой кровью и засеянной не добром, не благом, а костьми русских сынов»[4].

С глубоких исторических времен тема Отечества, прекрасного и страдающего, является одной из основных в русской литературе.

А как обстояло в древнерусской словесности с темой, без которой современную литературу и представить невозможно — с темой любви? В классической русской литературе любовь — испытание героя, порой проверка его общественной и даже политической состоятельности, а любовная линия — важная часть сюжетной структуры. Современное произведение чаще всего описывает начальный этап любви, момент ее возникновения. Соединение же или разрыв влюбленных часто знаменует финал произведения: в «семейную» любовь современные авторы заглядывают крайне редко. Кроме того, для русской литературы существует труднопреодолимый барьер — эротическая сторона любви[5]. Причины существования барьера, да и вообще особенности решения темы любви в русской литературе, во многом объясняются нашим прошлым.

Древнерусская литература как раз больше внимания уделяла семейным узам, супружеской верности: супружеская верность стала едва ли не главной добродетелью римского святого Евстафия Плакиды и его жены («Житие Евстафия Плакиды»). Похоже, что

---

[4] Преданья старины глубокой..., с.12.

[5] См. дискуссию на тему «Эротика и литература» в журнале «Иностранная литература», 1991, № 9.

княгиня Ольга, даже до крещения, соблюдает верность умершему мужу — как ни изощряется византийский император, он не может получить ее в жены. Ольга «переклюкала» (перехитрила) византийского императора, крестившись и став его духовной дочерью, то есть сделав невозможным брак между собой и императором Константином («Повесть временных лет»).

В Древней Руси разделялись любовь и блуд, то есть плотское вожделение, которое к тому же связывалось исключительно с внебрачными отношениями, во всяком случае не в переводных, а в оригинальных памятниках. «Иже блюдися и пьянства и блуда», — предостерегал Владимир Мономах. Его «Поучение» большей частью посвящено рассуждениям о княжеских добродетелях, вопрос семейного счастья решается им просто: «Жену свою любите, но не дайте им над собою власти».

Блудников и блудниц ожидала жестокая кара: после смерти их погружали «по пазуху в огне» («Хождение Богородицы по мукам», XI—XII вв.). Эта участь ждала всех «блудниц и любодеиц, сводниц». «Девка погубляет свою красоту блуднею, а муж свою честь татьбою (воровством. — *О.Г.*)», — так со свойственной ему афористичностью высказывался Даниил Заточник. Даниилу принадлежит одно из самых ранних в древнерусской литературе подробных рассуждений на популярную в средневековье тему «о злых женах». «Зла жена и до смерти сушит, — развивает Даниил идею женитьбы на богатой, но злой и старой невесте. Богатство и добрая жена в сознании Даниила «вещи несовместные», ни о какой любви здесь и речи не идет: «Паки (еще. — *О.Г.*) видех стару жену злообразну, кривозорку, подобно черту, ртасту, челюстасту, злоязычну...»

Женщины, вызывающие симпатии древнерусских авторов, — верные, любящие, мудрые, даже загадочные в своей мудрости, как например, Феврония («Повесть о Петре и Февронии»).

Петра и Февронию называют Тристаном и Изольдой русского средневековья, однако это не совсем так — в «Повести» не изображена чувственная сторона любви, но в ней впервые заглавной положительной героиней становится женщина. Впервые в древнерусской литературе появляется произведение, сюжет которого строится на отношениях мужчины и женщины, на достижении ими духовной близости, и происходит это именно в супружестве. Вся «Повесть» посвящена прославлению супружеской верности как христианской добродетели, прославлению добрых отношений между людьми.

XVII век «открыл» в литературе чувственную сторону человеческой природы, начал признавать существование любви как таковой. XVII век выразился в целом ряде произведений, запечатлевших прямо противоположные тенденции. Наиболее ярко контрастируют, с

одной стороны, — «Повесть о Юлиании Лазаревской» с ее исступленным отказом от чувственных радостей, с другой стороны — «Притча о старом муже и молодой девице» с ее откровенно фривольным сюжетом. В «Повести о Савве Грудцыне», которую называют первым русским романом, автор, с одной стороны, подробно рисует страсть героя к чужой жене, с другой стороны, показывает пагубность этого чувства, доводящего героя до договора с дьяволом.

Русское сознание прошло длинный и непростой путь, прежде чем признало за любовью право занять в литературе одно из центральных мест.

* * *

В заключение несколько слов о составе книги.

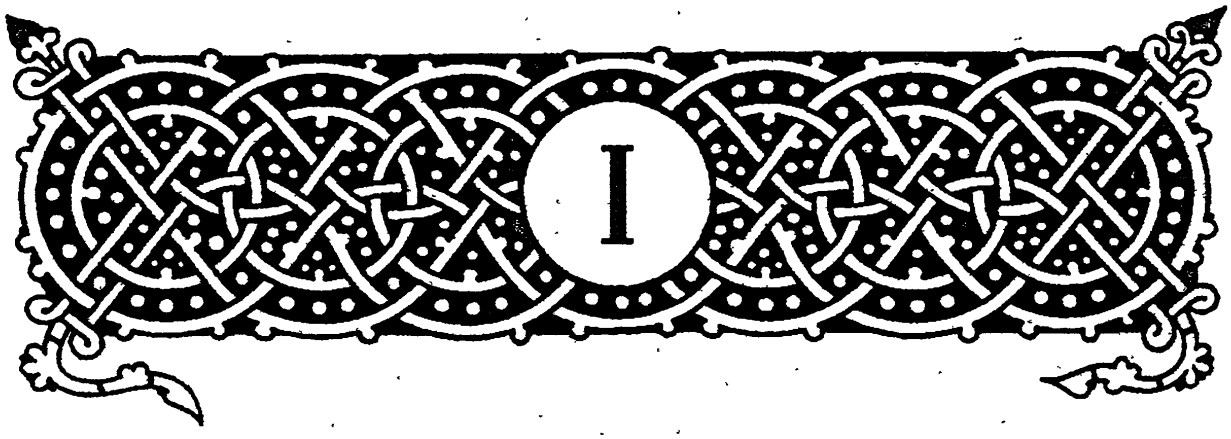
В нашу книгу вошла лишь малая толика из всего богатства русской средневековой словесности. При составлении книги нам хотелось, с одной стороны, выбрать наиболее значительные памятники, с другой стороны, такие, на примере которых можно было бы увидеть изменения, происходящие внутри одного жанра (например, в жанре житий или хожений, в историческом повествовании и т.д.), или увидеть появление нового жанра (например, бытовой повести). Кроме того, нам также хотелось включить в книгу наряду с произведениями значительными и известными (такими, как «Поучение Владимира Мономаха» или «Слово о полку Игореве») памятники, которые не так часто можно встретить в современных сборниках и хрестоматиях по древнерусской литературе (например, легендарную «Повесть о Псково-Печерском монастыре»), а также произведения, вовсе не публиковавшиеся («Житие Исидора Твердислова, ростовского юродивого»). По возможности мы старались поместить полный текст произведения (например, «Житие Феодосия Печерского», которое чаще всего предстает перед современным читателем в сокращенном варианте).

Большинство переводов публикуется впервые. Как ни странно, следует признать, что переводить древнерусские произведения (именно переводить, а не перелагать или пересказывать) очень сложно. Дело в том, что язык, на котором они написаны, во многом понятен нынешнему читателю, однако часто это впечатление обманчиво — невозвратно исчезли многие художественные оттенки, сами понятия, реалии, сместились значения слов, их стилистическая окрашенность, и это помимо тех случаев, когда прочтение возможно только со словарями! Задача переводчика — восстановить, «реставрировать» древний текст. И здесь каждый переводчик представляет свою версию произведения, отражающую его понимание тек-

ста. Поэтому, к примеру, не должно вызывать удивления наличие возникшей со времени открытия «Слова о полку Игореве» целой библиотеки его переводов: ведь до сих пор в «Слове» остается слишком много «темных мест», которые исследователи пытаются объяснить, до сих пор ведутся споры о его художественной и идейной структуре. И нужно понять, что одного, единственно верного, варианта перевода здесь быть не может, а появление новых (научно или поэтически обоснованных) переводов закономерно.

Чтение переводов, возможно, будет для многих первым шагом на пути к русской средневековой литературе. Читателю, который захочет продолжить знакомство с древнерусской литературой в подлинниках, наши переводы могут стать путеводителем по произведениям, а специалисту, открывшему эту книгу, — подспорьем в его работе.

О.В.Гладкова



Митрополит Иларион

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ*

О Законе через Моисея данном,
и о Благодати и Истине Иисусом Христом явленных[1],
и как Закон отошел,
Благодать же и Истина
всю землю наполнили,
и вера во все народы простерлась,
и к нашему народу русскому;
и похвала кагану[2] нашему Владимиру,
которым крещены были.
И молитва к Богу от
всей земли нашей.
Господи, благослови, Отче!

Благословен Господь Бог израилев,
Бог христианский,
что посетил и сотворил избавление людям Своим,
что не позволил творению Своему до конца идольским
мраком одержимому быть
и в бесовском услужении погибнуть[3].

Но направил прежде племя Авраамово
скрижалями[4] и Законом,
после же Сыном Своим все народы спас,
Евангелием и крещением
вводя их в обновление нового бытия —
в жизнь вечную.

---

*© Перевод и примечания. А.Н.Ужанков, 2000

Да восхвалим Его и прославим,
хвалимого ангелами беспрестанно,
и поклонимся Ему,
ему же поклоняются херувимы и серафимы.
Ибо увидев, призрел Он народ Свой:
и не посланник Его,
не ангел,
но Сам спас нас.
Не призраком пришел на землю,
но истинно,
пострадав за нас плотью и до гроба,
и с Собою воскресив нас[5].

Ибо к живущим на земле людям
в плоть одевшись пришел,
к пребывающим же в аду —
распятием и положением во гроб сошел[6],
дабы те и другие, живые и мертвые, узнали посещение свое
и Божье пришествие
и поняли, что Он — есть живым и мертвым
всемогущий и всесильный Бог.

Ибо кто велик, как Бог наш?!
Тот единственный, творящий чудеса,
положивший Закон
на предуготовление Истины и Благодати,
дабы обвыкло в нем человеческое естество,
от многобожия языческого отходящее
в единого Бога веровать[7].
Дабы, как сосуд осквернённый, человечество,
омытое водою,
Законом и обрезанием приняло молоко Благодати
и крещения.
Ибо Закон — предтеча и слуга Благодати и Истине,
Истина же и Благодать — слуги будущему веку,
жизни нетленной[8].

Как Закон приводил подзаконных
к благодатному крещению,
так крещение сынов Своих препровождает в жизнь вечную[8].

Моисей ведь и пророки
о Христовом пришествии проповедовали,

Христос же и апостолы Его — о воскресении
и о будущем веке[8].
Ежели вспоминать в писании этом
и пророческие предсказания о Христе,
и апостольские учения о будущем веке —
то излишне это,
и к тщеславию склоняется.

Ибо если в других книгах написано
и вам ведомо,
то здесь излагать —
есть пример дерзости и желание славы.

Не к несведущим ведь пишем,
но к с избытком насытившимся сладостью книжною,
не к врагам Божьим — иноверцам,
но к истинным сынам Его,
не к сторонним,
но к наследникам Царства Небесного.

Так, о Законе Моисеем переданном,
и о Благодати и Истине, Христом явленных,
повесть эта.
И о том, что смог дать Закон,
и что — Благодать.
Прежде Закон,
и потом — Благодать.
Прежде подобие,
и потом — Истина.
Образ[9] же Закона и Благодати — Агарь и Сарра:
рабыня Агарь
и свободная Сарра:
рабыня прежде,
и потом — свободная,
да уразумеет это читающий.
Так, Авраам еще с юности своей
Сарру имел женой —

свободную,
а не рабу.

И Бог еще до начала века[10]
волю изъявил и помыслил Сына Своего в мир послать,
и Тем Благодати явиться.
Сарра же не рожала,
поскольку была неплодной.
Не вовсе была неплодной, но
обречена была Божиим промыслом
в старости родить.
Безвестное же и тайное премудрости Божией сокрыто было,
ангелам и людям никак не явлено,
но утаенное,
в конце века[10] явиться должно.
Сарра же сказала Аврааму:
«Вот обрек меня Господь Бог не рожать, так войди к рабыне моей Агари и родишь от нее».
Благодать же сказала Богу:
«Если не время сойти мне на землю
и спасти мир,
сойди Ты на гору Синай
и Закон положи».
Послушался Авраам речей Сарриных
и вошел к рабе ее Агари.
Прислушался и Бог к словам Благодати
и сошел на Синай.
Родила же Агарь рабыня
от Авраама,
раба — сына рабыни.
И нарек Авраам имя ему Измаил.
Снес же и Моисей с Синайской горы Закон,
а не Благодать,
тень, а не истину.
После же, когда уже старыми стали Авраам и Сарра,
явился Бог Аврааму,
сидящему перед дверьми кущи[11] своей в полдень,
у дуба Мамврийского.
Авраам же пошел навстречу Ему,
поклонился Ему до земли
и принял Его в кущу свою.

Когда же век этот к концу приближался,
посетил Господь род человеческий,
и сошел с небес,
в утробу Девы войдя.
И приняла же Его Дева с поклонением в кущу плода своего
безболезненно,
и сказала ангелу: «Се раба Господня; да будет мне
по слову Твоему!»

Тогда же разомкнул Бог ложесна Саррины
и, зачав, родила Исаака: свободная — свободного.
И когда посетил Бог человеческое естество,
явилось уже безвестное и утаенное.
И родилась Благодать.
Истина, а не Закон.
Сын, а не раб.
И как вскормлен был грудью младенец Исаак
и окреп,
устроил Авраам угощение великое
по случаю отлучения от груди Исаака, сына его.
Когда пребывал Христос на земле, и еще
не успела Благодать окрепнуть,
но младенчествовала
еще более тридцати лет[12],
в течение них и Христос таился.
Когда же вскормлена была и окрепла,
и явилась Благодать Божия всем людям на Иорданской реке[13],
сотворил Бог угощение и пир великий с Тельцом,
вскормленным от века —
возлюбленным Сыном своим Иисусом Христом,
созвав на всеобщее веселие небесных и земных,
собрав воедино ангелов и людей.
После же, увидела Сарра Измаила, сына Агари,
играющего с сыном своим Исааком,
и как обижен был Исаак Измаилом,
сказала Аврааму:
«Прогони рабыню с сыном ее,
ибо не может наследовать сын рабыни (прежде) сына
свободной».

По вознесении же Господа Иисуса
ученики Его и иные,
уверовавшие уже во Христа,
пребывали в Иерусалиме,
и все смешаны были,
иудеи и христиане[14],
и крещение благодатное обижаемо было обрезанием
законным.
И не принимали в Иерусалиме христианские церкви
епископа из необрезанных,
поскольку старейшими были выходцы из обрезанных[15]:
насилие творили над христианами —
сыны рабыни над сынами свободной.
И бывали между ними распри разные и ссоры.
Увидела же свободная Благодать детей своих христиан,
притесняемых иудеями,
сыновьями рабского Закона,
взмолилась к Богу:
«Прогони иудейство с Законом,
расточи по странам:
ибо какая связь тени с истиной,
иудейства с христианством?»

И изгнана была Агарь рабыня с сыном ее Измаилом,
и Исаак — сын свободной — наследником был
отцу своему Аврааму.
И изгнаны были иудеи, и рассредоточены по странам,
и дети Благодати — христиане
наследниками были Богу и Отцу.
Отходит ибо свет луны, когда солнце воссияет;
так и Закон,
когда явилась
Благодать.
И холод ночной сгинул,
и солнечное тепло землю согрело.
И уже не теснится в Законе человечество,
но в Благодати свободно ходит.
Иудеи ибо при свече Закона делали свое утверждение,
христиане же при солнце Благодати спасение созидают.

Так иудейство тенью и Законом утверждалось,
а не спасалось,

христиане же истиною и Благодатью не утверждаются, но спасаются.

У иудеев ибо самоутверждение, у христиан же — спасение.
Поскольку самоутверждение в этом мире наличествует,
а спасение — в будущем веке,
то иудеи о земном радеют,
христиане же — о сущем на небесах.

И, потому самоутверждение иудейское ограничено было
по ревности,
ибо не распространилось в другие народы,
но только в Иудеи одной пребывало.
Христианское же спасение благо и щедро
простирается во все края земные.
Сбылось благословение [Манассиино — на иудеях,
Ефремово же — на христианах]:
Манассиино ибо старшинство левой рукой Иакова
благословлено было,
Ефремово же младшенство — десницею.
Хоть и старше Манассия Ефрема,
но благословлением Иаковлевым
меньшим стал.
Так и иудейство: хоть и раньше было,
но посредством Благодати христианство возвысилось над ним,
Сказал ведь Иосиф Иакову: «На этого, отче, возложи
десницу,
поскольку он старший.»
Отвечал Иаков:
«Знаю чадо, знаю.
И от него произойдет народ и возвеличится,
но брат его меньший больше его станет,
и племя его будет во многих народах».
Так и случилось.
Закон ведь раньше был
и превознесен был немногими и отошел.
Вера же христианская,
после явившаяся,
больше первого стала,
и расплодилась среди многих народов.

И Христова Благодать всю землю объяла
и, как воды морские, покрыла ее.
И все, ветхое[16] отвергнув,
обветшавшее в ревности иудейской,
нового держатся
по пророчеству Исаии.

«Ветхое минует,
и новое вам возвещаю:
пойте Богу песнь новую!
И прославляемо имя его во всех концах земли:
и выходящими в море, и плавающими по нему,
и на всех островах».
И еще:
«Служащие Мне, нарекутся именем новым,
кое благословится на земле,
ибо благословят они Бога истинного».
Прежде ведь в одном Иерусалиме покланялись Богу,
ныне же — по всей земле.
Как сказал Гедеон[17] Богу:
«Если рукой моей спасешь Израиль,
да будет роса только на руне,
по всей же земле — сушь».
И было так.
Ибо по всей земле сушь была раньше —
идольским обманом народы одержимы были,
и росы благодатной не принимали.
Ведь только в Иудее был знаем Бог,
и во Израиле — великое имя его,
и в Иерусалиме едином славим был Бог.
Еще же сказал
Гедеон Богу:
«Да будет сушь на руне только,
по всей же земле — роса».
И было так.

Ибо иудейство иссякло, и Закон отошел.
Жертвы не приняты,
киот[18] и скрижали
и жертвенник отторжены были.

По всей же земле — роса:
по всей земле вера распространилась,
дождь благодатный оросил
купель нового рождения,
чтобы сынов своих в нетление облачить.

Как и самарянке говорил Спаситель:
«Ибо грядет время — и ныне уже настало, —
когда не на горе этой,
не в Иерусалиме, поклонятся Отцу,
но будут истинно преклоненные,
которые поклонятся Отцу в Духе и Истине,
ибо Отец ищет таких, поклоняющихся Ему,
то есть с Сыном и Святым Духом.
Так оно и есть: по всей земле уже славится Святая Троица
и поклонение приемлет от всего живого.
Малые и великие[19] славят Бога по пророчеству:
«И наставит каждый ближнего своего
и брат брата своего,
говоря: «Познай Господа»,
чтобы узнали Меня от мала до велика».
И как Спаситель Христос Отцу говорил:
«Исповедаюсь тебе, Отче, Господь небес и земли,
что утаил сие
от премудрых и разумных,
и открыл младенцам.
Ей, Отче,
ибо таково было благоволение Твое».
И настолько помиловал преблагой Бог человеческий род,
что и люди во плоти
крещением
и благими делами
сынами Божиими и причастниками Христовыми
становятся.
«Ибо тем, — говорит Евангелист, — которые приняли Его,
дал власть чадами Божиими быть,
верующим во имя Его,
которые не от крови,
не от похоти плотской,
не от вожделения мужского,

но от Бога родились
Святым Духом в святой купели».
Все же это
Бог наш на небесах и на земле,
как восхотел, так и сотворил.
Потому же, кто не прославит,
кто не восхвалит,
кто не поклонится величеству славы Его,
и кто не подивится безмерному человеколюбию Его!
Пред веком Отцом рожденный,
Един и сопрестолен Отцу,
единосущен,
как солнцу свет, сошел на землю,
посетил народ свой.
Не отлучившись от Отца,
воплотился от Девы чистой, не знавшей мужа и непорочной;
вошел, как Сам только ведает,
и, плоть приняв, вышел, как и вошел.
Один из Троицы сущий
в двух естествах: Божество и человек.

В полной мере человек — по вочеловечению,
а не видение,
но и в полной мере Бог — по Божеству,
а не простой человек,
явивший на земле Божественное и человеческое[20].

Ибо как человек утробу материнскую растягивал,
и как Бог изошел из нее, девства не повредив.
Как человек материнское молоко принимал,
и как Бог приставил ангелов с пастухами петь:
«Слава в вышних Богу!»
Как человек повит был пеленами,
и как Бог волхвов звездою путеводил.
Как человек возлежал в яслях,
и как Бог от волхвов дары и поклонение принял.
Как человек бежал в Египет,
и как Богу рукотворные египетские божества поклонились.
Как человек пришел креститься,
и как Бога устрашившись, Иордань обратился вспять.
Как человек, обнажившись, вошел в воду,

и как Бог от Отца послушество принял:
«Сей есть Сын Мой возлюбленный».
Как человек постился сорок дней и взалкал,
и как Бог победил искусителя.

Как человек шел на брачный пир в Кану Галилейскую,
и как Бог воду в вино претворил.
Как человек в корабле спал,
и как Бог укротил ветер и море,
и они послушались Его.
Как человек по Лазарю плакал,
и как Бог воскресил его из мертвых[21].
Как человек на осла воссел,
и как Богу возглашали Ему:
«Благословен Грядущий во имя Господне».
Как человек распят был,
и как Бог Своею властью
сораспятого с Ним впустил в рай.
Как человек, уксуса вкусив, испустил дух,
и как Бог солнце помрачил и землю потряс.

Как человек во гроб положен был,
и как Бог ад разрушил и души освободил.
Как человека запечатали Его во гробе,
и как Бог изошел, печати целыми сохранив.
Как человека тщились иудеи утаить Воскресение Его,
подкупая стражей,
и как Бога уведали Его,
и познан был во всех концах земли.
Воистину, кто Бог великий, как Бог наш!
Он есть Бог, творящий чудеса, содеявший спасение
посреди земли
крестом и мукою,
на месте Лобном[22],
вкусив укуса и желчи,
дабы сладостного вкушения Адамова от древа[23],
преступление и грех
вкушением горечи отогнать.
Сие же сотворившие Ему, преткнулись о Него,
как о камень и сокрушились,
как и говорил Господь:

«Споткнувшийся о камень им сокрушится,
а на него же упадет — сокрушит его».
Ибо пришел к ним во исполнение пророчеств,
прореченных о Нем,
как и говорил:
«Я не послан
только к погибшим овцам дома Израилева».
И еще: «Не пришел разорить Закон, но исполнить».
И хананеянке, иноплеменнице,
просившей исцеления дочери своей,
говорил: «Нехорошо отнять хлеб у детей
и бросить псам».
Они же назвали
Его лжецом [и от блуда рожденным]
и с помощью вельзевула[24] бесов изгоняющим.
Христос слепых их сделал зрячими,
прокаженных очистил,
согбенных выпрямил,
бесноватых исцелил,
расслабленных укрепил,
мертвых воскресил.
Они же, как злодея, мучили Его, ко кресту пригвоздив.
Потому
и пришел на них гнев Божий, конечный,
поскольку сами поспешествовали[25] своей погибели.
Рассказав притчу о виноградаре и о работниках
Спаситель спросил:
«Что следует сделать хозяину с теми работниками?»
Отвечали: «Злодеев жестоко покарать
и виноградник передать другим работникам,
которые отдадут ему плоды в свое время».

И сами своей погибели пророками были.
Ибо пришел Он на землю посетить их,
и не приняли Его.
Поскольку дела их темны были —
не возлюбили света:
да не выявятся дела их, ибо они темны.
Потому-то Иисус, подойдя к Иерусалиму
и увидев город,
прослезился, говоря о нем:

«Если бы понял ты в день твой сей
что будет миру твоему!
Ныне же сокрыто от очей твоих,
как сочтутся дни твои.
И обложат враги твою крепость кругом
и обойдут тебя, и окружат тебя отовсюду,
и разобьют тебя, и детей твоих в тебе,
поскольку не осознал времени посещения твоего». И другое.

«Иерусалим, Иерусалим,
избивающий пророков,
каменьем побивающий посланных к тебе!
Сколько раз хотел собрать Я детей твоих,
как собирает наседка птенцов под крылья свои.
И не захотели вы!
Вот оставляется дом ваш пуст».
Так и случилось.
Ибо пришли римляне,
пленили Иерусалим,
и разрушили до основания его[26].
Иудейство с тех пор погибло,
и Закон за ним, как вечерняя заря, погас.
И рассеяны были иудеи по странам —
дабы не в купе зло пребывало!

Пришел ведь Спаситель,
и не принят был Израилем,
по евангельскому слову:
«К своим пришел, и свои Его не приняли».
Народами же принят был.
Как говорит Иаков:
«Тот — чаяние народов».
Ибо и по рождении Его
прежде поклонились ему волхвы из языческих народов,
а иудеи убить его искали,
из-за Него же и младенцев избили[27].

И сбылось слово Спасителя,
«что многие от востока и запада придут
и возлягут с Авраамом и Исааком, и Иаковом[28] в Царстве Небесном,

а сыновья царства извержены будут во тьму кромешную».
И еще:
«Так отнимется у вас Царство Божие
и дано будет народам,
творящим плоды Его».
К ним же послал учеников своих, говоря:
«Идите по всему миру, проповедуйте
Евангелие всему живому.
Кто уверует и крестится — спасен будет!
Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына
и Святого Духа,
уча их соблюдать
все, что заповедал вам».

Ибо подобало Благодати и Истине в новых людях воссиять!
Не вливают, ведь, по слову Господню,
вина нового учения благодатного
в мехи старые,
обветшавшие в иудействе,
а иначе
просядутся мехи и вино прольется.
Не сумевшие Закона тень удержать,
но многажды идолам поклонявшиеся,
как истинной Благодати удержат учение?
Но новое учение — в новые мехи — новые народы.
И соблюдется то и другое.
Тако же и есть.
Ибо вера благодатная по всей земле простерлась
и до нашего народа русского дошла[29].
И Закона озеро пересохло,
евангельский же источник наводнился,
и всю землю покрыв,
и до нас разлился.
И вот уже и мы со всеми христианами
славим Святую Троицу,
а Иудея молчит.
Христа прославляем,
а иудеи проклинаемы.
Народы приведены к Господу,
а иудеи отринуты.

Как сказал Господь устами пророка Малахии:
«Нет у меня потребности в сынах израилевых,
и жертвы из рук их не приму, поскольку от востока и запада
Имя Мое славится в странах,
и в каждом месте фимиам Имени Моему приносится,
ибо Имя Мое велико между народами».
И Давид:
«Вся земля да поклонится Тебе
и поет Тебе».
И еще: «Господи, Господь наш!
Как чудно имя Твое по всей земле!»
И уже не идолослужителями зовемся[30],
но христианами,
не еще лишенными надежды,
но уповающими на жизнь вечную.

И уже не капища сатанинские воздвигаем,
но Христовы церкви созидаем.
Уже не закланяем друг друга бесам[31],
но Христос за нас закланяем бывает и дробим[32]
в жертву Богу и Отцу.

И уже не жертвенную кровь вкушая, погибаем,
но Христову пречистую кровь вкушая[32], спасаемся.
Все страны[33] Благой Бог наш помиловал
и нас не презрел, восхотел и спас нас,
и в разум истинный привел.
Ибо в пустой и пересохшей
земле нашей —
идольский зной иссушал ее —
внезапно потек источник Евангельский,
напояя всю землю нашу.
Как и говорил Исаия:
«Отверзутся воды ходящим по бездне[34],
и превратится пустыня в болота,
и в земле жаждущей
источник воды будет».
Когда мы были слепы и истинного света не видели,
но во лжи идольской блуждали,

к тому же и глухи были к спасительному учению,
помиловал нас Бог
и воссиял и в нас свет разума, чтобы познать Его,
по пророчеству:
«Тогда отверзутся очи слепых,
и уши глухих услышат».
И претыкались мы на путях погибели,
когда за бесами следовали,
и пути, ведущего к жизни вечной, не ведали,
к тому же и гугнивыми
языками нашими[35]
молили идолов,
а не Бога своего и Творца.
Посетило нас человеколюбие Божие,
и уже не последуем бесам,
но ясно славим Христа, Бога нашего,
по пророчеству:
«Тогда вскочит, как олень, хромой,
и ясной будет речь гугнивых»[35].
И прежде были мы подобны зверям и скоту,
не разумели где право и где лево[36],
и к земному прилежали,
и нимало о небесном не пеклись.
Послал Господь и к нам заповеди, ведущие в жизнь вечную,
по пророчеству Осии:
«И будет в день оный, как говорит Господь:
«Завещаю им завет с птицами небесными
и зверьми земными».
И скажу не народу Моему: «вы Мой народ».
И он скажет Мне: «Ты Господь Бог наш!»
И так, чужими будучи,
людьми Божиими мы нареклись;
и, врагами бывшие, сынами Его прозвались.
И не по-иудейски хулим,
но по-христиански благословим.
Не совет творим, как распять Его,
но как Распятому поклониться.
Не распинаем Спасителя,
но руки к Нему воздеваем.

Не прободаем ребер Его,
но от них пьем источник нетления.
Не три десятка серебреников взимаем за Него,
но друг друга и все богатство[37] наше Ему отдаем.
Не таим воскресение Его[38],
но во всех домах своих возглашаем:
«Христос воскресе из мертвых!»
Не говорим, что украден был[38],
но что вознесся туда, где же и был.
Не не веруем
но, как Петр, Ему говорим:
«Ты — Христос, Сын Бога Живого»,
и с Фомою:
«Ты есть Господь наш и Бог»,
и с разбойником:
«Помяни нас, Господи, во Царствии Своем».
И так веруя в Него,
и святых отцов семи Соборов предписаний держась[39],
молим Бога еще и еще
поспешествовать и направить нас на путь заповедей Его.
И сбылось на нас о народах (язычниках) сказанное:
«Обнажит Господь мышцу Свою святую
пред всеми народами,
и увидят все концы земли
спасение от Бога нашего».
И другое: «Живу Я, говорит Господь,
и предо Мною преклонится всякое колено,
и всякий язык[40] будет исповедовать Бога».
И Исаии:
«Всякий овраг наполнится,
и всякая гора и холм сравняются,
и будут кривизны прямыми,
и неровные пути гладкими.
И явится слава Господня,
и всякая плоть узрит спасение Бога нашего».
И Даниила:
«Все люди, племена и народы
Ему послужат».
И Давида:
«Да исповедуют Тебя, Боже,

да исповедуются Тебе люди все,
да возвеселятся и возрадуются народы».
И «все народы восплещите руками
и воскликните Богу гласом радости,
ибо Господь Всевышний страшен —
великий Царь над всею землею».
И вскоре:
«Пойте Богу нашему, пойте!
Пойте Царю нашему, пойте!
Ибо Царь всей земли — Бог.
Пойте разумно:
Воцарился Бог над народами»;
и «вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе,
да поет же имени Твоему, Всевышний!»
И: «Хвалите Господа все народы
и восхвалите все люди!»
И еще: «От Востока и до Запада
хвалимо имя Господне.
Высок над всеми народами Господь,
над небесами слава Его».
«По имени Твоему Боже
и слава Твоя во всех концах земли».
«Услышь нас, Боже, Спасителю наш,
упование всех концов земли
и находящихся в море далече».
И: «Да познаем на земле путь Твой,
и во всех народах спасение Твое».
И: «Цари земные
и все люди,
князья и все судьи земные,
юноши и девицы, старцы и отроки да восхвалят
Имя Господне».
И Исаии:
«Послушайте Меня, люди Мои, — говорит Господь, —
и цари Мне внемлите,
ибо Закон от Меня изыдет,
и суд Мой — свет народам.
Приблизится скоро правда Моя
и снизойдет, как свет, спасение Мое.
Меня острова ждут
и на мышцу Мою страны уповают.»

Хвалит же хвалебными гласами
Римская земля Петра и Павла,
от них же уверовала в Иисуса Христа, Сына Божия;
Азия и Эфес[41] и Патмос —
Иоанна Богослова[41];
Индия — Фому;
Египет — Марка.
Все страны, и города, и люди
чтут и славят
каждый своего учителя,
который научил их православной вере.
Похвалим же и мы,
по силе нашей,
малыми похвалами,
великое и дивное сотворившего,
нашего учителя и наставника
великого государя земли нашей
Владимира[42],
внука старого Игоря[43],
сына же славного Святослава[44],
которые в годы своего владычества
мужеством и храбростью прослыли в странах многих,
и победы и могущество (их) вспоминаются ныне
и прославляются.
Не в худой, ведь, и неведомой земле владычествовали,
но в Русской,
которая известна и слышима
во всех четырех концах земли.

Сей славный от славных рожденный,
благородный — от благородных,
государь наш Владимир,
и возрос,
и окреп, и от детской младости
значительно возмужав,
крепостью и силой совершенствуясь,
мужеством же и разумом преуспевая —
единодержцем был земли своей,
покорив себе окрестные народы,

одних — миром,
а непокорных — мечом.
И когда он дни свои
проживал
и землю свою пас правдою,
мужеством и смыслом,
сошло на него посещение Вышнего,
призрело его Всемилостивое Око Благого Бога.
И воссиял разум в сердце его,
чтобы понять суету идольской лжи и взыскать единого Бога,
сотворившего все живое,
видимое и невидимое.
К тому же слышал он всегда
о благоверной земле греческой,
христолюбивой и сильной верою,
как там Бога единого в Троице
почитают и поклоняются Ему,
как происходят у них явления и чудеса, и знамения,
как церкви людьми наполнены,
как все города благоверные
в молитвах предстоят,
все Богу служат.
И слыша это, возжелал он сердцем,
возгорелся духом,
чтобы быть ему христианином и земле его христианской.
Так и произошло.
По изволению Божиему, человеческое естество
совлек тогда государь наш, и с ризами ветхого человека[45]
снял тленное,
отряхнул прах неверия,
и вошел в святую купель,
и возродился от Духа и воды,
во Христа крестившись, во Христа облачившись.
И вышел из купели очищенным,
став сыном нетления,
сыном воскресения,
имя приняв вечное, почитаемое в поколениях
и поколениях —
Василий[46].
Им же вписался в Книгу Жизни[47]

в Вышнем граде и нетленном Иерусалиме[48].
После совершенного
не оставил на том подвиг благоверия:
не тем только явил сущую в нем к Богу любовь,
но подвигнулся далее,
повелев по всей земле его креститься
во Имя Отца и Сына и Святого Духа,
и ясно, и громогласно во всех городах славить
Святую Троицу,
и всем быть христианами:
малым и великим,
рабам и свободным,
юным и старым,
боярам и простолюдинам,
богатым и бедным.

И не было ни одного, противящегося благочестивому
его повелению.
И если кто и не по любви,
то из страха к повелевшему крестились,
поскольку было благоверие его с властью сопряжено.
И в единое время
вся земля наша восславила Христа с Отцом и со Святым
Духом.

Тогда начал мрак идольский от нас отходить,
и заря благоверия явилась.
Тогда тьма бесослужения сгинула,
и слово евангельское землю нашу осветило.

Капища разрушались,
а церкви ставились.
Идолы сокрушались,
а иконы святых являлись.
Бесы бежали —
крест города освящал.

Пастыри словесных овец Христовых, епископы,
стали перед святым алтарем,
Жертву бескровную принося,

пресвитеры и диаконы,
и весь клир
украсили и в лепоту одели святые церкви.
Апостольская труба
и евангельский гром
все города огласили.
Фимиам Богу воскуриваемый,
воздух освятил.
Монастыри на горах стали,
черноризцы явились.
Мужи и жены,
малые и великие — все люди
заполнили святые церкви,
восславили Господа, воспевая:
«Един свят,
един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца! Аминь!»
Христос победил!
Христос одолел!
Христос воцарился!
Христос прославился!
Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои! Боже наш, слава Тебе!

Тебя же, как восхвалим, о честный
и славный среди земных владык,
премужественный Василий?!
Как подивимся доброте,
крепости и силе твоей ?!
Каково тебе благодарение воздадим за то,
что с тобою познали Господа
и лжи идольской избавились,
что твоим повелением
по всей земле твоей Христос славится?!
Или как тебя назовем, Христолюбче?!

Друг правды,
смысла вместилище,
милости гнездо!
Как уверовал?
Как разгорелся любовью к Христу?
Как вселился в тебя разум,

выше разума земных мудрецов,
чтобы Невидимого возлюбить
и к Небесному устремиться?

Как взыскал Христа?
Как предался Ему?
Поведай нам, рабам твоим,
поведай, учителю наш!
Откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа?
Откуда испил сладкую чашу памяти о будущей жизни?
Откуда вкусил и увидел, как Благ Господь?
Не видел ты Христа,
не ходил ты за Ним,
как учеником его сделался?
Иные,
и видев Его, не уверовали,
ты же, не видев, уверовал.
Поистине, сбылось на тебе благословение Господа Иисуса,
реченное Фоме:
«Блаженны невидевшие и уверовавшие».

Потому же с дерзновением и без сомнения взываем к тебе:
о блаженный!
Сам Спаситель нарек тебя
блаженным, ибо ты уверовал в Него
и не соблазнился о Нем,
по слову Его неложному:
«И блажен, кто не соблазнится о Мне».
Ибо знавшие Закон и пророков
распяли Его.
Ты же, ни Закона, ни пророков не читав,
распятому поклонился.

Как твое сердце раскрылось?
Как вошел в тебя страх Божий?
Как проникся любовью к нему?
Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою[49],
и нищетою своею и наготою, голодом и жаждою сердце твое
к смирению склонявшего.
Не видел, как бесы изгоняются именем Иисуса Христа,

болящие выздоравливают,
немые говорят,
огонь в холод превращается,
мертвые встают.
Того всего не видев,
как же уверовал?
Чудо дивное!
Другие цари и властелины,
видя все это, совершаемое
святыми мужами,
не веровали,
но более того — на муки и страдания предавали их.
Ты же, о блаженный, без всего этого
притек ко Христу,
только по благому размышлению и острым умом постигнув,
что есть Един Бог — Творец
невидимого и видимого,
небесного и земного,
и что послал Он в мир, спасенья его ради, возлюбленного
Сына Своего.
И о том помыслив, вошел ты в святую купель.
Что иным безумием кажется,
тобой как сила Божия осмыслилось.
К тому же,
кто поведает о многих твоих ночных милостях
и дневных щедротах,
которые убогим творил ты:
сиротам, боляцим,
должникам,
вдовам и всем, требующим сострадания?
Ибо слышал слово,
сказанное Даниилом Навуходоносору[50]:
«Совет мой да будет тебе угоден, царю Навуходоносор.
Грехи твои милостынями очисти,
и беззакония твои — щедротами нищим».
То слышав, ты, о досточтимый,
сказанное не оставил только слышанным,
но делом завершил:
просящим подавая,
нагих одевая,

жаждущих и алчущих насыщая,
болящим всякое утешение посылая,
должников выкупая,
рабам свободу даруя.
Твои, ведь, щедроты и милости
и ныне средь людей поминаются,
особенно же пред Богом и ангелами его.
Из-за нее же, доброприлюбной Богом милости,
многое дерзновение имеешь пред Ним
как истинный раб Христов.
Помогают мне слова,
сказанные:
«Милость превозносится над судом»
и «милость человека —
как печать у Него».
Вернее же, самого Господа слова:
«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».
Иное же ясное и верное свидетельство о тебе приведем
из Святого Писания, сказанное апостолом Иаковом,
что «обративший грешника
от ложного пути его,
спасет душу от смерти
и покроет множество грехов».
Да если одного человека обратившему
такое вознаграждение от Благого Бога,
то каково же спасение обрел ты, о, Василий?!
Какое бремя греховное рассыпал,
не одного обратив человека от заблуждения идольской лжи,
не десять,
не город,
но всю землю эту?
Показывает нам и убеждает сам Спаситель Христос,
какой славы и чести сподобил тебя на небесах,
говоря:
«Кто исповедует Меня пред людьми,
исповедую и Я пред Отцом Моим,
который на небесах».
Да если исповедание
Христово Богу Отцу
приемлет о себе исповедавший его только пред людьми,

сколь же ты похвален от Него можешь быть,
не только исповедовавший,
что Сын Божий есть Христос,
но исповедав,
и веру в Него утвердил
не в одном соборе, но по всей земле этой,
и церкви Христовы поставил,
и служителей Ему ввел?
Подобный Великому Константину[51],
равный умом,
и равно христолюбивый,
равно чтущий служителей Его!
Он со святыми отцами Никейского Собора закон
людям положил[51];
ты же,
с новыми нашими отцами, епископами,
собираясь часто,
с великим смирением совещался,
как в народе этом, новопознавшем Господа,
закон установить[52].
Он греческое и римское царство Богу покорил,
ты же — Русь.
Ибо уже и у них, и у нас Христос Царем зовется.

Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима принес[53],
по всему миру своему распространив,
веру утвердили.
Ты же с бабкой твоею Ольгою[53]
принес крест из Нового Иерусалима — Константина града,
по всей земле своей поставив, утвердили веру.
Ему, ведь, подобен ты,
с ним же единой славы и чести
подвижником сотворил тебя Господь на небесах[54] —
по благоверию твоему,
что имел в жизни своей.
Добрый наставник благоверию твоему, о блаженный —
Святая Церковь Пресвятой Богородицы Марии,
которую ты создал на правоверной основе,
где же и мужественное твое тело ныне лежит,
ожидая трубы архангельской[55].

Очень же хороший и верный свидетель — сын твой Георгий[56].
Его же сделал Господь наместником по тебе,
твоему владычеству:
не разрушающим твоих уставов,
но утверждающим;
не умаляющим приношений твоего благоверия,
но более того прилагающим;
не словами, но поступками,
что недокончено тобой, заканчивающим,
как Соломон по Давиду[57].
Он дом Божий, великий, святой Его Премудрости создал[58]
на святость и освящение града твоего,
его же всякой красотой украсил:
златом и серебром,
и каменьями драгоценными,
и сосудами дорогими.
Та же церковь удивительна, и славится во всех
окрестных странах,
поскольку другой такой же не отыщется во всем
полуночии земном[59]
от востока до запада.
И славный город твой Киев
величием, как венцом, окружил.
Вверил людей твоих и город
святой скорой на помощь христианам Всеславной
Святой Богородице.
Ей же и церковь на Великих вратах создал
во имя первого Господского праздника —
святого Благовещения[60].
Пусть же благая весть архангела, возвещенная Деве,
будет и городу этому.
Как ей благовещено:
«Радуйся, обрадованная! Господь с тобою!»,
так же и городу:
«Радуйся, благоверный город, Господь с тобою!»
Восстань, о досточтимая главо,
из гроба своего!
Восстань,
отряхни сон,
ибо ты не умер, но спишь

до всеобщего воскресения.
Восстань,
ты не умер,
ибо не должно тебе умереть,
веровавшему во Христа — Жизнь всему миру!
Отряхни сон,
возведи очи
и увидишь,
какой чести сподобил Господь тебя там, на небесах,
и на земле не оставил в забвении сыном твоим.
Восстань, взгляни на чадо свое, Георгия!
Взгляни на плод свой,
взгляни на милого своего!
Взгляни, его же Господь извел от плоти твоей,
взгляни на украшающего престол земли твоей —
и возрадуйся и возвеселись!
К тому же, взгляни и на благоверную сноху твою Ирину[61],
взгляни на внуков твоих и правнуков,
как живут,
как хранимы
Господом,
как благоверие держат
по завету твоему,
как в святые церкви часто ходят,
как славят Христа,
как поклоняются Имени Его.
Взгляни же и на город, величием сияющий.
Взгляни на церкви процветающие.
Взгляни на христианство возрастающее.
Взгляни на город иконами святых освящаемый
и блистающий,
и фимиамом благоухающий,
и хвалами, и молитвами, и песнопениями святыми
оглашаемый.

И все то увидев, возрадуйся и возвеселись,
и восхвали Бога Благого,
всего этого устроителя.
Видишь ты, если и не телом,
то духом, показывает тебе Господь все это.

О том же радуйся и веселись,
что ростки веры, тобою посеянной,
не иссушены были зноем неверия,
но с дождем Божией помощи
взращены обильные плоды.

Радуйся, во владыках апостол,
не мертвых телами воскресивший,
но нас, душою мертвых, умерших от недуга идолослужения,
воскресивший.
Благодаря тебе, ведь, приблизились к Богу
и жизнь вечную —Христа—познали.
Скорчены были от бесовской лжи,
и благодаря тебе выпрямились,
и на путь вечной жизни вступили.
Слепы были от бесовской лжи,
и благодаря тебе просветились
сердечными очами.
Ослеплены были неведением,
и благодаря тебе прозрели
для света Трисолнечного Божества.
Немы были,
и благодаря тебе заговорили,
и ныне уже, малые и великие,
славим Единосущную Троицу.
Радуйся, учитель наш и наставник благоверия!
Ты правдой был облечен,
крепостью препоясан,
истиною обут,
смыслом увенчан,
и милостыней, как гривной и украшением золотым, украшен.

Ты был, о честная главо,
нагим одеяние;
ты был алчущим кормитель;
ты был жаждущим обитель прохлады;
ты был вдовам помощник;
ты был странникам пристанище;
ты был бездомным покров;
ты был обиженным заступник,
убогим обогащение.

За эти и иные благие дела
воздаяние приемлешь на небесах —
блага, которые приуготовил Бог вам, любящим Его.
И сладостным лицезрением Его насыщаясь,
помолись о земле своей,
и о людях, над которыми благоверно владычествовал,
да сохранит их Господь в мире
и благоверии, принесенном тобою!
И да славится в нем правоверие,
и да проклянется всяческое еретичество!
И да убережет их Господь Бог от всякой рати и пленения,
от голода
и всякой скорби и печали.
Особенно же помолись о сыне твоем,
благоверном государе нашем Георгии,
чтобы ему в мире и в здравии
пучину жизни переплыть,
и в пристанище небесного укрытия пристать,
невредимо корабль душевный и веру сохранив,
и с богатством добрых дел
без соблазна же Богом данным ему народом управлять,
и стать с тобою без стыда пред престолом Вседержителя Бога,
и за труд пастьбы народа своего,
принять от Него венец славы нетленной,
со всеми праведными, трудившимися ради Него.

МОЛИТВА

Всем бо, о Владыко, Царю и Боже наш,
высок Ты и славен!
Человеколюбче!
Воздай (нам) против трудов (наших)
славу же и честь,
и причастниками сотвори Своего Царства,
вспомяни, Благий, и нас — нищих Твоих,
ибо имя Тебе — Человеколюбец!

Хотя и достойных дел не имеем,
но по великой милости Твоей спаси нас,

ибо мы народ Твой,
и овцы пажити Твоей,
и стадо, которое недавно начал пасти,
избавив от пагубы идолослужения.
Пастырю добрый,
положивший душу за овец,
не оставь нас, хотя и еще блуждаем;
не отвергни нас,
хотя еще и согрешаем пред Тобою,
подобно новокупленным рабам,
ни в чем не угождающим господину своему.
Не возгнушайся, хоть и малое мы стадо,
но скажи нам: «Не бойся, малое стадо,
ибо благоизволил Отец ваш Небесный
дать вам Царство».
Богатый милостью и благий щедротами,
обещавший принимать кающихся
и ожидающий обращения грешных,
не помяни многочисленных грехов наших,
прими нас, обращающихся к Тебе!
Сотри рукописание прегрешений наших,
укроти гнев, которым разгневали Тебя,
Человеколюбче!
Ибо Ты есть Господь, Владыка и Творец,
и в Твоей власти —
или жить нам, или умереть.
Утиши гнев, Милостивый,
хотя его мы достойны по делам нашим.
Отведи искушение,
ибо «пыль мы и прах»,
и не вступи в суд с рабами Своими!
Мы — народ Твой,
Тебя ищем,
к Тебе припадаем,
Тебе молимся.
Согрешили и злое сотворили —
не соблюли, не совершили, как заповедал нам.
Земными будучи к земному приклонились
и недоброе содеяли пред лицом славы Твоей:
желаниям плотским предались и,

порабощенные грехом
и печалью житейскими,
были беглецами от своего Владыки,
убоги добрыми делами,
окаянные от злого жития.
Каемся,
просим,
молим.
Каемся в злых своих делах.
Просим — да пошлешь страх Твой в сердца наши.
Молим —
на Страшном Суде помиловать нас.
Спаси,
яви щедрость,
призри,
посети,
умилосердись,
помилуй!
Ибо Твои мы,
Твое создание,
Твоих рук
дело.
Ведь если беззаконие усмотришь, Господи —
Господи, кто устоит?!
Если воздашь каждому по делам, то кто спасется?
Ибо от Тебя очищение!
Ибо от Тебя милость
и многое избавление!
И души наши в руках Твоих,
и дыхание наше в воле Твоей!

Покуда же благое призрение Твое на нас —
благоденствуем.
Если же с яростью взглянешь —
исчезнем, как утренняя роса,
ибо не устоит пыль против бури,
и мы против гнева Твоего.
Но как творение Твое у Сотворившего нас
милости просим:
помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей!

Все ведь благое — от Тебя на нас;
все же неправедное — от нас к Тебе.
Ибо все уклонились,
все вместе недостойными стали,
нет у нас ни единого
о небесном пекущегося и подвижничестве,
но все о земном,
все о печалях житейских.
Как оскудела праведными земля!
Не Ты оставляешь и презираешь нас,
но мы Тебя не взыскуем,
к видимому сему[62] прилежим.
Потому-то боимся, что сотворишь с нами, что и
с Иерусалимом,
оставившим Тебя и не ходившим путями Твоими.
Но не сотвори нам,
как им,
по делам нашим;
и по грехам нашим не воздай нам!
Но, терпя нас,
и еще долго потерпи.
Угаси гневный пламень Твой,
простирающийся на нас, рабов Твоих.
Сам направляй нас к истине Твоей,
научая нас творить волю Твою,
ибо Ты есть Бог наш,
и мы народ Твой,
Твоя часть,
Твое достояние.
Не воздеваем ведь рук наших к богу чужому,
не последуем никакому лжепророку,
ни учения еретического не держимся,
но Тебя, истинного Бога, призываем,
и к Тебе, живущему на небесах, очи наши возводим,
к Тебе руки наши воздеваем,
молимся Тебе.

Отпусти нам грехи наши, яко Благ и Человеколюбец,
помилуй нас, призывающий грешников к покаянию,
и на Страшном Суде Твоем

стояния одесную[63] не лиши нас,
но к благословению праведных сопричти нас.

И доколе стоит мир,
не наводи на нас напасти искушения,
не предай нас в руки врагов.
Да не назовется город Твой градом плененным,
и стадо Твое —
пришельцами в земле не своей[64],
да не скажут народы: «Где есть Бог их?»

Не напусти на нас
скорби и голода
и неожиданных смертей,
огня
и потопа.
Дабы не отпали от веры нетвердые верою —
мало накажи,
но много помилуй;
мало уязви,
но милостиво исцели;
ненадолго опечаль,
и вскоре обрадуй,
ибо не выдерживает наше естество долго сносить гнев Твой,
как солома — огня.

Но укроти гнев, умилосердись,
ибо Твое есть — помиловать и спасти, потому продолжи
милость Твою
на людях Твоих:
ратных прогнав, мир утверди;
народы укроти,
голод смени изобилием.
Владыками нашими устраши страны,
бояр умудри;
города рассели;
Церковь Твою взрасти[65],
достояние Свое соблюди;
мужей, жен и младенцев спаси;
пребывающих в рабстве,

в пленении,
в заточении,
в пути,
в плавании,
в темницах,
в голоде и жажде,
и наготе —
всех помилуй,
всех утешь,
всех возрадуй —
радость творя им
и телесную, и душевную.
Молитвами и молением Пречистой Твоей Матери
и святых Небесных Сил,
и Предтечи Твоего,
и Крестителя Иоанна,
апостолов,
пророков,
мучеников,
преподобных
и всех святых молитвами
умилосердись к нам и помилуй нас!
Да милостью Твоею пасомые в единой вере
вместе
всесело и радостно
славим Тебя, Господа нашего Иисуса Христа,
со Отцом, с Пресвятым Духом —
Троицу нераздельную,
единобожественную,
царствующую на небесах и на земле,
над ангелами и людьми,
видимым и невидимым творением,
ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

ПРИМЕЧАНИЯ

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона считается первым дошедшим до нас произведением оригинальной древнерусской литературы. Оно было написано между 1037 и 1051 гг. По мнению современного исследователя «Слова» А.Н.Ужанкова, можно установить более точную дату его прочтения в церкви Благовещения на Золотых воротах — вечером 25 марта 1038 г. на праздник Благовещения в канун Пасхи.

Иларион был пресвитером (священником) церкви святых Апостолов в княжеском селе Берестове невдалеке от Киева, а затем по инициативе Ярослава Мудрого был возведен в сан митрополита Киевского, став таким образом первым русским митрополитом (до этого все митрополиты присылались на Русь из Византии).

«Слово» представляет собой торжественную проповедь, основные идеи которой — превосходство христианства (Благодати) над иудаизмом (Законом) и язычеством, восхваление христианской Руси, ставшей вровень со всеми христианскими странами, и ее крестителя — князя Владимира. К «Слову» тесно примыкает Молитва, написанная Иларионом от лица всего новообращенного русского народа.

«Слово» — выдающееся произведение, глубина его мысли, его пафос рассчитаны на образованного читателя и слушателя, принявшего в свое сердце вместе с "Благодатью" новой веры и «сладость книжную» — все богатство христианской литературы.

«Слово о Законе и Благодати» в переводе А.Н.Ужанкова воспроизведено по изданию: Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М., 1999. С.63—135. Примечания (в сокращении) — с.145—152.

1. В заглавии «Слова» использован перефраз заключительных слов евангельского чтения на первый день Пасхи: «ибо закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» <Ин.1:17> «Закон» у Илариона — это закон, данный Богом на горе Синай израильскому народу через пророка Моисея, содержащий основы иудаизма (См. Пятикнижие Моисея), и символизирующий Ветхий завет. «Благодать и Истина» воплощены, по Иларию, в Христе; символизируют также христианство, Новый завет.

2. *Каган* — титул главы Хазарского каганата, совмещавшего в государстве две власти — сакральную (религиозную) и светскую. Этим титулом после победы Святослава Игоревича над Хазарией (965 г.) стали именоваться русские князья — Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и др. Далее переводится как «государь».

3. Имеется в виду язычество.

4. *Скрижали* — каменные плиты с Синайской горы, на которых были записаны заповеди — Закон, полученный от Бога Яхве Моисеем.

5. В этом заключении Илариона отразилась его полемика с последователями раннехристианского учения Мани (III в. н.э.), отрицавшими воплощение Христа на земле во плоти, в человеке, и признававшими его явление в видении, призраком.

6. Сошествие Иисуса Христа в ад подробно описано в ранней апокрифической («тайной») литературе, не признаваемой официальной церковью и потому позднее запрещенной.

7. Подразумевается переходный период от политеизма (многобожия) к монотеизму. Этот путь прошли иудеи (первоначально Яхве был только главным Богом) и восточные славяне, у которых главным языческим божеством был Перун.

8.-8. «Будущий век», «жизнь нетленная» — это вечная жизнь праведников на небесах после вторичного пришествия Христа и Страшного Суда.

9. Слово «Образ» в данном случае обозначает символ-прообраз грядущих событий.

10.-10. *«Начало века»* — имеется в виду начало новой эры человечества, исчисляемой от Рождества Христова. Соответственно, *«в конце века»* — имеется в виду ветхозаветная история.

11. *«Кущца»* — кров, хижина, шатер.

12. В Евангелии от Луки <Лк.3:23> сообщается, что Иисус Христос начал свою проповедническую деятельность в 30-летнем возрасте.

13. Имеется в виду крещение Иисуса Христа в Иордане.

14. Под *«иудеями»* здесь подразумеваются приверженцы иудаизма (Закона); под *«христианами»* — уверовавшие во Христа.

15. Как сообщает историк Евсевий (263—340), до падения Иудеи все 15 иерусалимских епископов были «из обрезанных».

16. Слово *«ветхое»* имеет несколько смыслов: и «старое, древ-

нее», и «устаревшее, обветшавшее», и можно понять его как «ветхозаветное».

17. *Гедеон* — один из израильских судей, потомок Манассии, известный своими победами над мадианитянами и амаликитянами, подвергавшими Израиль набегам в период его распада на 12 колен (республик).

18. *Киот* — ларец для предметов религиозного поклонения.

19. Здесь имеется в виду не только возраст людей — от мала до велика, но и их происхождение, т.е. от неизвестных до знатных.

20. Дальше следуют 17 примеров проявления Божественного и человеческого у Христа, основанных на евангельских рассказах.

21. *Лазарь* — брат Марфы и Марии, был воскрешен Христом на четвертый день его погребения.

22. Согласно Евангелиям, Иисус Христос был распят на месте захоронения черепа (по-древнерусски «лба» — отсюда — Лобное место) Адама на горе Голгофе.

23. Имеется в виду грехопадение Адама, вкусившего (с Евой) сладкий запретный плод с древа познания, за что они и были изгнаны из Рая. Своими мучениями («страстями») Иисус Христос искупил все грехи человеческие, в том числе и прародителей.

24. *Вельзевул* — князь бесов. См. Евангелие от Матфея <12:24>: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою Вельзевула, князя бесовского».

25. *«Поспешествовать»* — способствовать, помогать.

26. Иерусалим был окончательно разрушен римлянами в 132—135 гг. при подавлении еврейского восстания, после чего иудеи были изгнаны из страны.

27. Младенцы в возрасте до двух лет были избиты по приказу царя Ирода, узнавшего о рождении Христа <См.: Мф.2:16-18>.

28. *Авраам, Исаак, Иаков* — ветхозаветные патриархи, жившие после всемирного потопа, хранители религиозно-нравственных устоев иудеев до принятия Закона.

29. В качестве государственной религии Древней Руси христианство было принято князем Владимиром Святославичем в 988 г. Однако задолго до этого на Руси уже были христиане.

30. Имеются в виду язычники, поклоняющиеся деревянным идолам — Перуну, Велесу, Хорсу и т.д.

31. Т.е. не приносят человеческие жертвы.

32.-32. Иисус Христос был принесен в жертву Отцом Вседержителем для искупления человеческих грехов. В христианском обряде Причащения таин Христовых во время Литургии сперва дробят просфору — тело Христово, а затем, после Евхаристии, вкушают ее вместе с красным церковным вином — кровью Христовой. Бескровная жертва христиан противопоставляется языческому и иудейскому жертвоприношению.

33. В слове *«страны»* подразумеваются и страны, и народы, в них живущие.

34. *«Бездна»* — многозначное слово, это и «бездонная пропасть», и «ад», и «безводная земля», «пустыня». Далее речь идет как раз о пустыне.

35.-35. Ср. библейское «язык гугнивых». По-древнерусски, «гугнити» означало «бормотать, говорить непонятно», а также «общаться с бесами».

36. «Правый», т.е. правильный (отсюда — «правоверный»), путь и «левый» — ложный путь.

37. У Илариона — «и весь живот наш тому предаем». Слово «живот» могло означать «жизнь» и «нажитое, богатство», т.е. все, что имеем.

38.-38. В Евангелии от Матфея говорится, что первосвященники и фарисеи предложили Пилату скрыть воскрешение Христа, а народу сообщить, будто тело его было выкрадено учениками, объявившими о его воскресении из мертвых <Мф. 27:63—64>.

39. С 325 по 787 гг. состоялось семь Вселенских Соборов единой христианской церкви, на которых были приняты основные догматы христианства. Впоследствии их участники были канонизированы.

40. Имеется в виду «род» и «народ».

41.-41. *Эфес* — столица «Проконсульской Асии» — римской провинции в Малой Азии. *Патмос* (Пафм) — остров в Эгейском море, на который был сослан апостол и евангелист Иоанн Богослов.

42. *Владимир Святославич* — великий князь киевский (с 980 по 1015 г.), принявший христианство и крестивший в 988 г. Русь.

43. *Игорь* — дед Владимира, убит древлянами в 945 г.

44. *Святослав Игоревич* — отец Владимира, умер в 972 г., победитель Хазарского каганата.

45. Здесь — с одеждами язычника.

46. *Василий* (греч. «царственный») — христианское имя Владимира, полученное им при крещении.

47. В *«Книгу жизни»*, согласно «Откровению» Иоанна Богослова (20:12, 15), будут внесены души праведных, которым уготовано Богом Царство Небесное.

48. Царство Небесное, где находится престол Господен.

49. Некоторые исследователи полагают, что здесь подразумевается апостол Андрей, посетивший, по преданию, Древнюю Русь. Скорее же всего, Иларион отрицает посещение каким бы то ни было апостолом Руси и в этом солидарен со статьей «Повести временных лет» под 983 г., свидетельствующей, что в Киеве «и телом апостоли не суть ... были».

50. *Навуходоносор* — вавилонский царь (с 604 по 561 г. до н.э.), дважды пленявший Иерусалим.

51-51. *Константин I Великий* (ок. 285—337) — римский император, принявший христианство, признав его государственной религией, основатель столицы Византии — Константинополя. Под его руководством в 325 г. проводился первый Вселенский Никейский собор, на котором был принят «Символ веры». Канонизирован христианской церковью.

52. Речь идет о создании русского законодательства, в котором принимал участие при Ярославе Мудром и сам Иларион.

53.-53. Заслуга отыскания главных христианских святынь —креста, на котором был распят Иисус Христос, его тернового венца и т.д. — принадлежит матери Константина — Елене. Древнерусская княгиня Ольга (в крещении — Елена!) сравнивается с императрицей по значению подвига: она крестилась сама в Константинополе в 955 г. и одной из первых принесла христианство на Русь.

54. Константин и Владимир были названы равноапостольными за свои заслуги в распространении христианства.

55. Десятинная церковь построена Владимиром Святославичем между 989 и 996 гг. на месте гибели христиан — варягов, отсюда «на правоверной основе», т.е. на «фундаменте» христианской церкви.

56. *Ярослав Мудрый* (умер в 1054 г.), христианское имя Георгий.

57. *Давид* (конец II — около 950 г. до н.э.) — второй царь израильский, овладевший Иерусалимом и перенесший в него главную святыню иудеев — Ковчег. Его сын Соломон (умер в 928 г. до н.э.) продолжил дело отца и построил Иерусалимский храм.

58. Софийский собор в Киеве — митрополия русской православной церкви; заложен Ярославом в 1017г. и завершен в 1037 г.

59. Северном, или полуночном, полушарии.

60. Надвратная Благовещенская церковь, венчавшая Золотые ворота в Киеве.

61. *Ирина* — жена Ярослава Мудрого, дочь шведского короля Олафа — Ингигерда.

62. Т.е. к видимому — земному, а не невидимому — небесному.

63. «*Одесную*» — по правую руку от Христа, где должны будут занять место праведники.

64. Имеются в виду евреи, разошедшиеся по чужим землям.

65. Слово «церковь» употреблено здесь в значении «собрание верующих во Христа, христианская церковь».

ЖИТИЕ ЕВСТАФИЯ ПЛАКИДЫ*

Месяца сентября, в 20-й день.
Описание жития и мук святого Евстафия и жены его Феопистии, и детей его Агапия и Феописта

Во дни Траянова[1] царства, одержимого идолопоклонством[2], был один стратилат[3] по имени Плакида, доброго и славного рода, к тому же очень богатый — более всех: золотом, и слугами, и всем прочим. Однако по вере Плакида был язычником. Несмотря на это он украшался праведными делами: питал алчущих, поил жаждущих, одевал нагих, помогал впадавшим в беду, освобождал из темниц[4], и вообще помогал всем людям. У него была жена той же веры, и она совершала такие же дела. У них родилось два сына, которых они научили тем же добрым делам. И так прославился муж сей добродетелью, и крепостью, и силой, что все варвары — поганые язычники боялись одного только его имени[5].

Был он человеком великой храбрости и искусным охотником-звероловом — целыми днями в веселии ловил[6] он зверей.

Человеколюбец же Бог, призывающий всегда и везде достойных Его, не оставил его во тьме идолопоклонства, но (как писано: всякий человек, боящийся Бога, во всяком народе принимаем Им в сердце Своем[7]) захотел его спасти следующим образом.

Когда однажды Плакида со своими слугами, как обычно, отправился на свою ловитву, перед ним явилось стадо оленей. И, распределив воинов, он начал преследовать его. И увидел Плакида оленя[8], самого большого и красивого во всем стаде. Отлучился тот олень от стада, отлучился и Плакида с немногими своими людьми и начал преследовать его. За время преследования все сильно устали, и Плакида один начал преследовать его. Отлучился он далеко от своей дружины. И долго же он его преследовал! Олень тот взошел на высокий камень[9] и стал на нем.

Подъехал близко стратилат (никого не было с ним из слуг), размышляя про себя, каким образом изловить бы оленя?

---

*© Перевод и примечания. О.В. Гладкова, 2000

Поскольку Бог содержит и устраивает всяческие пути для спасения всех людей, он и Плакиду уловил явлением своим — не как Корнилия Петром, но как Павла гонящего[10].

Пока Плакида долго стоял и дивился, показал ему Бог чудо таким образом — как у Валаама заговорил осел его по-человечески[11], так и здесь показал Бог — над рогами оленя образ Святого Креста, светящийся более солнца, посреди же рогов образ Святого Тела Христова. В оленя Бог вложил человеческий голос. И обратился к нему, говоря: «О, Плакида! что Меня гонишь?[12] Это ради тебя пришел Я на животном этом, чтобы явиться тебе. Я Иисус Христос, Его же ты, не ведая, почитаешь, поскольку твои добрые дела — ведь ты творишь милостыню нищим — предстали передо мной. Ради этого Я явился тебе в образе животного этого, — чтобы уловить тебя. Несправедливо, чтобы тот, кого Я принимаю в сердце Своем, увязнул в сетях не принимающего Меня»[13].

Слышав это и устрашившись, стратилат сошел с коня. Прошло какое-то время, и он захотел увидеть то, что действительно происходит, и сказал: «Кому принадлежит голос, который слышу? Явись мне, говори, и уверую в Тебя». Говорит же к нему Господь: «Ты должен постичь, Плакида, что Я Иисус Христос, сотворивший небо и землю из ничего. Я — сотворивший солнце для освещения дней, луну же и звезды — для освещения ночи, Я — создавший человека из земли, и ради человека Я явился во плоти. Распятие же претерпев и погребение, в третий день Я воскрес»[14].

Услышав это, Плакида упал на землю, говоря: «Верую в Тебя, Господи, потому что Ты есть творец всему и животворец мертвым»[15]. Говорит же к нему Господь так: «Если веруешь в Меня, иди в город, обратись к христианскому священнику и проси у него крещения». Говорит же Плакида: «Господи, велишь ли это рассказать жене моей и детям моим, чтобы и те уверовали?» Говорит же Господь: «Расскажи и креститесь и избавитесь от грехов ваших, и приходи сюда же, а Я тебе снова явлюсь и открою тайны спасения».

Вернулся Плакида, когда был уже вечер, стал рассказывать жене своей великие чудеса Христовы, которые видел. Когда же кончил говорить, воскликнула жена его: «О, господин мой, распятого ли Бога ты видел, его еще христиане почитают? Так

это Бог истинный, спасающий такими знамениями верующих в Него». И еще воскликнула: «Помилуй меня, Господи Иисусе Христе, и обоих моих младенцев». Говорит же мужу: «И я в минувшую ночь видела сказавшего мне во сне: «Утром ты и муж твой, и оба чада твоих придете ко Мне и постигните, что Я Иисус Христос. Поэтому пойди в эту ночь». Пойдем и окрестимся! И этим крещением своими Ему будем». И говорит ей Плакида: «Это же сказал и мне явившийся».

И когда наступила полночь, они взяли с собой обоих младенцев и несколько слуг и пришли к священнику. Оставив вне слуг, они возвестили священнику все увиденное ею, исповедались веровать в Господа нашего Иисуса Христа, просили, чтобы дал им знамение крещения Христова. Он же был рад и прославил Господа Иисуса Христа, хотящего всякого человека спасти и в разум истинный привести[16]. И, сделав это, сотворил над ними молитву и научил их вере, окрестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Плакиду нарек Евстафием, а жену его Татьяну нарек Феопистией. Сына же первенца нарек Агапием, а меньшого нарек Феопистом. И дал им от святого причастия Святого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. И отпустил их, говоря: «Пусть с вами будет Бог и Царство Свое даст вам. Потому что, постиг я, рука Господня над вами. Вы же, когда обретете райское блаженство, помяните душу мою, Иоаннову. О, прошу вас!»

Когда наступило утро, Евстафий взял с собой нескольких слуг и взошел на гору, близ того места, где видел видение. Отослал слуг, говоря: «Поищите охоты». Сам же, немного выждав, упал ниц, восклицая: «Молюсь Тебе, Господи Иисусе Христе, потому что я постиг, что Ты — Христос, Сын Бога Живого! И верую в Отца и Сына, и Святого Духа. И, ныне придя, молюсь Божеству Твоему — подай мне весть, о которой Ты говорил мне в прошлый раз». Говорит ему Господь: «Блажен, Евстафий! Ты принял баню благодати Моей[17]: ныне ты совлек с себя тленного человека и облачился в нетленного человека[18], ныне является дело твоей веры[19], поскольку оставил дьявола (а он ищет для тебя какие-то напасти). Если это вытерпишь, примешь венец победы. Потому что ты вознесся богатством в земной жизни, однако ты будешь унижен и при этом вознесешься богатством духовным, и не ищи возможности все

вернуть, вспоминая свое славное прошлое. И как угодил земному царю, так постарайся победить дьявола и хранить Мою веру. Потому что другой Иов[20] явится в напастях. Следи, чтобы не вошла в сердце твое хула. А когда будешь унижен, приду к тебе и верну тебе прошлую славу». И, сказав это, Господь взошел на небеса.

Говорил он также Евстафию: «Ныне ли ты хочешь, чтобы пришла напасть, или в последние дни?»

Отвечал Евстафий: «Молюсь Тебе, Господи, если никак не миновать сказанного, — ныне, повели, чтобы пришла напасть! Но дай, Господи, силу и сохрани нас от злого помышления, да не смутятся сердца наши!»[21] Говорит же к нему Господь: «Дерзай и крепись, Евстафий, благодать Моя с вами будет. Сойдя с горы, войди в дом и расскажи жене своей. Преклони же колени, молясь Богу, говоря: «Господи, да будет воля Твоя[22]».

Прошло немного дней, и вошел мор в его дом. Умерли все его рабы. По тому, что случилось, ощутил Евстафий предсказанную напасть. Принял ее с похвалою, утешая свою жену, говоря, чтобы она не убивалась. Вскоре такой же мор поразил и его скот: пали все кони и весь скот. Принял Евстафий и эту напасть с похвалою.

Тайно с женой и сыновьями ушел Евстафий на другое место. Увидев их уход, воры в ночи похитили их имущество: золото и серебро, и рабов, — все богатство.

В те дни царь устроил празднество по поводу победы над персами. Следовало находиться там и стратилату, поскольку он был самым уважаемым из всех собравшихся. Его искали и не нашли. И все сожалели о том, как быстро погибло его имущество и о том, что даже самого его уже нельзя найти. Царь и все печалились о нем.

Жена же Плакиды говорит ему: «Чего еще ждем, господин мой! Возьмем обоих наших детей и покинем эту землю, чтобы не позориться перед знающими нас». В ночи встали они, взяли обоих своих детей и пошли в Египет. Шли три дня и пришли на море, нашли корабль, стоящий у пристани и вошли в него. Владелец того корабля был свирепый варвар. Он тоже вошел на корабль, и они поплыли. Владелец-нуклир[23] увидел, что жена Евстафия красива лицом, и сильно

возжелал ее. И когда они приплыли на другой берег, варвар попросил у них плату, но у них не было ничего, чтобы можно было бы ему дать. Тогда удержал он в уплату жену Евстафия. Евстафий противился этому и молил варвара, но владелец-науклир созвал матросов, чтобы бросили их в море. Понял тогда Евстафий, что не по своей воле оставляет он жену свою. Взял своих двоих сыновей и пошел, плача и говоря: «Увы мне и вам, потому что мать ваша отдана чужеземцу». В слезах достиг он какой-то реки и увидел, что она многоводна. Побоялся он переносить сразу обоих сыновей и, взяв одного на плечо, переплыл реку, оставив другого на том берегу. Перенеся одного, положил его на землю и возвратился, намереваясь перенести другого. И когда был посреди реки, увидел, как лев, похитив его сына, бежит. Увидев это, с беспокойством возвратился он к другому, но увидел, что и другой похищен волком. И видя своих детей, похищаемых зверями, рвал на себе волосы и горько плакал, желая утопиться в реке. Но не дал ему Бог этого над собой сотворить, и он вышел из реки.

Лев же выше переплыл реку и направился в пустыню, неся мальчика по Божьей воле невредимым. Увидели пастухи, что лев несет живого мальчика, и погнались за ним. Испугался лев, без вреда опустил его на землю и ушел.

Другого мальчика, которого волк похитил и нес невредимым, увидели некие пахари. Они закричали на волка, и он, опустив мальчика на землю, побежал. Пахари и пастухи были из одного места. Они взяли мальчиков и воспитали их. Но всего этого Евстафий не знал, он шел, по пути плача и говоря:

Увы мне, некогда будто цветущему,
ныне же обнаженному!
Увы мне, некогда бывшему богатым,
ныне же будто плененному!
Увы мне — некогда тьма людей служила мне,
ныне же один я оставлен:
и чад моих нет.
Но не оставь меня,
Господи, Господи, до конца![24]
И моих слез Ты не можешь отвергнуть!
Помню, Господи, ты говорил:
«Примешь напасть, как Иов».
Но мне выпало более Иова!
Он если и имения был лишен,
но на своем пепелище сидел —

я же на чужой земле муки приемлю,
он приятеля имел, утешающего его —
мое же утешение детское[25] звери дикие в пустыне отняли;
он, если и ветвей лишен был, —
на корень женский глядя утешался.
Я же, окаянный, отовсюду искоренен,
и как тростник в пустыне бурею враждебною колеблюсь[26],
Но не отвергай меня, Господи Иисусе Христе, раба твоего
многоговорящего:
потому что по болезни сердца,
а не по воле разума сие говорю.
Положи, Господи, сохранение устам моим,
и двери огражденные на уста мои.
Да не уклонится сердце мое в словеса лукавые[27],
да не отвержен буду от Твоего лица![28]

И говоря это со вздохом и слезами, дошел он до некоего селения, называемого Вадисон. Придя туда, стал он работать за дневное пропитание. Прожив там много лет, умолил он сельского старосту, и его устроили охранять их поля. И так, получая плату свою, прожил он 15 лет. Сыновья его были воспитаны в другом месте, не зная о том, что они братья. Тот варвар-науклир, чужеземец, отвел жену Евстафия на свою землю. По Божьей воле умер тот чужеземец и не прикоснулся к ней. Освободившись, она так и продолжала там жить.

Напали чужеземцы на Рим и отняли многие земли. Много печалился о том царь и вспомнил Плакиду, потому что был он мужественным и храбрым. Вспомнив же, очень удивился тем изменениям, которые внезапно случились с Плакидой. Он собрал воинов, хотел воевать и продолжал думать о Плакиде, всех спрашивая, жив он или умер. И приказал всем искать его, если он жив. И послал искать его по всему царству, говоря: «Если кто найдет и расскажет мне, удостоится великой чести, и я прикажу прибавить ему жалованье».

Два неких воина (имена их Антиох и Акакий), которые служили всегда Плакиде, пошли его искать. Обошли все земли и пришли на то место, где жил ни о чем не ведающий Евстафий. Увидев его, они стали размышлять, как бы спросить его. Евстафий же издалека узнал их и вспомнил прежнюю свою жизнь. Начал он плакать и молиться, говоря: «Господи, Боже милостивый, избавляющий от всяких скорбей уповающих на Тебя, увидел я внезапно бывших со мною раньше; дай

мне сподобиться увидеть рабу Твою — жену мою! Бедные мои дети! Ибо я видел, как их звери съели за злые мои дела. Дай же мне, Господи Боже, истинный Христос, увидеть чад своих в день воскресения». Говоря это, он услышал глас с небес, говорящий ему: «Дерзай, Евстафий! Сейчас же вернется к тебе прежняя твоя честь, и жену свою примешь, и сыновей. И при воскресении больше узришь, и наслаждение вечными благами обретешь, и имя твое прославится из рода в род». Услышав это, устрашенный сидел Евстафий. Видев воинов, приближающихся к нему, он сошел с места, где сидел, и встал на их пути, прямо напротив. Приблизившись, они не узнали его и сказали: «Радуйся, друг!» А он им: «Мир вам будет, братья!» Говорили ему: «Скажи нам, знаешь ли ты здесь некоего чужестранца по имени Плакида? С женою и двумя детьми? Если покажешь нам, дадим тебе много золота». Он же говорит им: «Да зачем вы ищете его?» Они же говорили: «Друг он нам, мы много лет не видели его, затем и хотим его видеть». Говорит им Евстафий: «Не знаю здесь такого человека. Передохните немного в моей хижине — ведь и я странник». Евстафий отвел их в свою хижину и пошел купить вина, чтобы напоить их, поскольку был зной.

И сказал он хозяину того дома, где сам жил: «Эти люди — мои знакомые, потому они и пришли ко мне. Дай мне хлеба и вина, чтобы я мог им предложить, а я расплачусь своей работой». Хозяин дал ему, сколько тот хотел, и тогда они пили и ели. Угощая их, Евстафий не мог сдержаться, вспоминая прежнюю свою жизнь. На глаза его навернулись слезы. Плача, он вышел и умыл лицо. Вернувшись, он продолжал им прислуживать. Они же, глядя на на него, начали понемногу его узнавать. Один из них сказал себе: «Насколько же похож муж сей на того, кого мы ищем!» И сказал он своему другу: «Очень он на него похож. Но я видел, что на шее у Плакиды есть особый знак — шрам, полученный в битве, и если мы увидим такой шрам у этого человека, значит это тот, кого мы ищем». Стали они старательно смотреть и увидели такой знак на его шее, тотчас вскочили и бросились целовать его и расспрашивать со слезами, тот ли он, кто некогда был стратилатом Плакидой. Он же, прослезившись, говорил им: «Не я». Но они указали знак на шее его и стали кланяться: «Ты стратилат Пла-

кида». Спросили и о жене его, и о сыновьях, и многое вспомнили. И тогда признался стратилат, что это он, а о жене своей и о сыновьях сказал им, что они умерли. Пока они беседовали, стеклись туда все люди из селения, как на великое чудо. Воины же, успокоив шумящую толпу, начали рассказывать людям о жизни и делах, о храбрости и былом величии его. Услышав об этом, люди плакали, говоря: «О, какой великий муж был у нас наймитом!»

Тогда воины показали ему царскую грамоту и, облачив в богатые одежды, пошли. Все селение провожало его, он же, утешая, возвращал их обратно.

Когда они шли, он рассказал им, что видел Христа, что нареченное имя его во крещении — Евстафий, и поведал им все приключившееся с ним. Шли они 15 дней и пришли к царю. Вернувшись, они рассказали, как отыскали Плакиду. Вышел царь навстречу ему и целовал его. И, проливая многие слезы, спрашивал о причинах его ухода, он же по порядку рассказал царю и всем остальным и о жене своей, как ее в море оставил, и о сыновьях своих, как были съедены зверями. Была же великая радость об обретении его. Царь упросил его опоясаться мечом, и опоясался он, и стал, как и прежде, стратилатом.

Увидев, что недостаточно войска против варваров, повелел Евстафий собрать тиронов-новобранцев[29]. И написаны были царские грамоты во все города и селения Римских владений. Случилось, что и в то селение, где были воспитаны сыновья Евстафия, дошли царские письма. Жители этого селения обоих юношей, как иностранцев, отдали воинам. Были же они ростом и видом очень красивы. Когда все тироны-новобранцы были собраны и приведены к стратилату, он, посмотрев всех, распределил их по отрядам. Увидел и этих обоих юношей, красивых более всех, и определил их к себе на службу. Заметив, что они так красивы, повелел им всегда делить с ним трапезу.

Построив своих воинов, Евстафий пошел на войну. И страну, которую раньше отняли варвары, освободил. Побежденные же перешли реку, называемую Идасплия[30]. Наступающие вошли в верхнюю варварскую страну и ее победили, замышляя наступать и на следующую[31]. Ведомый Божьей волей, Евстафий пришел туда, где жена его была сохранена от

чужеземца. Когда он умер, она ушла, построила себе хижину и стала там стеречь у людей сады.

Пришел в это селение стратилат и завоевал его. И отдыхал в нем три дня. Случилось так, что его шатер был поставлен близ ее хижины — при саде, который охраняла жена его. Юноши же эти поселились в хижине той жены, не ведая, что она им мать. В полдень они сидели и разговаривали о младенчестве своем — но они мало что помнили. А их мать слушала разговор.

Старший брат сказал, что он ничего другого не помнит, разве следующее: что отец его был стратилат, мать очень красива; у них было два сына, «и другой — младше меня, с русыми волосами и очень красивый. И, взяв нас, вышли из дома ночью и вошли с нами в корабль. Не знаю, куда хотели идти, когда же вышли из корабля на землю, нашей матери уже не было с нами, и не знаю, как она осталась в море. Отец взял нас на плечи и шел в слезах. Пришли мы на какую-то реку, и он перенес меньшого брата, а меня оставил на этом берегу. Хотел он возвратиться, чтобы меня перенести, но пришел лев и, похитив меня, убежал. Овечьи пастухи отняли меня у льва и воспитали меня в том же селении, где и тебя. Больше этого не знаю».

Услышав эти слова, меньший брат вскочил и, плача, говорил: «Такова сила Христова! Брат ты мне! Понял я, что ты мне рассказал, — те, кто тебя воспитали, так же и мне рассказывали, что «у волка мы тебя отняли». И, обняв, целовал его.

Слышала это мать. И узнав о них из разговора, доведенного до корабля, и проникнувшись, жалела их очень, особенно видя их целующимися, и, плача, думала, не ее ли это сыновья, тем более, что она услышала, что отец их был стратилатом.

На следующий день пришла к стратилату эта женщина, говоря: «Прошу тебя, господин мой. Я римлянка, а здесь в плену. Доведи меня на свою землю. И, говоря это, жена увидела знак, бывший на ее муже, и узнала его, боясь спросить стратилата. Осмелев же, припала к ногам его, говоря: «Прошу тебя, господин мой, не гневайся на рабу твою, но послушай кротко и расскажи мне о своей прежней жизни. Потому что мне кажется, что ты стратилат Плакида, названный во крещении Евстафием, которому Христос явился в виде оленя, и он уверовал в Него. И подвергся напастям. И взял жену

свою, меня и обоих чад своих — Агапия и Феописта — и захотел идти в Египет. Когда же плыли на корабле, науклир-варвар взял меня и привел в свою землю. Свидетель же мне Христос, что ни он, ни кто другой — никто не осквернил меня до сегодняшнего дня! Если ты есть тот, кого я узнала по знаку, скажи мне! Такова сила Христова!»

Слыша это от нее, Евстафий так же узнал ее. Он радовался, сильно плакал и говорил: «Я тот, о котором ты рассказываешь!» И тотчас встал, и они поцеловались, славя Христа Господа, избавляющего рабов своих от многих скорбей.

Говорила же к нему жена его: «Господин мой, есть ли здесь наши чада?» Он же отвечал: «Они съедены зверями». И рассказал ей, как их погубил. Она же говорит ему: «Да восхвалим Христа Господа! И как Он дал нам найтись, так нам и чад наших даст». Отвечает ей Евстафий: «Я же сказал, что они затравлены зверями». Говорит ему жена его: «Вчера, когда я сидела в саду, слышала каких-то двух юношей, которые разговаривали друг с другом о младенчестве своем. И поняла, что это наши сыновья, но они не знали, что они братья, а догадались только по рассказу старшего брата. Если до сегодняшнего дня ты этого не видел, то сейчас постигни, какова милость Христова!»

Слыша это от нее, призвал стратилат обоих юношей и спросил: «И что приключилось с вами?» Они рассказали ему все, и он узнал в них своих сыновей. Принял их Евстафий и поцеловал, так же и мать их поцеловала, со слезами хваля Бога о славном обретении их.

Со второго часа до шестого пронесся слух о чуде по всем воинам, и собрались воины, радуясь о обретении их больше, нежели о бывшей победе над варварами.

Великий праздник устроил Евстафий по поводу их узнавания. На следующий же день призвал он Бога, и хвалебные слова восслал Христу о великом человеколюбии Его.

Победив всю варварскую страну, Евстафий возвратился с великою победой, — добычи много неся, более же пленников ведя.

Случилось же так, что еще Евстафий не возвратился с войны, а царь Траян умер. На его место поставлен был царь по имени Андриан[32], язычник, а также лютейший из всех прежних царей. Когда Евстафий возвратился с победой, встретил его царь как это принято у римлян.

Увидел царь совершенную победу, а обретению жены и сыновей его еще больше возрадовался. И вошел царь в церковь, не принимаемую Богом[33], чтобы жертвы принести идолам. Когда он вступил в церковь Аполлонову, не вошел с ним в церковь Евстафий, но вне остался. Призвал же его царь, говоря: «Почему не принесешь жертву богам? Ты должен сотворить жертву не только ради побед, но и ради обретения жены твоей и сыновей». Говорит же Евстафий царю: «Я Христу своему всегда воссылал и буду воссылать молитвы и моления, ибо Он помиловал меня и привел от пленения. Иного же Бога не знаю и не чту — только сотворившего все Словом». Тогда повелел царь лишить его всех почестей и стать пред ним как простому человеку, а жену его и сыновей привести и так же испытать их.

Видел же царь непреклонную веру его и повелел самого Евстафия и жену его впустить к зверям. Выбежал же лев и остановился вблизи блаженных, и поклонился им и отошел, и, желая выбраться из цирка, многих повредил. Тогда царь, видев дивное чудо (как не прикоснулся к ним зверь), повелел разжечь медного вола и ввергнуть святых в него.

Собрались же все верные христиане и немало язычников, желая видеть бросаемых в раскаленную медь. И когда они подошли близко, то воздели руки свои к небу и начали молиться, говоря: «Господи Боже Сил, всем невидимый — нам же видимый, по Твоему желанию! Послушай нас, молящихся Тебе. Сейчас молитва наша окончилась, потому что мы уже вместе, и Ты сподобил нас участи святых Твоих — так и трое отроков были ввержены в Вавилоне в огонь и не отвергли Тебя[34]. Так и нас сподобь скончаться от этого огня, и да приняты Тобой будем как благоприятная жертва[35]. Дай же, Господи, всякому, поминающему память нашу, участие в Царствии Небесном Твоем! Ярость же огня сего переложи на хлад, и сподобь нас — да в нем скончаемся. Еще же, Господи, сподобь — да не разлучатся тела наши, но да вместе лягут!» И когда они так помолились, глас был с неба, говоря: «Будет вам так, как вы просите, и более вам будет, поскольку многие напасти претерпели и не побеждены были, идите в мире, примите венцы победные, отдыхайте во веки веков за страсти ваши». И слышали это святые, с радостью предались огню. И как ввержены были они в огонь — тотчас огонь угас, просла-

вили же Пресвятую Троицу, предали в мире души свои. И не прикоснулся к ним огонь, даже к волосам.

Через три дня пришел нечестивый царь на то место и повелел открыть медного вола и увидел, что произошло с телами святых мучеников. Нашли целыми тела их, и казалось, будто они живые. Вынув их, положили на землю. Дивились все стоящие, что и к волосам их не прикоснулся огонь. Светились их тела более снега. Убоялся скверный царь и отошел. Люди же восклицали: «Воистину великий Бог христианский, один истинный Бог Иисус Христос, и нет другого, потому что сохранил святых своих!»

Христиане же тайно украли тела святых мучеников, положили их в честном месте, и, когда окончилось гонение, храм честный создали христиане и положили тела святых мучеников, славя Господа Иисуса Христа, Ему же слава и честь и поклонение с безначальным Отцом и с Пресвятым Духом. И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Житие Евстафия Плакиды — популярнейший памятник средневековой христианской литературы. Греческий оригинал Жития был создан в IV — середине VI в., выдающийся ранний славяно-русский перевод — не позже конца XI в. Имена автора и переводчика неизвестны.

В сюжете Жития, которое точнее было бы назвать «житийным романом», соединяются приемы двух жанров — античного романа приключений (неожиданное бегство героев, морские странствия, нападение пиратов, похищение детей зверями, мнимые смерти, неожиданные узнавания и т.п.) и мартирия (мученического жития, описывающего страдания и мученическую смерть святого за веру). В Житии сочетаются увлекательный сюжет и поучительность, внимание к чувству и интеллектуальная глубина, — так судьба Евстафия Плакиды, римского военачальника, встретившего на охоте чудесного оленя с крестом между рогами и перешедшего из язычества в христианство, становится основой сложной символической структуры произведения, насыщенной цитатами и аллюзиями из Священного Писания.

Житие Евстафия Плакиды переведено по рукописи: РГБ, Собр. Троице-Сергиевой лавры (ф.304), № 666. Конец XV в. Лл.81об.-91об.

Перевод и примечания О.В.Гладковой.

1. *Траян Марк Ульпий* — римский император (98—117), при нем Римская империя достигла максимальных границ.

2. Т.е. язычеством.

3. Военачальник.

4. Ср. Пс. 145:7.

5. Для автора естественно, что будущего христианина боятся «поганые язычники».

6. В «Житии» развивается Евангельский мотив «ловитвы» — уловления души человеческой светом христианской веры — ср. Мф. 4:19.

7. Ср. Деян. 10:36.

8. Олень здесь символ Христа и одновременно стремящейся к Богу души (ср. Пс. 41:2).

9. Ср.: «камень же был Христос» (I Кор. 10:4).

10. Особая отмеченность Плакиды проявилась в том, что он стал христианином благодаря явлению самого Христа, т.е. как ап. Павел (Деян. 9), а не как сотник Корнилий — через человека, ап. Петра (Деян. 10). Переводчик мастерски передал здесь сложное построение греческого текста.

11. Ср. Числ. 22:22—33, а также II Пет.16. Речь идет об ослице пророка Валаама, которая прежде своего хозяина увидела Ангела и остановилась. Побуждаемая побоями двигаться, ослица заговорила человеческим голосом, и тогда Валаам увидел Ангела.

12. Ср. Деян. 9:4—5. Здесь дальше развивается тема «Плакида — новый Павел».

13. Ср. I Тим. 3:6—7.

14. Ср. Иер. 31:35; Пс. 135:5—9; Мк. 8:31 и др.

15. Ср. Рим. 4:17.

16. I Тим. 2:4.

17. Т.е. крещение, ср. Тит. 3:5.

18. Т.е. обратился из язычника в христианина, ср. Рим. 1:23; I Кор. 15:53—54.

19. Ср. Иак. 2:14—26.

20. *Иов* — ветхозаветный праведник-страдалец (Кн. Иова). Здесь начинается еще одна параллель Жития: «Плакида — новый Иов».

21. Ср. Ин. 14:1.

22. Мф. 6:10; 26:42; Лк. 11:2.

23. *Науклир* (греч.) — владелец корабля. В современном переводе намеренно оставлено греческое слово славяно-русского текста, где оно выполняет роль синонима.

24. Ср. Пс. 37:22.

25. Т.е. детей.

26. Мф. 11:7; III Цар. 14:15; и др.

27. Пс. 140:3—4.

28. Ср. Пс. 9:32.

29. *Тирон* (греч.) — воин-новобранец.

30. *Идасплия* — т.е. Гидасп — древнегреческое наименование р.Джелам, притока р.Инд.

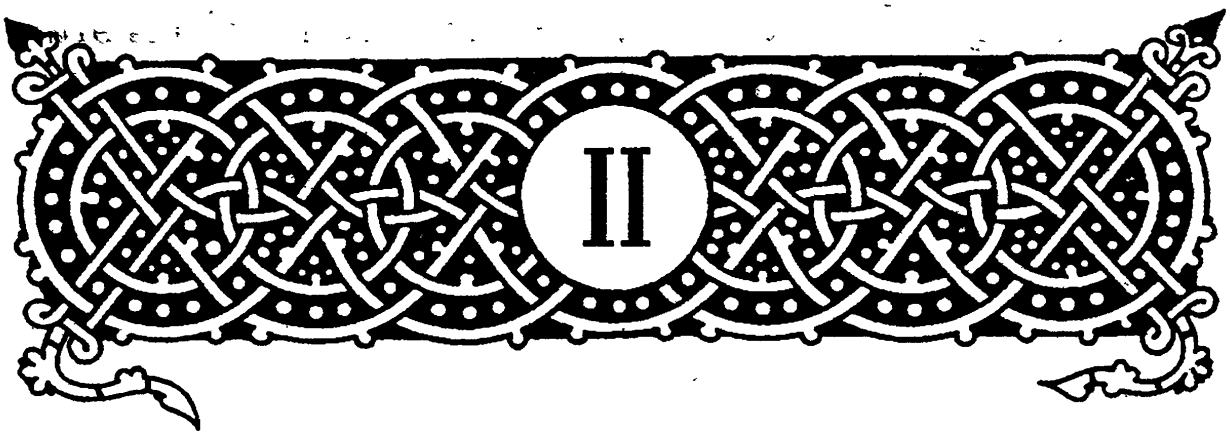
31. Евстафий Плакида таким образом повторяет путь Александра Македонского, который начал решающее сражение с индийским царем Пором, перейдя Гидасп выше по течению.

32. *Адриан Публий Элий* — римский император (117—138).

33. Т.е. языческий храм.

34. Дан. 3. Три отрока Анания, Азария и Мисаил по приказанию вавилонского царя Навуходоносора были брошены в раскаленную печь за отказ поклониться идолу, но остались невредимы.

35. Ср. Мал. 3:4.



ИЗ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ *

Заголовок летописи. Вот свидетельства прошедших годов о том, откуда произошло и стало бытовать название «Русская земля» и кто раньше начал княжить в Киеве, — об этом поведем рассказ.

О *славянах.* После потопа и смерти Ноя три его сына поделили между собой Землю и договорились не преступать во владения друг друга. Бросили жребий. Иафету, сыну Ноя, достались северные и западные страны. Человечество на Земле было едино и на поле около Вавилона больше 40 лет строило столп до небес. Однако Бог недоволен, он сильным ветром разрушил недоконченный столп и рассеял людей по Земле, разделив их на 72 народа. От одного из них и произошли славяне, которые жили во владениях уже потомков Иафета. Потом славяне перебрались на Дунай, а оттуда разошлись по землям. Славяне, которые мирно осели по Днепру, получили название полян, потому что живут в поле; другие — деревлян, потому что сидят в лесах. Поляне сравнительно с другими племенами кротки и тихи, они стыдливы перед своими снохами, сестрами, матерями и свекровями, а вот деревляне живут скотски: убивают друг друга, едят всякую нечистоту, не знают брака, но, набросившись, умыкают девиц.

О *путешествии апостола Андрея.* Святой апостол Андрей, учивший христианской вере народы по побережью Черного моря, пришел в Крым и узнал о Днепре и о недалеком его устье и поплыл вверх по Днепру. На ночлег он остановился на берегу под холмами, а утром, когда встал, то обратился

*© Перевод, примечания. А.С. Демин, 2000

к окружающим его ученикам: «Видите холмы сии? На этих холмах воссияет благодать Божья — возникнет великий город и будет воздвигнуто много церквей». И апостол устроил целую церемонию, взошел на холмы, благословил их, поставил крест и помолился Богу там, где позднее, действительно, появился Киев.

Апостол же Андрей возвратился в Рим и стал рассказывать римлянам, что в земле словен, где теперь Новгород, ежедневно происходит нечто загадочное: стоят строения деревянные, а не каменные, но словены накаляют их огнем, не боясь пожара; сбрасывают там с себя одежду и оказываются до неприличия совсем голыми; обливаются квасом, притом квасом-дурманом из белены; начинают полосовать себя гибкими ветками и до того себя добивают, что вылезают еле живы; а потом окатывают себя ледяной водой — и вдруг оживают. Слыша это, римляне изумлялись, зачем словены сами себя мучат. Андрей, понимавший, что это словены «хвощутся», разъяснил загадку недогадливым римлянам: «Это же их омовенье, а не мученье».

О Кие. В земле полян обитали три брата, каждый со своим семейством на своем приднепровском холме. Первого брата звали Кий, второго — Щек, третьего — Хорив. Братья сделали город, назвали его Киев по имени старшего брата и жили в нем. А около города стоял лес, в котором поляне ловили зверей. Кий проехал в Царьград, где от византийского царя принял великие почести. Из Царьграда Кий пришел к Дунаю, ему понравилось одно место, где он построил маленький городок по прозванью Киевец. Но осесть там ему не дали местные жители. Кий возвратился в свой законный Киев, где достойно завершил свою жизнь. Щек и Хорив тоже тут скончались.

О хазарах[1]. После смерти братьев наткнулся на полян хазарский отряд и потребовал: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали от каждой избы по мечу. Хазарские воины принесли это к своему князю и старейшинам: «Вот, собрали какую-то новую дань». Старейшины спросили: «Откуда?» Воины, очевидно, не зная, как зовут племя, давшее им дань, ответили только: «Собрали где-то в глуши, в лесу, на холмах, над рекой Днепр». Старейшины спросили: «Что же это вам дали?» Воины, не зная и названия принесенных вещей, молча

показали мечи. Но опытные старейшины, догадавшись о значении загадочной дани, предсказали князю: «Зловещая дань, о князь. Мы ее заполучили саблями, оружием, острым с одной стороны, а у этих данников — мечи, оружие обоюдоострое. Они-то и станут брать дань с нас». Это предсказание сбылось, русские князья потом завладели хазарами.

О названии «Русская земля». 852—862 гг. Вот где впервые начинает употребляться название «Русская земля»: византийская летопись[2] упоминает о походе некоей руси на Царьград.

Но земля еще разделена: варяги берут дань с северных племен, в том числе с новгородских словен, а хазары берут дань с южных племен, в том числе с полян.

Северные племена изгнали варягов за Балтийское море, перестали давать им дань и попытались управлять собой сами, но, не имея общего свода законов, втянулись в междоусобицы, повели войну на самоуничтожение. Наконец они договорились между собой: «Поищем себе единого князя, но вне нас, чтобы он управлял нами, а судил бы, исходя из установленного права». Эстонская чудь, новгородские словены, славяне-кривичи и угро-финская весь послали своих представителей за море к другим варягам, племя которых звалось «русь». Это такое же обычное название, как и названия других народностей — «шведы», «норманны», «англичане». А предложили руси перечисленные четыре племени следующее: «Наша земля велика многолюдством и богата хлебом, но в ней нет государственного устроения. Идите к нам княжить и управлять». Собрались три брата со своими семействами, забрали с собой всю русь и прибыли: старший из братьев — Рюрик — сел княжить в Новгороде (у словен), второй брат — Синеус — в Белозерске (у веси), а третий брат — Трувор — в Изборске (у кривичей). Через два года Синеус и Трувор умерли, всю власть сосредоточил Рюрик, который раздал города в управление своим варягам-руси. От всех тех варягов-руси и возникло название новому государству — «Русская земля».

О судьбе Аскольда и Дира. 862—882 гг. У Рюрика служили два боярина — Аскольд и Дир. Они были вовсе не родственники Рюрику, поэтому отпросились у него на службу в Царьград вместе со своими семействами. Поплыли они по Днепру и увидели городок на холме: «Чей это городок?» Жите-

ли им сообщили: «Жили три брата — Кий, Щек, Хорив, — которые построили этот городок, да померли. А мы сидим здесь без правителя, платим дань родичам братьев — хазарам». Тут Аскольд и Дир решили остаться в Киеве, набрали много варягов и начали править землей полян. А Рюрик княжил в Новгороде.

Аскольд и Дир пошли войной на Византию, двести их кораблей осадили Царьград. Стояла тихая погода, и море было спокойно. Византийский царь с патриархом стали молиться об избавлении от безбожной руси и с пением обмакнули в море ризу святой Богородицы. И вдруг поднялась буря, ветер, встали огромные волны. Русские корабли разметало, принесло к берегу и разбило. Мало кому из руси удалось спастись и вернуться домой.

Между тем умер Рюрик. У Рюрика был сын Игорь, но еще совсем маленький. Поэтому перед смертью Рюрик передал княжение своему родственнику Олегу. Олег с большим войском, в которое входили варяги, чудь, словены, весь, кривичи, захватил один за другим южные города. Он подошел к Киеву, узнал о том, что Аскольд и Дир незаконно княжат. И спрятав своих воинов в ладьях, подплыл к пристани с Игорем на руках и послал к Аскольду и Диру: «Я купец. Плывем в Византию, а подчиняемся Олегу и княжичу Игорю. Придите к нам, своим родственникам». (Аскольд и Дир обязаны посетить прибывшего Игоря, потому что по закону они продолжают подчиняться Рюрику и, следовательно, его сыну Игорю; да и Олег прельщает их, называя их своими младшими родственниками; кроме того, интересно посмотреть, какие товары везет купец.) Аскольд и Дир пришли к ладье. Тут из ладьи выскочили спрятанные воины. Вынесли Игоря. (Начался суд.) Олег изобличил Аскольда и Дира: «Вы — не князья, даже не из княжеского рода. А я — княжеского рода. А вот сын Рюрика». И Аскольда и Дира убили (как самозванцев).

О деятельности Олега. 882—912 гг. Олег остался княжить в Киеве и провозгласил: «Киев будет матерью-родительницею русским городам». Олег, действительно, начал ставить новые города. Кроме того, он покорил много племен, в том числе деревлян, и брал с них дань.

С невиданно большим войском — одних кораблей две тысячи — Олег пошел на Византию и подплыл к Царьграду.

Греки перекрыли цепями вход в залив, у которого расположен Царьград. Но хитроумный Олег велел своим воинам сделать колеса и на них поставить корабли. Дул попутный ветер на Царьград. Воины подняли паруса в поле и помчались к городу. Греки увидели, и устрашились, и упросили Олега: «Не губи город, дадим дань, какую хочешь». И в знак покорности греки вынесли ему угощение — яства и вино. Однако Олег не попробовал угощения: оказывается, в него была подмешана отрава. Греки ужаснулись: «Это не Олег, а неуязвимый святой, его на нас наслал сам Бог». И греки молили Олега заключить мир: «Дадим все, что хочешь». Олег установил дать дань всем его воинам на двух тысячах кораблей — по двенадцати гривен[3] на человека, а на каждом корабле-то по сорок воинов — и еще дань для крупных городов Руси. В ознаменование победы Олег повесил свой щит на воротах Царьграда и возвратился в Киев, увезя золото, шелка, фрукты, вина и всяческие украшения.

Люди прозвали Олега «вещим». Но вот на небе появилось зловещее знамение — звезда в виде копья. Олег, живший теперь в мире со всеми странами, вспомнил своего любимого боевого коня. На этого коня он давно уже не садился. За пять лет до похода на Царьград Олег расспрашивал волхвов и кудесников: «От чего мне будет смерть?» И один из кудесников сказал ему: «Умереть тебе от коня, которого ты любишь и на котором ездишь» (то есть от всякого такого коня, притом не только от живого, но и от мертвого, и не только от целого, но и от части его). Олег же лишь умом, а не сердцем рассчитал: «Никогда больше не сяду на этого вот своего коня и даже видеть его не буду», — велел коня кормить, но к нему не водить. Через пять лет Олег вызвал старейшего из конюхов и спросил: «А где мой конь, которого я когда-то отослал кормить и охранять?» Конюх ответил: «Умер». Олег начал насмехаться и оскорблять кудесников: «А ведь неверно предсказывают волхвы, все-то у них ложь, — конь умер, а я жив». И приехал на место, где лежали уже голые кости и пустой череп любимого коня, спешился и насмешливо произнес: «И от этого черепа предстояло мне принять смерть?» И попрал ногою череп. И вдруг высунулась змея из черепа и уязвила его в ногу. От этого Олег разболелся и умер.

О смерти Игоря. 913—945 гг. После смерти Олега нако-

нец начал княжить неудачливый Игорь, который хотя уже и стал взрослым, но ходил в подчинении у Олега.

Как только умер Олег, деревляне затворились от Игоря. Игорь пошел на деревлян и наложил на них дань больше Олеговой.

Затем Игорь отправился в поход на Царьград на десяти тысячах кораблей. Однако греки со своих ладей через особые трубы принялись метать горящий (серно-нефтяной) состав на русские ладьи. Русские от пламени пожаров спрыгивали в море, пытаясь уплыть. Спасшиеся вернулись домой и рассказали о страшном чуде: «У греков есть что-то вроде молнии с небес, они ее пускают и сжигают нас». Игорь долго собирал новое войско, не брезгуя даже печенегами[4], и снова пошел на Византию, но желал отомстить только за свой личный позор. Его корабли прямо-таки покрыли море. Византийский царь послал к Игорю знатнейших своих бояр: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег. Еще и прибавлю к той дани». Игорь, доплыв всего лишь до Дуная, созвал дружину и начал советоваться. Опасливая дружина заявила: «А чего нам больше нужно — сражаться не будем, а золото, серебро и шелка получим. Кто его знает, кто одолеет — мы ли, они ли. Что, кто-то с морем договорится? Ведь не по земле ходим, а далеко в море, — тут общая смерть всем». Игорь пошел на поводу у дружины, взял у греков золото и шелка на всех воинов, повернул назад и ушел восвояси в Киев.

Но жадная дружина Игоря досаждала князю: «Слуги даже твоего воеводы богато разоделись, а мы, княжеская дружина, ходим голые. Пойди-ка, князь, с нами за данью. И ты добудешь, и мы». И снова Игорь пошел на поводу у дружины, отправился за данью к деревлянам, притом бесчестно увеличил дань, а дружина творила и иное насилие деревлянам. С собранной данью Игорь направился было к Киеву, но после подсчетов, желая большей поживы для себя, отослал дружину: «Вы со своей данью возвращайтесь домой, а я вернусь к деревлянам, пособираю себе еще». И с малым остатком дружины повернул назад. Деревляне узнали об этом и совещались с Малом, своим князем: «Раз повадился волк к овцам, то перетаскает все стадо, если не убить его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к Игорю: «Это ты зачем идешь опять? Ведь взял всю дань». Но их-то как раз и

не послушался Игорь. Тогда, собравшись, деревляне вышли из города Искоростеня[5] и убили Игоря и его малую дружину. И погребли Игоря позорно где-то под Искоростенем.

О мести Ольги. 945—946 гг. Еще при жизни Олега Игорю привезли жену из Пскова, по имени Ольга. После убийства Игоря Ольга осталась одна в Киеве с малышом своим Святославом. Деревляне задумали: «Мы убили самого́ русского князя, теперь его жену Ольгу выдадим замуж за нашего князя Мала, а со Святославом поступим, как нам захочется». И послали деревляне ладью с двадцатью своими знатными людьми к Ольге, и те приплыли к Киеву. Ольгу известили о том, что неожиданно прибыли деревляне. (Как бы взамен князя.) Ольга приняла деревлян на холме в каменном тереме: «Добро пожаловали, гости». Деревляне невежливо ответили: «Да уж, пожаловали, княгиня». Ольга же продолжила церемонию приема послов: «Скажите, зачем пришли сюда?» Деревляне грубо потребовали: «Послала нас независимая Деревлянская земля, постановив следующее. Мужа твоего мы убили, потому что твой муж, как голодный волк, все хапал и грабил. Наши же князья богаты, они сделали зажиточной Деревлянскую землю. Так что идти тебе за нашего князя Мала». Ольга ответила: «Уж так нравится мне, как вы говорите. Мужа моего не воскресить. Потому особенные почести вам я воздам с утра в присутствии моих людей. Сейчас вы идите и для грядущего величания лягте в своей ладье. Утром я пришлю людей за вами, а вы скажите: «Не поедем на конях, не поедем на возах, не пойдем пешком, но понесите нас в ладье». И отпустила Ольга деревлян лечь в ладью (таким образом становящуюся для них похоронной ладьей), но велела же выкопать глубокую и отвесную могильную яму на дворе перед теремом. Утром Ольга, сидя в тереме, послала за этими гостями. Пришли к деревлянам киевляне: «Зовет вас Ольга на самую великую почесть». Деревляне объявили: «Не поедем на конях, не поедем на возах, не пойдем пешком, но понесите нас в ладье» (сами вынесли себе смертный приговор). И киевляне понесли их в ладье, а деревляне гордо сидели, подбоченившиеся и нарядные. Вознесли их к Ольге на двор и вместе с ладьею низринули в яму. Ольга приникла к яме и осведомилась: «Достойная ли вам оказана честь?» Деревляне только теперь догадались: «Наша смерть позорнее Игоревой смерти». И Ольга повелела засыпать их живыми. И их засыпали.

Теперь уже Ольга послала требование к деревлянам: «Если вы меня просите действительно по брачным правилам, то пришлите самых знатных людей, чтобы я с великой честью шла замуж за вашего князя. Иначе меня не отпустят киевляне». Деревляне избрали самых знатных людей, которые правили Деревлянской землей, и послали за Ольгой. Сваты явились, и Ольга по гостевому обычаю сначала предложила им баньку (снова с мстительной двусмысленностью): «Обмойтесь, тогда и явитесь ко мне». Нагрели баню, деревляне влезли в нее и, как только они начали обмывать себя (как мертвецов), баню заперли. Ольга велела поджечь ее, прежде всего от дверей, и деревляне сгорели все (ведь мертвецов, по обычаю, сжигали).

Ольга предупредила деревлян: «Уже отправляюсь к вам. Приготовьте много хмельных медов в городе, где вы убили моего мужа (Ольга не хочет произносить название ненавистного ей города). Я должна провести церемонию плача над его могилой и тризну по своему мужу». Свезли деревляне много меда и принялись варить. Ольга с малой дружиной, как положено невесте, налегке, посетила могилу, совершила оплакивание своего мужа, велела своим людям насыпать высокую могильную насыпь и, в точности следуя обычаям, лишь после того, как завершили насыпь, распорядилась приступить к тризне. Сели деревляне пить. Ольга приказала своим слугам ухаживать за деревлянами (как за мертвецами, не могущими себя обслуживать). Спросили деревляне: «А где наша дружина, которую посылали за тобой?» Ольга двусмысленно ответила: «Идут помимо меня с дружиною моего мужа» (второй смысл: «Пошли без меня вслед за дружиною моего мужа», то есть и те и другие перебиты). Когда упились деревляне, Ольга велела своим слугам пить за деревлян (поминать их как мертвых и тем завершить тризну). Ольга удалилась, поручив своей дружине сечь деревлян (игрище, завершающее тризну). Иссечены пять тысяч деревлян.

Ольга вернулась в Киев, собрала много воинов, пошла на Деревлянскую землю и победила деревлян, выступивших против нее. Оставшиеся деревляне затворились в Искоростене, и целое лето Ольга не могла взять город. Тогда она стала уговаривать защитников города: «До чего досидитесь? Все ваши города сдались мне, дают дань, возделывают свои земли

и нивы. А вы умрете от голода, только за то, чтобы не давать дани». Деревляне признались: «Рады бы давать дань, но ведь ты будешь еще мстить за своего мужа». Ольга же коварно заверила: «Я уже отомстила за позор своего мужа и уже не буду мстить (а сделаю что-то большее). Дань с вас я возьму помалу (дань возьму по князю Малу, то есть лишу независимости). Сейчас у вас нет ни меду, ни меха, оттого прошу у вас мало (не дам вам выйти из города за медом и мехами, но прошу у вас князя Мала). Дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья, я не возложу на вас тяжкую дань, как мой муж, потому прошу у вас мало (князя Мала). Вы изнемогли в осаде, отчего и прошу у вас мало (князя Мала). Замирюсь с вами и пойду» (то ли назад в Киев, то ли снова на деревлян). Деревляне обрадовались, наловили от каждого двора по три голубя и по три воробья и с поклоном послали к Ольге. Ольга успокоила деревлян, прибывших к ней с подарком: «Вот вы уже и покорились мне. Идите-ка в город. Утром я отступлю от города (Искоростеня) и пойду в город (то ли в Киев, то ли в Искоростень)». Деревляне радостно возвратились в город, сообщили людям слова Ольги, как они их поняли, и те ликовали. Ольга же раздала каждому из воинов по голубю или по воробью, указала к каждому голубю или воробью привязывать трут, обертывать его маленьким платком и заматывать ниткой. Когда начало смеркаться, расчетливая Ольга велела воинам отпустить голубей и воробьев, но с подожженными трутами. Голуби и воробьи полетели на ночевку в свои городские гнезда: голуби — в голубятни, воробьи — под стрехи. Оттого и загорелись голубятни, клети, сараи, сеновалы. Не было ни двора, где бы не горело. А погасить пожар было невозможно, так как запылали все деревянные строения сразу. Деревляне побежали из города, а Ольга приказала своим воинам хватать их. Взяла город и полностью сожгла его, старейшин изъяла, прочих же людей или убила или отдала в рабство своим воинам, на оставшихся деревлян возложила тяжкую дань и прошла по всей Деревлянской земле, устанавливая повинности и налоги.

О *крещении* Ольги. *955—969 гг.* Ольга прибыла в Царьград. Пришла к византийскому царю. Царь беседовал с ней, удивился ее разуму и намекнул: «Подобает тебе царствовать в Царьграде с нами». Она сразу поняла намек и сказала: «Я

язычница. Если вознамеришься меня крестить, то крести меня ты сам. Если нет, то не крещуся». И царь с патриархом ее крестили. После крещения позвал ее царь и уже прямо объявил: «Беру тебя в жены». Ольга же возразила: «Как это ты возьмешь меня в жены, раз крестил меня сам и нарек духовной дочерью? У христиан такое незаконно, и ты сам это знаешь». Царь был раздосадован: «Переклюкала ты меня, Ольга!» Дал ей множество подарков и отпустил домой. Только Ольга возвратилась в Киев, как царь прислал к ней послов: «Много чего я тебе подарил. Ты обещала, вернувшись в Русь, послать мне много даров». Ольга припомнила: «Подожди у меня приема столько, сколько я ждала у тебя, — тогда тебе дам». И с этими словами завернула послов.

Ольга любила своего сына Святослава, молилась за него и за людей все ночи и дни, кормила сына, пока он не вырастет и возмужает, затем сидела со своими внуками в Киеве. Потом разболелась и через три дня умерла, завещав не творить по ней тризны. У нее был священник, который ее и похоронил.

О войнах Святослава. 964—972 гг. Возмужавший Святослав собрал много храбрых воинов и, кочуя налегке, как гепард, вел много войн. В походе он воза за собою не возил, котла не имел, мяса не варил, но тонко нарезав конину, или зверину, или говядину, на углях пек и ел; и шатра не имел, но войлок стелил, а седло — в головах. И воины его были такие же степняки. Странам он рассылал угрозы: «Пойду на вас» («Я вам покажу»).

Святослав пошел на Дунай, на болгар, победил болгар, захватил восемьдесят городов по Дунаю и сел княжить тут в Переяславце[6]. Печенеги же впервые напали на Русскую землю и осадили Киев. Киевляне послали к Святославу: «Ты, князь, чуждую землю ищешь и защищаешь, а свою бросил, нас же чуть не захватили печенеги. Если ты не вернешься и не оборонишь нас, если тебе не жаль отчины своей, то печенеги нас захватят». Святослав с дружиной быстро сел на коней, поскакал в Киев, собрал войско и прогнал печенегов в поле. Но Святослав все-таки объявил: «Не хочу оставаться в Киеве, буду жить в Переяславце на Дунае, ибо это центр моей земли, ибо сюда свозятся все блага: из Византии — золото, шелка, вина, разнообразные фрукты; из Чехии — серебро; из Венгрии — скакуны; из Руси — меха, воск, мед и рабы».

Святослав уехал в Переяславец, но болгары затворились в городе от Святослава, затем вышли с ним на битву, началась большая сеча, и почти одолели болгары, но к вечеру все-таки победил Святослав и штурмом взял город. Сразу же Святослав стал угрожать грекам: «Пойду на вас и завоюю ваш Царьград, как этот Переяславец». Греки лукаво предложили: «Так как мы не в силах противостоять тебе, то возьми с нас дань, но только сообщи, сколько у тебя войска, чтобы мы, исходя из общего числа, смогли дать на каждого воина». Святослав назвал число: «Нас двадцать тысяч» — и прибавил десять тысяч, потому что руси было только десять тысяч. Греки же выставили против Святослава сто тысяч, а дани так и не дали. Увидела русь огромное множество греков и устрашилась. Но Святослав произнес речь: «Уже нам некуда деться. Противоборствовать надо и по своей воле, и поневоле. Не посрамим земли Русской, но ляжем костями, ибо мертвыми не опозоримся, а если побежим, то опозоримся. Не убежим, но станем крепко биться. Я пойду впереди вас». Развернулась великая сеча, и победил Святослав, и побежали греки, а Святослав, воюя и разрушая города, приблизился к Царьграду.

Византийский царь созвал своих бояр во дворец: «Что делать?» Бояре посоветовали: «Пошли к нему дары, раскусим его, падок ли он на золото или на шелка». Царь послал к Святославу золото и шелка с опытным придворным: «Примечай, на что он обратит взор, лицо, внимание свое». Доложили Святославу, что пришли греки с дарами. Он распорядился: «Введите». Греки расположили перед ним золото и шелка. Святослав, глядя в сторону, велел своим слугам: «Уберите». Греки возвратились к царю и боярам и поведали о Святославе: «Дали ему дары, а он даже не взглянул на них и велел убрать». Тогда предложил царю один из посланных: «Проверь его еще — пошли ему оружие». И принесли Святославу меч и другое оружие. Святослав же принял его и стал хвалить царя, передавать ему свою любовь и целование. Греки снова возвратились к царю и рассказали обо всем. И убедили царя бояре: «Как же лют этот воин, если ценностями пренебрегает, а оружие ценит. Дай ему дань». И дали Святославу дань и множество даров.

С великой славой Святослав пришел в Переяславец, но увидел, как мало у него осталось дружины, так как многие

погибли в боях, и решил: «Пойду в Русь, приведу больше войска. Проведает царь, что нас мало, и осадит нас в Переяславце. А Русская земля далеко. А печенеги с нами воюют. А кто нам поможет?» Святослав отправился в ладьях к днепровским порогам. А болгары из Переяславца донесли печенегам: «Мимо вас проплывет Святослав. Идет в Русь. У него много богатств, взятых у греков, и пленных без числа, но мало дружины». Печенеги заступили пороги. Святославу пришлось зимовать у порогов. Не стало у него еды, и в лагере начался такой сильный голод, что даже конская голова стоила по половине гривны. Весной Святослав все-таки поплыл через пороги, но напал на него печенежский князь Куря. Святослава убили, отделили его голову, в черепе выскоблили чашу, оковали череп снаружи и пили из него.

О крещении Руси. 980—988 гг. Владимир был сыном Святослава, но родился всего лишь от Ольгиной ключницы. Однако после гибели его более знатных братьев Владимир начал княжить в Киеве один. На холме около княжеского дворца он поставил языческие идолы: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокошь[7]. Им приносили кровавые человеческие жертвы, приводя своих сыновей и дочерей. Самим Владимиром же завладела похоть к женщинам: помимо четырех жен у него было триста наложниц в Вышгороде, триста — в Белгороде, двести — в сельце Берестове[8]. Он был ненасытен в блуде: приводил к себе и замужних женщин, растлевал девиц.

Пришли к Владимиру волжские болгары-магометане и предложили: «Ты, о князь, мудр и умен, но неведомо тебе цельное вероучение. Прими нашу веру и поклоняйся Магомету». Владимир спросил: «А каковы обычаи вашей веры?» Магометане пояснили: «Веруем в единого бога. Магомет же нас учит тайные члены обрезать, свинину не есть, вино не пить. Блуд же творить можно по-всякому. После смерти каждому магометанину Магомет даст по семидесяти красавиц, к самой красивой из них присовокупит красоту всех остальных — вот такой будет жена у каждого. А кто на этом свете убог, тот и там таков». Владимиру сладко было слушать магометан, потому что он и сам любил женщин и многий блуд. Но вот что ему не понравилось — обрезанье членов и неяденье сви-

ного мяса. А о запрете на винное питье Владимир высказался против: «Удовольствие Руси — пить, не можем без того прожить». Потом пришли из Рима посланники папы римского: «Поклоняемся единому Богу, который сотворил небо, землю, звезды, месяц и все живое, а ваши боги — просто деревянные». Владимир спросил: «А у вас какие запреты?» Они ответили: «Старания в вере только посильные. Кто что ест или пьет — все во славу Божию». Но Владимир отказал: «Уходите-ка назад, ибо наши отцы такого вольного отношения к вере не принимали». Пришли хазары иудейской веры: «Веруем в единого бога Авраамова, Исаакова, Иаковлева». Владимир поинтересовался: «Где ж это ваша главная земля?» Они ответили: «В Иерусалиме». Владимир ехидно переспросил: «Там ли?» Иудеи стали оправдываться: «Разгневался бог на наших отцов и рассеял нас по разным странам». Владимир возмутился: «Что же вы других учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Может быть, и нам замыслили такую судьбу?»

После этого греки прислали некоего философа, который долго пересказывал Владимиру Ветхий и Новый завет, показал Владимиру занавес, на котором был нарисован Страшный суд, справа праведники радостно восходили в рай, слева грешники шли в адские муки. Владимир вздохнул: «Хорошо тем, кто справа; горько тем, кто слева». Философ призвал: «Тогда крестись». Однако Владимир отложил крещение: «Подожду еще немного». С почетом отпустил философа и созвал своих бояр: «Что умного скажете?» Бояре посоветовали: «Пошли послов разузнать, кто как служит своему богу». Избрали десятерых достойных и умных: «Идите сначала к поволжским болгарам, потом посмотрите у немцев[9], а оттуда идите к грекам». После путешествия возвратились посланные, и снова созвал Владимир бояр: «Послушаем, что расскажут». Посланные отчитались: «Мы увидели, что болгары в мечети стоят без пояса; поклонятся и сядут; глядят то туда, то сюда, как бешеные; невесела их служба, только печаль и сильный смрад; так что нехороша их вера. Потом видели немцев, совершающих в храмах множество служб, но красоты в этих службах не увидели никакой. А вот когда греки привели нас туда, где они служат своему Богу, возожгли кадила, собрали хоры с песнопениями, показали красоту церковную, предстояние дьяконов, то мы растерялись — на небе мы или на земле, ибо нигде

на земле нет зрелища такой красоты, которую мы не можем и описать. Служба у греков — лучшая из всех». Бояре добавили: «Будь плохой греческая вера, то ее бы не приняла твоя бабушка Ольга, а она была мудрее всех наших людей». Владимир нерешительно спросил: «А где крещенье примем?» Бояре ответили: «Да где хочешь».

И прошел год, но Владимир все еще не крестился, а неожиданно осадил греческий город Корсунь[10] и, воззрев на небо, дал обещание: «Если возьму, то крещусь». Владимир взял-таки город, однако опять не крестился, но потребовал у византийских царей-соправителей: «Ваш славный Корсунь взял. Слышал, что есть у вас сестра девица. Если не отдадите ее замуж за меня, то сотворю Царьграду то же, что Корсуню». Цари предложили: «Не положено христианок выдавать замуж за язычников. Крестись, тогда получишь сестру». Владимир настаивал: «Сначала пришлите сестру, а пришедшие с нею крестят меня». Цари прислали в Корсунь сестру, сановников и священников. Корсуняне встретили греческую царицу и препроводили ее в палату. В это время Владимир заболел глазами, ничего не видел и очень переживал, но не знал, что делать. Тогда царица понудила Владимира: «Если хочешь избавиться от этой болезни, то немедленно крестись. Если нет, то не отделаешься от недуга». Владимир воскликнул: «Ну, если это и вправду сбудется, то христианскому Богу поистине быть самым великим». И велел себя крестить. Корсунский епископ с царицыными попами крестили его в церкви, которая стоит посреди Корсуня, где рынок. Как только епископ возложил руку на Владимира, тот сразу прозрел и повел царицу на брак. Многие из дружины Владимира тоже крестились.

Владимир с царицей и корсунскими попами приехал в Киев, тут же велел ниспровергнуть идолов, одних изрубить, других спалить, Перуна же повелел привязать коню к хвосту и волочить к реке, а двенадцать мужчин заставил дубасить его палками. Сбросили Перуна в Днепр, и Владимир приказал специально приставленным людям: «Если где пристанет, отпихивайте его палками, пока не пронесет его через пороги». И приказанное исполнили. А язычники оплакивали Перуна.

Затем Владимир разослал по всему Киеву весть: «Богатого или бедного, даже нищего или невольника, — того, кто с утра

не окажется на реке, буду считать своим врагом». Люди пошли, рассуждая: «Если бы это не на пользу было, то не приняли бы того князь и бояре». Утром Владимир с царицыными и с корсунскими попами вышел на Днепр. Народу сошлось бесчисленно много. Вступили в воду и стояли: одни — до шеи, другие — по грудь, дети — у самого берега, младенцев — держали на руках. Непоместившиеся (или: взрослые) бродили в ожидании (или: крещеные же стояли на броду). Попы на берегу молитвы творили. После крещения люди разошлись по своим домам.

Владимир велел по городам строить церкви на тех местах, где раньше стояли идолы, и на крещение приводить людей по всем городам и селам, начинал собирать детей у своей знати и отдавать в ученье по книгам. Матери же таких детей плакали о них, словно о мертвых.

О борьбе с печенегами. 992—997 гг. Напали печенеги, и Владимир вышел против них. По обеим сторонам реки Трубеж[11], у брода, стояли войска, но каждое войско не решалось выступить против. Тогда печенежский князь подъехал к реке, позвал Владимира и предложил: «Давай выставим ты своего борца, а я своего. Если твой борец свалит моего на землю, то не воюем три года; если же мой борец свалит твоего, то воюем три года». И разъехались. Владимир послал глашатаев по своему лагерю: «Нет ли такого, кто поборолся бы с печенегом?» И не нашлось желающего нигде. А утром приехали печенеги и привели своего борца, а у наших нету. И начал горевать Владимир, продолжая все-таки расспросы по всем своим воинам. Наконец пришел к князю один старый воин: «Я вышел на войну с четырьмя сыновьями, а младший сын дома остался. С детства нет никого, кто поборол бы его. Как-то я на него ворчал, когда он мял кожи, а он разозлился на меня и разодрал сыромятную кожу руками». К обрадованному князю привели этого сына, и князь объяснил ему все. Но тот сомневался: «Не знаю, смогу ли бороться с печенегом. Пусть меня испытают. Нет ли быка, большого и сильного?» Нашли большого и сильного быка. Этот младший сын попросил, чтобы быка разъярили. Приложили раскаленное железо к быку и пустили. Когда мчался бык мимо этого сына, тот ухватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько ему в руку поместилось. Владимир разрешил: «Можешь бороться с пе-

ченегом». И ночью велел воинам вооружиться (чтобы сразу броситься на печенегов после поединка). Утром приходят печенеги, зовут: «Что, все нет борца? А наш готов». Сошлись оба войска. Печенеги выпустили своего борца. Он был громаден и страшен. Выступил и борец от Владимира. Печенег увидел его и рассмеялся, потому что тот был телом обыкновенный. Разметили площадку между обоими войсками, пустили борцов. Те схватились, начали крепко держать друг друга, и тут наш рукой удушил печенега до смерти и бросил его на землю. Наши испустили клич, а печенеги побежали. Русские гнались за ними, секли и прогнали. Владимир радовался, заложил город у того брода и нарек его Переяславцем[12], потому что переял славу наш юноша у печенежского богатыря. Владимир большими людьми сделал и этого юношу, и его отца, а сам с победой и великой славой возвратился в Киев.

Через три года печенеги снова пришли под Киев, Владимир с небольшой дружиной вышел против них, но не выдержал схватки, бежал, спрятался под мостом и едва спасся от врагов. Спасение произошло в день Преображения Господня, и потому Владимир обещал поставить церковь во имя святого Преображения. Избавившись от печенегов, Владимир поставил церковь и устроил грандиозный праздник под Киевом: велел сварить триста котлов меду; созвал своих бояр, а также посадников и старейшин из всех городов и еще множество людей; раздал триста гривен убогим. Отпраздновав восемь дней, Владимир возвратился в Киев и еще устроил большой праздник, созывая бесчисленное множество народа. И так делал каждый год. Разрешал всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и получать все, что нужно: питье, и пищу, и деньги из казны. Позаботился он и вот о ком: «Немощные и больные не смогут добраться до моего двора». И велел подготовить повозки; нагрузить на них хлеб, мясо, рыбу, разные фрукты, бочки с медом, бочки с квасом; возить по Киеву и выкликать: «Где больные и немощные, не могущие ходить?» Тем и раздавали все потребное.

А с печенегами шла беспрестанная война. Они напали и долго осаждали Белгород. Владимир не мог прислать помощь, потому что у него не было воинов, а печенегов огромное множество. В городе начался сильный голод. Горожане решили на вече: «Наверняка помрем от голода. Лучше сдадимся пече-

негам — кого-то они убьют, а кого-то и оставят в живых». Один старик, не присутствовавший на вече, стал расспрашивать: «Зачем собиралось вече?» Ему передали, что люди утром сдадутся печенегам. Тогда старик попросил городских старейшин: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, а сделайте то, что велю». Они обещали. Старик сказал: «Наскребите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Они разыскали. Старик велел женщинам сделать болтушку, на которой варят кисель, затем велел выкопать колодец, вставить в него чан, а чан наполнить болтушкой. Потом старик велел выкопать второй колодец и туда тоже вставить чан. И послал искать мед. Отыскали лукошко меду, которое было припрятано в княжеском погребе. Старик велел наготовить медового отвара и им наполнить чан во втором колодце. Наутро старик велел послать за печенегами. Горожане пришли к печенегам: «Возьмите к себе заложников от нас, а вы — около десяти человек — войдите в наш город да посмотрите, что там делается». Печенеги торжествовали, думая, что горожане сдадутся, взяли у них заложников, а сами послали своих знатных людей в город. И сказали им горожане (наученные умным стариком): «Чего себя губите? Когда сможете нас перестоять? Стойте хоть больше десяти лет — что можете нам сделать? У нас корм из земли. Если не верите, то поглядите своими глазами». Горожане привели печенегов к первому колодцу, зачерпнули ведром болтушку, разлили ее по горшкам и сварили кисель. После того, взяв кисель, подошли с печенегами ко второму колодцу, зачерпнули медовый взвар, добавили в кисель и начали есть — первыми они (не отрава!), за ними и печенеги. Удивились печенеги: «Не поверят такому наши князья, если не попробуют сами». Горожане наполнили им целую корчагу кисельной болтушкой и медовым взваром из колодцев. Часть печенегов с корчагой вернулась к своим князьям: те, сварив, ели и тоже дивились; потом печенеги обменялись заложниками, сняли осаду города и ушли восвояси.

ПРИМЕЧАНИЯ

Этот знаменитый летописный свод формировался в течение ста с лишним лет. Не ясно, как выглядело первоначальное ядро памятника в конце X — начале XI в. Почти каждые двадцать лет свод коренным образом изменялся, пополнялся, редактировался, пока около 1113 г. трудами очередного книжника — монаха Киево-Печерского монастыря Нестора — не приобрел тот вид, который мы знаем.

Смысл дошедшего до нас древнерусского текста далеко не всегда понятен полностью, особенно его литературные оттенки. Нами переведена, истолкована, а местами сокращенно пересказана только первая половина летописи, содержащая уникальные фольклорные рассказы о событиях кончая X в.

Использован текст летописи по изданиям: Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897; ПЛДР: XI — начало XII в. М., 1978. С. 23—277. Учтен подстрочный перевод летописи, опубликованный Д.С.Лихачевым в 1950 г. и неоднократно переиздававшийся (Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч.1. (Литературные памятники). С.205—404).

1. *Хазары* — кочевой народ тюркского происхождения, иудейского вероисповедания, образовавший сильное государство в низовьях Волги.

2. *Византийская летопись* — имеется в виду «Хроника» византийского монаха Георгия Амартола и ее продолжение, переведенные на Руси еще до «Повести временных лет».

3. *Гривна* — денежная единица; конь стоил 2—3 гривны.

4. *Печенеги* — кочевники тюркского происхождения.

5. *Искоростень* — главный город деревлян, северо-западнее Киева, сейчас — Коростень.

6. *Переяславец* — болгарский город у гирла Дуная при впадении в Черное море, сейчас — село Преслав в Румынии.

7. *Перун* — славянский бог молнии и грома, *Хорс и Дажьбог* — иранский и славянский боги солнца, *Стрибог* — славянский бог ветра, *Симаргл* — иранский бог Симург(?), *Мокошь* — мордовская богиня(?).

8. *Вышгород* — загородная резиденция киевских князей, *Белгород* — город юго-западнее Киева, *Берестово* — село под Киевом.

9. *Немцы* — так на Руси называли западноевропейцев.

10. *Корсунь* — Херсонес, рядом с нынешним Севастополем.

11. *Трубеж* — левый приток Днепра южнее Киева.

12. *Переяславец* — город на Трубеже, сейчас — Переяслав-Хмельницкий.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ*

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Господи, благослови, Отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут»[1].

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом[2], внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней[3]. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. От нее и родился этот Святополк окаянный, и был он рожден от двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды[4] Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб[5]. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Но не стану много о том говорить, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в недуг тяжкий. В это же время пришел из Ростова

---

* Перевод Л.А. Дмитриева

© Редактирование, исправления, изменения, примечания. А.М. Ранчин, 2000

Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь[6], и в великой скорби был Владимир, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом[7], блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил[8]: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не обретя врагов своих, возвращался вспять, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем наречен был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях[9] и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его исполнилось слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не ведаю, к кому обратиться, к кому эту горькую печаль простереть? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»[10]. И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец»[11]. И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх»[12]. Поэтому, что я изреку, что сотворю? Вот пойду к брату моему и

скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?»[13] И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, Господи!» Помышлял же в уме своем: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и слабее паутины. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой мне будет ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы[14], и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета! Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви»[15].

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали его доброродное тело и честный разум его юности. И каждый в душе своей стенал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Ведал я, что брата моего люди, одержимые злом, понудят на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв скорбь смертную, стал утешать он сердце свое Божиим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради Меня и Моего учения, обретет и сохра-

нит ее в жизни вечной»[16]. И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на Тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но льстивую ложь, а не истину он говорил. Святополк, придя ночью в Вышгород[17], тайно призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Поведайте мне правду — преданы ли вы мне?» Путьша сказал: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконно ненавидящий добро в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина[18], горящего братоубийством, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел бить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сотворить это.

О таких изрек пророк: «Скоры они на неправедное кровопролитие. Таковы пути всех, совершающих беззаконие,— нечестием губят душу свою»[19].

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте[20]. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удо-

стоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми святыми Твоими, Ты Бог милостивый, и славу Тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары[21] был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего»[22]. И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и стенаниями многими. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему:

«Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтирь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня!»[23] — и остальные псалмы[24], до конца. И, начавши петь по Псалтири: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня»[25], продолжил: «Господи Боже мой! На Тебя я уповаю, спаси меня!»[26] И после этого пропел канон[27]. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря:

«Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить Себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он шепот злой около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из очей его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. Не захотел Ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал Себе, последуя заповедям апостола: «Любовь все терпит, всему верит, не завидует и не превозносится»[28]. И еще: «В любви

нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх»[29]. Поэтому, Владыка, душа моя в руках Твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали сильно и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, умилились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честно́е и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок повергся на тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной[30], и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Дайте мне немного времени, да помолюсь Богу моему». И воззрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе́, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава Тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава Тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава Тебе, владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава Тебе, Христос, слава безмерному Твоему милосердию, ибо направил Ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости Твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради Тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь Ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня.

«Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него»[31]. Но Ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И воззрев на своих убийц умиленными очами, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли произнести ни слова от страха и печали горькой и слез многих. С горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских[32].

Убили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отсекши ему голову, отбросили ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принесши тело его в Вышгород, у церкви святого Василия в земле погребли.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не преклонился на покаяние. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если

и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу[33]. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни[34], в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу[35] о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и печалью сердечною, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Двумя плачами плачу и стенаю, двумя сетованиями сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу по отце, а еще плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, отринутый от твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные крово-

пийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все омертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую[36]! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте»[37]. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий[38], и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что

убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис, брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Воззри на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь пред престолом Его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные Тобою своим апостолам:

«За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени Моего»[39]. И еще: «Терпением укрепляйте души ваши»[40]. Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред Тобою, Господи! И Тебе славу возносим, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил умильным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного[41] и беззлобного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благовонная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога»[42]. И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут»[43]. И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбы-

лось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством, сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых»[44].

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод[45]. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится»[46].

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели столп огненный, иногда свечи горящие или слышали пение ангельское. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем Божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным[47].

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к Тебе, Владыка[48]. И Ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, возложи на него стенание и трепет[49]. Молю Тебя, Господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После того, как он изрек сие, сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И напал на него бес, и ослабели кости его, так что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью[50]. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих

по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей[51] и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только Царства Небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был[52]. Такова месть творящим зло: вот Юлиан цесарь[53] — пролил он много крови святых мучеников, и горькую и бесчеловечную смерть принял: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, злострадной смертью скончался.

И с тех пор усобица прекратилась в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он вопрошать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все ведали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью[54] и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что пречудно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благовонным. Так Бог сохранил тело Своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых

страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем»[55]. Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, быстрее серны хромые бегают, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо предивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления обретаетесь возле всех скорбящих, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, им благодаря в горние места и жилища и вселились.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы[56], столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий[57] своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Димитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела

ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с Божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте»[58]. О таких и сам Господь говорил: «Верующий в Меня, в дела, которые Я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит»[59].

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай![60]

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред Тобою, Господи! Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя Твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость Твою на овец стада Твоего, ведь ты Бог наш и Тебе

славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряяся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, очами прекрасен, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — как цветок цветущий в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Сказание о Борисе и Глебе» — одно из старейших русских житий, житие первых князей, принявших добровольную смерть в подражание смерти Иисуса Христа (страстотерпцев). Такой тип святости неизвестен Византии, но распространен в славянских и западноевропейских, прежде всего новокрещеных, странах (в Чехии, в Норвегии, в Англии до ее завоевания норманнами в 1066 г., в Сербии и т.д.). В «Сказании...» описаны события 1015—1019 гг.: смерть Владимира Святославича, крестителя Руси, убиение Бориса и Глеба сводным братом Святополком, поражение, нанесенное братоубийце еще одним сыном Владимира, Ярославом Мудрым. Согласно скандинавской «Саге об Эймунде», убийцей Бориса (Бурицлейва) был не Святополк, а Ярослав Мудрый (Ярицлейв), однако большинство историков считают это сообщение недостоверным.

Дата установления общерусского почитания Бориса и Глеба определяется исследователями по-разному: между 1019—1054 гг. в княжение Ярослава Мудрого, 1072 г. или 1090-е гг.

Точное время создания «Сказания...» неизвестно; скорее всего оно было написано в середине XI — начале XII в. Об убиении Бориса и Глеба рассказывается также в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора, где содержится версия их смерти, отличающаяся от версии «Сказания...» (Глеб не идет в Киев

из Мурома, а бежит из Киева после смерти отца, но в пути его настигают убийцы и т.д.); близко к тексту «Сказания...» об убиении Бориса и Глеба повествует «Повесть временных лет» под 1015 г.

«Сказание...» было одним из наиболее читаемых русских житий и повлияло на позднейшую русскую агиографию (в частности, на «Повесть об убиении Михаила Ярославича Тверского»).

Текст «Сказания...» печатается в переводе Л. А. Дмитриева по изд.: ПЛДР: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 279—304. Текст перевода отредактирован А. М. Ранчиным, в него внесены многочисленные исправления и изменения. Примечания составлены А. М. Ранчиным.

1. *«Род праведных ... благословенны будут».* — Пс. 111:2.

2. *...Владимире, сыне Святославовом...* — о княжении Владимира Святославича (ум. в 1015), крестителя Руси, младшего сына князя Святослава Игоревича, рассказывается в «Повести временных лет» под 980—1015 гг.

3. *Мать его, гречанка, прежде была монахиней...* — эта гречанка была захвачена в плен Святославом во время войны с Византией и отдана в жены старшему сыну Ярополку. После убийства Ярополка Владимиром гречанка стала одной из жен Владимира, тогда еще бывшего язычником.

4. *А от Рогнеды...* — о полоцкой княжне Рогнеде Рогволодовне (ум. в 1000), которую Владимир принудил к браку, убив ее отца и двух братьев и завоевав Полоцк, рассказывается в «Повести временных лет».

5. *...а от жены-болгарки — Борис и Глеб.* — Это известие «Сказания...» (а также «Повести временных лет»), вероятно, не соответствует истине. Болгарка была женой Владимира-язычника. В 989 г. или, менее вероятно, в 990 г. Владимир, крестившись, женился на византийской царевне Анне, которая умерла в 1011 г. Но в таком случае Борис и Глеб в момент убийства должны были быть не юношей и отроком (какими святые братья представлены во всех посвященных им произведениях), а зрелыми мужчинами. Если же Владимир вступил в брак с болгаркой после смерти Анны, то Борис и Глеб в 1015 г. были бы маленькими детьми. Исследователи по-разному разрешают это противоречие: 1) древнерусские книжники намеренно отступили от истины, стремясь подчеркнуть чистоту и юношескую невинность святых и тяжесть греха Святополка; 2) Борис и

Глеб были на самом деле детьми Владимира от царевны Анны; 3) год смерти Анны в летописи ошибочен — она умерла значительно раньше, и после ее кончины Владимир женился на болгарке, которая родила ему Бориса и Глеба.

6. *...печенеги вновь двинулись ратью на Русь.* — Печенеги — тюркская народность; печенеги кочевали в степях Северного Причерноморья, Русь вела с ними ожесточенные войны в X — первой половине XI в.

7. *Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом...* — В раннем русском средневековье существовал обычай давать два имени — одно «мирское», «княжеское», а второе христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давыд (Давид).

8. *О таких Приточник говорил...* — составитель библейской Книги притчей Соломон (X в. до н.э.), царь Израильско-Иудейского царства. Вольно передаются фрагменты Пр. 1:8; 6:20.

9. *...ночью разобрал помост в Берестове... отвез на санях...* — вынос тела умершего через крышу и перевозка покойника на санях в любое время года (Владимир умер в июле) — элементы древнерусского похоронного обряда. Берестово — княжеская резиденция под Киевом.

10. *...«Бог гордым противится ... дает благодать».* — Пр. 3:34; Иак. 4:6; 1 Пет. 5:5.

11. *...«Кто говорит: «Я люблю Бога» ... тот лжец».* — 1 Иоан. 4:20.

12. *...«В любви нет страха ... изгоняет страх».* — Цитата из того же библейского текста (4:18).

13. *...Увижу ли я хотя бы братца моего ... как Иосиф Вениамина?»* — Иосиф и Вениамин — младшие сыновья ветхозаветного патриарха Иакова от любимой жены Рахили. Иосиф встретился с младшим братом Вениамином после долгой разлуки, виновниками которой были старшие братья от других жен Иакова, продавшие Иосифа в рабство.

14. *Багряницы* — царские и княжеские одеяния пурпурного цвета; порфира.

15. *...«Суета сует — все суета!»* — Ек. 1:2.

16. *...«Тот, кто пожертвует душой своей... сохранит ее в жизни вечной».* — Мф. 10:39; Мк. 8:35; Лк. 9:24.

17. *...придя ночью в Вышгород...* — город в 15—16 км от Киева, выше по течению Днепра, загородная княжеская резиденция.

18. *...как в древние времена Каина...* — Каин и Авель — дети Адама и Евы. Каин из зависти к младшему брату, которого предпочел Бог, убил его (Быт. 4:1—16). Каин воспринимался как «зачинатель» греха братоубийства; Святополк назван вторым Каином как «зачинатель» такого же греха в христианской Руси.

19. *...«Скоры они на неправедное кровопролитие ... нечестием губят душу свою».* — Пр. 1:16.

20. *...раскинул свой стан на Альте...* — Альта — приток реки Трубеж (к юго-востоку от Киева). Река Альта, возле которой гибнет Борис, и Смядынь, на которой был убит Глеб, — символическая граница между мирами жизни и смерти.

21. *Вспомнил он о мучении и страданиях ... Никиты ... Вячеслава ... Варвары...* — Борис вспоминает о святых, преданных смерти родственниками. *Никита* был казнен за исповедание христианства отцом-язычником. *Вячеслав* (Вацлав) — чешский князь (с 921 г.); был вероломно убит братом Болеславом в 928 или в 935 г.; славянские жития Вячеслава были хорошо известны на Руси и, по-видимому, повлияли на текст «Сказания о Борисе и Глебе». *Варвара* была предана смерти за исповедание христианской веры отцом-язычником.

22. *...«Праведники вечно живут ... от Всевышнего».* — ср.: Пр. 2:21; 14:32.

23. *...«Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня!»* — Пс. 3:2.

24. *Псалмы* — духовные песнопения, входящие в состав Псалтири (Псалтыри), библейской книги, приписываемой Израильско-Иудейскому царю Давиду.

25. *...«Окружили меня скопища псов ... обступили меня!».* — Пс. 21:17.

26. *...«Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня!».* — Цитата из того же текста (7:2).

27. *Канон* (греч. «правило») — разновидность церковного песнопения; исполняется на утреннем богослужении.

28. *...«Любовь все терпит ... не превозносится».* — 1 Кор. 13:4.

29. *...«В любви нет страха ... изгоняет страх».* — 1 Иоан. 4:18.

30. *....золотой гривной...* — здесь гривна — шейный обруч, ожерелье.

31. *....«Если бы враг поносил меня ... укрылся бы я от него».* — Пс. 54:13.

32. *....в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.* — В древнеримском календаре первый день каждого месяца назывался календами. От этого момента дни отсчитывались назад, исходная дата включалась в счет дней. 24 июля соответствовало девятому дню перед августовскими календами. Счет по календам был заимствован на Руси из Византии, он встречается в древнерусских текстах относительно редко и всегда сопровождается указанием дат и дней недели по юлианскому календарю, принятому на Руси после ее крещения.

33. *...оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу.* — Существует два толкования этого фрагмента. Согласно одному из них, речь идет о повреждении ноги конем. Однако в этом случае Глеб мог бы пересесть на запасного коня; князь же вместо этого далее поплыл в ладье. Поэтому некоторые исследователи склонны считать, что здесь говорится о том, что конь, упав, повредил ногу Глеба, и князь больше не мог находиться в седле и был вынужден далее плыть по реке. Этот эпизод — своеобразное дурное предзнаменование.

34. *....стал на Смядыни...* — Смядынь — приток Днепра в окрестностях Смоленска; позднее пересохла. В мае 1991 г. в предполагаемом месте убиения Глеба была заложена и освящена памятная стелла.

35. *....пришла весть от Предславы к Ярославу...* — Предслава — дочь Владимира от Рогнеды, как и Ярослав Мудрый. Ярослав в то время княжил в Новгороде. Позднее, когда во время междоусобной войны с Ярославом Мудрым Святополк и его тесть польский правитель Болеслав захватили Киев, Болеслав сделал Предславу своей наложницей. Отступая из Киева в Польшу, Болеслав увез Предславу с собой.

36. *...не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую!* — Образ, восходящий к Библии; автор уподобляет Глеба Иисусу Христу, который именует себя лозой виноградной (Ин. 15:1—2).

37. *....«Не будьте детьми умом ... по уму совершеннолетни будьте».* — 1 Кор. 14:20.

38. *....отец мой и господин Василий...* — Василий — христианское имя Владимира Святославича.

39. *....«За имя мое ... умертвят вас ради имени Моего».* — Лк. 21:12, 16.

40. *...«Терпением укрепляйте души ваши».* — Лк. 21: 19.

41. *...как агнца непорочного...* — Глеб уподоблен Христу; Агнец Божий — символ Иисуса Христа. Некоторые исследователи видели

в обстоятельствах убиения Глеба отражение языческих обрядов ритуального жертвоприношения правителя.

42. ...*«Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога».* — Пс. 9:18.

43. ...*«Обнажают меч нечестивые ... а нечестивые погибнут».* — Цитата из того же текста (36:14—15, 20).

44. ...*«Что хвалишься злодейством сильный!... исторгнет тебя... и род твой из земли живых».* — Цитата из того же текста (51:3—7).

45. ...*в пустынном месте меж двух колод.* — Колоды здесь — либо стволы упавших деревьев, либо гроб, выдолбленный из двух половинок цельного ствола дерева. Глеб не был погребен по христианскому обычаю, по-видимому, поскольку, будучи умершим насильственной смертью, мог считаться суеверными убийцами «нечистым», «заложным» покойником.

46. ...*«хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».* — Пс. 33: 21.

47. *И всегда соизволеньем Божьим ... побеждал Ярослав...* — это утверждение не соответствует истине: борьба Ярослава со Святополком велась с переменным успехом. Сведения о ней помимо «Повести временных лет» содержат латиноязычные источники — немецкая хроника Титмара Мерзебургского и польская хроника Галла Анонима.

48. ...*«Кровь брата моего... вопиет к Тебе, Владыка».* — Перефразируются слова Бога Каину (Быт. 4:10); ...*как прежде Авелева...* — См. прим. 18.

49. ...*«возложи на него стенания и трепет».* — Перефразируются слова Бога, объявляющего о наказании Каина, из церковнославянского перевода Библии: «Стеня и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4:13).

50. *Прибежали с ним к Берестью.* — Берестье — теперешний белорусский город Брест. Согласно «Повести временных лет», Святополк потерпел окончательное поражение от Ярослава в 1019 г. и умер вскоре после этого. Однако западноевропейские источники свидетельствуют, что он умер несколько позже.

51. ...*пустынное место между Чехией и Польшей...* — существует гипотеза, что это выражение — не точное указание, а поговорка, означающая «где-то далеко», «в пустом месте», «на краю света».

52. ...*Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был.* — Ламех — потомок Каина, также повинный в грехе

убийства. В Библии о нем сказано: «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4: 24).

53. *...вот Юлиан цесарь...* — Флавий Клавдий Юлиан, прозванный христианами Отступником, римский император в 361—363 гг. Вернул язычеству права официальной религии и выступил против христианства. Погиб во время похода на персов или от стрелы, или от удара копьем в спину (363 г.). Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательными именем гонителя христианской веры, а его смерть истолковывалась как божественное возмездие.

54. *...положили ... в ладью...* — в древнерусском погребальном обряде покойника либо везли на санях, либо несли в ладье.

55. *...«Не может укрыться город... светила всем».* — Мф. 5:14 — 15.

56. *...небесные люди и земные ангелы...* — выражение, восходящее к переводному греческому житию Саввы Освященного, написанному Кириллом Скифопольским.

57. *...как и великий Димитрий...* — см. прим. к «Житию Феодосия Печерского».

58. *...«Даром получили, даром давайте».* — Мф. 10:8.

59. *...«Верующий в Меня... и больше сих сотворит».* — Ин. 14:12.

60. *...как блудницу прости нас, и как мытаря оправдай!* — Прощение блудницы и оправдание мытаря — деяния Христа, описанные в Евангелиях.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО*

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Господи, благослови, Отче!

Благодарю тебя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о Твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников Твоих Бориса и Глеба[1]; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам»[2]. Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божия воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой Владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братия, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят Бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник Божий. Об этом и сам Господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и почиют с Авраамом, и с Исааком в Царствии Небесном»[3], и еще: «Многие из последних да станут первыми»[4], ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому бытию— говорю я о великом Антонии[5]. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний

---

*© Перевод. О.В. Творогов, А.М. Ранчин, 2000
© Примечания. А.М.Ранчин, 2000

род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком»[6]. Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса Божии, — вспомните, как Он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам»[7]. Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это Бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к Богу со словами: «Владыка мой, Господь Вседержитель, щедрый к благочестивым, отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей Твоих, и дай мне силу поведать о чудесах Твоих и похвалить святого угодника Твоего; да прославится имя Твое, ибо Ты помощник всем, кто во всякий день надеется на Тебя. Аминь».

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город по названию Васильев[8]. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосием[9]. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух Святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие Божие! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов!

О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие Божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец[10], пока Он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа[11] — и глаголя: «Вот я, Владыка, и дети, которых воспитал я духовной Твоею пищей; и вот они, Господи, ученики мои, привел я их к Тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного Тебя, Бога и Господина. Вот, о Владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому Ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном Твоем поле и к Тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил Господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости Господа своего»[12]. И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради Меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира Царство»[13].

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к Господу, и да сподобимся услышать слово Владыки и Вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные Отцом Моим, и примите уготованное вам Царство»[14].

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божией, и ходил каждый день в церковь Божию, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться боже-

ственным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места Твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест[15] и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем

разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в Божию церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры[16], очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг[17], видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не

могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело Мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов»[18]. Если уж сам Господь наш хлеб назвал плотью Своею, то как же не радоваться мне, что сподобил Он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то лаской, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника, и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться Богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно

находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за Мной, то он Меня недостоин»[19]. И еще: «Придите ко Мне, все страдающие и обремененные, и Я успокою вас. Возложите бремя Мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим»[20]. Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божией случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не

взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле Божией так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только Бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии[21], живущем в пещере, и, окрыленный, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и неприглядное всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону[22] постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою,

целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои»[23]. Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень жалею я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Старец сей, простой умом, не разумев хитрости ее, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь в град свой». Старец же отвечал ей: «Если хочешь видеть его, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и увидишь его». Послушалась она и ушла,

надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и увидеть мать. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла увидеть его. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет Его и боится волю Его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их»[24]. И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монас-

тырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Феодору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш Феодосий святой победоносцем показал себя в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению Богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и великом Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах Богу, и Бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить Мне, тут и Я среди них»[25].

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово Господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное»[26]. Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно Богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего

позовут тебя назад. Господь говорит: «Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не найдет себе места в Царствии Небесном»[27]; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к Богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи, и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы Божии, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед Богом явишься лжецом и отступником Его». И отвечал ему отрок: «Верю Богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облек его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то

место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал. «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав[28], что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гневе обратившись к Никону, спросил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати Божией я постриг их, по повелению Небесного Царя и Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так: «Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов Царя Небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его[29]: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устрашился гнева Божиего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде чем вернулись они в свою пещеру, словно храбрые воины после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь Господу Богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христолюбивый князь Изяслав, то воспылал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру, и вывел из нее сына своего, божественного

Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения[30], что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести через весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к Богу Варлаам—увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с Божией помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, ходила перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному Богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь— так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него Бога. И Бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и Господь услышал их, и от всех печален избавит их. Близок Господь сокрушенным сердцем и спасет смиренных душой»[31].

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил

от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни[32], и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили Бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по Божией благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских[33]. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, перенося холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и доныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский[34], и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по Божией благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и доныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем-скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславле[35]. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда блаженный отец наш Феодосий по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился

Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой небольшую церквицу во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте— это одному Богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах Бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молол за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И

за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии той, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Димитрия[36]. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую уставил по чину и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга»[37]. Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский»[38]. И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек, — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им Господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает Отец ваш Небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите Царства Небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а Бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и духом

святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божией помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и Приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему-скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря[39] и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — Богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облекал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

На все дни святого мясопуста[40] отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до Вербной недели[41], а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же

говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не устрашился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая себе на помощь Господа Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с Божией помощью и не приобрел от Бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от Бога власть над ними, пошел вечером в тот дом и, запершись, остал-

ся там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не творили пакостей, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться Богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, псалмы Давидовы во все дни в устах своих имея.

И так им говорил: «Молю вас, братия, подвигнемся постом и молитвою и попечемся о спасении душ наших, и отвернемся от озлоблений наших, и от путей лукавых: от прелюбодеяния, воровства и клеветы, празднословия, вражды, пьянства и объедения, от братоненавидения. Уклонимся, братия, от всего этого, возгнушаемся! Не осквернim души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в Рай, и взыщем Бога рыданием, слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием! И так да обретем милость Его. Еще же да возненавидим мир сей, всегда помышляя о Господе, изрекшем: «Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села свои Моего ради благовествования, недостоин Меня»[42]. И еще: «Обретший душу свою, погубит ее, а погубивший ее Меня ради, спасет ее»[43]. Так и мы, братия, отрешись от мира, отвернемся и от пребывающих в нем. Возненавидим же всякую неправду, чтобы мерзкого не сотворить, и не обратимся на прежние

грехи, как псы на свои блевотины[44]. «Никто ведь, — изрек Господь, — возложивший руки свои на плуг и обернувшийся вспять, не достигнет Царства Небесного»[45]. Как же мы избежим му́ки бесконечной, окончив время жития своего в лености и не покаявшись? Лучше ведь нам, назвавшись чернецами, все дни каяться о грехах своих. Покаяние ведь есть путь, приводящий к Царству, покаяние есть ключ от Царства. Без него невозможно войти туда никому. Покаяние есть путь, вводящий в Рай. Да будем держаться, братия, этого пути, пригвоздим к нему ноги и стопы, ибо к этому пути не приближается змей лукавый[46]. Шествие этим путем прискорбно, а конец радостен. Потому, братия, подвигнемся прежде дня судного, да получим блага сии. Избегнем же участи нерадивых и не в покаянии живущих».

Так святой сей наставник обращался к братии и учил ее. Они же, как земля, жаждущая воды, принимали слова его, принося плоды трудов своих Господу. Иной сто, иной же 60. И можно было видеть на земле людей, житием подобных ангелам, и монастырь тот, подобный небу, и в нем блаженного отца Феодосия, паче солнца воссиявшего добрыми делами.

И было явление игумену монастыря святого архистратига Михаила[47] по имени Софроний. Ехал он в монастырь свой, была ночь, и только над монастырем блаженного отца нашего Феодосия виден был свет. И изумлялся он этому, славя Бога и говоря: «О коль велика благость Твоя, Господи, что показал такой светильник на месте сем[48] — преподобного сего мужа! Ибо он, так светясь, просветил монастырь свой!» Это же и иные многие видели и многажды о том поведали.

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил Бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосий повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел по обыкновению христолюбец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христолюбец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру[49]: когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому своему, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христолюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христолюбец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет— не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя Богом подвигаемая забота о святой Владычице нашей Богородице — благо есть, и твоей душе на пользу. И мы всегда очень рады прихо-

ду твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христолюбивый князь насладился медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя Бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосий.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Димитрия, построенного христолюбивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора[50], и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что купил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и доныне находится его гробница.

В то же время христолюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исайю[51], и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Димитрия; он впоследствии за достоинства свои был поставлен епископом города Ростова.

Когда умер Ростислав, князь острова того[52], жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу[53] и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились

они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосий, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом[54] до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинялся ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосий, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану[55], бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Феодор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Феодор к блаженному отцу нашему

Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Феодор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному Богу, вещавшему: «Учитесь у Меня, как кроток Я и смирен сердцем»[56]. Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело—разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово Божие, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевеща на вас за приверженность ко Мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах»[57]. Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и в страхе вскочил и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все также постоянно учил братию не возноситься умом, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите, — говорил он им, — руки держите скрестив на груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из келии в келию, но пусть каждый из вас молится в своей келии». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не усту-

пая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей келии, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать Бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им:

«Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келии положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы Господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною». К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих Бога за такие наставления доблестного наставника и учителя их.

А вот что поведал мне одни из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келии злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келию. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получат власть над тобою. Но молись ты Богу в келии своей, и Бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келии из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келии своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келию, и лег, и спал сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келии у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келию распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с Его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит»[58]. Как только удалился эконом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и, ни слова не говоря, положил на столп золотую гривну[59], и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь Богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз

слышали служащие с церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келии, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, а Феодосий, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосий, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан[60], который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келии, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и многое еще поведали они о муже том. Когда же заболел он и настал его смертный час, то обратился к Богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня приобщиться к славе святых Твоих и вместе с ними войти в царство Твое, и не разлучи меня, молю Тебя, владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал Ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосий, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, Господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился Богу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в Царство Небесного Владыки. Когда же Господь Бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от Бога, ибо не видел, ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же, не медля, позвал прислуживавшего ему и послал его за бла-

женным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что приходив, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосий улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые келии: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды, темной ночью, пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по келиям, а устремились к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил[61] в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив

никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо Бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил Бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, так же славящих и благодарящих за все Бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А некий другой боярин того же христолюбца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христолюбцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой Богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой Богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно верну-

лись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой Богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой Богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой Богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой Богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой Богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, желая укрепить благочестие князя, сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлебы печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за

благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христолюбец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосий поистине был исполнен святого духа, потому и смог умножить божественное богатство, и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждой уповал на Бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он келии учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в келиях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к Богу, имея в келиях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит Господь: «Где сокровища ваши, там и сердца ваши»[62]; и еще о тех, кто собирает их: «Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?»[63] Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в келиях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к Богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился Богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и мо-

лил за него Бога, пока тот брат не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его, наставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей. Такими и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келию.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него Бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосий же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего ослушания, и ввергни в горящую печь». Тот же, горячо веруя в Бога, по повелению блаженного отнес и ввергнул в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбился, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их, и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости Божией и указывал им путь в Небесное Царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля Бога, чтобы позаботился о нас. Или же свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на Бога, который в

пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами[64]. Тот Бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться Богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению Божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил Бога и обратился к келарю: «Вот видишь, брат Феодор, что не оставляет нас Бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение Божие». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой, — такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью Божией.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их, связанных и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих Бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана[65], и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой ли-

тургии. Блаженный тут же, признав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина до избытка», — так и случилось.

Как-то в день святого и великого Димитрия[66], в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосий с братией отправились в монастырь святого Димитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосий повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы Господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею[67] за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или ввергнуть в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосием, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлебы, а другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, ослушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, Бог не оставил труда и молитв преподобных своих, чтобы не было попрано установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога, удивляясь, как постоянно Он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом ослушания. Случилось же то по изволению Божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таковых хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его Бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем ослушаться на-

ставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от Бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой Богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампады. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то увидел, что в нем плавает упавшая туда мертвая мышь. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление Божией заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на Бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся Богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный Бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправили все лампады, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой Богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, тот, который после положил душу свою за брата по призыву Господню[68], он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле

Божией, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божие». Тем временем дождь перестал и христолюбец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал Господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села.

И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлебы. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусеке, вдруг найдется в нем немного муки на то время, пока Господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни, — и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик Бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илии, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица пропитаться с детьми в голодное время[69], пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может Бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлебы для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам Бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на Бога у преподобного Феодосия, так уповал он на Господа нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к Богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас Господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют, не жнут, не собирают в житницы свои, но Отец Небесный питает их, насколько же вы лучше их»[70]. Поэтому он еженощ-

но со слезами молил Бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, Владыка, собрал Ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя Пресвятой Матери Твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя Твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед Тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христолюбивому и боящемуся Бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться.

Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося Богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся огненный столп и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосий указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и доныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не заехал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что сам Господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом Божий и врата Небесные[71].

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы[72]. Однажды ночью он также вышел из келии своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени построил там славный монастырь. Так и здесь следует понимать, что Бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой Бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей услышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой Богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле Божией скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили Бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за Господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям,

спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый Богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до Вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу Вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля Бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле Божией, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой Бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи Господни устремлены на праведных, и уши Его внимают молитвам их»[73]. Постоянно ведь Владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей[74], братьев по крови: двое из них пошли войной на тре-

тьего, старшего своего брата, христолюбца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к неправедному их союзу. Но тот, исполненный Духа Святого, преподобный Феодосий, видя, что несправедливо изгнан христолюбец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин[75] и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял и, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек Божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая беззаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к Богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступиться и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из это-

го не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не впустишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий приводить примеры из Священного Писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя Бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой[76], таковы были слова блаженно-

го, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе Божием и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие били в орга́ны, а иные свистели в замры[77], и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосий дни и ночи молил Бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его[78] как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого. А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на упомянутый выше остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный духа святого, задумал по благодати Божией перенести монастырь на новое место и, с помощью Святого Духа, построить большую каменную церковь во имя святой Богородицы и Приснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле Божией, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно Богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с Божией помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и диакон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до старости — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на Господа нашего Иисуса Христа и святой дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание. Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как

сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех Богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это Бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, святым духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багряницей царской, и в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к Богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников[79], и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божиим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со

слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келию и начал плакать, и бить себя в грудь, кланяясь Богу и молясь Ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

После этого блаженного холод объял и огонь палить начал, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля Божия, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю Тебя, Владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету Твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том Господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвеча-

ли, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен. Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к Владыке, Господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно Богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш Отец Небесный. Да пребывает Господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед Богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле Владыки Небесного; если же ког-

да-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновения Ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому Богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую Владычицу нашу Богородицу, и молил ее именем Господа Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно: «Благословен Бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки Божии, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинуясь божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая, когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что и вправду умер Феодосий, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле Божией затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говори-

ли прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

В тот же год по молитвам блаженного отца нашего Феодосия умножил Бог вся благая в монастыре том, еще же и в селах был урожай, и в скоте приплод, как никогда прежде. Ученики его, уразумев сие и вспомянув обещание святого отца, прославили Бога за такую благодать, которой сподобился учитель и наставник их.

Должно ведать, что и доныне молитвами его все умножается в монастыре его. Ведь все земли разграблены врагами, а в монастыре блаженного всё умножается молитвами отца нашего Феодосия. Ибо истинны слова Владыки, который рек: «славящих Меня прославлю». И как говорит божественное Писание, «праведник, если умрет, жив будет вовеки, так что не прикоснется к нему смерть, и от Господа воздаяние его и надежда его от Вышнего»[80].

Ведь сей преподобный отец наш Феодосий, хоть телом и отошел от нас, но, как сам изрек, духом вечно с нами пребывает. О сем ныне поведаем, что́ было после его смерти.

Боярин некий вызвал великий гнев в князе, и многие приходили и говорили, что князь хочет заточить его в темницу. Он же молился Богу с усердием и святого отца нашего Феодосия призывал на помощь, говоря: «Ведаю, отче, что ты свят. И вот, время приспело: потщись умолить Владыку Небесного, да избавит меня от напасти сей!» И вот, в один день, когда тот спал в полдень, явился ему отец наш Феодосий, говоря: «Что так печалуешься? Или думаешь, что я удалился от вас? Но если телом я и отошел от вас, то духом всегда с вами пребываю. И вот, утром призовет тебя князь, и не будет в нем нисколько гнева на тебя. Но снова на прежнее место возведет тебя». И при этих словах проснулся тот боярин и видел спину блаженного, выходящего в двери. И исполнилось все по слову, изреченному блаженным. И боярин тот еще больше возлюбил монастырь блаженного.

И вот, муж некий, хотя отправиться в путь и имея лукошко малое, полное серебра, принес его в монастырь блаженно-

го и передал на хранение черноризцу Конону, ибо был с ним в дружбе. Узнав об этом, один из братии, именем Никола, уязвлен был бесом. И украв это серебро, сокрыл его. Конон же, войдя в келию свою и осмотревшись, не нашел серебра. Он был в печали великой и со слезами молился Богу и часто призывал святого отца нашего Феодосия, чтобы не быть посрамленным от давшего ему серебро на хранение. После того он заснул неглубоким сном и увидел во сне блаженного Феодосия, который сказал ему: «То, о чем ты печалуешься, черноризец Никола взял по наущению диавола и сокрыл в пещере». Святой указал ему и это место, говоря: «Иди, никому не рассказывая о сем, и возьми врученное тебе». Монах же воспрянул от сна и возрадовался. Скоро встав, возжег свечу, пошел к указанному ему месту и обрел серебро по слову святого отца. И, взяв, нес в келию свою, хваля и славя Бога и угодника его, блаженного Феодосия, прославляя.

И еще поведали, что один из клира святой и великой церкви Софии[81] тяжко болел, как пожигаемый огнем. И еле в себя прийдя, молил Бога и святого отца нашего Феодосия об ослаблении боли. И едва уснув, увидел блаженного Феодосия, который протягивал ему свою палку и говорил: «Возьми сию палку и ходи с нею»[82]. И он, взяв, почувствовал, как боль отступает и огонь утихает. И поведал тем, кто был рядом с ним, о совершившемся — о явлении блаженного. И исцеленный, пошел в монастырь блаженного, поведал братии, как был исцелен от болезни молитвами святого отца нашего Феодосия. И слышавшие это прославили Бога, даровавшего такую благодать блаженному рабу своему.

После смерти блаженного отца нашего Феодосия игуменство принял Стефан[83], усердствуя в строительстве и в заботе о церкви, которую начал создавать блаженный. И так, благодатию Божиею и молитвами преподобного отца нашего Феодосия за несколько лет создана была церковь[84] и монастырь огражден стенами. И все переселились на новое место, на старом же месте осталось немного братии, там же по обычаю погребали усопших монахов. И так рядом оказались оба монастыря, посредине же двор, который блаженный отец наш Феодосий предназначил, чтобы принимать нищих. И все эти строения были окружены единой оградой, дворы же стояли порознь. И еще установил сей отец наш Стефан, чтобы в

старой церкви совершалась служба святая за умирающую братию. Бог же даровал все нужное, и так умножилось место то благодатию Божиею и по молитвам святого нашего Феодосия. Ненавидящий же добро враг, который вечно борется с рабами Божиими и не дает им мирно жить, снова и снова восстает на них со злыми кознями, воздвигая распри. Но где есть борьба, там всегда есть и великая победа. Потому и вражда супостата не перестает. И такое смятение сотворил сатана в монахах, что те, крамолу совершив, Стефана от игуменства отставили. И так разжег их диавол на гнев, что изгнали его и из монастыря. Уведав о том, многие из бояр — его духовных детей, переданных Стефану блаженным Феодосием, — сильно сожалели, что их духовный отец был посрамлен и изгнан из монастыря, который принял от блаженного Феодосия. И подавали ему от своего имущества необходимое для пропитания тела и для иных нужд. Бог же помогал ему по молитвам его блаженного наставника и отца Феодосия. Он создал монастырь и церковь соорудил во имя святой Богородицы и нарек место то по образу места в Константиновом граде «Влахерна»[85]. И каждый год праздник творил светлый святой Богородицы месяца июля во 2-й день[86].

По изгнании же его бывшие в монастыре блаженного Феодосия по общему согласию поставили в игумены великого Никона: ведь тот после успения блаженного пришел в монастырь со своего места. Полагаю же, что это поставление было совершено по Божию изволению. Ведь был он старше всех, и блаженный отец наш Феодосий сподобился пострижения от его руки и принял святой и ангельский образ монашеский. Также и на него многажды покушался враг, и против него пытался крамолу воздвигнуть, но не смог.

Однако мы, многими понуждаемые, сотворивши повесть, здесь да остановим слово. Все, что выше о блаженном и великом отце, расспрашивая, услышал я от старейших меня отцов, бывших в то время в монастыре, — все это вписал я, грешный Нестор, меньший всех в монастыре блаженного и отца всех Феодосия. Принят же был я в монастырь преподобным игуменом Стефаном и им пострижен был, и монашеской одежды сподоблен. Еще же в диаконский сан был им возведен[87], которого не был достоин, ибо груб я и невежествен, бо-

лее того, и множеством грехов наполнен с юности. Однако же по Божией воли и любви тот Стефан так сотворил.

Многажды я слышал от братии о добром и чистом житии преподобного и богоносного и блаженного — так скажу! — отца нашего Феодосия и радовался, благодаря его, который так потрудился и так жил в последнем веке. О нем же никто ничего не написал, и печаль и скорбь душу мою охватывали. Движимый любовью к святому и великому отцу нашему Феодосию, покусился и я, грубый сердцем: из того, что о нем слышал, от многого малое записал на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, с ним же Отцу слава вместе и с Пресвятым Духом ныне и присно и в бесконечные веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Житие Феодосия Печерского» — одно из старейших русских житий. Это первое дошедшее до нас древнерусское преподобническое житие (житие святого монаха). Его автор, как указано в тексте, монах Киево-Печерского монастыря Нестор. По мнению большинства исследователей, «Житие Феодосия Печерского» было написано в 1080-е гг. В заключительной части «Жития...» упоминается о времени, когда настоятелем Киево-Печерского монастыря был игумен Никон, но не сообщается ни о его смерти (Никон скончался в 1088/1089 гг.), ни о последующих настоятелях. В «Житии...» также ничего не сообщается об обретении священных останков (мощей) Феодосия (об этом событии рассказывается в древнерусской летописи «Повесть временных лет» под 1091 г., и автором этого рассказа обычно считают Нестора). В 1108 г. состоялась официальная канонизация Феодосия (причисление к лику святых); об этом событии «Житие...» также умалчивает.

По своей структуре «Житие Феодосия Печерского...» — традиционная, классическая агиобиография — описание жизни святого от его рождения до кончины, завершаемое описанием посмертных чудес, которые удостоверяют его святость, и краткой похвалой подвижнику составителя текста. Открывается «Житие...» также традиционно — вступле-

нием, в котором автор объясняет, почему он взялся за столь великий и ответственный труд, признается в собственных слабостях и невежестве, молится Богу, прося даровать божественную благодать для работы над жизнеописанием Феодосия.

На самом деле Нестор был весьма образованным книжником. В «Житии Феодосия Печерского» он упоминает о греческих житиях прославленных монахов прежних времен — о житии Антония Великого и о житии Саввы Освященного, которые послужили для него образцами.

«Житие Феодосия Печерского» — одно из наиболее распространенных древнерусских житий. Оно послужило образцом для древнерусских книжников позднейшего времени; например, следы воздействия «Жития...» обнаруживаются в «Житии Сергия Радонежского», составленном монахом Епифанием Премудрым в 1417—1418 гг.

«Житие Феодосия Печерского» печатается в переводе О. В. Творогова по изд.: ПЛДР: XI — начало XII в.». М., 1978. С. 305—392; в текст перевода внесено несколько исправлений. Молитва Феодосия о монастыре и его братии и заключение «Жития...» (посмертные чудеса Феодосия и молитва Нестора) переведены А. М. Ранчиным по публикации оригинала жития в изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

1. ... *написал я о житии и о погублении и чудесах святых ... мучеников ... Бориса и Глеба...* — «Чтение о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» было написано Нестором, по-видимому, в 1078—1079 гг. О святых Борисе и Глебе см. «Сказание о Борисе и Глебе» в наст. изд. и примечания к этому тексту.

2. *«Если имеете веру... повинуется вам».* — Мф. 17:20.

3. *«Многие придут ... в Царствии Небесном»...* — Мф. 8:11.

4. *«Многие из последних да станут первыми»...* — Мф. 19:30.

5. ... *говорю я о великом Антонии.* — Антоний Великий (251—356) — прославленный святой, египетский отшельник, один из основателей монашества.

6. ...*«Дурной раб ... получил его с прибытком».* — Мф. 25:26—27.

7. *«Все, что говорю вам во тьме ... по всем домам».* — Мф. 10:27.

8. *В пятидесяти поприщах от ... Киева ... есть город по названию Васильев.* — *Васильев* — город, расположенный к юго-западу

от Киева на реке Стугне; *поприще* — древнерусская мера длины, здесь — 1480 м.

9. ... *и назвал его Феодосием.* — «Феодосий» по-гречески означает «данный, посвященный Богу». Из текста «Жития...» следует, что святой был наречен Феодосием при крещении; однако дальнейшее повествование и все прочие древнерусские тексты свидетельствуют, что имя «Феодосий» святой получил при пострижении в монахи, а принимая монашеский сан, человек получал новое имя. В научной литературе существуют разные объяснения совпадения мирского и монашеского имен Феодосия: 1) Нестор не знал мирского имени святого и потому называет Феодосия-младенца монашеским именем; 2) Нестор сознательно отступает от истины, чтобы выразить мотив посвященности святого Богу от рождения, чтобы указать на предопределенность монашеского призвания Феодосия; 3) в Древней Руси, возможно, при принятии монашества перемена имени не была обязательной.

10. ... *стадо богословесных овец ... пастуха не избрал.* — Традиционные в христианской церковной книжности метафоры: «пастух», «пастырь» — священник или настоятель монастыря, «овцы», «стадо» — прихожане или монахи.

11. ... *ожидая восхода солнца праведного — Христа...* — солнце праведное — устойчивое наименование Иисуса Христа в христианских богослужебных текстах.

12. *«Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант...».* — Цитата из Библии, отсылающая к евангельской притче о рабах, которым хозяин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища (талант — денежная единица на Древнем Востоке). Один раб закопал деньги в землю, чтобы не потерять их, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью (ср.: Мф. 25:14—30).

13. ... *«Придите, благое стадо ... от сотворения мира Царство».* — Аллюзия на слова Христа о суде Бога над праведниками (ср.: Мф. 25:32—34).

14. ... *«Придите... вам Царство».* — Аллюзия на тот же евангельский текст.

15. ... *идут из святых мест...* — то есть из Палестины, Святой Земли, куда обыкновенно отправлялись паломники.

16. *Просфора* — греч. «приношение», хлебец, по церковному вероучению, освящаемый и пресуществленный (преображенный) Святым Духом на литургическом богослужении; под видом хлеба верующие причащаются Телом Христовым.

17. ... *злой враг...* — то есть дьявол.

18. ... *«Возьмите и ешьте ... очистились вы все от грехов».* — Ср.: Мф. 26:26; Мк. 14:22; Лк. 22:19.

19. ... *«Если кто не оставит отца или мать ... то он Меня недостоин».* — Ср.: Мф. 10:37—38; Лк. 14:26.

20. *«Придите ко Мне ... душам вашим».* — Мф. 11:28—29.

21. ... *о блаженном Антонии...* — Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря (р. ок. 983 — ум. в 1072/1073); поселился в пещере недалеко от Днепра, где прежде уединялся на отшельнический подвиг священник Иларион, автор «Слова о Законе и Благодати» (см. наст. изд., с. 15—55), ставший Киевским митрополитом. Антоний по существу возглавлял монашескую братию, но не был игуменом, так как не имел священнического сана. В отличие от Феодосия, приверженного общежитийному монашеству (совместному исполнению монахами обязанностей по монастырю), Антоний был сторонником отшельнического служения Богу и закончил жизнь, затворившись в пещере, в безмолвии и уединении. Древнее житие Антония было утрачено; об Антонии сообщается кроме «Жития Феодосия...» в нескольких рассказах «Киево-Печерского патерика» (см. об этом памятнике прим. на с. 275—279) и в «Повести временных лет» под 1051 г.

22. ... *великому Никону...* — Никон, монах, а позднее (с 1077 или с 1078 г. по 1088/1089) — игумен Киево-Печерского монастыря. По мнению исследователя русского летописания А. А. Шахматова, Никон составил летописный свод, фрагменты которого в переработанном виде сохранились в составе «Повести временных лет». Историк и текстолог М. Д. Приселков отождествляет Никона с автором «Слова о Законе и Благодати» митрополитом Иларионом, удалившимся в Киево-Печерский монастырь и принявшим новое монашеское имя.

23. *«Посмотри на смирение мое ... грехи мои».* — Нестор вкладывает в уста Феодосия слова из библейской книги Псалтирь, Пс. 24:18.

24. ... *«Рядом Господь ... и спасет их».* — Цитата из Библии: в русском синодальном переводе: «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их» (Пс. 144:18 — 19).

25. ... *«Где двое или трое ... и Я среди них».* — Мф. 18:20.

26. ... *«Легче верблюду... в Царство Небесное».* — Мф. 19:23—24; Мк. 10:23; Лк. 18: 24—25).

27. ... *«Никто, возложивший руки свои на плуг ... в Царствии Небесном»*... — Лк. 9:62.

28. ... *князь Изяслав*... — Изяслав (ум. в 1078) — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь Киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069, когда киевляне возвели на престол Всеслава Полоцкого). В 1073 г. был лишен киевского престола младшим братом Святославом, прежде княжившим в Чернигове; вновь вокняжился в Киеве в 1077 г. и правил до смерти в междоусобной битве против племянников Олега Святославича и Бориса Вячеславича.

29. *Тогда обратилась к князю жена его*... — Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, — по-видимому, восстание в Польше в 1037—1038 гг.

30. ...*шлем спасения*... — клобук, монашеский головной убор.

31. ... *«Воззвали... праведные ... и спасет смиренных душой»*. — Пс. 33:18—19.

32. ...*словно птица, вырвавшаяся из сети или серна из западни*... — образы, восходящие к переводному византийскому произведению «Пандекты» Антиоха.

33. *И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Петр и Варнава ... в Деяниях апостольских*. — В библейской новозаветной книге Деяния святых апостолов (гл. 11—14) повествуется о проповеди веры в Христа апостолами Павлом и Варнавой.

34. ... *остров Тмутороканский*... — Таманский полуостров, на котором в XI в. располагалось русское княжество с центром в городе Тмутороканe; в конце XI в. Тмуторокань, по-видимому, перешла под власть Византийской империи по договоренности между русским князем Олегом Святославичем и византийским императором.

35. ...*Ефрем-скопец... поставлен митрополитом в городе Переяславле*. — Ефрем принял постриг в Киево-Печерском монастыре в 1060/1061 гг.; в начале 1060-х гг. жил в Константинополе. Между 1073 и 1077 гг. был рукоположен в Переяславские митрополиты. Умер, по некоторым данным, в 1096 г.

36. ... *в монастыре святого мученика Димитрия*. — Дмитриевский монастырь (в память святого мученика-воина Димитрия Солунского) был построен князем Изяславом Ярославичем в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Киево-Печерского

монастыря. Монастырь был основан в 1062 г., тогда же Варлаам (ум. в 1073 или 1074 г.) был поставлен в его игумены.

37. ... *«Если кто из вас хочет быть наставником другим, ... всем слуга».* — Ср.: Мф. 20:26; Мк. 10:43; Лк. 22:27.

38. ... *«Праведник ... возрастет, словно кедр ливанский».* — Пс. 91:13.

39. ... *устав Студийского монастыря...* — Студийский монастырь в Константинополе; монашеские правила этой обители, принадлежащие или приписываемые его настоятелю в 798—826 гг. Феодору Студиту (759—826), предписывали общежитие — совместное исполнение монахами всех обязанностей по монастырю.

40. ... *на все дни святого мясопуста...* — мясопуст — неделя перед Великим (предпасхальным) постом.

41. ... *до Вербной недели...* — Вербная неделя — неделя, завершающаяся Вербным воскресением, последним воскресением перед пасхой; в этот день празднуется Вход Господень в Иерусалим; в Евангелиях повествуется, что люди, встречая Христа, устилали ему путь пальмовыми ветвями; на Руси на этот праздник верующие приходили с ветвями вербы.

42. ...*«Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села свои Моего ради благовествования, недостоин Меня».* — Лк. 14: 26.

43. ...*«Обретший душу свою, погубит ее, а погубивший ее Меня ради, спасет ее».* — Мф. 16:25; Мк. 8:35; Лк. 9:24.

44. ...*не обратимся на прежние грехи, как псы на свои блевотины.* — Сравнение заимствовано из Библии (Притч. 26:11; 2 Пет. 2:22).

45. *«Никто ведь, — изрек Господь, — возложивший руки свои на плуг и обернувшийся вспять, не достигнет Царства Небесного».* — Лк. 9:62.

46. ...*к этому пути не приближается змей лукавый.* — Змей лукавый — символ дьявола.

47. ...*монастыря святого архистратига Михаила...* — речь идет о Выдубицком монастыре святого архангела Михаила, предводителя ангельского воинства (греч. «архистратига»), основанном князем Всеволодом Ярославичем; монастырь находился в окрестностях Киева.

48. *«О коль велика благость Твоя, Господи, что показал такой светильник на месте сем...»* — метафорический образ светильника — святого восходит к Библии, в которой в сходном случае Иисус Христос говорит о свече; ср.: «И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5:15; Лк. 8:16; 11:33).

49. *...ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру...* — подразумевается эпизод из Деяний святых апостолов (Деян. 12:11—17).

50. *...до города Владимира ...в монастыре, именуемом Святая Гора...* — монастырь Святая гора, или Святогорский, позднее называвшийся Загоровым, находился близ западнорусского города Владимира Волынского (на нынешней Западной Украине).

51. *...по имени Исайю...* — Исайя (ум. в 1090/1091) был пострижен в монахи в игумство Феодосия (1062—1074). Около 1088 г. был рукоположен в Ростовские епископы; был известен как миссионер, боровшийся с остатками язычества.

52. *Когда умер Ростислав, князь острова того...* — Ростислав Владимирович был отравлен в 1066 г. византийским чиновником; византийцы опасались усилившегося влияния Ростислава в северном Причерноморье.

53. *...к князю Святославу...* — Святослав Ярославич (1027—1076) — князь Черниговский; в 1073 г., сговорившись с младшим братом Всеволодом, изгнал старшего брата из Киева и вокняжился в нем. Правил в Киеве до смерти.

54. *... с князем Глебом...* — Глеб (ум. в 1078), сын Святослава Ярославича; княжил в Тмуторокане в начале 1060-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом и вновь вернулся после его смерти в 1066 г. В 1070-х гг. княжил в Новгороде.

55. *...отцу нашему Стефану...* — см. о нем прим. 83.

56. *... «Учитесь у Меня, как кроток Я и смирен сердцем».* —Мф. 11:29.

57. *... «Блаженны вы ... награда великая на небесах».* —Мф. 5:11—12; Лк. 6: 22—23.

58. *...«Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит».* — Мф. 6:25—26, 34.

59. ... *золотую гривну*... — гривна в Киевской Руси — денежная единица; здесь, возможно, говорится о золотом слитке достоинством в одну гривну.

60. ... *один черноризец ... по имени Дамиан*... — о Дамиане рассказывается в «Повести временных лет» под 1074 г. и в «Киево-Печерском патерике».

61. ...*пономарь ударил*... — низший церковнослужитель (парамонарь; псаломщик).

62. ... *«Где сокровища ваши, там и сердца ваши»*... —Лк. 12:34.

63. ... *«Безумный,... душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?»* —Лк. 12:20.

64. ... *в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами.* — В Библии повествуется о том, как Бог ниспослал с неба манну и перепелов евреям, блуждавшим по пустыне без пропитания (Исх. 16:13—14).

65. ... *святого первомученика Стефана*... — в библейской книге Деяния святых апостолов (гл. 6—7) рассказывается о диаконе Стефане, который был ок. 35 г. первым казнен за проповедь христианства вскоре после крестной смерти и воскресения Христа.

66. ... *в день святого и великого Димитрия*... — в день памяти святого Димитрия Солунского (26 октября), которому был посвящен основанный князем Изяславом монастырь; этот монастырь неоднократно упоминается в «Житии Феодосия Печерского».

67. ... *наказал епитимьею*... — церковное наказание, состоящее в совершении благочестивых деяний, очищающих душу и изнуряющих плоть, — усердной и длительной молитвы, большого числа поклона, воздержания от сна, строгого поста и т. д.

68. *Боголюбивый же князь Изяслав ... который после положил душу свою за брата по призыву Господню*... — киевский князь Изяслав Ярославич (1024—1078) в 1078 г. выступил вместе с младшим братом Всеволодом и его сыном Владимиром Мономахом против младших князей Олега Святославича и Бориса Вячеславича; Олег желал отвоевать Черниговское княжество, принадлежавшее прежде его отцу Святославу Ярославичу и захваченное Всеволодом. Изяслав, решивший защитить брата, который прежде потерпел поражение от половцев — союзников Олега и Бориса. В сражении на Нежатиной ниве ранней осенью 1078 г. Изяслав был убит неким

воином сзади ударом копья в спину. Об этом эпизоде подробно рассказывает «Повесть временных лет» под 1078 г., о нем упоминается в «Слове о полку Игореве».

Говоря о смерти Изяслава, Нестор ссылается на речение Христа (Мф. 16:25; Мк. 8:35; Лк. 9:24), которое уже цитировалось выше, в молитве Феодосия (см. с. 128 и прим. 48).

69. *...как сделал и при Илии ... чтобы смогла некая вдовица пропитаться с детьми в голодное время...* — в Библии повествуется о том, как пророк Илия во время жесточайшей засухи, уничтожившей весь урожай, велит бедной женщине-вдовице приготовить для него лепешку из последней муки и остатков масла, обещая, что «мука в кадке и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю». Все исполняется по слову пророка (3 Цар. 17:11—16).

70. *«Не заботьтесь ни о чем ... насколько же вы лучше их».* — Мф. 6:25—26.

71. *...возгласить вместе с божественным Иаковом ... здесь и есть дом Божий и врата Небесные.* — Отсылка к библейскому эпизоду: видению праотцем Иаковом лестницы, ведущей на небо; после этого видения Иаков произносит цитируемые здесь слова (Быт. 28:17).

72. *...и в житии святого и великого Саввы...* — Савва Освященный (439—532) — святой, один из основателей палестинского монашества, создавший семь монастырей. Нестор ссылается на «Житие Саввы Освященного», написанное византийским автором Кириллом Скифопольским.

73. *...«Очи Господни ...молитвам их».* — Пс. 33:16.

74. *...начался раздор... среди трех князей...* — речь идет об изгнании Киевского князя Изяслава младшими братьями Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским и о вокняжении в Киеве Святослава (1073).

75. *...на пир Иезавелин...* — то есть на пир, устроенный нечестивым правителем (в данном случае Святославом). Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой рассказывается в Библии (3 Цар., 18).

76. *...более, чем медом и сытой...* — сыта — сладкий напиток на меду.

77. *...другие били в органы, а иные свистели в замры...* — органы и замры — ударные и духовые музыкальные инструменты.

78. *...и в ектении велел упоминать его...* — ектения (греч. «прошение, усердное моление») — ряд призывов к молитве, произносимых диаконом или священником; на ектении возносилось моление «о властех» и упоминалось имя правящего великого князя.

79. *...тиунов, и приставников...* — тиун, приставник — эконом, управляющий хозяйством; дворецкий.

80. *«праведник, если умрет, жив будет вовеки, так что не прикоснется к нему смерть, и от Господа, воздаяние его и надежда его от Вышнего»* — Ин. 11:25—26.

81. *...один из клира святой и великой церкви Софии...* — клир — священно- и церковнослужители одного храма; здесь священнослужители кафедрального (митрополичьего) храма; храм святой Софии — Киевский собор, построенный князем Ярославом Мудрым; древнерусские летописные источники указывают разные даты строительства этого храма, большинство исследователей считают, что церковь святой Софии была построена около 1037 г. (эта дата содержится в «Повести временных лет»). Собор святой Софии был кафедральным митрополичьим храмом и княжеской усыпальницей.

82. *«Возьми сию палку и ходи с нею»* — перефразировка слов Иисуса Христа, сказанных расслабленному (паралитику), исцеленному Христом: «Возьми постель твою и ходи» (Мк. 2:9, 11; Лк. 5:24; Ин. 5:8; 11:12).

83. *... игуменство принял Стефан...* — Стефан (ум. в 1094) был игуменом Киево-Печерского монастыря после смерти Феодосия в 1074 г., был принужден оставить монастырь не позднее 1077 г. После этого игуменствовал в основанном им Влахернском монастыре на Клове, между Киево-Печерским монастырем и Киевом. Позднее (в 1090 г.) был рукоположен в епископы Владимиро-Волынской епархии.

84. *...за несколько лет создана была церковь...* — Печерский храм Успения Богородицы был заложен в 1073 г. При Феодосии были выстроены лишь фундаменты и основания стен. Строительство было закончено в 1075 или в 1077 г., но храм был освящен только в 1089 г. при игумене Иоанне, преемнике игумена Никона. Разрушен немцами в период Великой Отечественной войны. Монастырские предания о чудесах, сопутствовавших основанию храма, собраны в Киево-Печерском патерике (ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 412—433).

85. *...нарек место то по образу места в Константиновом граде «Влахерна»...* — Влахерна — местность в столице Византийской империи Константинополе; находилась недалеко от городской гавани. Здесь стояла прославленная церковь Богородицы, где хранились риза, пояс и головной покров Пресвятой девы Марии. Влахернская церковь была святыней, посещаемой русскими паломниками (см., например, Хождение Стефана Новгородца, XIV в. ПЛДР: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 39).

86. *И каждый год праздник творил светлый святой Богородицы месяца июля во 2-й день.* — 2 июля по старому стилю празднуется Положение честныя ризы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы в церкви иже в Лахерне (во Влахерне). Праздник совершался в воспоминание о перенесении ризы Богородицы из Иерусалима в Константинополь. Это был храмовый праздник Влахернской церкви, соотвественно, он стал и храмовым праздником в церкви Стефанова монастыря, созданной по образу Влахернской.

87. *... в диаконский сан был им возведен...* — диакон — священнослужитель низшей степени, помогающий священнику при совершении священных обрядов (таинств), но сам их не совершающий.

ЖИТИЕ И ХОЖЕНИЕ ДАНИИЛА, ИГУМЕНА РУССКОЙ ЗЕМЛИ*

Я, недостойный игумен Даниил, худший из всех монахов, смиренный, одержимый многими грехами, недоволен во всяком деле добром, понужден был своими помыслами и нетерпением, захотел видеть святой град Иерусалим и землю обетованную. И с Божией помощью посетил Иерусалим и видел святые места, обходил всю землю Галилейскую и святые места около града Иерусалима, где Христос ходил своими ногами и великие чудеса показал в тех местах святых. И видел все своими очами грешными, что беззлобивый Бог позволил мне увидеть и что я долгое время жаждал увидеть.

Братья и отцы, господа мои, простите меня грешного и не хулите мое худоумие и грубость, что написал о святом граде Иерусалиме и о земле той доброй и о своем хожение по святым местам. Кто путешествовал со страхом Божиим и смирением, тот не погрешит никогда против милости Бога. Но я неподобно ходил по святым местам, во всякой лености и слабости, в пьянстве и творил всякие неподобные дела. Однако, надеясь на милость Божию и на вашу молитву, полагаю, простит Христос мои бесчисленные грехи. И вот описал свой путь и места святые и не горжусь и не хвалюсь своим путешествием, что будто бы сотворил доброе дело: ничего доброго в путешествии не делал, но только ради любви к святым местам написал обо всем, что видел своими глазами, дабы не забыть то, что пришлось недостойному мне увидеть. Побоялся я уподобиться рабу ленивому, скрывшему полученные от Бога деньги (талант) и не приобретшего к ним прикупа, и написал о путешествии ради верных людей. Да кто услышит (или прочтет) о местах святых, устремился бы душою и воображением к этим святым местам и Богом будет приравнен к тем, кто совершил путешествие в эти места.

Многие добрые люди находятся дома и своими помыслами, милостыней и добрыми делами достигают мест святых и большое вознаграждение принимают от Бога, они будто бы посетили эти святые места. Многие же посетившие святые

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

места и святой град Иерусалим, возгордились этим, как будто нечто доброе сотворили, и этим погубили усилия своего труда, из них первый я. Многие же посетившие святой град Иерусалим опять пойдут, хотя много доброго не видели из-за скорости осмотра. А нельзя быстро совершить путешествие и осмотреть все святые достопримечательности и в самом городе и за его пределами.

О Иерусалиме и о лавре

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, пробыл шестнадцать месяцев в лавре святого Саввы и много ходил и увидел все святые места. Невозможно без доброго проводника и переводчика познать и осмотреть всех святых мест. Хотя я и был ограничен в средствах, но щедро одарял проводников, чтобы они добросовестно показывали святые места как в самом городе, так и вне города, и проводники так все показывали мне.

И пришлось мне найти в лавре мужа святого, старого годами и весьма книжного, образованного. Этот святой человек полюбил меня, грешного, и показал добре все достопримечательности Иерусалима, поводил меня по всей земле, до Тивериадского озера, Фавора, Назира, Эль-Халиля, Иордана, и любовно потрудился со мною. И я много святых мест увидел, о чем и последует рассказ.

О пути в Иерусалим

От Царьграда по заливу идти триста верст до Средиземного моря, до лимана Петали на острове Мармара сто верст. Это первый остров на Мраморном море. Здесь добрый лиман и город Эрекли, где миро выходит из глубины морской... От Петали до Галлиполи сто верст, а от Галлиполи до города Абидоса[1] восемьдесят верст. Оттуда до острова Крита двадцать верст, тут выход в Средиземное море, налево путь в Иерусалим, направо на Афон[2], к Селуню[3] и к Риму. От Крита до острова Тенеда верст тридцать. Это первый остров в Средиземном море на пути...

Против того острова на берегу был великий город именем Троя[4], тут апостол Павел утверждал христианство. От Тене-

ды до острова Митилина верст сто. А от Митилина до острова Хиоса[5] верст сто. На этом острове — мастика, вино доброе и всякая овощь.

Об острове Кипре

Кипр — очень большой остров, множество в нем жителей, обилен всем добром...

Здесь рождается фимиам[6] и изготавливается ладан, его берут с деревьев. По горам много низких деревцев, не выше травы, с них падает добрый фимиам, который собирают в июле и августе, в другие же месяцы он не спадает, но только в эти два месяца рождается.

От Кипра до города Яфа верст четыреста плыть по морю; от Царьграда до острова Родоса восемьсот верст... От Родоса до Яфы восемьсот верст; по морю плыть до Яфы тысяча шестьсот верст. Город Яфа на берегу близ Иерусалима, оттуда путь до Иерусалима посуху, верст тридцать, по полю десять верст идти до церкви святого Георгия...

О граде Иерусалиме

Иерусалим — город велик и крепок стенами, равносторонний, на все четыре стороны создан в форме креста. Около него ущелья и горы каменные. Безводно место это: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только один водоем — Силоамская купель. Дождевой водой живут люди и животные в этом городе. Хорошие урожаи собирают около Иерусалима на каменных местах без дождя, только Божьим повелением и благоволением родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь высеют и собирают девяносто кадей, а иной раз и по сто кадей от одной посеянной. Не является ли это благословением Божьим земле этой святой? Виноградников много около Иерусалима и садовых деревьев многоплодовитых, и смоквы, и шелковицы, и маслины, и рожки и другие различные плодовые бесчисленные деревья растут по всей земле той...

О Иордане

Иордан-река течет быстро, берега с той стороны крутые вначале, а затем идут пологие. Вода в реке очень мутная, но

вкусная, и не насытишься, когда пьешь эту воду. С нее не бывает болезней и пакостей в животе человека.

Всем подобен Иордан реке Снови[7]. И шириной, и глубиной, и извилистым течением, и быстротой — всем он похож на реку Сновь. Глубина его в месте купания паломников четыре сажени, я сам измерил и испытал во время переправы на другую сторону Иордана. Много пришлось походить по его берегу. Ширина Иордана такая же, как и у реки Снови на ее устье.

На этой стороне Иордана, где купель, растут невысокие деревья, похожие на вербу, выше купели растет лозняк, но не как наша лоза, а как кустарник и тростник; прибрежная равнина напоминает также Сновь-реку. В зарослях водится зверей много: бесчисленное множество диких свиней, много и барсов тут, и даже львов.

По той стороне Иордана — горы высокие каменные, они дальше от Иордана...

О лавре святого Саввы

...Мертвое море[8] безжизненно, нет здесь ничего живого: ни рыбы, ни раков, ни червей. Но если внесет Иордан своим течением в это море рыбу, то она и часа не может живой быть, но вскоре подыхает. Выходит со дна этого моря на поверхность воды черная смола, много смолы лежит по берегам. Смрад исходит из моря, как от горящей серы. Под этим морем находится ад, мучение.

О Галилее и об озере Тивериадском

От Иерусалима путь шел в Галилею, к Тивериадскому озеру, Фаворской горе и к Назарету. Вся земля около Тивериадского озера зовется Галилея, расположена она от Иерусалима на юго-востоке. Город Тивериада удален от Иерусалима на четыре дня пешего хода, путь от него страшен и очень тяжел; по горам каменным надо идти три дня, а четвертый день около Иордана идти на восток полем, до самого верховья Иордана, до его истока.

И судил мне Бог так пройти этим путем. Пошел иерусалимский князь Балдуин I со своими крестоносцами на войну к Дамаску; путь их шел к Дамаску мимо Тивериадского

озера. Я узнал, что князь хочет идти этим путем, пришел к нему, поклонился и сказал: «И я хотел бы пойти с тобою к Тивериадскому озеру, чтобы там походить по всем святым местам около Тивериадского озера. Ради Бога, возьми меня, князь». Тогда князь с радостью великой повелел мне пойти с собой и нарядил меня к своей личной охране.

Тогда я с радостью великой нанял коней для себя и прошел без страха и потерь с царскими воинами все страшные места. Без войска этот путь никто не может пройти...

О Самарии[9]

...Это очень большой и богатый город, стоит он между двумя горами высокими, много здесь водных источников с холодной водой, которые красиво текут посредине града. Растут здесь бесчисленные плодовые деревья: смоквы, рожки, ореховые и масличные деревья, как дубравы, как леса по всей земле около Самарии. В окрестностях раскинулись нивы многоплодовитые. Вся земля около Самарии красотой своей чудесна. Место это обильно всем добром: маслом и вином, пшеницей и овощами, просто сказать — всем этим добром живет Иерусалим.

Ныне город Самария зовется Неаполи (Наблус).

О Иордане реке

От Бейсана до верховья Иордана верст двадцать. Путь идет все по ровному месту, если идти к востоку вверх Иордана. Вода его очень вкусная и чистая.

Иордан вытекает из Тивериадского озера двумя бурными источниками. Один источник называется Иор, а другой Дан, от них и образовалось название Иордан. Расстояние между этими реками у Тивериадского озера чуть больше трехкратного полета стрелы или полверсты, а затем эти обе реки сливаются в одну реку, которая и называется по имени двух источников.

Течет Иордан быстро, чистой водой, очень извилисто. Всем он напоминает реку Сновь: и шириной, и глубиной, и поймой. Вверху Иордана много рыбы. В самом верховье через оба потока прочно созданы два каменных моста, под ними через своды и течет Иордан.

О мытнице Матфеевой[10]

...Здесь сходятся пути через Иордан в Дамаск и в Месопотамию[11]. В этом месте король Иерусалима Балдуин с воинами остановился на обед. Тут и мы остановились с ними и купались в самом верхе Иордана и Тивериадском озере. Побродили тогда без страха и боязни около Тивериадского озера...

Стояли мы у мостов весь день, и к вечеру король Балдуин пошел за Иордан к Дамаску со своими войсками, мы же пошли в город Тивериада и пробыли здесь девять дней, пока не вернулся король Балдуин с войны от Дамаска. Мы же до этого обошли святые места около Тивериадского озера.

О Тивериадском озере

Тивериадское озеро доступно для обхода, вода его очень вкусная, не можешь остановиться, когда пьешь эту воду. В длину озеро пятьдесят верст, а поперек двадцать верст. Рыбы в нем очень много, и есть одна рыба, дивная и чудная, эту рыбу и Христос любил есть, очень вкусная рыба, лучше всяких рыб. Своим видом она похожа на карпа. И я сам ел много раз эту рыбу, когда был в Тивериаде...

О горе Ливанской

На другом берегу озера, на юго-восточной стороне стоит очень высокая и большая гора, снега на ней лежат все лето, называется эта гора Ливан. На этой горе рождается ладан (фимиам) белый. С Ливанской горы стекает двенадцать больших рек, шесть из них текут на восток, а шесть на юг, впадают эти реки в озеро Генисаретское, а другие шесть рек идут к Великой Антиохии. Это место называют Месопотамия, что значит Средиречие...

Водой этих рек наполняется озеро Генисаретское, а из этого озера течет большая река в Тивериадское озеро и умножает воды этого озера, из него течет Иордан, как уже раньше говорил все верно об Иордане.

Я не смог дойти своими ногами до Ливанских гор из-за страха нападения иноверцев, но рассказали мне хорошо об этой горе христиане, которые там проживают, и не дали идти

нам к Ливанской горе. Много иноверцев живет на этой горе. Глазами же своими мы видели и эту гору, и места около озера Генисаретского, которое находится в двух верстах на юго-восток от Тивериады.

О Фаворской горе

Фаворская гора и Назарет находятся в восьми верстах на запад от Тивериадского озера. Только надо подняться на одну гору и на другую небольшую надо взлезать, а весь другой путь приходится идти до Фаворской горы по ровному месту.

Фаворская гора чудно, дивно, несказанно и красиво уродилась у Бога. Она красиво и величественно посреди красивой равнины стоит, как круглый стог. Она красивее всех других гор. В долине около горы течет река. По всей Фаворской горе растет много всяких деревьев: смоковных, рожков, масличных.

Выше всех окрестных гор Фаворская гора, уединенна от других гор и стоит посреди равнины очень красиво, как умело сделанный стог, круглый и очень высокий, великий окружностью. Высота горы больше, чем четыре перелета стрелы, а если вверх стрелять, то и за восемь раз не дострелишь до ее верха. Гора вся каменная, всходить на нее по камням трудно и опасно, приходится руками на нее лезть, путь очень тяжек. Едва мы на нее влезли, с третьего по девятый час добирались до самого верха, хотя шли быстро...

О Иерусалиме

...Божьей помощью укреплялись во время путешествия, не видели нигде ни поганых, ни лютых зверей и никакого зла. Не чувствовал даже малой немощи, но всегда, как парящий орел, силою укреплялся. И если подобает похвалить меня, то я похвалюсь силою Христа: сила моя в немощи, как говорит апостол Павел. Да что я воздам за все Богу, который дал мне, грешному и недостойному, столько благодати видеть и походить по святым местам и исполнить желание моего сердца, — мне, недостойному и худому рабу? Да простите меня, братья, отцы и господа мои, не пренебрегите худоумием моим, что написал не искусно, а просто о местах святых, о Иерусалиме

и о земле обетованной. Хотя и не мудро написал, но не ложно; как видел своими глазами, так и написал.

О свете небесном, как он сходит к гробу Господа

Мне, худому и недостойному рабу, пришлось увидеть своими грешными глазами, как сходит свет к гробу Иисуса Христа. Многие странники неверно говорят о нисхождении света святого. Одни говорят, что Святой Дух голубем сходит к гробу Господнему, другие — сходит молнией с неба и так зажигаются лампады над гробом. Все это ложь и неправда: ничего этого не было видно, ни голубя, ни молнии, но невидимо сходит с неба Божья благодать и зажигает лампады у гроба. Об этом и расскажу поистине все, как видел.

В великую пятницу после вечерней службы натирают гроб Господний, промывают лампады все, вливают в них масло без воды, только одного масла. И, воткнув фитили в оловянные держатели, не зажигают их, а оставляют в лампадах незажженными. Запечатывают гроб в два часа ночи, тогда же гасят все лампады и свечи по всем церквам в Иерусалиме.

Тогда я, худой и недостойный, в эту пятницу в один час дня пошел к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, увидев меня, худого, подозвал к себе с любовью и спросил: «Что хочешь, игумен русский?» Он хорошо знал меня и очень любил, был он человеком добродетельным, очень скромным и ничуть не гордился. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой, прошу тебя ради Бога и князей русских, разреши, чтобы я поставил свое кадило на святом гробе от всей Русской земли».

Тогда он милостиво и любовно разрешил мне поставить кадило во гробе Господнем, послал со мною человека, своего лучшего слугу, к эконому церкви Воскресения и к тому служителю, который держит ключ гробный. Эконом и ключарь святого гроба разрешил и мне принести свое кадило с маслом. Я, поклонившись им, пошел с большой радостью, купил большое стеклянное кадило, налил в него масла честного, принес уже вечером к гробу Господню и упросил ключаря впустить внутрь гроба Господня. Он открыл мне двери, велел снять калиги, босого ввел меня с кадилом и разрешил мне поставить кадило на гробе Господнем. Я поставил своими руками

грешными в ногах, там, где лежали пречистые ноги Христа. В головах стояло кадило греческое, на груди было поставлено кадило монастыря Саввы и всех других монастырей. Сохраняется такой обычай — во все годы ставить кадило греческое и монастыря Саввы. Благодатью Божьей тогда зажгли все эти три кадила. А католические кадила были повешены вверху, и ни одно из них не возгорелось. Я же тогда, поставив кадило, поклонившись честному гробу и поцеловав с любовью и со слезами святое место, где лежало тело Христа, вышел из гроба с великой радостью и пошел в свою келью.

Утром в Великую Субботу в шесть часов дня собираются все люди у церкви Воскресения, приходит бесчисленное множество народа от всех стран, местные жители и пришельцы, от Вавилона и Египта, от всех концов земли собирается в этот день множество людей. Все места около церкви и около распятия Христа заполняются людьми. Великая теснота и лютое томление тогда бывает людям. Многие люди задыхаются тут от тесноты людской. Все собравшиеся люди стоят с незажженными свечами и ждут открытия церковных дверей.

Внутри же церкви тогда находятся только одни попы, и ждут попы и все люди, когда придет король с дружиной. Тогда и открываются двери церковные, и люди входят в церковь в великой тесноте, и в гнетении наполняют церковь и палаты. Всех людей церковь не может вместить, и многие люди вынуждены стоять вне церкви, около Голгофы, около Краниева места и там, где был найден крест (на котором Христа распяли). И все это будет заполнено бесчисленным множеством людей.

Все люди в церкви и вне церкви ничего иного не говорят, только «Господи, помилуй!». Взывают непрерывно и вопят так сильно, как будто стучит и гремит все это место от вопля людей. Тут источники слез проливаются у верующих людей. Если бы кто имел каменное сердце, то и тогда не мог бы не прослезиться. Всякий человек тогда обращается к себе, вспоминает грехи свои и говорит сам себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдет святой свет?»

И так стоят все верующие люди со слезами и сокрушенным сердцем. Тут и сам король Балдуин стоит со страхом и великим смирением, из глаз его чудно проливаются

слезы. Также и воины его стоят около самого гроба, близ великого алтаря, стоят со смирением.

И когда наступило семь часов дня субботнего, тогда пошел король Балдуин со своими войсками к гробу Господню из дома своею, все шли пешие. Король прислал в придворье монастыря Саввы и позвал игумена и монахов, они пошли к гробу Господнему, и я, худой, пошел с ними.

Пришли мы к королю и поклонились ему. Тогда и он поклонился игумену и всем монахам и повелел игумену монастыря Саввы и мне, худому, близ себя пойти, а другим игуменам и всем монахам повелел перед собой пойти, а войскам своим повелел сзади пойти. И пришли в церковь Воскресения к западным дверям. И множество людей обступили двери церковные, и не могли тогда в церковь войти. Тогда король Балдуин приказал воинам разогнать людей силою, и была проложена среди толпы дорога, как улица, до самою гроба. Прошли мы к восточным дверям гроба Господня, король впереди прошел и встал на своем месте, на правой стороне у ограды великого алтаря, против восточных дверей и дверей гроба. Тут находилось место короля, созданное на возвышении. Повелел король игумену монастыря Саввы со своими монахами и православным попам встать над гробом. Меня же, худого, повелел поставить высоко над самыми дверями гробными, против великого алтаря, чтобы мне было видно в двери гробные. Двери же гробные все три запечатаны, запечатаны печатию царскою.

Католические попы в великом алтаре стояли. И как наступил восьмой час дня, начали вечернюю службу вверху гроба попы православные, были тут и все духовные мужи и многие пустынники. Католики в великом алтаре начали верещать посвоему. Так все они и пели, и я тут стоял и прилежно смотрел в двери гробные. И как начали читать паремии великой субботы, на первом чтении паремии вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошел к дверям гробным, посмотрел в гроб сквозь крестец дверей, не увидел света в гробе и возвратился назад. И как начали читать шестую паремию, тот же епископ подошел к дверям гробным и ничего не увидел. Тогда все люди завопили со слезами: «Кирие, елейсон!» — что значит: «Господи, помилуй!» И тогда миновал девятый час и на-

чали петь песнь проходную «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом церкви, пошел небольшой дождь над гробом и очень помочил нас, стоящих у гроба. Тогда внезапно и засиял святой свет в святом гробе, исходило из гроба блистание яркое.

Пришел епископ с четырьмя дьяконами, открыл двери гробные, взял свечу у короля Балдуина, вошел в гроб, зажег первой королевскую свечу от света святого, вынес из гроба эту свечу и подал самому королю в руки. Встал князь на своем месте, держа свечу с великой радостью. От свечи короля мы зажгли свои свечи, а от наших свечей все люди зажгли свои свечи. Свет святой не такой, как земной огонь, но чудный, светится иначе, пламя его красное, как киноварь, несказанно светится.

Так все люди стоят со свечами горящими и вопиют велегласно, с радостью великой и с веселием: «Господи, помилуй!» Не может быть такой радости человеку, какая бывает всякому христианину, увидевшему свет святой. И если кто не испытывает радости в этот день, то не имеет веры ко всему виденному. Но если люди мудрые, преданные и сильно веруют, то всласть послушают это сказание об этой истине и о местах святых. Если человек верен в малом, то и во многом верен, а злому человеку, неверному, истина крива. Мне же, худому, Бог свидетель, гроб Господен и вся дружина русская, русские сыны, находившиеся в тот день у гроба, новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кашкичи и многие другие, которые знают меня, худого, и об этом моем сказании.

Но возвратимся на прежнее повествование. Когда свет воссияет в гробе Господнем, тогда прекращается пение и все люди возопят «Кирие, елейсон!», входят в церковь с радостью великою, со свечами зажженными, стараясь, чтобы свечи не потухли. От святого света зажигаются и лампады в церквах. Кончается пение вечернее дома, а в церкви у гроба Господня пение кончают только одни попы без богомольцев. Тогда и мы с игуменом и монахами пошли в свой монастырь Саввы, неся горящие свечи. Здесь кончили вечернее пение и разошлись по кельям, хваля Бога, показавшего нам, недостойным, такую благодать.

Утром в святое воскресение отпели заутреню, поцеловались с игуменом и монахами и были отпущены в час дня. Игумен и все монахи, взяв крест, пошли к гробу Господню, распевая кондак: «Аще и в гроб сниде, бессмертный!» Вошли в церковь, поцеловали гроб Господен с любовью и с теплыми слезами. Насладились здесь благоуханием и кадилом, горящим светло и чудно. Зажглись тогда и три кадила, как сообщил нам эконом и ключарь. Оба они сказали: «Только три кадила тогда зажглись, а пять кадил, висящих над гробом, зажглись позже». Свет этих кадил не такой, как трех кадил нижних, которые светились изрядно и чудно. Потом ушли от гроба восточными дверями к великому алтарю, поцеловались здесь с православными и были отпущены. Игумен же с монахами вышли из церкви Воскресения, пришли в свой монастырь и здесь отдохнули до службы.

На третий день праздника Воскресения Христа, после службы, я пошел к ключарю гроба Господня и сказал ему: «Я хотел бы взять кадило свое». Он с любовью взял меня, ввел одного к гробу. Я вошел к гробу и увидел кадило свое, стоящее на гробе и еще горящее светом святым, поклонился гробу, поцеловал с любовью и слезами место святое, где лежало тело Христа. Я измерил гроб в длину и ширину и высоту (при людях невозможно никому его измерять).

Я почтил гроб Господен по своим возможностям, как мог, ключаря поблагодарил и дал ему нечто малое. Он же, видев любовь мою к гробу Господню, отодвинул доску в головах гроба и, взяв небольшой святой камень, подарил его мне, запретив кому бы то ни было в Иерусалиме об этом говорить. Я, поклонившись гробу Господню и ключарю, взяв кадило свое с маслом, вышел с радостью великой, обогатился благодатью Божьей, унес в своих руках дар святого места и знамение гроба Господня, шел в келью свою с великой радостью.

Бог мне свидетель и гроб Господен, что я во всех местах никогда не забывал русских князей[12] и княгинь, их детей, игуменов, бояр и детей моих духовных и всех христиан. Но во всех местах поминал их, вначале молился за всех князей, а потом и о своих грехах. Хвалю Бога, что сподобил меня, худого, записать в поминальную книгу в лавре Саввы имена князей русских, и ныне поминаются они на службах с их женами и детьми. Вот имена князей: Михаил-Святополк, Василий-

Владимир, Давид Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский. Записал имена только тех князей, каких помнил, о других всех русских князьях и о боярах молился у гроба Господня и во всех местах. Заказывал пятьдесят литургий за здравствующих русских князей и всех христиан, и сорок литургий отпели за умерших.

Пусть все читающие с верой и любовью это описание гроба Господня и всех святых мест примут мзду от Бога равно с ходившими в святые места. Блаженны те, кто видел и веровал, трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал. Верою пришел Авраам в землю обетованную; поистине вера равна добрым делам. Ради Бога, братья и господа мои, не осуждайте мое худоумие и мою глупость. Да не хулите описание ради меня, гроба Господня и ради святых мест. Кто с любовью прочтет, тот мзду примет от Спаса Иисуса Христа. И Бог даст мира всем вам во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Путевые записки Даниила о его путешествии по святым местам написаны в самом начале XII в., почти в одно время с «Повестью временных лет». Они по праву стоят у истоков русского путевого очерка. Не случайно хожение Даниила (путевые записки в Древней Руси назывались хождениями) оказало большое влияние на все последующие путевые очерки XII — XVII веков и пользовалось большой популярностью у древнерусских читателей.

Даниил путешествовал около двух лет в то время, когда на территории Палестины и Сирии велись сражения между крестоносцами и арабским мусульманским населением. В 1099 г. было провозглашено Иерусалимское королевство, возглавлял которое предводитель Крестового похода Балдуин I. Показательно, что Даниил находил радушный прием как у крестоносцев, так и у старейшин арабских общин. В отличие от западноевропейских писателей той эпохи Даниил воздержался от восхваления боевых дел крестоносцев.

Текст публикуется по изданию: Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С.204—254. Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Абидос* — древний город в Дарданеллах.

2. *Афон* — один из выступов Халкидонского полуострова, где находились 22 монастыря различных народов, среди них был и русский монастырь.

3. *Селунь* — портовый город в Византийской империи, по-гречески он назывался Фессалоники.

4. *Троя* — древний город, разрушенный во время Троянской войны.

5. *Митилин и Хиос* — острова в Эгейском море, Митилин еще назывался Лесбосом.

6. *Фимиам, ладан* — ароматическая смола, добываемая из деревьев, при сжигании она выделяет благовонное курение.

7. *Река Сновь* — приток Десны, протекает в Черниговской области.

8. *Мертвое море* — озеро в Палестине, предельно насыщенное солями, на дне и берегах его находятся асфальтические вещества, которыми пользовались египтяне для мумий. В библейской легенде рассказывается, что на этом месте находились города Содом и Гоморра, которые провалились под землю.

9. *Самария* — местность Средней Палестины.

10. *Мытница Матфеева* — место, где будущий апостол Христа Матфей собирал налоги.

11. *Месопотамия* — территория между реками Тигром и Евфратом.

12. *Не забывал русских князей.* — Даниил воспринимал путешествие как общерусское дело, не случайно он называет себя русским игуменом и кадило у гроба Господня вешает от всей Русской земли, а не от какого-либо княжества, вносит на вечное поминание князей всех основных феодальных княжеств. Даниил называет христианские и языческие имена русских князей: Михаил-Святополк Изяславич, великий киевский князь (1093—1113); Василий-Владимир Всеволодович Мономах, переяславский, затем киевский великий князь (1113—1125); Давид Святославич, черниговский князь (ум. в 1123); Михаил-Олег Святославич, новгород-северский князь, дед Игоря, героя «Слова о полку Игореве» (ум. в 1115); Панкратий-Ярослав Святославич, муромский и рязанский князь (ум. в 1127); Глеб Всеславич, минский князь (ум. в 1119).

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА*

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир[1], отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях[2], помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто[3], слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих[4] на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей[5], и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось[6]: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и

---

*© Перевод, примечания. Л.Д. Лихачева, 2000

убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил[7], собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми

женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия Небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит

силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут[8], и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить

его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков[9],

оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; поэтому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей[10]; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем[11], который затем пошел к Берестью[12] с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир[13]. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу[14], а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске[15] мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса[16], и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский[17]. А оттуда ходил я в Туров[18], а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер[19], и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь[20]. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск[21] войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на

обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе[22], и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега[23]. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве[24].

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска[25], затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука[26], а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом[27] разбили сильное войско Белкатгина[28], а семечей и пленников всех отняли[29].

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту[30] и на сына его и к Корьдну[31] ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин[32], и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды[33].

В том же году гнались за Хорол[34] за половцами, которые взяли Горошин[35].

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой[36]. И по пути к Прилуку[37] городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили[38] да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже[39], Бог нам помог и Свя-

тая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль[40] гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев[41] за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом[42] же у Варина[43] вежи взяли. И затем ходил во Владимир[44] опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер[45].

И снова, по смерти отца[46] и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа[47], и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади[48] отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день[49] из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах,— Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов[50], и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав[51]. И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось. И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы[52]. Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу. И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов. И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их[53]. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла[54]. В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину[55]; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу[56] со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню[57] со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну[58] пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца[59], не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих[60], а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй[61] и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту угонивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь[62] вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей[63], сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то; что Он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный[64] и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и

потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш Небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое[65], перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне[66], — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим[67] и хлеб едят дедовский[68], а ты сидишь на своем хлебе[69], об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь

добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока ни уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поучение Владимира Мономаха скорее всего написано в 1117 г.

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем (в «Слове о полку Игореве» он упоминается с иронической переделкой его отчества как Олег «Гориславич»). Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли.

В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира — это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы.

Перевод и примечания (в сокращении) Д.С. Лихачева воспроизведены по изданию: ПЛДР: XI — начало XII века. М.. 1978. С. 393—413; 459—463.

1. *...нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей.

2. *Сидя на санях...* — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенной частью древнерусского погребального обычая.

3. *...Дети мои или иной кто...* — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

4. *...братьев моих...* — Здесь разумеются двоюродные братья Мономаха князья Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

5. *...Ростиславичей...* — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теребовльский.

6. *...Взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось...* — Псалтырью называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов. Псалтырью часто пользовались в Древней Руси для гаданий.

7. *Ибо как Василий учил...* — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379) — церковный деятель, теолог, епископ г. Кесария (М. Азия).

8. *...как птицы небесные из рая идут...* — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий).

9. *...как отец мой, дома сидя, знал пять языков...* — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным.

10. *Вятичи* — жили по Оке и по Десне.

11. *...со Ставком Гордятичем...* — Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.

12. *Берестье* — ныне Брест.

13. *...пошел во Владимир.* — Город Владимир-Волынский.

14. *...ходил в Переяславль к отцу...* — К отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

15. *Сутейск.* — Где был Сутейск — неясно.

16. *...за Глогов до Чешского леса...* — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогов — Глогув на р.Одре.

17. *...сын...старший, новгородский.* — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

18. *...ходил я в Туров...* — Туров был городом Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

19. *И Святослав умер...* — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

20. *...Глебу в помощь.* — В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

21. *...Одреск...* — Где был город Одреск — неясно.

22. *...на Красном дворе...* — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

23. *...и победили Бориса и Олега.* — Имеется в виду битва под Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г.

24. *...Обров* — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.

25. *...до Лукомля и до Логожска...* — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

26. *...князей Асадука и Саука...* — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке.

27. *...за Новым Городом...* — За Новгородом-Северским.

28. *...сильное войско Белкатгина...* — Кто такой Белкатгин — неизвестно.

29. *...а семечей и пленников всех отняли.* — Кто такие «семечи» — неизвестно.

30. *...на Ходоту...* — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

31. *...к Корьдну...* — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.

32. *Микулин* — город в Галицкой области на р. Серете.

33. *Броды* — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Здесь состоялось свидание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.

34. *Хорол* — приток Псела.

35. *Горошин* — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.

36. *Супой* — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного.

37. *Прилук* — город в Переяславском княжестве.

38. *...только семца одного живым захватили...* — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, младший член семьи, слуга).

39. *...к Белой Веже...* — Здесь, очевидно, имеется в виду город Белая Вежа на р. Остре.

40. *Святославль.* — Местоположение Святославля неясно.

41. *Юрьев* — город Юрьев на р.Роси.

42. *Ростислав* — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

43. *Варин.* — Где находился Варин — неясно.

44. *Владимир* — Владимир Волынский.

45. *...и Ярополк умер.* — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

46. *...по смерти отца...* — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

47. *Халеп* — село Халепье недалеко от р. Стугны.

48. *...у Глебовой чади...* — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские имена у половцев встречаются неоднократно.

49. *...на святого Бориса день...* — Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля.

50. *Римов* — город на р. Суле.

51. *Голтав* — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.

52. *...Вороницы.* — Местоположение Вороницы неясно.

53. *...гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их.* — Место это испорчено в тексте и неясно.

54. *...Юрьева мать умерла.* — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда.

55. *Кснятин* — город на правом берегу Сулы.

56. *Урусоба* — половецкий князь.

57. *...ходили к Воиню...* — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

58. *Ромн* — город на р.Суле.

59. *...на Ярославца...* — Речь идет о походе на Ярославца Святополковича во Владимир-Волынский.

60. *А всех походов было восемьдесят и три великих...* — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять.

61. *...таревский князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.

62. *...лютый зверь...* — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.

63. *Бирич* — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

64. *О я, многострадальный...* — Этими словами начинается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» из «Слова о полку Игореве»), написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения.

65. *...дитя, мое и твое...* — По-видимому, Изяслав был, так же как и Мстислав, крестным сыном Олега.

66. *...да сноху мою послать ко мне...* — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

67. *...сын твой крестный с малым братом своим...* — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

68. *...хлеб едят дедовский...* — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

69. *...а ты сидишь на своем хлебе...* — В уделе Муромо-Рязанском.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО*

В год 6683 (1175). Убит был великий князь Андрей[1] Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха, месяца июня в 28 день, накануне памяти святых апостолов , тогда была суббота.

Создал же себе город каменный, названный Боголюбовым, в таком расстоянии, как Вышгород[2] от Киева, так же и Боголюбов от Владимира. Этот благоверный и христолюбивый князь Андрей с юности Христа возлюбил и Пречистую Его Матерь, разум освободив и ум. Как палату красную душу украсил всяким добронравием, уподобился царю Соломону, когда дом Господу Богу и церковь преславную каменную Рождества Пресвятой Богородицы[3] посреди города создал в Боголюбове и украсил ее лучше всех церквей; она подобна была храму[4], созданному премудрым Соломоном. Так и этот князь благоверный Андрей создал церковь эту в память себе и украсил ее иконами многоценными, золотом и драгоценными камнями и крупным бесценным жемчугом, а также различными цатами и аспидными цатами[5] украсил, и всяким художеством она удивительно сияла, невозможно было даже смотреть, потому что вся церковь была золотая: украшена дивными сосудами, золотыми и драгоценными. Все приходящие удивлялись, и все видевшие ее не могли рассказать о превосходной красоте ее. Золотом и финифтью, и всяким совершенством, и церковным художеством украшена: и всякими сосудами церковными, и Иерусалимом[6] золотым с драгоценными камнями, и рипидами[7] многоценными, кандилами различными. Внутри церковь сверху донизу по стенам и по столпам окована золотом, и двери и ободверие[8] церкви золотом окованы. И сень[9] золотом украшена от верха и до деисуса, и всем совершенством церковным исполнена, изукрашена всяческим художеством.

Князь Андрей и город[10] Владимир сильно укрепил: в нем ворота Золотые завершил, а другие сделал Серебряные, построил церковь каменную соборную святой Богородицы [11], весь-

---

*© Перевод, примечания. Н.И. Пак, 2000

ма прекрасную, и различными устройствами, золотыми и серебряными, украсил ее, и пять [12] верхов (главок) ее позолотил, трое дверей церковных золотом оковал. Украсил ее драгоценными камнями и многоценным жемчугом и всяким художеством сделал ее удивительной. Многими паникадилами, золотыми и серебряными, осветил церковь, а амвон золотом и серебром украсил, сосуды, необходимые для богослужения, рипиды и все церковное имущество золотом и драгоценными камнями и крупным жемчугом украсил. Три больших Иерусалима сделал из чистого золота и украсил драгоценными камнями. Со всех сторон и всяким устройством подобна была дивному храму Соломонову. И в Боголюбове, и во Владимире главу и закомары[13] позолотил, и пояс [14] позолотил, и столп позолотил. Снаружи церкви по закомарам птиц золотых, и чаши, и флюгера позолоченные поставил[15]. Потом он много других церквей каменных создал, создал и монастырей много. На весь церковный чин и на церковников открыл ему Бог очи сердечные. Он не помрачил ума своего пьянством, был кормильцем чернецов и черниц. И бедным, и всякому чину был как отец любящий. Особенно же на милостыню был щедр, помня слова Господа: что сделаете братии меньшей моей — то мне сделаете; а также слова Давида: блажен муж, милующий и подающий всегда, он нигде не встретит препятствия. Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили, и других добродетелей в нем много было, и всяким правилам добронравным он следовал: ночью ходил в церковь и сам зажигал свечи и, видя образ Божий, написанный на иконах, взирал на него, как на самого Творца. Видя святых, написанных на иконах, смирял себя, сокрушался сердцем и вздыхал из глубины души, проливая слезы из очей, каялся, подобно Давиду, скорбя о грехах своих. Он возлюбил нетленное более тленного, и небесное более временного, и царство со святыми у Вседержителя Бога более сего преходящего земного царства. Он был украшен всеми добродетелями, был второй мудрый Соломон. Имея эти добродетели, он повелел каждый день возить по городу еду и питье различное на потребу больным и нищим. Всем нуждающимся, приходящим к нему, он подавал по их просьбе, говоря: «Не Христос ли пришел испытать меня?». Так принимал всякого, приходящего к нему, как Христос заповедал, сказав: что сделаете

братии моей меньшей— то мне сделаете. Это слово он всегда помнил сердцем, потому достойно от Бога победный венец принял князь Андрей, мужеству тезоименитый[16]. Братьям благоумным, святым страстотерпцам последовал, кровью омыл все страдания. Если бы не напасть — то и не венец, если не мука — то и не дары. Всякий, держащийся добродетели, не может не иметь многих врагов.

Князь Андрей, зная заранее об убийстве, разгорелся божественным духом и ни во что вменил слухи, говоря: «Господа Бога моего Вседержителя и Творца своего возлюбленные люди на кресте пригвоздили, возглашая: кровь Его будет на нас и на детях наших». И вновь повторял слово святых евангелистов: кто положит душу свою за друга своего, может Моим учеником считаться. Этот же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшего все от небытия в бытие, душу свою положил. Этому в память убиения твоего, страстотерпец князь Андрей, удивились небесные воины, видя кровь, проливаемую за Христа. Рыдают многие правоверные, видя отца сиротам и кормителя, а погруженную во мрак звезду светоносную померкнувшей. Окаянные же убийцы огнем крестятся конечным, который сжигает всяких грехов заросли, то есть греховные дела. Ты же, страстотерпец, молись ко всемогущему Богу о племени своем и о сродниках, и о земле Русской чтобы да был миру мир.

Мы же к прежнему возвратимся. Совет предательский и пагубоубийственный был в пятницу на обедне. Был у него Яким, слуга, возлюбленный им, он услышал от кого-то, что князь приказал казнить его брата. Он пришел в ярость, подстрекаемый дьяволом, и поспешил, взывая, к братии своей, к злым советникам, как Иуда к евреям, стараясь угодить отцу своему сатане. И начал говорить: «Сегодня того казнил, а нас — завтра, а подумаем о князе этом». И задумали убийство на ночь, как Иуда на Господа.

Наступила ночь. Они же вышли, взяв оружие, и пошли на него, как звери свирепые. И когда они шли к опочивальне его, напал на них страх и ужас. И они бежали из сеней, пошли в медушу[17], пили вино. Сатана же веселил их в медуше и служил им, невидимо содействуя и укрепляя их, так как обещались ему. И так, упившись вином, пошли в княжеские покои. Предводитель же убийц был Петр, Кучков зять, Амбал ясин[18],

ключник, Яким Кучкович, а всех убийц-предателей 20 числом собралось в этом окаянном заговоре в тот день у Петра, Кучкова зятя. Настала ночь субботняя, на память святых апостолов Петра и Павла. Взяв оружие, как звери дикие, пришли к опочивальне, где спал блаженный князь Андрей. Остановившись у двери, один из них позвал: «Господин, господин». Князь спросил: «Кто ты?». И он ответил: «Прокопий». И сказал князь: «О, паробок[19], это не Прокопий». Они же, услышав голос князя, подскочили к двери и начали ломиться в дверь и силою выломили дверь. Блаженный же вскочил, стремясь взять меч. Но не оказалось тут меча: в тот день вынес его Амбал-ключник. А меч тот принадлежал когда-то святому Борису[20]. И вскочили два окаянных и схватились с ним, и князь поверг одного под себя. Считая поверженным князя, они ранили своего товарища, но потом узнали князя и схватились с ним, очень он был сильный: его секли мечами и саблями, и копьями ранили его. Он сказал им: «Горе вам, нечестивые, что уподобляетесь Горясеру[21]. Какое зло я вам причинил? Если прольете кровь мою на землю, то Бог отомстит вам хлеб мой». Нечестивцам показалось, что они убили его окончательно. И, взяв своего товарища, понесли прочь, уходя в ужасе. Князь же в оторопи выскочил за ними и начал взывать и стонать от боли, идя под сени. Они же, услышав голос, возвратились обратно и остановились. И сказал один из них, что видел, будто князь спускался с сеней вниз. И сказали: «Ищите его!» И поспешили посмотреть — и нет его там, где оставили, убив. И сказали: «Погибли! Быстро ищите его!» И, зажегши свечи, нашли его по крови.

Князь же, увидев их, идущих к нему, воздел руки к небу и помолился Богу: «Если, Господи, осужден, принимаю конец. Хотя и много согрешил, Господи, заповеди Твои не сохраняя, но знаю, что Ты милостив и, видя кающегося, навстречу спешишь, обращая блудного». Он вздохнул из глубины души и прослезился, и помянул все страдания Иова, и, размышляя, в душе своей говорил: «Господи, хотя во время жизни своей много беспокойных и злых дел совершил, но отпущение мне даруй, и помоги мне, Господи, недостойному, принять конец этот, как все святые, такие и многие страсти и различные смерти, на праведников находившие, как святые пророки и апостолы с мучениками венчались по Господе, кровь свою

проливая, как святые священномученики и преподобные отцы горькие муки и различные смерти приняли, и сокрушаемы были от дьявола, как золото в огне. Их же молитвами, Господи, избранному Твоему стаду, с овцами, стоящими с правой стороны, причти меня. Как святые правоверные цари пролили кровь, страдая за народ свой. Наконец, Господь наш Иисус Христос искупил мир от прелести дьявольской честною кровью Своею». Так говоря, утешался и опять думал: «Господи, призри на немощь мою и виждь смирение мое и злую мою тоску и скорбь, охватившую меня. Но, надеясь, терплю. За все это благодарю Тебя, Господи, что смирил душу мою, и в царствии Твоем сделай меня участником. И теперь, Господи, если кровь мою пролью, то причти меня к лику святых мучеников Твоих, Господи». Так он говорил и молился о грехах своих Богу.

Он сидел за столпом восточным. Долго искали его и увидели его сидящего подобно агнцу непорочному. Тут окаянные добили его, и Петр отсек ему правую руку. Князь же, взглянув на небо, сказал: «Господи, в руки Твои предаю дух мой». И так умер. Убит же был в субботу ночью, на рассвете в воскресенье, на память 12 апостолов. Окаянные, идя оттуда, убили Прокопия, милостника[22] князя. А оттуда пошли в покои и забрали золото и драгоценные камни, и жемчуг, и все богатство, все, что понравилось из имущества. И все это положили на милостниковых коней и отправили до рассвета прочь. А сами взяли оружие, дарованное князем, начали собирать себе дружину, рассуждая: «Ужели на нас придет дружина из Владимира?». Собравши полк, послали во Владимир: «Если что замышляете на нас, то хотим с вами покончить: не о нас одних замышление, но и о вас есть в том же замышлении». И ответили владимирцы: «Кто с вами в заговоре, с теми и разбирайтесь, а нам не надобно», — и разошлись. И начали грабить, так что страшно было видеть.

И пришел сюда Кузьма киевлянин: «Если нет князя — то убит». И начал спрашивать Кузьма: «Где убит господин?» И отвечали: «Лежит выволоченный в огород, но не смей трогать его, так тебе говорим: все хотим выбросить его псам, а если кто возьмет его, тот нам враг, и того убьем». И заплакал над ним Кузьма: «Господин мой, как не распознал скверных и нечестивых пагубоубийственных врагов своих, идущих к тебе,

или как не догадался победить их, порой побеждая полки поганых болгар[23]». Так плакал он, и пришел Амбал-ключник, родом ясин, он держал ключи всего княжеского дома, князь надо всем дал волю ему. И, взглянув на него, Кузьма сказал: «Амбал, дьявол, сбрось ковер или что-либо, что подостлать и чем прикрыть господина нашего». И ответил Амбал: «Иди прочь, мы хотим выбросить псам». И сказал Кузьма: «О, нечестивец, уже псам выбросить! Помнишь ли, жидовин, в каком пришел платье? Теперь ты в парче стоишь, а князь наг лежит. Но прошу тебя, сбрось мне что-либо!» И сбросил ковер и корзно[24]. И, завернув его, понес его в церковь и сказал: «Откройте мне церковь!» И ответили: «Брось его тут, в притворе[25], что за печаль тебе», — уже пьяны были. И сказал Кузьма: «Уже, господин, слуги твои не признают тебя. Бывало, если чужеземец приходил из Царьграда или из других стран, из Русской земли[26], если латинянин[27] или любой христианин, или любой язычник, ты приказывал вести его в церковь на хоры, чтобы видели истинное христианство и крестились. И болгары, и жиды[28], и все язычники, видевшие славу Божию и красоту церковную, и те больше скорбят о тебе, а эти и в храм не разрешают положить». Так и положил его в притворе, прикрыв его корзном. И лежал тут два дня и ночи.

На третий день пришел Арсений, игумен обители святых Козьмы и Демьяна[29], и сказал: «Долго ли будем смотреть на старших игуменов, долго ли этому князю лежать? Откройте мне храм, отпою над ним, положим его в гроб, пока прекратится вражда эта, а тогда придут из Владимира и понесут его туда». И пришли клирошане[30] боголюбские, взяли и внесли его в храм и положили его в гроб каменный, отпели над ним погребальное с игуменом Арсением.

Горожане же боголюбские разграбили княжеский дворец и мастеров, которые пришли к делу: золото и серебро, платья и паволоки[31], имущество, которому не было числа. Много зла совершили во владениях его: посадников[32] и тивунов[33] дома разграбили, а самих и детские[34], и мечников[35] избили, а дома их разграбили, не зная сказанного: где закон — тут и обид много. Грабители же и из сел приходили грабить. Так же было и во Владимире, пока Микула не пошел с иконой святой Богородицы в ризах по городу, тогда прекратили грабеж. Пишет апостол Павел: «Всякая душа да повинуется властям, ибо

власти от Бога установлены. Естеством земным царь подобен всякому человеку, властью же сана выше, как Бог». Сказал и великий Златоуст: «Кто противится власти, тот противится закону Божию. Князь не напрасно носит меч, ибо он слуга Божий».

Мы же к прежнему возвратимся. В 6 день, в пятницу, сказали владимирцы игумену Феодулу и Луке, деместнику[36] храма святой Богородицы: «Приготовьте носилки, поедем и заберем князя и господина своего Андрея». А Микуле сказали: «Собери всех попов, наденьте ризы и выйдите к Серебряным воротам с иконой святой Богородицы и тут ждите князя», — и сделал так. Феодул, игумен из храма святой Богородицы, с владимирскими клирошанами поехали за князем в Боголюбово и, взяв тело его, привезли во Владимир с честью, с плачем горьким. Прошло немного времени, и показался стяг[37] со стороны Боголюбова. И люди не могли сдержаться, но все возопили, от слез не могли видеть, а вопль далеко был слышен. И начал весь народ, плача, говорить: «Неужели к Киеву поехал, господин, в ту церковь, теми Золотыми воротами, которые делать послал, к той церкви на великом дворе Ярославовом. А говорил: хочу создать церковь такую же, как и ворота эти Золотые, чтобы была память отечеству моему». И так плакал по нем весь город. И похоронили его с честью, и с песнопением благохвальным положили его у чудной, похвалы достойной церкви святой Богородицы Златоверхой, которую он сам создал.

Князь Андрей не давал в жизни своей телу своему покоя, а очам своим сна, доколе обрел дом Истины, прибежище всем христианам, Царицы небесных чинов и Госпожи всей вселенной, всякого человека, и многими путями к спасению приводящей. Так и апостол учит: кого любит Господь, того и казнит и бьет всякого сына, кого приемлет. Если наказания терпите, то как сыновьям вам отыщется Бог. Не поставил же Бог прекрасного солнца на одном месте, хотя достаточно и оттуда всю вселенную осветить, но создал ему восток, и юг, и запад. Так и угодника своего, князя Андрея, не привел к себе даром, а мог такой жизнью и так душу спасти, но кровью мученической омыл все пригрешения свои, и с братьями своими, с Романом и с Давидом[38] единодушно ко Христу Богу пришел и в райском блаженстве водворился непостижимо с

ними. Око не видит, ни ухо не слышит, ни в сердце человеку не входит, что уготовал Бог любящим Его. Тех благ сподобился видеть во веки, радуйся, Андрей, князь великий, дерзновение имея ко Всемогущему и богатых Богатейшему, на высоте сидящему Богу, молись помиловать братьев своих, подать им победу на врагов и мирную державу и царствование честное и многолетное во веки веков.

Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть об убиении великого князя Андрея Боголюбского принадлежит жанру повестей о княжеских преступлениях. В ней речь идет о гибели владимирского «самовластца» в результате заговора его приближенных, которых не устраивала авторитарная политика князя, изгнавшего в Византию своих братьев, не говоря уже о неугодных боярах. Все силы князь направлял на укрепление Владимиро-Суздальского княжества, в Киев он не стремился, однако добивался, чтобы киевские князья были под его влиянием.

Произведение создано сразу после гибели князя человеком, хорошо осведомленным и бывшим свидетелем последних эпизодов трагедии (обнаружения тела князя и его погребения). Исследователи называют двух наиболее вероятных авторов: киевлянина Кузьму (слуга или мастеровой человек князя) и священника Микулу.

Текст переведен по Ипатьевской летописи: ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 580—595.

Перевод и премечания Н.И. Пак.

1. *Андрей Юрьевич Боголюбский* (ок. 1112/середина 20-х — 1174) — сын Юрия Долгорукого и дочери половецкого хана Аепы. С 1151 г. постоянно княжил в Суздальской Руси, затем сделал Владимир столицей княжества, но жил в княжеском селе Боголюбове. Первым браком женат был на дочери боярина Кучки, а затем на половчанке, или уроженке Северного Кавказа. Погребен в Успенском соборе во Владимире. Его мощи открыты были 15 октября 1702 г., после чего и установлено празднование ему.

2. *Вышгород* — древнерусский город на правом берегу Днепра в 15 км от Киева выше по течению. Известен с 946 г. как город княгини Ольги. Стратегический пункт, защищавший Киев с севера.

3. *Храм во имя Рождества Богородицы* был центром дворцового ансамбля в Боголюбове, построен в 1158—1165 гг., был цел еще в конце XVII в., утрачен в 1722 г.

4. *Храм Соломона,* заменивший скинию Моисея, подробное описание дано в III Цар. 6.

5. *Цата* — подвеска на иконе, прикрепляющаяся к венцу. Судя по тексту, для их изготовления использовался не только металл, но и поделочный камень: *аспид* — это, скорее всего, яшма.

6. *Иерусалимом* называется дарохранительница, стоящая в алтаре на престоле.

7. *Рипида* — опахало, металлические круглые диски на длинных древках с изображением серафимов, используемые дьяконами при архиерейском служении.

8. *Ободверие* — дверная рама (два косяка с притолокою и порогом).

9. *Сень* — имеется в виду напрестольная сень, т.е. киворий в алтаре, покров в виде шатра, поддерживаемого колоннами.

10. Здесь: *«город»* означает крепостные сооружения.

11. Имеется в виду собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 1158—1161 гг. и перестроенный при Всеволоде Большое Гнездо.

12. Исследователи считают, что храм, построенный Андреем, был одноглавым, пятиглавие он получил при перестройке после пожара в правление Всеволода.

13. *Закомара* — наружная часть свода, кровельное покрытие с дуговым очертанием.

14. Имеется в виду аркатурно-колончатый поясок, членящий стены храма по горизонтали; колонки этого белокаменного резного пояса и были позолочены.

15. Закомары завершались прорезными украшениями в виде птиц, чаш и флюгеров из золоченой меди.

16. Имя *Андрей* в переводе с греческого означает «мужественный».

17. *Медуша* — погреб для хранения меда и других напитков.

18. *Ясин* — выходец с Северного Кавказа (осетин).

19. *Паробок* — мальчик-слуга.

20. *Борис* — сын Владимира, крестителя Руси.

21. *Горясер* — предводитель убийц Глеба, брата Бориса.

22. *Милостник* — любимец, наперсник, находящийся в особой милости.

23. *Болгары* — имеется в виду волжско-камская Булгария (Болгария), государство в среднем Поволжье и Прикамье, которое образовалось в X в. из финно-угорских и тюрко-язычных племен.

24. *Корзно* — верхняя одежда в виде покрывала или плаща, который накидывался сверху и застегивался на плече.

25. *Притвор* — входная часть храма или непокрытое кровлей место перед храмом, паперть; в тексте, скорее всего, второе значение.

26. *Русская земля* — здесь имеются в виду земли Киевского и Черниговского княжеств, т.е. южнорусские земли.

27. *Латинянин* — иноземец родом из Западной Европы.

28. *Жидовин* — еврей, иудей.

29. Видимо, имеется в виду второй по древности Суздальский Козьмодемьянский монастырь, который не сохранился, в настоящее время на его месте — одноименный храм 1725 г.

30. *Клирошане* — здесь: церковнослужители, церковный причт.

31. *Паволока* — дорогая шелковая ткань и вообще ценная ткань, а также покрывало из такой ткани.

32. *Посадник* — наместник князя, правящий городом, областью.

33. *Тивун* — доверенное лицо князя, которому поручались административные дела с судом и расправой.

34. *Детский* — юноша при князе в роли телохранителя и слуги.

35. *Мечник* — должностное лицо, возможно, оруженосец.

36. *Деместник* (деместик) — начальник церковного хора.

37. *Стяг* — воинское знамя, хоругвь; княжеское знамя имело отличительные знаки, и его появление означало присутствие князя.

38. *Роман и Давид* — христианские имена уже упоминавшихся святых князей Бориса и Глеба.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА, ВНУКА ОЛЕГА*

Не лучше было бы нам, братия,
начать старыми словами[1]
Скорбную повесть о походе Игоря,
Игоря Святославича?
Начать же песни
по былям сего времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий,
если кому хотел песнь творить,
то растекался мыслью по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Помнит, говорят,
первые времена княжеских усобиц[2].
Тогда пускает десять соколов
на стадо лебедей,
которую сокол достигает,
тот и первую песнь начинает —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю
перед полками косожскими,
красному Роману Святославичу[3].
Боян же, братия,
не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
а свои вещие персты
на живые струны воскладал,
они же сами князям
славу рокотали.

Начнем же, братия,
повесть сию

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

от старого Владимира[4]
до нынешнего Игоря,
который напряг свой ум
крепостью,
заострил сердце свое
мужеством,
наполнился ратного духа
и повел
свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

* * *

Тогда Игорь воззрел
на светлое солнце
и увидел:
от него все его воины
тьмою покрыты[5].

И сказал Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше убитым быть,
нежели полоненым быть!
А сядем, братия,
на своих борзых коней
да позрим синего Дона.

Запали князю на ум
похоть и желание
искусить Дона Великого.
А знамение ему путь заслонило.
«Хочу, — изрек князь, —
копье переломить
в конце поля половецкого.
С вами, русичи, хочу
голову свою сложить
либо испить шлемом из Дона.

* * *

О Боян, соловей
старого времени!
Как бы походы эти воспел,
скача, соловей,
по мысленному древу,
летая умом под облаками,
свивая славы
того и сего времени,
рыща в тропу Трояна[6]
через поля на горы.
Ты так бы запел песни
Игорю, внуку Олега:
«Не буря занесла соколов
чрез поля широкие —
галок стая летит[7]
к Дону Великому».
Или бы так воспел,
вещий Боян, Велесов внук[8]:
«Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве»[9].
Трубы трубят в Новегороде,
стоят стяги в Путивле.

* * *

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И говорит ему
буй-тур Всеволод:
«Один брат,
Один свет светлый — ты, Игорь,
оба мы Святославичи.
Седлай, брат, своих борзых коней,
а мои уже готовы, оседланы,
у Курска впереди стоят.
А мои куряни — известные воины.
Они под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены[10],

пути им ведомы
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны открыты,
сабли заострены,
сами скачут,
как серые волки в поле,
ищут себе чести,
а князю славы».
Тогда вступил Игорь-князь
в златые стремена
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою
путь перегородило.
Ночь стоном угрожала.
Птицы пробудились.
Свист зверин встал.
Див[11] кличет на верху древа —
велит послушать земле незнаемой:
Волге и Поморию[12],
и Посулию и Сурожу,
и Корсуню и тебе,
Тьмутороканский болван[13].

А половцы неготовыми дорогами
побежали к Дону Великому.
Скрипят телеги в полуночи,
будто лебеди распуганы.
Игорь к Дону воинов ведет
Уже беды его поджидают,
птицы в дубах.
Волки грозно воют по оврагам.
Орлы клекотом на кости зверей зовут.
Лисицы брешут на червленые щиты.
О, Русская земля уже за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет погасила.
Мгла поля покрыла.

Трели соловьев уснули.
Говор галок пробудился.
Русичи червленными щитами
великие поля перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

* * *

Рано утром в пятницу
потоптали поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
захватили красных девок половецких.
а с ними золото и поволоки
и дорогие оксамиты[14].

Ортомами, япончицами и кожухами[15]
и всякими узорочьями половецкими
начали мосты мостить
по болотам и грязивым местам.
Червлен же стяг, белая хоругвь
с червленой челкой, серебряное стружие —
храброму князю Святославичу.

Дремлет в поле
храброе гнездо Олега
далеко залетело!
Не было оно обидé порождено —
ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половчанин!
Гзак бежит серым волком[16],
Кончак ему след указывает
к Дону великому.

* * *

На другой день очень рано
кровавые зори свет поведают.
Черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца[17].

А в них трепещут синие молнии[18].
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами
с Дону великого!
Тут копьям переломиться,
тут и саблям притупиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона Великого!

О Русская земля, уже ты за холмом!

Вот и ветры, внуки Стрибога[19],
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.

Земля гудит.
Реки мутно текут.
Пыль поля прикрывает.
Стяги говорят:
половцы идут
от Дона и от моря.
И со всех сторон
русские полки окружили...
Дети бесовы
кликом поля преградили.
А храбрые русичи
преградили червлеными щитами.

* * *

Яр-тур Всеволод!
Стоишь ты на обороне.
Прыщешь на половцев стрелами.
Гремишь по шлемам их
мечами харалужными.
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат
поганые головы половецкие.

Расколоты саблями каленными
шлемы оварские[20]
тобой, яр-тур Всеволод.
Сам же тяжело ранен был,
дорогие братья,
в бою забыл и о славе,
и о своей жизни,
и о городе Чернигове,
отеческом золотом столе,
о своих милых
и о жене своей
красной Глебовне.
Забыл и семейные
свычаи-обычаи.

* * *

Были века Трояна,
минули годы Ярослава.
Были походы Олега[21],
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
и стрелы по земле сеял.
Вступает в златой стремень
в городе Тьмуторокани,
а звон вражды его слышал давно
великий Ярослав,
а сын Всеволода Владимир[22]
уши закладывал
по утрам в Чернигове.

Бориса же Вячеславича
слава на суд привела.
За обиду Олега
на зеленой траве
у речки Канины пал
храбрый и молодой князь[23].

С той же Канины Святополк
повелел взять тело отца своего

и на венгерских иноходцах
доставить к святой Софии в Киев[24].

Тогда при Олеге Гориславиче[25]
сеялись и разрастались
княжеские раздоры.
Погибала жизнь пахаря,
внука Даждьбога[26].
В княжеских крамолах
жизнь человеку сокращалась.
Тогда по Русской земле
редко пахари кричали,
но часто вороны граяли,
трупы между собою разделяя.
А галки свою речь говорили —
хотят лететь на кормление.

Это все было в те рати
и в те походы.
А такой рати — не слыхано было!
С раннего утра до вечера,
с вечера до рассвета
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья харалужные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.

Черная земля под копытами
костями была посеена,
а кровью полита —
горе взошлом по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит
далече, рано перед зорями?
Игорь полки заворачивает.
Жаль ему милого брата Всеволода...
Бились день.
Бились другой,

третьего дня к полудню
пали стяги Игоревы.
Тут братья разлучились
на берегу быстрой Каялы[27].
Тут кровавого вина не достало,
тут пир докончили
храбрые русичи,
сватов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.

Никнет трава жалостями.
А древо с тугою
к земле преклонилось.
Уже, братие, невеселая година настала.
Уже пустыня силу прикрыла.

* * *

Встала Обида в силах
Даждьбожьего внука,
вступила Девою
на землю Трояна,
заплескала лебедиными крыльями
на синем море у Дона.
И своим плеском разбудила
добрые времена.

Усобица князей —
от поганых погибель.
Говорили брат брату:
«Это мое, и то мое же».
И начали князья про малое
молвить, что это великое,
и сами на себя вражду ковать.
А поганые со всех сторон
приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко зашел сокол,
птиц избивая, — к морю!
А Игорева храброго полка —
не воскресить!
Кликнули Карна и Жля[28],
поскакали по Русской земле,
Горе и скорбь разбрасывая людям
в пламенном роге[29].

Жены русские расплакались,
причитая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очами их оглядеть.
А золотом и серебром
нам уже не порадоваться».

Застонал, братья, Киев горем,
а Чернигов напастями.
Тоска разлилась
по Русской земле.
Печаль жирная потекла
среди земли Русской.
Князья же сами на себя
раздоры ковали.
А поганые, рыская
по Русской земле,
брали дань по белке от двора.
Те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже свою ложь пробудили,
которую и узнал отец их Святослав,
грозный, великий
киевский князь.
Грозою он был.
Притрепал он своими
сильными полками
и харалужными мечами половцев.

Вступил на землю половецкую,
притоптал холмы и овраги,
возмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка[30]
из лукоморья,
от железных великих
полков половецких,
как вихрь, выхватил.
И пал Кобяк
в городе Киеве
в гриднице Святослава.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу.
Хают князя Игоря,
который погрузил добро
на дно Каялы, реки половецкой,
русского золота насыпал.
Тут князь Игорь пересел
из седла золотого
в седло рабское.
Уныли города
и веселие поникло
в Русской земле.

* * *

Святослав мутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера
одевали меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой,
черпали синее вино,
с горем смешенное.
Сыпали мне из пустых
колчан поганых
крупный жемчуг на грудь
и ласкали меня.

Уже доски без конька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны каркали.
Около Плесненска на лугу
похоронные сани ехали к синему морю[31].

* * *

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило.
Два сокола слетели с отеческого
стола золотого
поискать города Тьмутороканя
или испить шлемом из Дона.
Уже соколам крыльца
пообрезали
саблями поганых,
а самих опутали
в путины железные.

Темно было в третий день боя:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
а с ними молодые месяцы[32],
Олег и Святослав,
тьмою покрылись,
в море погрузились,
а великое буйство
отдали поганым.
На реке на Каяле
тьма свет покрыла:
по Русской земле
хлынули половцы
как гнездо хищных пардусов.
Уже перенеслась хула на хвалу.
Уже пропала надежда на успех.
Уже свергся Див с дерева на землю.
Вот и готские красные девы[33]
запели на берегу синего моря,

звонят русским золотом,
воспевают время Боза[34],
лелеют месть Шарукана[35].
А мы, дружина, уже ожидали веселия».

* * *

Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное.
И сказал Святослав:
«О мои сыновцы[36], Игорь и Всеволод!
Рано начали Половецкую землю
мечами раздражать,
а себе славы искать.
Но нечестно поступаете,
нечестно и кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
в жестоком харалуге скованы
и в буйстве закалены.
Что же вы сотворили
моей серебряной седине...
Я уже не вижу власти,
ни сильного, ни богатого,
хотя и много воинов
у брата моего Ярослава.
С его черниговскими боярами,
с могутами и татранами[37],
с шельбирами и топчаками,
с ревугами и альберами.
Они без щитов, ножами и криком
полки побеждают,
звоня славою прадедов.
Но полагали братья:
помужаемся и переднюю славу
сами похитим,
а заднюю — сами поделим.
А не диво ли, братья,
старому помолодеть?

Ведь когда сокол перелиняет,
то высоко птиц сбивает:
не даст в обиду гнезда своего.
Но этот поход зло:
князья мне непособники...
Печалью время ко мне обратилось...
Вот и у Римова кричат
русские люди
под саблями половецкими,
а князь Владимир[38] под ранами...
Горе и тоска сыну Глебову!»

* * *

Великий князь Всеволод[39],
не мыслишь ли ты
прилететь издалеча
отеческий золотой стол поблюсти...
Ты можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать.
Если бы ты был,
то была чага по ногати,
а кощей — по резани[40].
Ты можешь посуху,
как живыми копьями,
стрелять удалыми сынами Глеба[41].

* * *

Ты, буй Рюрик и Давыд![42]
Не ваши ли золотые шлемы
по крови плавали?
Не ваши ли храбрые дружины
рычали, как туры, на поле половецком,
раненные саблями каленными.
Вступите в золотые стремена,
за обиду этого времени
за землю Русскую,
за раны Игоревы
Буевого Святославича!

* * *

Галицкий князь Ярослав Осмомысл![43]
Высоко сидишь на своем
златокованом столе
Подпер горы Венгерские
своими железными полками,
заступил королям путь,
затворив Дунаю ворота,
перебрасывая грузы чрез горы
под облаками.
Угрозы твои по землям текут.
Отворяешь Киеву ворота.
Стреляешь с отеческого золотого стола
султанов за землями.
Стреляй, господин, Кончака,
поганого кощея,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буего Святославича!

* * *

А ты, буй Роман, и ты, Мстислав![44]
Храбрая мысль носит ваш ум на боевое дело.
А ты, Роман, высоко взлетаешь
в деле и буйстве.
Как сокол на ветру ширяяся,
хотя птицу в буйстве одолеть.
У вас, Роман и Мстислав,
железные наплечники
под шлемами латинскими.
Потому от вас затряслась земля
и многие страны —
Хинова, Литва, Ятвяга, Дермела[45].
А половцы копья свои повергли
и головы свои приклонили
под вашими мечами харалужными.
Но уже сейчас князю Игорю

померкло солнце светом,
и древо не добром листву сронило,
по Роси и по Суле
города поделили[46].
А Игорева храброго полка
не воскресить!
Дон тебя, князь Роман, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья,
поторопились на брань.

* * *

Ингварь и Всеволод
и все три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрыльцы[47].
Не победным жребием
себе власть расхитили.
Где ваши золотые шлемы,
сулицы польские и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буего Святославича!

* * *

Уже Сула не течет
серебряными струями
к городу Переяславлю[48].
Двина[49] же болотом течет
к оным грозным полочанам
под кликом поганых.

Един же Изяслав, сын Васильков[50],
позвонил своими острыми мечами
о шлемы литовские.
Потрепал славу
деду своему Всеславу,

а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
притрепан литовскими мечами.
И с любимцем упал на кровь,
а тот изрек:
«Дружину твою, князь,
птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава,
ни другого Всеволода.
Один Изяслав
изронил жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье!
Уныли голоса.
Поникло веселие.
Трубы трубят городенские[51].

* * *

Ярослав и все внуки Всеслава[52],
ужели вы позволили опустить
стяги свои,
признали свои мечи поверженными?
Ужели вы выскочили
из дедовой славы?
Вы своими кромолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на жизнь Всеслава.
От распрей ваших началось насилие
от земли Половецкой.

* * *

На седьмом веке Трояна
Всеслав бросил жребий[53],
хитростью подпершись конями,
вскочил к городу Киеву,
дотронулся древком копья

до золотого стола киевского.
А от киевлян лютым зверем
в полночь бежал,
завесясь за Белградом синей мглой.
Утром рано отворил ворота Новгороду,
расшиб славу Ярославу[54],
поскакал волком до Немиги с Дудуток.
На Немиге[55] снопы стелют головами,
молотят цепами харалужными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
На Немиги кровавом берегу
не добром было посеяно,
посеяно костями русских сынов.

Всеслав князь людей судил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал.
Из Киева добегал до Тьмуторокани.
Утром, до петухов.
Великому Хорсу[56] волком путь пересекал
В Полоцке заутреню рано звонят
у святой Софии в колокола,
а он уже в Киеве звон слышит.
Хотя и вещая душа
бывает в ином теле,
но часто от бед страдает.
Ему вещий Боян впервые
припевку, смысленный, сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому
суда Божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей.
Того старого Владимира[57]
нельзя было пригвоздить
к горам Киевским.
Ныне же встали стяги Рюриковы,
а другие Давидовы[58].

Но врозь
их знамена веют
и копья поют.

* * *

На Дунае Ярославны[59] голос слышится,
Зегзицею незнаемой рано кричит:
«Полечу, — говорит, — зегзицею по Дунаю.
Омочу бебрян рукав в Каяле реке,
Утру князю кровавые его раны
На жестоком его теле».
Ярославна рано плачет в Путивле
на забрале и говорит:
«О ветер-ветрило!
Почему, господин, насильно веешь?
Почему мечешь хиновские стрелы
своими нелегкими крыльями
на моего лада воинов?
Мало ли тебе было горя
под облаками веять,
лелеючи корабли на синем море?
Почему, господин, мое веселие
по ковылю развеял?»
Ярославна рано плачет
в Путивле городе на стене:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы[60]
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе корабли Святослава[61]
во время похода на Кобяка[62].
Вызволи, господин, моего лада,
чтобы я не слала к нему
рано утром слёз на море».

Ярославна рано плачет
в Путивле на стене:
«Светлое и трисветлое солнце!
Всем ты тепло и красно.
Почему, господин, простер

свои горячие лучи
на воинов лада моего
в поле безводном
и жажду усилило?
Горе и так им колчаны заткнуло».

* * *

Прыснуло море в полуночи.
Идут смерчи мглами.
Князю Игорю
Бог путь указывает...
из земли Половецкой
в землю Русскую
к отеческому золотому столу.
Погасла вечерняя заря.
Игорь спит.
Игорь бдит.
Игорь мыслию
поля мерит
от Великого Дона
до Малого Донца.
Конь приготовлен в полночь.
Овлур свистнул[63] за рекою —
велит князю разуметь:
чтоб князь Игорь
не был окликнут стражей.
Стукнула земля.
Зашумела трава.
Вежи половецкие задвигались.
А Игорь князь
поскакал горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Сел на борзого коня
и поскакал на нем
серым волком,
и потек по лугу к Донцу,
и полетел соколом под мглами,
избивая гусей и лебедей
к завтраку, обеду и ужину.

Если Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком потек,
отряхивая студеную росу.
Устали их борзые кони.

* * *

Донец говорит Игорю:
«Князь Игорь,
мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
а Русской земле — веселия!»
Игорь ответил:
«О Донец, не мало ли тебе величия,
лелея князя на волнах,
расстилая зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевая мглами
под тенью зеленого дерева,
стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядями на волнах».
Не такая река Стугна:
худую струю имеет.
Пожрав в половодье ручьи,
расширилась к устью.
Юношу князя Ростислава
утопила на дне своем
у темного берега.

Плачет мать Ростислава.
Уныли цветы жалобою
и деревья с печалью
к земле приклонились.

* * *

Не сороки застрекотали,
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,

галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы-змеи ползали.
Дятлы стуком
Игорю путь к реке указывают.
Соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

* * *

Молвит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
то соколенка расстреляем
своими стрелами золочеными».
Сказал Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
то мы соколенка опутаем
красной девицей».
И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
то у нас не будет ни соколенка,
ни красной девицы[64],
тогда начнут нас, как птиц, избивать
в поле половецком».

* * *

Сказал Боян песнотворец[65]
старого времени Ярослава[66],
Олега князя любимец:
«Тяжко голове без плеч,
зло и телу без головы».
А Русской земле без Игоря.

* * *

Солнце светит на небеси,
Игорь князь в Русской земле.
Девицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву

к святой Богородице Пирогощей[67].
Страны рады,
грады веселы.

Пели песни старым князьям,
а потом и молодым споем.
Слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здоровье князьям и дружине,
боровшимся за христиан
против поганых!
Князьям слава и дружине!

Аминь

ПРИМЕЧАНИЯ

«Слово о полку Игореве» порождено исторической жизнью конца XII в. В нем отражены реальные события 1185 г. — сепаратный поход на половцев Новгород-Северского князя Игоря Святославича со своими родичами, братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом, и тяжелые последствия этого похода. Наиболее вероятная дата создания памятника — 1185—1187 гг.

Это первое дошедшее до нас лиро-эпическое произведение, уникальное по своему поэтическому уровню.

Структура «Слова» сложна и своеобразна, поэтому современные ученые придерживаются различных мнений о его жанре — одним оно видится воинской повестью, другим — риторическим поучением, третьим — слиянием славы и плача. Действительно, здесь налицо и сюжетное повествование, и глубокий лиризм, лирические раздумья автора и монологи героев, диалоги и песни, плачи и сон, современные автору лица и события и исторические параллели прошлого. Наряду с этим, «Слово» музыкально по языку и ритмико-мелодической системе.

Автор «Слова» до сего времени во многом остается загадочной фигурой. Его имя и социальный статус нам неизвестны. Автор «Слова» своеобразно понимал и изображал своих героев, во многом отличаясь от современников: более

гуманно, чем в летописях, с тенденцией всепрощения. Как бы ни были греховны поступки и дела человека, его ошибки, он заслуживает сочувствия и снисхождения.

Хорошо известен идейный пафос «Слова», он заключается в страстном призыве прекратить феодальные раздоры и объединить усилия всех русских княжеств в борьбе против половецкой опасности.

Текст переведен по изданию: «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950 (Литературные памятники).

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. ... *Старые слова (в древнем тексте — «старые словесы»)* — слова, имевшие в языческий период положительный смысл. Например, *вещий* — знающий, мудрый, *буесть* — храбрость, отвага, *буй-тур* — сильный, отважный, *хоть* — любимец, любимая и др. В христианстве эти слова приняли иное, отрицательное значение: *вещий* — незнающий, колдовской, *буесть* — своеволие, глупость, *буй-тур* — буйный, безумный, *хоть* — блудница, наложница. Ориентация автора на языческое значение многих слов свидетельствует о его интересе к язычеству. Одни «старые» слова сохранились до современности в их языческом значении, другие переосмыслились, например, слово «ведьма» в язычестве имело также положительный смысл — ведающая, знающая.

2. *Первые времена княжеских усобиц* — период борьбы внуков Ярослава Мудрого между собой, полоцким князем Всеславом и его потомками (середина XI в.).

3. Древнерусский поэт Боян сочинял свои песни в XI — начале XII в. Упоминаемые князья, которым Боян сочинял песни, жили: *старый Ярослав* (Ярослав Мудрый) с 978 до 1054 г., *Мстислав Владимирович*, брат Ярослава Мудрого, княжил в Тьмуторокани, в единоборстве победил северокавказского косожского князя Редедю в 1022 г., а умер в 1036 г., *Роман Святославич*, внук Ярослава Мудрого, брат Олега Святославича (деда князя Игоря), убит в 1079 г.

4. *Старый Владимир* — Владимир Всеволодович Мономах (1052—1125), внук Ярослава Мудрого. Однако многие исследователи полагают, что здесь речь идет о Владимире Святославиче.

5. *Воины тьмою покрыты* — солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г. Оно воспринималось в то время как предсказание беды. Затмение два раза упоминается автором. Первое — до встречи Игоря с братом Всеволодом, второе — после встречи. Некоторые текстологи признали это за ошибку переписчика рукописи «Слова» и

считали возможным слить оба упоминания о затмении. Другие видят в этом не ошибку переписчика, а поэтическую логику автора — стремление подчеркнуть ошибочную одержимость Игоря во что бы то ни стало совершить сепаратный поход, не дожидаясь объединенного похода князей. Не случайно между двумя упоминаниями о солнечном затмении стоит лирическое отступление в стиле Бояна, косвенно осуждающее Игоря.

6. *Тропа Трояна. Троян* — четыре раза упоминается Троян: земля Трояна, тропа Трояна, век Трояна. Некоторые исследователи полагают, что под именем Трояна следует понимать языческого бога и период язычества на Руси. Более убедительна точка зрения на Трояна как на римского императора.

7. *Галок стая летит к Дону великому* — такое предполагаемое сравнение Бояном воинов Игоря со стаей галок, и противопоставление их соколам загадочно. Оно вступает в противоречие с тем, что автор говорит о дружине Игоря от своего имени.

8. *Боян, Велесов внук — Велес* — языческий бог скотоводства, по-видимому, и пастухов. Если Боян назван внуком Велеса, то можно предполагать, что он был и покровителем поэзии.

9. *Сула* — левый приток Днепра вблизи Переяславля, пограничная река с половцами.

10. *Концом копья вскормлены* — характеристика курских воинов восходит к древнему обряду посвящения молодых воинов в дружинники, в XII в. этот обряд был уже архаизмом.

11. *Див кличет...* — мнения комментаторов здесь расходятся. Одни полагают, что речь идет о мифологическом существе вроде лесового, другие — о какой-то загадочной птице, третьи корень слова «див» производят от «дивий», «дикий,» т.е. половец-разведчик, предупреждающий криком и свистом половцев о продвижении русских войск.

12. *Поморие* — побережье Азовского и Черного морей, *Посулие* — пограничные земли в районе р. Сулы, *Сурож* — г. Судак в Крыму, *Корсунь* — Херсонес, древнегреческое поселение, ныне входит в территорию г. Севастополя.

13. *Тьмутороканский болван* — Тьмуторокань — г. на Таманском полуострове, центр русского княжества до захвата его половцами. Возможно, под тьмутороканским болваном имеются в виду огромные статуи древнегреческих божеств Саперга и Астарты, сооруженные в III—IV вв. до н.э. Развалины этих статуй существовали еще в XVII в.

14. *Поволоки и дорогие оксамиты* — дорогие ткани, особенно ценились оксамиты.

15. *Ортомы, япончицы, кожухи* — дорогие покрывала, накидки, простая одежда.

16. *Гзак, Кончак* — половецкие ханы.

17. *Хотят прикрыть четыре солнца* — солнце — символ князя, имеются в виду Игорь, Всеволод, сын Игоря Владимир и племянник Игоря и Всеволода Святослав.

18. *Трепещут синие молнии.* Слово «синие» автором употребляется в ином значении, чем в современном языке. Оно встречается много раз и во всех случаях имеет зловещее символическое значение, связанное с недобрыми, дьявольскими силами.

19. *Ветры — внуки Стрибога* — Стрибог — языческий бог ветра.

20. *Шлемы оварские* — Овары по летописным источникам — обры, народность, проживавшая с V по IX в. на севере Черного моря и на Северном Кавказе. Оварские шлемы находились на вооружении половцев.

21. *Были походы Олега* — имеется в виду дед Игоря Олег Святославич, родоначальник династии Ольговичей, или, по словам древнерусской поэмы, «Олегова храброго гнезда», активный участник «первых времен усобиц». Умер в 1115 г. О его недобрых походах образно говорится в древнерусской поэме. Изображение Олега как князя-крамольника косвенно характеризует и Игоря, и не случайно автор в заглавии указывает, что Игорь — внук Олега, а это не велика честь в те времена.

22. *Сын Всеволода Владимир уши закладывал...* — Речь идет о Владимире Мономахе, который княжил недолго в Чернигове, княжество которого по наследству должно принадлежать Олегу.

23. *Борис Вячеславич* — внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича, убит в 1078 г. в сражении под Черниговом на Нежатиной Ниве. Союзники Олега пытались вернуть Черниговское княжество законному князю. В связи с этим Борис Вячеславич решительно требовал сражения с киевскими князьями и погиб в неравном бою.

24. *С той же Канины Святополк...* — В первом издании говорится: «Съ тоя же Каялы». Известный украинский переводчик Максим Рыльский увидел ошибку первых издателей, заменив Каялу названием небольшой речки Канины, протекавшей на месте сражения. *Святополк* — сын киевского князя Изяслава, погибшего в

сражении 1078 г. на Нежатиной Ниве и похороненного в Киевской Софии.

25. *При Олеге Гориславиче...* — По-видимому, в слове «Гориславич» содержится двойной смысл: князь Олег своими распрями приносил много горя людям, но вместе с этим и сам испытал много горя.

26. *Внука Дажьбога* — языческий бог земледелия, бог пахарей-земледельцев.

27. *На берегу быстрой Каялы* — река с таким названием до сего времени неизвестна, поэтому многие комментаторы сходятся в том, что река Каяла имеет символическое значение, как река окаянная, проклятая или река покаяния.

28. *Кликнули Карна и Жля...* — До сего времени остается загадкой: то ли это метафора — символическое обозначение каких-то воображаемых существ, то ли языческие божества, то ли исторические реалии.

29. Фразеологический оборот *«пламенном роге»* так же одни комментаторы объясняют как упоминание языческого обряда скорбных похорон при факелах и свечах, другие — как огнеметательное оружие.

30. *Поганого Кобяка — Кобяк* — половецкий хан — был пленен с двумя сыновьями и с огромными половецкими войсками во время похода киевского князя Святослава Всеволодовича в 1183 г. Слава об этой победе пронеслась по всей земле.

31. *Похоронные сани ехали к синему морю.* — В первом издании было напечатано: «Беша дебри Кияни и несошася къ синему морю». Для текстологов это место оставалось темным, неясным. Полагаем, что это место более удачно прочел украинский поэт Максим Рыльский.

32. *Молодые месяцы Олег и Святослав...* — Имеются в виду молодые князья, которые обозначены символически месяцами, а не солнцами как старшие князья. Остается неясным, почему здесь молодой князь назван не Владимиром, участником похода, а Олегом.

33. *Готские красные девы.* — Готы с древних времен жили на побережье Азовского и Черного морей, в районе Тмуторокани.

34. *Время Боза.* Боз (Бус, Бооз) — князь древнего племени антов, живших на побережье Черного и Азовского морей. В 375 г. Боз был разбит готским королем Винитаром.

35. *Лелеют месть Шарукана...* — *Шарукан* — половецкий хан,

дед Кончака. Разгромлен в 1111 г. объединенными силами русских князей под руководством Владимира Мономаха.

36. *О мои сыновцы* — племянники, а также удельные князья.

37. *С могутами и татранами, / с шильберами и топчаками, / с ревугами и альберами ...* — Речь идет о тюркских родовых племенах, по найму служивших черниговскому князю. Подобные наемники (ковуи) принимали участие в походе Игоря.

38. *Князь Владимир под ранами...* — Переяславский князь Владимир Глебович был тяжело ранен во время сражения с Кончаком в 1185 г. и через два года скончался от ран.

39. *Великий князь Всеволод. — Всеволод Юрьевич,* сын Юрия Долгорукого, Владимиро-Суздальский князь, прозванный «Большое гнездо».

40. *Чага по ногати, а кощей по резани.* — *Чага* — девушка-рабыня, *ногать* — мелкая монета; *кощей* — раб; *резань* — монета дешевле ногати в 20 раз.

41. *Стреляешь удалыми сынами Глеба. — Сыны Глеба* — рязанские князья, которые были зависимы от Владимиро-Суздальского князя и подчинялись ему.

42. *Ты буй Рюрик и Давид...* — *Рюрик Ростиславич* — киевский князь, *Давид* — его брат, князь Смоленский: Рюрику Ростиславичу принадлежала большая часть Киевского княжества, соправителем его был Святослав Всеволодович, владевший Киевом и его окрестностями.

43. *Ярослав Осмомысл* — галицкий князь Ярослав Владимирович, отец Ярославны, жены Игоря.

44. *И ты, буй Роман, и ты, Мстислав!* — *Роман Мстиславич,* сын князя киевского, объединил под свою власть Галицкое и Волынское княжества. *Мстислав* — двоюродный брат Романа, неясно, сын ли он Ярослава Луцкого или Всеволода, городенского князя. Роман прославился своими победами над литовцами и поляками.

45. *Хинова, ятвяга, дермела.* — *Хинова* — финские племена, *ятвяга и дермела* — литовские.

46. *По Роси и Суле города поделило. Рось* — правый приток Днепра, *Сула* — левый, южные пограничные с половцами реки. После разгрома войск Игоря половцы захватили побережья этих рек.

47. *Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславичи — Ингварь и Всеволод* — волынские князья, сыновья Ярослава Изяславича. Кто такие три Мстиславича, до сего времени остается загадкой.

48. Смысл метафоры: Сула, пограничная река, полностью во власти половцев, к осажденному городу Переяславлю нельзя доплыть по Суле.

49. *Двина* — Северная Двина, на берегу которой стоит Полоцк, *полочане* — жители Полоцка.

50. *Един же Изяслав, сын Васильков...* — о Изяславе Васильковиче и о его битве с литовцами отсутствуют источники, вообще о событиях и князьях Полоцкого княжества сведения весьма ограничены, кроме основателя династии полоцких князей Всеславе Брячиславиче.

51. *Трубы трубят городенские* — северо-западного города Гродно, или Городно.

52. *Ярослав и все внуки Всеслава...* — Неясно, к какому князю Ярославу (по смыслу текста династии Всеслава) адресовано обращение. Однако сведения о некоторых внуках можно усмотреть в тексте, посвященном полоцким и северо-западным князьям.

53. *Всеслав бросил жребий...* — Жизнедеятельность полоцкого князя Всяслава Брячиславича относится к «первому периоду» княжеских раздоров. События, о которых идет речь в «Слове», относятся к 1068 г. когда Всеслав находился в заключении (земляной тюрьме) у киевских князей, которые в этот год бежали от половцев. Киевляне восстали, требовали от князей коней и оружия. Князья отказали. Тогда в городе вспыхнуло волнение. Восставшие освободили Всеслава, провозгласили его князем. Всеслав дал киевлянам коней и оружие, а князья сбежали из Киева. Киевляне отстояли город от разгробления. Однако вскоре Всеслав бежал из Киева.

54. *Расшиб славу Ярославу* — Ярославу Мудрому.

55. *На Немиге...* — *Немига* — небольшая река, приток Свислоча вблизи г. Минска.

56. *Великому Хорсу волком путь пересекал...* — *Хорс* — языческий бог солнца восточных славян.

57. *Старого Владимира.* См. примеч. 4.

58. *Стяги Рюриковы, а другие Давидовы.* — См. примеч. 42. Между братьями Рюриком и Давидом Ростиславичами не было согласия: Рюрик принимал участие в отражении половецких войск, а Давид отказался, хотя его войска и стояли у Киева.

59. *Ярославна* — дочь Ярослава Владимировича Галицкого, жена Игоря.

60. *Каменные горы* — днепровские пороги.

61. *Лелеял на себе корабли Святослава...* — Святослава Всеволодовича, киевского князя.

62. *Похода на Кобяка.* См. примеч. 30.

63. *Овлур свистнул...* — *Овлур* — половец, помогавший Игорю в побеге.

64. *Не будет ни соколенка, ни красной девицы...* — Половецкие ханы ведут диалог о судьбе сына Игоря Владимира, оставшегося в плену. Владимир в 1187 г. действительно бежал из плена вместе с женой половчанкой.

65. *Сказал Боян песнотворец...* — В первом издании читалось: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля». Текст этот неясный, поэтому текстологи различно толковали его. В частности, предлагалось и такое прочтение: «Рек Боян и Ходына», т.е. из слов «ходы на» образовалось имя еще одного древнего поэта. Однако такое прочтение вступает в противоречие с древнерусской грамматикой и еще больше запутывает смысл.

66. *Старого времени Ярослава...* — Ярослава Мудрого.

67. *Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей.* — *Боричев* — это спуск с центральной высоты Киева, где находился княжеский терем и храмы, на городской посад Подол, где находилась церковь Богородицы Пирогощей.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА*

Вострубим как в златокованые трубы в разум[1] ума своего, и заиграем в серебряные орга́ны, возвышая мудрость свою. Воскресни слава моя, оживи в псалтыри и в гуслях[2]. Поднимусь рано восславить тебя. Открою в притчах предсказания мои, предвещая в народах признание мое. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой пером книжника-скорописца и изворотливы уста, как речная быстрина. Того ради попытался написать об оковах сердца моего, чтобы разбить их нещадно, как древние — младенцев о камень[3].

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Сам же я как та смоковица проклятая[4]: не имею плода покаяния; ибо сердце мое — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон на развалинах засыпающий; рассыпалась прахом жизнь моя, как ханаанского царя надменность[5]; и поглотила меня нищета, как Красное море фараона[6].

Это же пишу я, бежав от проступка своего, как Агарь рабыня от Сарры, госпожи своей[7].

Но видя, господине, твою доброту ко мне и прибегаю к всегдашней твоей любви. Сказано ведь в писании: просящему у тебя дай, стучащему — отвори, и не будешь лишен царствия небесного[8]; написано ведь: положись на Господа в печали своей и он тебя поддержит вовеки[9].

Сам же я, княже-господине, как трава полезная, но растущая под стеною: на нее ни солнце не светит, ни дождь не идет; так и я всеми обойден, поскольку огражден страхом перед гневом твоим, как стеной твердой.

Не гляди же на меня, господине, как волк на ягненка, но смотри на меня, как мать на младенца. Взгляни на птиц небесных, как те не пашут, не сеют, но уповают на милость Божию[10], так и мы, господин, надеемся на доброту твою.

Ибо, господине, кому Боголюбово[11], а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро[12], а мне на нем сидя, плач горький; кому Новгород, а мне углы покосившиеся, поскольку не процвела участь моя.

---

*© Перевод, примечания. А.Н. Ужанков, 2000

Друзья мои и близкие мои и те отвергли меня, поскольку не могу поставить перед ними трапезы с разнообразным угощением. Многие, ведь, водятся со мною, опускают руку в одну со мной солонку, а при несчастьи как враги отворачиваются и к тому же помогают подкосить ноги мои; глазами-то плачутся со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имею веры к другу и не надеюсь на брата.

Правду говорил мне князь Ростислав: «Лучше бы мне смерть, нежели Курское княжение»[13], так же и мужу лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете. Ибо как говорил Соломон: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, Господи; если буду богат — возгоржусь, если буду убог — задумаю воровство и разбой, а жена — распутство».

Потому и взываю к тебе, измученный нищетою: помилуй меня, сын великого царя Владимира[14], да не расплачусь рыдая, как Адам о потерянном рае; пусти тучу проступка моего на землю.

Ибо, господине, богатого везде знают, и в чужой стороне он друзей имеет, а нищий и в своей ненавидимым ходит. Богатый заговорит — все замолчат и вознесут слова его до облаков; а нищий заговорит — все на него закричат. Чьи одежды светлы, тех и речь почитаема.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну от сетей; как птенца от ловушки; как утенка от когтей несущего ястреба; как овцу от пасти льва.

Сам же я, княже, как дерево при дороге: многие рубят его и в огонь бросают; так и я всеми обижаем, поскольку не огражден страхом перед гневом твоим.

Как олово погибает от частого плавления, так и человек, терпящий многие беды. Никто не может соль горстью есть, ни в горе здраво размышлять; всяк человек находчив и рассудителен в чужой беде, а в своей не может разумным быть. Золото сокрушается огнем, а человек несчастьями; пшеница, долго молотая, чистый хлеб дает, а человек в печали обретает мудрость. Моль, княже, одежду ест, а невзгоды — человека; горечь человеку кости сушит.

Кто же в горе человеку поможет, — как студеной водой напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украша-

ет цветами землю, а ты оживляешь всех людей милостью своею: сирот и вдов, вельможами притесняемых.

Княже мой, господине! Яви мне черты лица своего; ибо голос твой приятен и образ твой прекрасен; мед источают уста твои и послание твое, как рай с плодами.

Но когда наслаждаешься разными яствами и меня помяни, сухой хлеб едящего; или когда пьешь сладкое питье и меня помяни, теплую воду пьющего, пылью запорошенную, из незащищенного от ветра места; когда лежишь на мягких постелях, под собольими одеялами и меня помяни, под одним холстом лежащего и зимою замерзающего; и каплями дождевыми, как стрелами, сердце пронизывается.

Да не прострится, княже мой, господине, рука твоя, согбена на подаяние убогих и нищих: ибо ни чашей моря не вычерпать, ни нашим побиранием твой дом истощить. Ибо как невод не удержит воду, только одну рыбу, так и ты, княже, не удерживай ни золото, ни серебро, но раздавай людям.

Паволока, испестренная множеством шелковых нитей, красоту свою являет, так и ты, княже, многими людьми почитаем, и славим по всем странам. Как-то похвалился царь Езекия[15] послам царя Вавилонского, показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством злата, но множеством воинов, ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть».

Как говорил Святослав-князь, сын Ольги, идя на Царьград с малой дружиною: «Братья! Или нам от града погибнуть, или городу нами плененному быть. Как Бог повелит, так и будет: погонит один сто, а от ста двинутся тысячи. Надейся на Господа — и как гора Сион не сдвинешься с места вовеки[16]».

Удобно за курганом коней пасти, как и за доблестным князем воевать. Часто от беспорядка полки погибают. Видел: велик зверь, а головы не имеет. Так и многие полки безумного князя.

Гусли настраиваются перстами, а тело крепится мышцами; дуб крепок множеством корней, так и град наш твоим держанием. Ежели князь щедрый — отец слугам многим, многие ведь оставляют отца и мать и к нему прибегают. Доброму бо господину служа, дослужишься свободы, а злому господину служа, дослужишься большей работы. Ежели князь щедрый, то как река, текущая без берегов сквозь дубравы,

поит не только людей, но и зверей; а князь скупой — как река в берегах, а берега — каменные: нельзя ни напиться, ни коня напоить. А боярин щедрый — как колодец при дороге, наполняет прохожих; а боярин скуп — как колодец соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ князева села: ибо тивун[17] его — как огонь осиной заваленный, и рядовичи[18] его, как искры. Ежели от огня остережешься, то от искр не сможешь уберечься и обожжешь одежды.

Господин мой! Не лиши хлеба нищего мудреца, не вознеси до облаков богатого неразумного. Ибо мудрый нищий, что золото в грязном сосуде, а богат красив, но не умен, как шелковая подушка, соломой набитая.

Господин мой! Не смотри на внешность мою, но загляни во внутрь меня, ибо я, господин, одеянием скуден, но умом богат; юный возраст имею, да стар смысл во мне; было мыслями парил, как орел по воздуху.

Поставь сосуд глиняный под струйку капель языка моего, да накапаю слаще меда речи уста мои. Как Давид говорит: «Сладка суть слов твоих, лучше меда устам моим». Ибо и Соломон говорит: «Добрые слова сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце неразумного».

Мужа мудрого посылай и мало ему говори, а неразумного пошли — и сам не ленися вослед идти, ибо глаза мудрых жаждут благих дел, а неразумного — в доме пира. Лучше слушать прения умных, нежели поучения глупых. Наставь премудрого — еще мудрее будет.

Не сей на борозде жита, ни мудрости в сердцах неразумных.

Глупых ни сеют, ни пашут, ни в житницу не собирают — сами рождаются. Как в дырявые меха лить, так глупого учить; собакам и свиньям не нужны ни злато, ни серебро, а глупому — мудрые слова. Ни мертвеца не рассмешишь, ни глупого не научишь. Когда поглотит синица орла, когда камень всплывет в воде и когда начнет свинья на белку лаять, тогда глупый уму научится. Иль скажешь мне: «От глупости своей наговорил всего», — то отвечу: однако не видел я неба войлочного, ни звезд лыковых, ни глупого говорящего разумно. Или скажешь мне: «Солгал, как пес». Но хорошего пса князья и бояре любят. Или скажешь мне: «Солгал, как вор». Если бы воро-

вать умел, то тебе бы не жаловался. Девица погубляет красу свою блудом, а мужчина свою честь — воровством.

Господин мой! То не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но раздувание мехами; так же и князь: не сам впадает в проступок, но думцы[19] вводят. С хорошим думцею советуясь, князь высокий престол добудет, а с дурным думцею совещаясь, и меньшего лишен будет.

Говорится ибо в мирских притчах: не скот среди скота коза; не зверь в зверях еж; не рыба в рыбах рак; не птица в птицах нетопырь[20]; не муж в мужах, кем жена понукает; не жена в женах, если от мужа блудит; не работа в работах, под женами повозку возить.

Дивнее дивного ежели кто жену возьмет злообразну выгоды ради. Видя жену безобразную, приникшую к зеркалу и мажущуюся румянами, скажи ей: «Не смотрись в зеркало, видя неприятность лица своего, еще большую печаль обретешь».

Или скажешь мне: женись у богатого тестя, чести великой ради: там пей и ешь. Тогда уж лучше мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол хоть не говорит, ни зло не замышляет, а злая жена, будучи битая — беснуется, будучи смирной — заносится, в богатстве надменность обретает, а в бедности других порицает.

Что есть жена злая? Пристанище ненадежное, кощунница бесовская. Что есть жена злая? Людской мятеж, ослепление уму, зачинщица всякой злобы, в церкви бесовская пособница, потворщица греха, преграда к спасению.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые речи, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкой болеть, да будет он проклят.

А потому, братья, распознайте злую жену. Говорит же она мужу своему: «Господин мой и свет очей моих! Не могу я на тебя смотреть, когда обращаешься ко мне: тогда гляжу я на тебя и обмираю, и начинают дрожать все члены тела моего и опускаюсь на землю». Послушайте, жены, слова Павла-апостола, говорившего: «Крест есть глава церкви, а муж — жене своей.»[21] Жены в церкви стойте же, молясь Богу и святой Богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у мужей своих. А вы, мужья, по закону обходитесь с женами своими, поскольку нелегко найти хорошую жену.

Рачительная жена — венец мужу своему и благополучие, а злобная жена — горе лютое, разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом мужа своего истощает. Лучше в дырявой ладье плавать, нежели злой жене тайны поведывать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше уж камень долбить, чем злую жену учить; железо расплавишь, а злой жены не научишь.

Злая жена ни наставления не слушает, ни священника не почитает, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех порицает.

Кто льва злее среди четвероногих, и что змеи лютее среди ползущих по земле? Всего того злее злая жена. Нет ничего на земле лютей женской злобы. Женщиной сперва прадед наш Адам из рая изгнан был, из-за женщины Иосиф Прекрасный в темнице затворен был[22], из-за женщины Даниила Пророка в ров бросили и львы ему ноги лизали[23]. О злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некого человека умерла жена: он же после поминок ее начал детей продавать. И люди сказали ему: «Почему детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то став взрослыми, меня продадут».

Еще раз вернемся к прежнему разговору. Я, ведь, княже, ни за море не ходил, ни от философов научился, но был как пчела, которая припадая к разным цветкам, собирает медовые соты, так и я по многим книгам собирал усладу словесную и разум, и собрал их, как в меха воды морские.

Да уж не много ли говорю? Не отвергай сразу глупость неразумного и не уподобишься ему. Уже перестаю много говорить. Да не буду, как мех ветхий, роняющий богатства в руки убогим, да не уподоблюсь жерновам, которые многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом. Да не буду ненавистным людям долгой беседой своей подобно птице, часто повторяющей песни свои и скоро надоедающей. Говорит людская мудрость: речь длинная не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсонову[24], храбрость Александра[25], разум Иосифа[26], мудрость Соломона[27], искусность Давида[28], и умножь, Господи, всех людей под власть его. Богу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

О высоком уровне литературы Древней Руси свидетельствует своеобразное художественное произведение конца XII — начала XIII в. — «Слово Даниила Заточника».

«Слово» представляет собой обращение некоего Даниила (кто он и какова его судьба — неизвестно) к новгородскому князю Ярославу Владимировичу (княжил с 1182 по 1199 гг.). Попав в нужду, отбывая наказание на озере Лаче за какую-то провинность, Даниил надеется своим посланием снискать княжеское расположение и поправить свои дела.

«Слово» искусно соткано из различных книжных изречений, народных пословиц и поговорок. Автор, несомненно, был образованнейшим человеком своего времени с тонким литературным вкусом. Его произведению присущи юмор и легкая ирония. Пленяет образность речи и самобытность стиля: ритмически оформленные строфы связываются ассонансами и повторяющимся обращением.

Существует еще одна, более известная редакция произведения, называемая «Моление Даниила Заточника».

«Слово Даниила Заточника» переведено по изданию: Н.Н. Зарубин. «Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам». Л., 1932. С. 4—35.

Перевод и примечания А.Н. Ужанкова.

1. *Разум ума* — в Древней Руси понятие «ум» и «разум» не тождественны и не выступают синонимами. Достаточно вспомнить хотя бы народную присказку «ум за разум зашел». «Разум» находится в голове и руководит чувствами. Он станет основой рационализма. «Ум» находится в сердце, это — духовная сущность, способность восприятия сокровенного знания (Откровения) не через его понимание и приятие разумом, т.е. рассудком, а на базе веры мыслью восходить к Богу.

2. *Псалтырь, гусли* — древние струнные инструменты.

3. *Разбить... как древние — младенцев о камень.* — По Библии, высшая степень народного несчастья выражается символом разбивания младенцев о камень. Символ встречается в псалме Давида (136:9) и пророчествах Исайи (13:16).

4. *Как та смоковница проклятая, не имеею плода покаяния...* — По Евангелию (Мф. 21:19), Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

5. *Рассыпалась прахом ... как ханаанского царя надменность...* — По Библии (Нав. 6:1—20) стены города Иерихона рассыпались от трубного звука и крика еврейского войска, и заносчивость ханаанского царя была наказана.

6. *Поглотила ... как Красное море фараона.* — По Библии (Исх. 14:21—31), когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними, но поглотило преследовавшего их с войском фараона.

7. *Бежав от проступка своего, как Агарь рабыня от Сарры, госпожи своей.* — По Библии (Быт. 16:1—20), Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Став женой Авраама и видя, что скоро станет матерью, Агарь начала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала.

8—9. Ср.: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5:42); «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс. 54:23).

10. Ср.: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26).

11. *Боголюбово* — резиденция древнерусских князей, построенная близь столицы княжества Владимира, великим князем Андреем Юриевичем, прозванным Боголюбским (родился ок. 1112 г. — убит в ночь с 28 на 29.VI.1174 г.), сыном Юрия Долгорукого, внуком Владимира Мономаха.

12. *Озеро Лаче* — на севере Новгородской области.

13. В «Лаврентьевской летописи» под 1139 г. эти слова произносит переяславский князь Андрей Владимирович Добрый. Возможно, что автор «Слова» их слышал в пересказе Ростислава Юриевича, сына Юрия Долгорукого.

14. Под «царем Владимиром» мог подразумеваться отец предполагаемого адресата Ярослава Владимировича —Владимир Мстиславич (ок. 1132—1171), имевший «царственную кровь», поскольку был внуком Владимира Мономаха (сына византийской принцессы) и Гиты (дочери англосакского короля), женатого на племяннице венгерского короля Гейзы II, дочери хорватского бана Белуша.

15. *Езекия* (ум. в 97 г. до н.э.) — иудейский царь, вместо прославления Бога за свое чудесное выздоровление, впал в тщеславное хвастовство перед послами Вавилонского царя Беродаха Баладана своим богатством. Пришедший к нему пророк Исайя

возвестил ему, что все оно достанется в добычу Вавилону, и даже потомки царя будут уведены в вавилонский плен (IV Цар. 20).

16. По-видимому, здесь подразумевается поход Святослава Игоревича (ок. 942—972), сына княгини Ольги, на греков в 970 г. Но в летописях под 971 г. приводятся иные слова князя.

17. *Тивун (тиун)* — княжеский управляющий.

18. *Рядовичи* — люди, работающие на господина по заключенному с ним договору («ряду»).

19. *Думци* — советники, советчики.

20. *Нетопырь* — летучая мышь.

21. Ср.: «Всякому мужу глава Христос, жене глава —муж, а Христу глава — Бог» (1 Кор. 11:3).

22. *Иосиф Прекрасный* — был оклеветан женой своего господина Потифара, за что был заключен в темницу (Быт. 39).

23. *Даниил Пророк* — был брошен в ров со львами за верность Богу, а не из-за женщины (Дан. 6:16—24).

24. *Силу Самсонову* — библейский герой Самсон был наделен Богом необыкновенной силой (См.: Суд. 13—16).

25. *Храбрость Александра* — имеется ввиду Александр (356—323 г. до н.э.), царь Македонский, один из выдающихся полководцев, создавший самую крупную империю древнего мира со столицей в Вавилоне.

26. *Разум Иосифа* — Иосифа Прекрасного (см. прим. 22).

27. *Мудрость Соломона* — иудейский царь Соломон прославился своей мудростью и притчами. «Он был мудрее всех людей» (3 Цар. 4:31).

28. *Искусность Давида* — царя Давида, мудреца и пророка, создателя псалмов, отца Соломона (1 Цар.)

ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА*

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА[1]. СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона[2] брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на них, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исаакия Пещерника[3], как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов, Антония и Феодосия[4], которые и доныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы прошение твое; берегись, брат; вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради них и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почуял благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания Духа Святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам воочию, чтобы я мог видеть Тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, Господи, не прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь мне, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в жи-

---

* Перевод Л.А. Дмитриева, 2000,
©Изменения, примечания. А.М. Ранчин, 2000

вых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоем творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу[5], говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье[6], скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей, — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, — бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, — поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества[7] по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, Господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом. Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Иоанн, который после него был игуменом[8], Пимен Постник, Исайя, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исаакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмутороканя, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черни-

говским, Онисифор Прозорливец[9]. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись Богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг, и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, в которых они нам изъясняли и написали о житии и чудесах и делах богоугодных преподобных мужей, которых с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях, одних они сами видели, а о других лишь слышали; слыхали мы и о житии, чудесах и деяниях тех, кто жил еще прежде них, о каковых, Патерик сложив, поведали отцы, а мы читаем его, наслаждаясь духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон[10], то я и написал твоему преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского, и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, их же поминаю я радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пещернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосий из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела Божия. Выкопал он много могил на погребение братии и ничего не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к Богу в этот день, и не было другой могилы, кроме той — тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елея на него возлить, так узка была могила. Пещерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не докончил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, окропись сам: возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойди, скажи брату: «Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не докончена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: «Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день, а завтра отойдешь к возлюбленному Господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришлю за тобой».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Го-

ворит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: «Говорит тебе Марко — оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай Богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами». Пришел брат, сказал все это ожившему, и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, и имели одни мысли, одни желания, обращенные к Богу. И умолили они блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда Господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшой же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат! встань и дай место неумершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за

то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же и положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело Божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу сказать умершему: «Встань», а потом: «Опять ляг на верхнем месте. Вели ему ты и скажи — может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И когда пришел он в свою келию, то охватил его плач неутешный. Роздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил Бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуряя себя голодом, и молясь и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его, и так проводил он все дни жизни своей в великом воздержании, угождая Богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у Бога, то не забуду тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими, Антонием и Феодосием!» С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, потому что Бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение его прозрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет»[11]. Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но Господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отойду к Господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у Господа, чтобы там увидеть славу его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». И сказав это, блаженный Марко преставился о Господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы все умножались ему. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного. Когда же почувствовал он свою кончину о Господе, то стал прилежно молиться Богу, чтобы угодны были слезы его пред ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря. М о л и т в а: «Владыко-человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Царь мой пресвятой, Ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощь нашу, Утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим

укрепитель, падающим восстание! Молю Тебя, Господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость Свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия Твоего, избавь меня от искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников Твоих, великих отцов наших, Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших Тебе. Аминь». И тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть Твоих же слез, которые в молитве к Богу излил ты от сердца, — те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению Творца нашего, я собрал и сохранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к Тому, который сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»[12]. И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, несравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к Господу. И положили его достолепно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие со слезами о Христе утешены будут[13], — ему же слава с Отцом и со Святым Духом!

СЛОВО О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благому есть нестяжание, так корень и мать всему злому — сребролюбие[14]. Лествичник говорит[15]: «Любящий собирать имение готов за иглу до смерти тягаться, а тот, кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди его сохранит». Такой сберечь имения не может, но растрачивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и Господь сказал в Евангелии: «Если человек не от-

решится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»[16].

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство роздал нищим и стал иноком и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое роздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул Господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: «Что нам есть?» или «Что пить?», или: «Во что одеться?» Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и Отец ваш Небесный питает их»[17]. И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обнищал он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед Богом: «Пусть все, что я роздал, Твоей будет милостыней», и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это Господь?» Услышав это, убоялся Феодор страхом великим гнева Божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе[18] с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого — с золотом и жизнь свою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего его от такого недуга. О таких сказал Господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как Мои уста»[19]. И с тех пор зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях Господних, и творил угодное Господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством, — и вот опять вооружается супостат и иную кознь придумывает ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, Отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул Господа Бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у Бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления, пронырливый, о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у Бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, — и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и нашел сокровище — множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес, в образе брата, и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: «Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради Меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует»[20]. И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у Бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого Он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Бере-

гись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном, — это дано тебе взамен того, что ты роздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое богатство куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и, обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь, сделаю, но живя в монастыре». Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь, — непременно узнают о нем и возьмут, прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было Богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши его от Бога и святого места, и от дома Пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но Бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых Своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в Боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не виделись, — и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: «Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?» Уж не бесовское ли это мечтание? Не утаи от меня Бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою, то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попом-

нив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, говоря пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: «Вчера и третьего дня». Здесь какое-то бесовское действо. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещальную молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келию, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесть дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним. И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и Господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворах, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил Господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал, и с того времени и доныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх Божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молол ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой же день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил Бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И Господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь[21] же, видев, как он трудит-

ся, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтирь; наконец, устав, лег, хотя поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жернова молоть. И поняв, что это бесовское действо, встал блаженный, и начал молиться Богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергшего вас с небес и предавшего на попрание своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел ослушаться и до рассвета измолол на муку все пять возов жита. Феодор же известил келарю, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда и для ныне слышащих, — сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем Моим»[22]. Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью»[23]. Хотели бесы устрашить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой, так, что стали они взывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по Божиему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по старости, вышел из пещеры, хотя келию себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен[24], и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики, возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки келии своей, то бесы, пакость ему творя, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя Господа Бога нашего, повелевшего вам в свиней войти[25], повелевает он вам через меня, раба своего, чтобы каждое бревно, которое на берегу, подняли вы на гору, дабы

облегчился труд работающих Богу, пусть так устроится молитвенный дом святой Владычицы нашей Богородицы, и иноки келии себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что Господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо — для кровли и особо — для помоста, и особо — большие бревна, неудобоносимые из-за длины, и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили Бога, творящего предивные чудеса ради угодников Своих. Ведь сказал же Господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах»[26]. Это сделал Господь во славу Свою, молитв ради святых отцов наших, Антония и Феодосия[27].

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и ублажаемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в пренебрежении, и уничижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают — бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных, — ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя бес себе укоризну от людей, возопил: «О злые и лютые мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще большую славу доставит им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе

бесы заплатить, которые тебе служат». Не вспомнил он о Божием суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет[28].

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище, — золота и серебра множество и сосуды многоценные, и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору, — и свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу[29]. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то устрашите его побоями и пытками: если же и тогда не даст, то пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сначала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я, — говорил он, — разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония[30] говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и доныне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на

пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой — где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. И многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровища, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и ныне отнял Господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием. Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал, — и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходившим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. И не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, и бросил ее князю, и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о Господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и

погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доныне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене во Владимире[31]. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Так сбывается сказанное Господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет»[32]. Как он беззаконно убил, так и сам беззаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается злато, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне[33], то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келии, в четыре локтя[34], и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора[35], и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал, понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись,

сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда, свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действу. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет»[36]. И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу, и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв, и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что это случилось с ним из-за бесовского действа. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава[37]. И прислал Святослав[38] за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдиных горах, близ Чернигова, монастырь святой Богородицы.

Феодосий же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келию свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не

мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него часто заводились черви под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосий же сам, своими руками обмывал и переодевал его, и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно таскали в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосий же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся, и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосий от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосий и на его место стал Стефан[39], Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, — поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого

братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами, так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде, — Антоний к этому времени уже умер, — и начал собирать к себе детей, и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, — то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в пещере, и когда печь разгорелась, — а она была ветхая, — пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их стращания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы», и осенял лицо свое крестным знамением, и оттого исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите», и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и

змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря, что три года была у него с ними эта борьба.

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн[40] и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божией матери, и за мирскую братию, и за приходящих и жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и Пречистой Его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия.

Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосий. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем Пренепорочной и Пречистой Девы, как она сама обещала; да будем стремиться и остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом и Пресвятым и Животворящим Духом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Патерики (греч. «patericon», от «pater» — «отец») — это сборники рассказов о монахах какой-либо местности или монастыря, прославившихся святой жизнью и аскетическими подвигами. В Древней Руси были известные переводные греческие патерики — Синайский, Скитский, Египетский и др. Киево-Печерский патерик — первый оригинальный древнерусский патерик, посвященный истории создания Киево-Печерского монастыря (основан в середине XI в.) и его великим подвижникам. (Об истории основания монастыря см. также «Житие Феодосия Печерского в наст. изд.). Ядро патерика составили тексты, написанные в 1220-х гг. Это послание печерского постриженика, Владимирского и Суздальского епископа Симона печерскому монаху Поликарпу с приложенными к нему девятью рассказами о печерских монахах; это повествование о создании Успенской церкви монастыря, также принадлежащее Симону; и наконец, это послание Поликарпа печерскому игумену Акиндину, сопровождаемое одиннадцатью рассказами о печерских святых. Уже в XIII в. к этим текстам был присоединен рассказ о первых печерских монахах из «Повести временных лет».

Первая дошедшая до нас датированная редакция патерика относится к 1406 г.; она была создана в Твери по поручению епископа Арсения. В этой редакции в состав патерика было включено, в частности, «Житие Феодосия Печерского» Нестора. Спустя более чем полвека, в 1460 и 1462 гг. в стенах Киево-Печерского монастыря были независимо от редакции Арсения составлены, так называемые, первая и вторая Кассиановские редакции.

«Киево-Печерский патерик» пользовался большим вниманием древнерусских книжников и дошел до нас более чем в 200 списках. Он оказал влияние на позднейшие русские патерики — Волоколамский и Соловецкий.

В настоящем издании напечатаны четыре рассказа из «Киево-Печерского патерика» по тексту второй Кассиановской редакции в переводе Л.А. Дмитриева; перевод публикуется по изданию: ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 517—521; 563—587; 607—615. В текст перевода внесены немногочисленные изменения, принадлежащие А.М. Ранчину. Примечания составлены А.М. Ранчиным.

1. *О Никите-затворнике, который потом был епископом Новгорода.* — Печерский монах Никита (ум. в 1108) был Новгородским епископом в 1096—1108 гг.; ему приписывалось чудесное спасение Новгорода от засухи в 1098 г. Никита был причислен к лику местночтимых новгородских святых вскоре после смерти, а позднее (по-видимому, до 1547 г.) был канонизирован как общерусский святой.

2. *...во дни преподобного игумена Никона...* — см. о нем прим. 22 к «Житию Феодосия Печерского».

3. *...святого Исаакия Пещерника...* — сказание «Киево-Печерского патерика» об Исаакии Пещернике напечатано в наст. изд., с. 270—274.

4. *...Антония и Феодосия...* — об основателях Киево-Печерского монастыря Антонии и Феодосии см. «Житие Феодосия Печерского» и прим. к нему.

5. *...к князю Изяславу...* — см. прим. 28 к «Житию Феодосия Печерского».

6. *...«Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье ... пошли сына своего Святополка».* — См. прим. 54 к «Житию Феодосия Печерского».

7. *...Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества...* — перечисляются священные книги иудеев, составляющие первую часть Священного Писания христиан — Библии; в Древней Руси Ветхий завет бытовал лишь в выборочном переводе, прежде всего для нужд богослужения (полный церковнославянский перевод был осуществлен только в конце XV в.). Это объясняется несколько настороженным отношением к Ветхому завету как к источнику религиозного соблазна и к искушению, способному отвратить читающего от христианства. Такая настороженность, по-видимому, могла быть особенно сильна в Киеве, где существовала большая иудейская община.

8. *...Иоанн, который после него был игуменом...* — Иоанн был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1088/1089 гг.; год окончания его игуменства неизвестен, в 1108 г. (по другим источникам, в 1103 г.) монастырь возглавлял уже другой настоятель.

9. *...Пимен Постник, Исайя, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исаакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмуто-*

роканя, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. — Перечисляются печерские монахи, подвизавшиеся в монастыре во второй половине XI — начале XII в. О Пимене Постнике, Матфее Прозорливце, Исаакии Пещернике (сказание о нем напечатано в наст. изд., см. с. 270), Агапите, Григории Чудотворце повествуется в других сказаниях «Киево-Печерского патерика». Исайя (ум. 1090/1091) — четвертый епископ Ростовский; о Тмуторокане см. прим. 34 к «Житию Феодосия Печерского»; точное время епископства Николы в Тмутороканской епархии неизвестно; о Несторе см. преамбулу прим. к «Житию Феодосия Печерского» на с. 163; Григорий (конец XI — начало XII в.) — печерский монах, которому приписывается церковное песнопение (канон) Феодосию Печерскому и канон на праздник перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар-град; Феоктист — бывший игумен Киево-Печерского монастыря (с 1103 или с 1108 г. по 1113 г.), был Черниговским епископом с 1113 г. до своей смерти в 1123 г.

10. *...мне рассказал преподобный епископ Симон...* — сказание о Марке Пещернике принадлежит печерскому монаху Поликарпу (конец XII — первая половина XIII в.) и адресовано игумену Киево-Печерского монастыря Акиндину, оно входит в единый корпус вместе с еще десятью сказаниями Поликарпа о печерских подвижниках и предваряющим эти рассказы посланием Поликарпа Акиндину. Поликарпу, в частности, принадлежат сказания о Никите и о Феодоре и Василии, включенные в наст. изд. Симон (ок. 1166—1226) — епископ Владимирский и Суздальский (1214—1226), составитель девяти рассказов о печерских монахах и послания к Поликарпу.

11. *...«...ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет».* — Пс. 50:19.

12. *...«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».* — Мф. 5:4; Лк. 6:21.

13. *...сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие со слезами о Христе утешены будут...* — Пс. 125:5—6).

14. *...корень и мать всему злому — сребролюбие.* — Слова апостола Павла (1 Тим. 6:10).

15. *Лествичник говорит...* — святой Иоанн Лествичник

(ум. в 580) — прославленный синайский подвижник, автор труда по аскетизе и духовному совершенствованию — «Лествицы»», — в котором описаны тридцать ступеней духовного восхождения к совершенству. Цитируется это произведение (17:2).

16. ...*«Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».* — Лк. 14:33.

17. ...*«Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: «Что нам есть?» или «Что пить?»... питает их».* — Мф. 6:31; ср.: Мф.6:26.

18. *Услышал он также ... о том, что сделалось в Константинополе...* — эта история изложена в «слове» Пролога (сборника кратких житий, притч и поучений, переведенного с греческого) под 19 января «О спасшемся от болезни милостыни ради, и паки раскаяся умре».

19. ...*«Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как Мои уста».* — Иер. 15:19.

20. ...*«Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради Меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует».* — Мф. 19:29.

21. *Келарь* — монах, ведающий монастырским хозяйством.

22. ...*«И бесы повинуются вам именем Моим».* — Лк. 10:17.

23. ...*«Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью»* (Лк. 10:19).

24. *Монастырь был тогда выжжен...* — Речь идет о нападении половцев на Киево-Печерский монастырь 20 июля 1096 г. Это событие описано монахом-очевидцем в «Повести временных лет» под тем же годом; обычно автором описания считается Нестор, создатель «Жития Феодосия Печерского».

25. ...*«Во имя Господа Бога нашего, повелевшего вам в свиней войти...».* — Феодор напоминает о чуде Иисуса Христа, по слову которого бесы вышли из бесноватых (из одержимых ими людей) и вселились в стадо свиней, которое бросилось с обрыва в море; об этом повествуют Евангелия (Мф. 8:28—34; Мк. 5:1—20; Лк. 8:26—39).

26. ...*«Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах».* — Лк. 10:20.

27. ...*молитв ради святых отцов наших, Антония и Феодосия.* — см. прим. 4.

28. ...*неправедно судящий сам осужден будет.* — Ср.: Мф. 7:1; Рим. 2:1.

29. *Мстислав Святополчич* (ум. в 1099) — сын Киевского князя Святополка Изяславича от наложницы, князь Владимир-Волынский.

30. ...*«В Житии святого Антония...»* ... — древнее Житие Антония Печерского, на которое содержатся ссылки в «Киево-Печерском патерике», до нашего времени не сохранилось; оно было утрачено еще в средневековье.

31. *По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, ... убит был на городской стене во Владимире.* — Мстислав Святополчич был убит стрелой при осаде Владимира Волынского в 1099 г. изгнанным из этого города князем Давыдом Игоревичем (ум. 1112) во время княжеских междоусобиц, вызванных ослеплением князя Василька Теребовльского (об этих событиях рассказывает «Повесть временных лет» под 1097—1099 гг.).

32. ...*«Всяк, взявший нож, от ножа погибнет».* — Мф. 26: 52.

33. *Если к самому Господу искуситель не постыдился приступить в пустыне...* — подразумевается евангельский рассказ об искушении Христа дьяволом в пустыне (Мф. 4:1—10; Мк. 1:12—13; Лк. 4:1—12).

34. ...*в четыре локтя...* — локоть — древнерусская мера длины, равная 0,5 метра.

35. *Просфора* — см. прим. 16 к «Житию Феодосия Печерского».

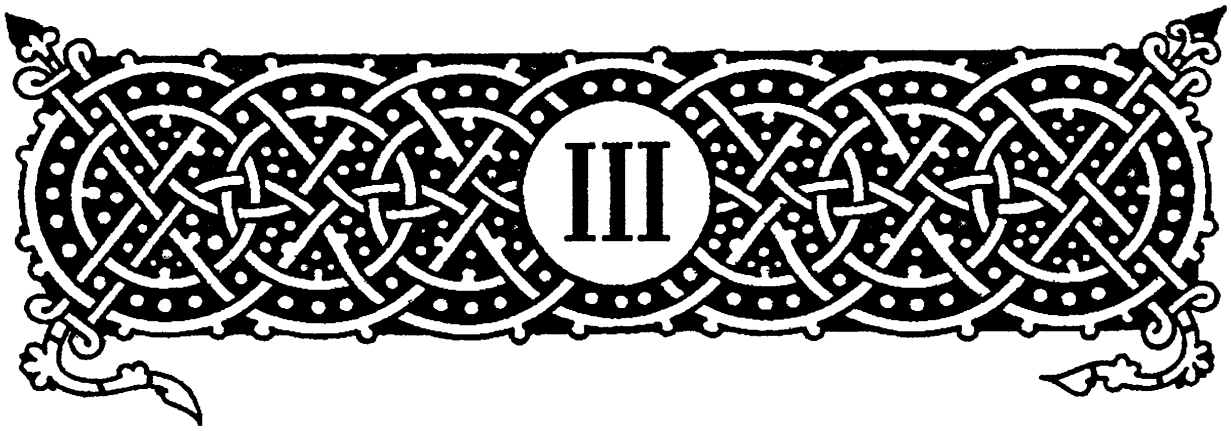
36. ...*«Возьмите сопели, и бубны, и гусли... а Исакий нам спляшет».* — Веселая пляска под аккомпанемент скоморошьих музыкальных инструментов противопоставлена церковной службе и монашескому смиренному служению Богу; это своеобразная дьявольская «антислужба» (ср. осуждение скоморошьих увеселений князя Святослава Феодосием в «Житии Феодосия Печерского»).

37. ...*и стал гневаться на Антония из-за князя Всеслава.* — Антоний осуждал князя Изяслава Ярославича вероломно, после крестного целования, схватившего князя Всеслава Брячиславича Полоцкого, прибывшего к Изяславу для заключения мира. Когда в 1068 г. восставшие против Изяслава киевляне освободили полоцкого князя из темницы и возвели на великокняжеский престол, Антоний признал его власть.

38. *И прислал Святослав...* — о Святославе см. прим. 53 к «Житию Феодосия Печерского».

39. ...*на его место стал Стефан...* — см. прим. 83 к «Житию Феодосия Печерского».

40. *Игумен же Иоанн...* — см. прим. 8.



СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ*

О светло светлая и прекрасно украшенная
земля Русская!
Многими красотами удивляешь ты!
Озерами многими удивляешь ты,
Реками и источниками местночтимыми,
Горами крутыми, холмами высокими,
Дубравами частыми и полями дивными,
Зверями различными, птицами бесчисленными,
Городами великими и селами дивными,
Садами монастырскими, храмами церковными,
Князьями грозными, боярами честными,
Вельможами многими.
Всем ты наполнена, земля Русская,
О правоверная вера христианская!
Отсюда до угров[1] и до ляхов,
От ляхов до чехов,
От чехов до ятвягов,
От ятвягов до литовцев и до немцев,
От немцев до корелов,
От корелов до Устюга,
Где живут язычники тоймици
За ледяным морем,
От моря до булгар,
От булгар до буртасов,
От буртасов до черемисов[2],
От черемисов до мордвы, —
Все эти языческие народы

---

* © Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

Подчинены были христианскому народу,
Великому князю Всеволоду[3],
Отцу его Юрию, князю Киевскому[4],
Деду его Владимиру Мономаху[5],
Которым половцы детей своих
В колыбели пугали.
А литовцы из болот на свет не выглядывали,
А угры укрепляли каменные города
Железными воротами, боясь,
Чтобы великий Владимир
В их города не вошел.
А немцы радовались,
Что далеко находятся за синим морем.
Буртасы и черемисы, вяда и мордва
Бортничали[6] на князя великого Владимира.
А Мануил цареградский[7],
Опасаясь Руси,
Великие дары посылал к нему,
Чтобы великий князь Владимир
Цареграда не взял.
А ныне настало страдание христианам —
От великого Ярослава[8] и до Владимира
И до нынешнего Ярослава[9] и
Брата его Юрия[10], князя володимерского.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Слово о погибели Русской земли» создано вскоре после опустошительного монголо-татарского нашествия в 1237—1240 гг. и дошло до нас в отрывке по спискам XV—XVI вв. Вероятно, оно представляет собою вступление к какому-то лиро-эпическому произведению, близкому по своему жанру к «Слову о полку Игореве».

Текст переведен по изданию: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Перевод и примечания Н.И.Прокофьева.

1. *Отсюда до угров»...* — указываются западные и восточные границы Руси. *Угры* — венгры. *Ятвяги* — одно из литовских племен. *Тоймици* — племя, жившее по Верхней и Нижней Тойме, притоку Северной Двины. *Ледяное море* — Северный Ледовитый океан. *Буртасы* — одно из мордовских племен.

2. *Черемисы* — марийцы.

3. *Всеволод* — Всеволод Юрьевич, сын Юрия Долгорукого.

4. *Отцу его Юрию* — Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, сын Всеволода III Большое Гнездо, был убит на р. Сити в 1238 г.

5. *Владимир Мономах* — (1052—1125), внук Ярослава Мудрого.

6. *Бортничать* — собирать в лесу мед диких пчел.

7. *Мануил цареградский* — византийский император Мануил Комнин (1143—1180). Владимир Мономах не был его современником; здесь в тексте допущена ошибка.

8. *Великий Ярослав* — Ярослав Мудрый (978—1054).

9. *Нынешний Ярослав* — Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского (1191—1246).

10. *Брата его Юрия* — Юрий Всеволодович.

ПОДВИГ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА*

(Из «Повести о разорении Рязани Батыем»)

Безбожный царь Батый разъярился и пошел на города Суздаль и Владимир, желая Русскую землю попленить и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий воевода рязанский, по имени Евпатий Коловрат, во время нашествия Батыя на Рязань был в Чернигове с князем Игорем Игоревичем. Услышал он о приходе злоковарного царя Батыя, пошел быстро из Чернигова с малой дружиной. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди побиты. И примчался в город Рязань и увидел, что город разорен, князья побиты, множество народа лежит, одни побиты и посечены, а другие сожжены или в реке потоплены.

Евпатий закричал в горести души своей и сердцем воспалился. Собрал он малую дружину — тысячу семьсот человек, которые остались живы, находясь вне города. И погнался следом за безбожным царем Батыем и едва догнал его в земле Суздальской.

И внезапно напали на станы Батыевы,
И начали сечь их без милости.
И смутилися все полки татарские,
И татары стали как пьяны или неистовы,
И бил их так нещадно Евпатий,
Что и мечи притупилися.
И взяли тогда мечи татарские
И секли их нещадно без милости.
Татары же думали,
Будто мертвые встали.
Сильные полки татарские
Проезжал сквозь Евпатий
И бил их нещадно,
Избивал их так храбро и мужественно,

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

Что и сам царь устрашился.
И поймали едва из войска Евпатия
Всего пять человек, изнемогших от ран.
Привели их к царю Батыю,
Царь Батый начал вопрошать их:
«Какой веры вы и какой земли?
Почему натворили мне много зла?»
Отвечали они Батыю царю:
«Вера у нас христианская,
Мы из храброго войска рязанского,
Великого князя Юрия Игоревича[1],
От полку Коловрата Евпатия.
Нас послал князь Игорь Игоревич
Проводить тебя, царя сильного,
Тебе честь воздать.
Ты прости нас, царь, не успели мы
Много чаш налить на великую силу,
Рать татарскую».
Удивился царь ответу их мудрому
И послал на Евпатия
Хостоврула, своего родича,
А с ним сильные полки татарские.
Хостоврул похвалялся пред Батыем-царем,
Что он схватит живого Евпатия.
И пошли сильные полки татарские,
Чтоб живого схватить Евпатия.
Хостоврул же сблизился с Евпатием,
А Евпатий исполин был силою.
Он рассек Хостоврула до седла,
До седла рассек, рассек надвое.
И начал он сечь силу татарскую.
Побил многих богатырей Батыевых,
Одних пополам рассек,
А иных до седла раскроил.
Татары же устрашилися,
Увидев Евпатия, исполина крепкого.
Наводили на него пороков[2] множество,
И начали бить из них по Евпатию,
И убили героя Евпатия.
Принесли его тело белое,

Положили его пред Батыем царем.
Приказал царь Батый
Собрать всех своих военачальников.
И начали они дивиться храбрости,
Крепости и мужеству рязанскому,
И сказали они Батыю царю:
«Мы во многих землях бывали,
Мы со многими царями встречались,
Мы со многими полками сражались,
А таких удальцов-резвецов не видали,
И отцы наши об этом не сказывали.
Это люди будто крылатые,
Они будто смерти не знающие,
Они ездят так отважно и мужественно,
Бьется один из них тысячею,
А двое с тьмою.
Ни один из них не уходил с поля боя живым.
И сказал царь Батый, смотря на тело Евпатия;
«О Коловрат Евпатий,
Ты гораздо меня попотчевал
С малою своею дружиною,
Да многих сильных богатырей побил.
Многие полки пали от тебя.
Если бы у меня служил такой воин,
Держал бы его у сердца своего».
И отдал царь Батый тело Евпатия
Его оставшимся дружинникам,
Которые схвачены были в сражении,
И велел их царь отпустить и ничем не вредить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ о подвиге Евпатия Коловрата входит в состав «Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 г.». В основе этого рассказа, по-видимому, лежала устная народная историческая песня, которой и воспользовался неизвестный сочинитель повести. Поэтому мы сочли возможным перевод дать в ритмической разбивке текста, стараясь при этом сохранять лексику и фразеологию.

Евпатий Коловрат в других источниках не упоминается.

Перевод текста сделан по изданию: Воинские повести Древ-ней Руси. М.; Л., 1949.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Юрий Игоревич* — рязанский князь, который наследовал Рязанское княжество в 20-х годах XIII в. после смерти Игоря Игоревича.

2. *Пороки* — стенобитные орудия.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА*

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия.

Я, ничтожный и многогрешный, и мало смысляющий, замыслил описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Поскольку слышал о нем от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святом, и благородном, и славном житии его. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: на возвышенных местах находится она; посреди дорог стоит; у врат сильных пребывает».

Хоть и прост я умом, но молитвою святой госпожи Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Этот князь Александр родился по Божьей воле от отца милосердного и человеколюбивого, более того — и кроткого, князя великого Ярослава, и от матери Феодосии. Как сказал Исайя пророк: «Так говорит Господь: «Князей я поставляю, священны ибо они, и я веду их». Воистину так: без Божьего повеления не было бы княжения его, но княжение князя Александра Ярославича Богом благословенно.

И ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа[1], которого поставил египетский царь вторым царем в Египте. Сила же его была — частью от силы Самсона[2]. И дал ему Бог премудрость Соломонову, храбрость же его — как царя римского Веспасиана[3], который пленил всю землю Иудейскую. Некогда исполчил он полки свои на приступ города Иоатапаты, и вышли горожане, и победили войско его, и остался Веспасиан один и погнал к городу силу их, до врат городских, и посмеялся над дружиной своей и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр — побеждал и был непобедим.

И вот некто из западной страны пришел от тех, что назы-

---

*© Перевод. А.Н. Ужанков, 2000
© Примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

вают себя слугами Божьими, желая увидеть красоту возраста его, как в древности царица Савская приходила к Соломону царю, желая услышать премудрости его. Так и этот, именем Андреяш, повидав князя Александра Ярославича, возвратился к своим и сказал: «Прошел я многие страны и народы, но не видел такого ни во царях царя, ни во князьях князя».

И слышал это король части Римской из полуночной страны о таком мужестве князя Александра Ярославича и говорит: «Пойду, попленю землю Александрову». И собрав силу великую и наполнил корабли многие полками своими, и пошел в силе великой, злопыхая духом ратным. И пришел на реку Неву, шатаемый безумием, и послал послов, возгордившись, к князю Александру Ярославичу в Новгород Великий, и говорит: «Если можешь мне противиться, то я уже здесь, и попленю землю твою».

Князь же Александр Ярославич, услышав слова эти, распалился сердцем и вошел в церковь святой Софии[4] и упал на колено пред алтарем и начал молиться со слезами Богу: «Боже славный и праведный, Боже крепкий и великий, Боже вечный, сотворивший небо и землю, море и реки, и поставивший пределы народам, и повелевший им жить, не переступая в чужую часть земли». И выполнил псаломную песнь и сказал: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою. Суди, Господи, обидящих меня и побори борющихся со мной; возьми оружие и щит и стань на помощь мне». И окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон[5] благословил его и отпустил. Александр Ярославич, выйдя из церкви, утер слезы. И стал он ободрять дружину свою словами: «Не в силе Бог, но в правде. Помянем слова песнопевца Давида: «Эти — с оружием; эти — на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем; эти повержены были и пали». И пошел на них с малой дружиной, не дожидаясь сбора многой силы своей, уповая на Святую Троицу.

Скорбно слышать, что отец его благородный Ярослав не знал о таком нашествии на сына своего милого, великого князя Александра Ярославича; не было ему времени послать весть к отцу в город Киев; уже приблизились враги, и многие новгородцы не успели собраться, поскольку поспешил великий князь выступить.

И пришел на врагов в день воскресения, на память шестисот тридцати святых отцов бывшего в Хаськидане собора, и на память святых Кирика и Улиты и святого князя Владимира, крестившего землю Русскую, имея веру великую, в помощь святых мучеников Бориса и Глеба.

Был некий муж, старейшина земли Ижорской[6], именем Пелгуй. Поручен же был ему утренний морской дозор. Восприял же он святое крещение и жил среди рода своего, оставшегося в язычестве; наречено было имя ему во святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу пребывая в посте. И сподобил его Бог увидеть видение дивное. Расскажем силу его вкратце.

Увидел он силу вражескую, идущую против князя Александра Ярославича, и решил рассказать ему о силе варяжской и станах их. Стерег он оба пути, пребывая всю ночь во бдении, и когда солнце стало восходить, услышал шум страшный на море и увидел судно одинокое плывущее по морю, а посреди судна — Бориса и Глеба, стоящих в одеждах червленых и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, будто мглой одеты. И оказал Борис Глебу: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу».

Увидев такое видение и услышав речь такую святого мученика, стоял Пелгуй в трепете. И скрылось судно от глаз его.

И пришел вскорости князь Александр Ярославич. Пелгуй же глянул на него радостными очами и поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Об этом не рассказывай никому».

И решился напасть на них в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами[7], и побил бесчисленное множество их и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом явились шесть мужей храбрых и сильных, мужество демонстрируя с ним великое. Один — именем Гаврило Алексич. Этот напал на судно, увидев, что королевича тащили под руки, въехал по доске, по которой поднимались, до самого корабля, и разбежались перед ним, затем вернулись и сбросили его с доски с конем в море. Он же с Божьею помощью оттуда выбрался невредим и сно-

ва напал на них и бился крепко с самим воеводой среди полка их.

Другой же — новгородец именем Збыслав Якунович; этот многократно нападал на врагов, сражаясь одним топорком, не имея страха в сердце своем, и многие пали от топорка его; дивился князь Александр Ярославич силе его и храбрости.

Третий — Яков, родом полочанин, ловчим был он у князя. Этот напал на полк с мечом и мужество проявлял, и похвалил его князь.

Четвертый же — новгородец, именем Миша. Этот пеший, с дружиной своей потопил три корабля римлян.

Пятый — из младшей дружины князя, именем Савва. Этот наехал на большой шатер королевский златоверхий и подрубил столп шатерный. Полки же великого князя Александра Ярославича, видев падение шатра, возрадовались падению его.

Шестой же — из слуг князя, именем Ратмир. Этот сражался без коня и обступили его враги многочисленные, и от множества ран упал он и скончался. Обо всем этом я слышал от господина своего князя Александра Ярославича и от других, кто в то время участвовал в той же сече.

Было же в то время чудо дивное, подобное тому, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, ассирийский царь, на Иерусалим, желая пленить святой город Иерусалим, и внезапно сошел с неба ангел Господен и избил сто восемьдесят пять тысяч войска ассирийского. И когда поднялись утром, то обнаружили их трупы мертвые. Так же было и после победы князя Александра Ярославича, когда победил он короля; на противоположной стороне реки Ижоры, где не проходили полки Александровы, обнаружили многое множество избитых архангелом Божьим. А оставшиеся побежали, и трупы мертвецов своих побросали с кораблей и потопили в море. Князь же Александр Ярославич возвратился с победою, хваля Бога и славя своего Творца, Отца и Сына, и Святого Духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра Ярославича пришли опять из западной страны и возвели город в отечестве Александра. Великий же князь Александр Ярославич выступил на них вскоре и срыл город до основания, а самих избил: одних с собою привел, а других помиловал и отпустил — ибо был он милостив свыше меры.

После победы Александра, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время пошел он на землю немецкую с силой великой, дабы не похвалялись они, говоря: «Покорим славянский народ себе». Уже ведь взяли они город Псков и тиунов своих посадили. Тиунов тех князь великий Александр Ярославич схватил и город Псков освободил от пленения, а землю их повоевал и пожег, и пленных взял без числа, а иных порубил. А другие города немецкие объединились и решили: «Пойдем и победим князя Александра Ярославича и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом стражи великого князя Александра Ярославича. Князь Александр собрал полки и пошел навстречу врагам, и пришли они на Чудское озеро, и было с обеих сторон множество воинов. Отец же его Ярослав послал к нему на помощь брата его младшего — князя Андрея с многой дружиной. Так же и у князя Александра было множество храбрых мужей, как в древности у царя Давида было крепких и сильных воинов.

И мужи Александровы исполнились духа ратного: были сердца их, как у львов, и сказали они: «О княже, наш славный, дорогой! Ныне настало время нам сложить свои головы за тебя!» Князь же Александр Ярославич, воздев руки к небу, молвил: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою; от народа велеречивого избавь меня; помоги мне, Господи, как помог Ты в древности Моисею победить Амалика, и прадеду моему Ярославу — окаянного Святополка».

Был тогда день субботний. Когда взошло солнце, сошлись оба войска[8]. И была сеча злая, и треск ломающихся копий, и звон мечей секущихся. И будто озеро замерзшее двинулось: не было видно льда, и покрылось кровью.

Слышал я это от очевидца, рассказывающего: «Видели мы войско Божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру Ярославичу». И победили с помощью Божьею, и показали враги спины свои в бегстве, и секли и гнали их воины Александровы, словно мчались по воздуху: и не было тем куда бежать. Здесь же Бог прославил великого князя Александра Ярославича перед всеми полками, как Иисуса Навина в Иерихоне. А того, кто сказал: «Возьмем руками великого князя Александра Ярославича», — предал Бог в руки его. И не нашлось никого, кто бы мог противостоять ему в битве.

И возвратился князь Александр Ярославич после победы со славой великой. Было многое множество пленных в полку его: вели подле коней тех, кто назывался «рыцарями». Когда подошел князь Александр Ярославич к городу Пскову, встретили его с крестами игумены и священники в ризах, и народ многочисленный перед городом, воздавая хвалу Богу, исполняя песнь и славу государю, великому князю Александру Ярославичу: «Помоги ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему Александру оружием крестным освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом до правнучат Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которые питались в пустыне манною и перепелами печеными, и все то позабыли, как и Бога своего, выведшего их из неволи египетской.

И стало прославляться имя великого князя Александра Ярославича по всем странам: и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского, и до Рима.

В то время умножился народ литовский, и начал пакостить в волостях Александровых. Он же, выезжая, стал избивать их. Однажды случилось ему выехать и побить семь полков ратных, и множество князей и воевод избил их, а других руками в плен брали. Некоторых же, его ругающих, привязывали к хвостам коней своих. И стали с тех пор бояться имени его.

В то время был некий царь сильный в Восточной стране, и покорил ему Бог многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав про князя Александра Ярославича, храброго и славного, послал к нему послов, говоря: «Александр, разве ты не знаешь, что Бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей, но если хочешь сохранить землю свою, то немедля приди ко мне и увидишь славу царства моего». Князь же Александр Ярославич, по смерти отца своего, пришел во Владимир с силой великой, и был грозен приезд его. Прошла весть об этом до устья Волги, и стали жены моавитские пугать детей своих, говоря: «Идет князь Александр Ярославич!»

Задумал же великий князь Александр Ярославич поехать к царю, и благословил его Кирилл епископ. И, увидев его, царь

Батый подивился и говорит вельможам своим: «Истину мне говорили, нет подобного ему князя в отечестве его». И отпустил его с великою честью.

Потом царь Батый разгневался на брата его меньшего, на князя Андрея, и послал на него воеводу своего Невруя[9], и повоевал тот землю Суздальскую. После нашествия Невруева князь великий Александр Ярославич вновь церкви воздвигнул и город Суздаль отстроил и людей разбежавшихся собрал в дома их.

О таких Исайя пророк говорит: «Князь хорош в государстве — тих, приветлив, кроток, смирен и тем Богу подобен», не избирает богатства, не проливает кровь праведную, сирот и вдовиц по правде судит, милостив, добр к домочадцам своим, и иноземцам приходящим, сирот кормилец, богомолец. Таких Бог наделяет при жизни милостями, ибо Бог мира не ангелов любит, но людей, которых щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Наполнил Бог землю его богатством и славою и продлил Бог лета его.

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима, говоря к князю Александру Ярославичу: «Папа наш сказал: «Слышал я, что ты князь достойный и дивный, и земля твоя славна и велика. Того ради послал к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы послушал ты учение их о законе Божьем!» Великий же князь Александр Ярославич подумал с мудрецами своими и написал ему, говоря: «От Адама до потопа, от потопа и до разделения народов, от размежевания народов и до начала Авраама, от Авраама и до прохода Израиля через Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа царя[10] и до Христова Рождества, и до распятия и Воскресения Господня, от Воскресения его и до Вознесения на небеса, от Вознесения на небеса и до царствования Константина[11], от начала царствования Константина до первого собора, от первого собора и до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

Великому князю Александру Ярославичу умножились дни жизни его, ибо любил он иереев и монахов, митрополита же и епископов чтил, как самого Творца.

Было тогда насилие великое от поганых язычников: сгоняли христиан и заставляли ходить с собой в походы. Великий же князь Александр Ярославич пошел к царю, дабы отмолить людей от беды, а брата своего меньшего Ярослава и сына своего Дмитрия послал с новгородцами на Западные страны и все полки свои с ними отпустил. Пошел же Ярослав с племянником своим и силой великой и пленил город Юрьев немецкий и возвратился восвояси с множеством пленников и с великою честью.

Великий же князь Александр Ярославич, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Нижнем Новгороде и, пробыв тут немного дней в здравии, дошел до Новгорода и разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут твои глаза со слезами вместе! Как не разорвется сердце от горькой печали! Отца человек может забыть, а доброго государя забыть не может, готов бы живым с ним в гроб лечь!

Великий князь Александр Ярославич, ревнуя Господу Богу своему крепко, оставил земное царство и, желая небесного царства, принял ангельский образ монашеского жития, и сподобил его Бог высший чин воспринять — схиму. И так Господу дух свой предав с миром, скончался месяца ноября в 14 день на память святого апостола Филиппа.

Митрополит Кирилл говорил людям: «Дети мои, разумейте, что уже зашло солнце земли Суздальской». Игумены же и священники, и дьяконы, черноризцы, богатые и нищие, и весь народ многочисленный громко воскричали: «Уже погибаем!»

Святое же тело его понесли во Владимир[12], Митрополит вместе с чином церковным, князья и бояре, и весь народ от мала до велика, встретили тело его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди от большого множества теснились, желая приступить к честному одру с телом его. Был плач сильно великий, и крик многочисленный, каких еще никогда не было, — разве только, если бы земля содрогнулась.

Случилось же тогда чудо дивное, памяти достойное. По окончании святой службы над честным телом его, подошли Кирилл митрополит и Севастьян иконом и хотели разжать руку ему, чтобы вложить грамоту духовную. Он же сам, как живой, протянул руку и принял грамоту из руки митрополи-

та. И нашел страх и ужас великий на всех. И положено было честное тело его в церкви Рождества святой Богородицы, месяца ноября в 23 день, на память святого Амфилохия епископа, с псалмами и песнопением, славя Отца и Сына и Святого Духа, Святую Троицу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Повесть о житии Александра Невского» была написана во Владимиро-Суздальской Руси вскоре после кончины князя в 1263 году, поскольку уже в следующем году ею воспользовался автор «Жизнеописания Даниила Галицкого».

По жанру это произведение относится к княжеским жизнеописаниям, но ему присущи и черты воинской повести.

В агиографическом памятнике прославляются героические подвиги новгородского, а затем и Великого князя Владимирского Александра Ярославича (1220—1263), защитника русских земель от шведских и немецких рыцарей. За победу над шведами в 1240 г. на р.Неве молодой князь и получил почетное прозвище Невский.

Позднее Александр Невский был канонизирован. Его память русской церковью отмечается дважды в году — 5 июня и 6 декабря.

«Повесть о житии Александра Невского» переведена по тексту, опубликованному в «Хрестоматии по древней русской литературе. Сост. Н.К. Гудзий». Изд. 8-е. М., 1973. С. 157—163.

Перевод А.Н. Ужанкова, примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Иосиф Прекрасный* — библейский персонаж, отличался красотой и умом, обладал способностью предсказывать бедствия и находил пути избавления от них.

2. *Самсон* — библейский герой, обладал большой силой.

3. *Веспасиан* — римский император Веспасиан Тит Флавий (9—79), покорил Иудею.

4. *Церковь святой Софии* — главный собор древнего Новгорода, построенный в XI в.

5. *Архиепископ Спиридон* — новгородский архиепископ Спиридон (1229—1249).

6. *Земля Ижорская* — земля, расположенная по левому притоку Невы реке Ижоре; ижорские корелы, жители этих мест, подчинялись Новгороду.

7. *И была сеча великая...* — Невская битва произошла 15 июля 1240 г., недалеко от впадения реки Ижоры в Неву. Александру было тогда 20 лет. В этой битве шведы были наголову разгромлены, войска Александра Невского понесли минимальные потери. Поэтому во время Великой Отечественной войны был учрежден орден Александра Невского, которым награждали младших офицеров за личную храбрость и тактическое мастерство, когда победа одерживается при малых потерях.

8. *Сошлись оба войска.* — Битва на Чудском озере, или Ледовое побоище, произошло 5 апреля 1242 г.

9. *Неврюй* — военачальник крупного карательного отряда. Это нашествие произошло в 1252 г.

10. *Август* — римский император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

11. *Константин* — римский император Константин Гай Флавий Валерий (285—337), при нем христианство было принято в качестве государственной религии.

12. *Тело его понесли во Владимир.* — Александр Невский был похоронен в Рождественском монастыре города Владимира, его прах в начале XVIII в. Петр I перенес в Александро-Невскую лавру в Петербурге.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ В ОРДЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО*

В лето 6800 (1292) убит был в Орде благоверный и христолюбивый великий князь Михайло Ярославич ноября в 22 день.

Многоцветный венок, украшенный разными цветами, взирающим на него очам доставляет большую радость; каждый цветок своим особым образом привлекает к себе: один светлым образом сияет, другой же ярко-красный и пурпурный и золотистый образ имеет, а в одном могут соединяться многие ароматы, испуская благоухание, чем удаляется зловоние от сердец верующих. Так и те, кто имеет великое усердие к Богу, стремятся в жизни своей совершить угодное Ему: те, кто хочет дойти и видеть горний Иерусалим, те отвергают плотскую немощь, постом и молитвами в пустынях и в горах, в пещерах изнуряют тело свое; и венец, и царскую одежду, и все достоинство своего временного, земного господства ни во что вменяют и оставляют, только одного Христа любя сердцем и желая нетленного царства; были и такие, тела которых подвергали истязаниям цепями, их бросали в темницы, мучили, в конце концов, проливая свою кровь, они воспринимали царство небесное и венец неувядаемый. Так и этот благоразумный и терпеливый, блаженный[1] и христолюбивый великий князь Михаил Ярославич воспринял свое царство. Считая его ничем, оставил, принял тяжелое страдание, положив свою душу за своих ближних, помня слово Господне, говорящее: «Если кто положит душу свою за ближних своих, тот великим будет назван в Царствии небесном»[2]. Эти слова князь с детства выучил, читая Божественное Писание, и положил на сердце себе, думая как бы пострадать. Мне же это не от кого-то пришлось слышать, но сам я был свидетелем достойного его воспитания, становления его и усердного учения его. Великого князя Михаила Ярославича нельзя оставить в забвении, но надо говорить о нем как о достойном подра-

*© Перевод, примечания. Н.И. Пак, 2000

жания, чтобы все, видящие свет его богоугодной жизни и мученической смерти, озаряли сердца свои светом немеркнущей благодати.

Я же, хотя груб и невежествен, но движимый деятельною любовью к своему господину, убоялся уподобиться тому рабу ленивому, который сокрыл талант господина своего в землю вместо того, чтобы отдать его в рост купцам и возвратить приумноженным[3]. Но все-таки боюсь и трепещу из-за своего недостоинства: как опишу в малом большое, рассказывая о мученической гибели блаженного Христова воина великого князя Михаила Ярославича, которая совершилась в недавнее время, в наши дни.

Этот[4] начинает молиться: «Владыко, Господи Иисусе Христе, подай мне разум и ум и открой мои уста, чтобы воздать хвалу Тебе. Да поведаю о подвиге блаженного раба твоего, который совершен в последние годы».

Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, родился от Пречистой Девы Марии Богородицы и принял мучение, искупая грехопадение нашего рода, и воскрес в третий день, и вознесся на небо. В день пятидесятый Дух Святой сошел на апостолов, с тех пор они начали проповедовать, обходя все страны, и крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Вместо себя они оставляли патриархов и митрополитов, епископов и священников. Господь же премилостивый Бог Божественным своим промыслом в последние времена явил свою благодать русскому народу, приведя к крещению великого князя Владимира. Владимир же, просвещенный благодатью Святого Духа, крестил всю землю русскую. Так распространилась святая вера по всей земле, это было великим праздником для новопросвещенных людей. Только один дьявол сетовал, оставленный теми, кто прежде его почитал, приносил ему жертвы. Не желая терпеть этого, враг душ наших старается обмануть нас, совратить с верного пути, он вкладывает в сердца людей зависть, ненависть, братоубийство. Начали грабить имущество сын у отца, брат меньший у брата старшего. Умножилась неправда и злоба в людях. Люди поддались соблазнам этого скоропреходящего мира. Господь же премилостивый Бог, не желая видеть наш род погибающим от происков дьявола, грозит нам наказаниями, желая отвратить нас от наших злодеяний, посылает на нас казни: когда

голод, когда мор в людях и в домашних животных. В конце концов предал нас в руки иноверцам, с тех пор начали мы платить дань татарам. И когда приходит черед какому-либо князю занять великокняжеский престол, он должен идти в Орду к хану, отвозя ему большую дань.

Этому жестокому пленению русскому минуло 34 года[5]. Блаженный вечнопомнимый и боголюбивый великий князь Михаил был сыном великого князя Ярослава, внуком великого князя Ярослава Всеволодовича[6], погибшего в Орде за христиан. Родился он от блаженной и истинно преподобной матери, великой княгини Ксении[7]. Святая и премудрая мать воспитала его в страхе Божием и научила читать Священное Писание, наставляла его добродетели. Когда он княжил в своей отчине в Твери, преставился великий князь Андрей[8], который благословил князя Михаила на великое княжение, что и понятно, потому что и по старшинству Михаилу надлежало занять великокняжеский престол.

И пошел князь в орду к хану, как и прежние князья, по обычаю там утверждались на великое княжение. В это же время племянник его Юрий[9] тоже пошел в Орду. Когда Юрий прибыл во Владимир, блаженный и приснопамятный митрополит вся Руси Максим умолял Юрия не ходить в Орду, говоря ему: «Я обращаюсь к тебе с княгинею, матерью князя Михаила: что ты захочешь из наследства вашего, то он тебе даст». Юрий же, давая обещания, сказал: «Хотя, отче, пойду в Орду, но не буду искать княжения великого». Когда же он был в Орде, то, по происками дьявола, татары решили поссорить братьев и сказали князю Юрию: «Если ты дашь дань большую, чем князь Михаил, то тебе будет дано великое княжение». Так они соблазнили Юрия, и он начал добиваться великого княжения. У иноверцев и до сих пор в обычае вселять вражду между князьями русскими, взимая себе при этом большую дань.

И была распря великая между Михаилом и Юрием, и была беда на Руси из-за наших согрешений. Об этом сказал пророк: «Если обратитесь ко мне, оставив вражду вашу, то положу любовь между князьями вашими; если же не оставите своих дурных дел и не покаетесь в своих беззакониях, то накажу вас разными бедами». Но милостью Пречистой Богородицы и всех святых вернулся благоверный великий князь

Михаил и был возведен на престол деда отца своего при храме Святой Богородицы во Владимире[10] преподобным Максимом, митрополитом всея Руси.

Год занимал он престол великого княжения. В Орде стал править другой хан, по имени Узбек, который принял богомерзкую веру[11] и с тех пор не щадил христиан. О таких говорили царские дети[12] в вавилонском плену: «Преданы в руки царя немилостивого, законопреступного и коварного». Когда Господь Титу Иерусалим предал. Он сделал это не из любви к Титу, но в наказание Иерусалима; и Фоке Царьград предал не из любви к Фоке, но в наказание Царьграда за прегрешения его жителей. Так и с нами случилось за прегрешения наши.

Но вернемся к нашему повествованию. С тех пор началась вражда между этими князьями. И хотя неоднократно замирялись князья, но враг дьявол вновь поднимал рать. Снова поехали князья в Орду, будучи в большой вражде. Князь Юрий был оставлен там, а князь Михаил был отпущен на Русь. Прошел еще год, и вновь беззаконные иноверцы, жаждущие наживы, взяли много серебра у Юрия и дали ему разрешение на великое княжение. Его отпустили на Русь, и вместе с ним поехал один из татарских воевод, треклятый Кавгадый. Князь Михаил встретил их со своей дружиной и послал к Юрию своего посла со словами: «Брат, если тебе дал Бог и хан княжение великое, то и я уступаю тебе. Но в мои пределы не входи». Он отпустил свое войско, а сам с небольшой дружиной отправился в свою отчину.

Но дьявол не отстает, желая кровопролития, что и случилось за наши грехи. Князь Юрий подошел к Твери с войском, присоединив к нему и суздальцев, здесь же был и Кавгадый со своим большим войском. Они начали жечь города и села. Настало время скорби и печали в тверской земле. Мужчин хватали и предавали их пыткам и казням, женщин оскверняли. Так пожгли всю землю тверскую до Волги и перешли на противоположный берег, намереваясь и там произвести разорение. Великий же князь Михаил, призвав епископа, а также своих бояр и союзников, сказал им: «Братья, вы знаете, что я уступил великое княжение моему младшему брату, передал ему собранную дань, терпел разбой во владениях моих, надеясь, что ненависть врагов моих пройдет. Но вижу,

что все напрасно, что хотят меня совсем погубить. Не знаю, чем я виноват. Если есть в чем-либо вина моя, скажите мне». Они же, как едиными устами, со слезами ответили: «Господин, ты прав во всем. Такое смирение проявил перед своим племянником! Ведь он уже захватил часть твоей земли, теперь хочет и по эту сторону Волги воевать. Теперь, князь, выступи против них, а мы не пожалеем жизни своей за тебя». Князь Михаил отвечал со смирением: «Братья, вспомните, что сказано во святом Евангелии: кто положит душу свою за ближних своих, тот будет почтен в Царствии Небесном. Нам же не за одного ближнего, не за двух предстоит положить души свои. Сколько людей они пленили, а скольких погубили, а жен и дочерей осквернили! Теперь нам предстоит за многих положить жизнь свою! Да зачтется нам слово Господне во спасение!» И утвердившись крестным знамением, выступили против врагов и увидели бесчисленное множество их. Сошлись полки, и была великая битва[13]. И не выдержали противники, и бежали с поля брани. По милости святого Спаса и Пречистой Его Матери, помощью великого архангела Михаила победил великий князь Михаил. Множество воинов падали сраженными под коней своих, как снопы во время жатвы на ниве. Князь Юрий, увидев войско свое бегущим в беспорядке, как вспугнутая стая птиц, отступил с малой дружиной к Торжку, а оттуда бежал к Новгороду. Окаянного же Кавгадыя с его приближенными не велел[14] князь погубить, из-за чего и произошла впоследствии беда. Победа эта совершилась 22 декабря, на память святой мученицы Настасьи, в четверг к вечеру.

На самом же князе Михаиле все доспехи были повреждены, но на теле его не было никакой раны. Говорил ведь блаженный Давид: «Падет от страны твоей тысяча и тьма справа от тебя, к тебе же не приблизится зло, и рана не коснется тебя, так как ангелам заповедано о тебе сохранять тебя во всех путях твоих, на руки возьмут тебя»[15]. Так и был тогда сохранен князь великим архангелом Михаилом, и избавил нас из плена множество душ, бывших в скверных руках вражеских, и возвратился домой с большой радостью. Он привел к себе окаянного Кавгадыя, с честью принял его и, одарив подарками, отпустил. Кавгадый же коварно клялся не обвинять

Михаила перед царем и говорил: «Я воевал в твоей земле без ханского повеления».

Князь великий Юрий собрал большое войско из новгородцев и псковичей и пошел к Твери. Князь Михаил встретил его напротив Синеевского. Не желая видеть нового кровопролития за столь короткое время, князья дали крестную клятву жить в мире, а князь Михаил сказал: «Пойдем, брат, оба в Орду, вместе обжалуем великое княжение, чтобы помочь всем остальным людям». Князь Юрий соединился с Кавгадыем и первым пошел в Орду, взяв с собой союзных князей и бояр, суздальских и новгородских. По повелению Кавгадыя они написали много лжесвидетельств на князя Михаила. Князь же Михаил послал в Орду сына своего Константина, и сам следом за ним поехал в Орду, благословясь у епископа своего Варсонофия и у игуменов, и у священников. Последнее покаяние совершил у духовного отца своего, у игумена Ивана, на реке Нерли, долго очищая душу свою и говоря: «Я, отче, много думал о том, как помочь людям, но из-за моих грехов много различных бед совершилось. Теперь же ты благослови меня. И если пролью кровь свою за них, да не проклял бы меня Господь, отпустил бы мне грехи, а то ведь много христиан погибнет». До этого места проводили его благородная его княгиня Анна и сын его Василий. Они возвратились со многим рыданием, из глаз их слезы текли, словно реки, так тяжело было им разлучиться с возлюбленным князем.

Он же пошел во Владимир. В это время туда прибыл посол от хана и сказал князю: «Зовет тебя хан. Ты должен добраться быстро, за месяц. Если не успеешь, то уже приготовлена рать на твой город. Оболгал тебя Кавгадый хану, он сказал, что ты не придешь в Орду». Задумались бояре князя и сказали: «Один сын твой в Орде, пошли другого». То же самое сказали ему и сыновья: «Дорогой отец, не езди сам в Орду, но пошли кого-либо из нас, поскольку тебя оболгали хану, подожди, пока минует его гнев». Князь же, крепкий умом, исполненный смирения, сказал: «Видите ли, дети мои, хан не требует вас, детей моих, ни кого-либо другого, но моей головы хочет. Если я уклонюсь в чем-либо, то вся земля моя будет разорена, а после этого все равно мне же погибнуть. Лучше мне теперь положить душу свою за многие души». Вспомнил он блаженного отечестволюбца, великого Христова мучени-

ка Дмитрия[16], который так же поступил, решив положить свою душу за отечество, и своею кровью избавил множество людей от различных бед, сказав про отчину свою и про город Солунь: «Господи, если погубишь их, то и я с ними погибну, если же спасешь их, то и я с ними спасен буду». И этот князь так же сделал, решив положить свою душу за отечество, своею кровью избавил множество людей от смерти и различных бед.

И опять он наставлял своих сыновей быть кроткими и умными, смиренными и разумными, мужественными и доблестными, во всем следовать благонравию. Сыновья целовали его со слезами, долго не могли разлучиться с его ангелообразным взором, не могли насмотреться на его прекрасное и святое лицо, не могли насытиться его медоточного учения, когда разлучались со слезами и печалью. Он отпустил их домой, дав им распоряжения, написав им завещание, разделив отчину свою между ними.

6 сентября, на память чуда великого архангела Михаила, пришел он в Орду, на устье реки Дона, где она впадает в море Сурожское[17]. Тут встретил его князь Константин, сын его, которому хан дал охрану, чтобы его никто не обидел. Сначала хан смягчился, и слова его были очень льстивыми, но, когда были одарены все вельможи ханские, ханша и сам хан, тогда слова их превратились в стрелы.

Князь пробыл в Орде полтора месяца. И сказал хан вельможам своим: «Что наговорили мне на князя Михаила? Рассудите их с князем Юрием. Того, кого вы оправдаете, я пожалую, а виновного предам казни». И не ведал, окаянный, что своею казнью сплел князю венец пресветлый.

В один из дней собрались все вельможи ордынские в одной веже[18] и представили много злонамеренных свидетельств на блаженного князя Михаила: «Большую дань собрал на городах наших, а хану не дал». Истинный Христов страдалец Михаил, любя истину, обличал их лживые свидетельства. Ведь известно, что было сказано о таковых судьях: «Поставлю властителя нечестивого и судию немилостивого». Так и было: нечестивый Кавгадый — сам и судья и сутяжник. Он дополнил лжесвидетельства своею ложью, опровергая слова князя Михаила; он высказал много вымышленных обвинений на непорочного Христова воина, а свою сторону оправдал.

Прошла одна неделя после того суда. В субботу объявили

нечестивые свое беззаконное решение. Они поставили связанного Михаила на другой суд и вынесли ему неправедное осуждение: ханские дани не отдал, против посла воевал, а жену князя Юрия приказал отравить[19]. Благоверный же князь Михаил отвечал со многим свидетельством: «Сколько богатства своего отдал хану и вельможам, все написано. Посла же ханского от погибели избавил и с честью отпустил. Что же до жены Юрия, то здесь Бога в свидетели призываю, что и в мыслях не было погубить ее».

Они же беззаконные, как говорил пророк, уши имеют и не слышат правды, уста имеют и не говорят правды, очи имеют и не видят, так как ослепила их ненависть их. Они не приняли во внимание слов блаженного, но подумали про себя: «Клеветою и оковами опутаем его и на смерть позорную осудим его, потому что неугоден нам, не следует нашим правилам». Как захотели совершить злодеяние, так и сделали. В эту ночь представили от семи вельмож семь стражников и немало других, надели на блаженного оковы железные, отягощая ноги его. Взяли одежду его и разделили. В ту же ночь немного облегчили ему оковы, но оставили связанным на всю ночь. Той же ночью отогнали от него всю дружину, сильно избивая, в том числе и отца его духовного, игумена Александра. И остался один в руках их и подумал про себя: «Удалили от меня дружину мою и близких моих, чтобы не видели мучений моих».

Утром в воскресенье по повелению беззаконных надели на шею святого большую и тяжелую деревянную колоду [20], начиная его позорную муку, которую он принял, благодаря Господа Бога, с радостью и со слезами, говоря: «Слава тебе, Владыко Человеколюбче, что удостоил меня принять начало мучения моего, благоволи мне и окончить подвиг этот. Да не прельстят меня речи лукавых, да не устрашат меня угрозы нечестивых». И повелели беззаконные вести святого вслед за ханом, который отправился на охоту[21]. Богомудрый и благоверный великий князь Михаил с детства привык никогда не изменять правила своего[22], поэтому ночью он пел псалмы Давидовы, а когда пошел из Владимира, от того воскресенья до следующего воскресенья постился, причащаясь тела и крови Господней. С того момента, когда был схвачен, беспрестанно по ночам не давал сна очам своим: не только не уснет, но даже

не задремлет, хранимый ангелом. Но вновь прославляя Бога, со многими слезами и с глубокими вздохами исповедался к Нему, говоря: «Господи, услышь молитву мою, и вопль мой к тебе да приидет. Не отврати лица Твоего от меня, Владыко: в тот день, когда скорблю, приклони ко мне ухо Твое, в тот час, когда призову Тебя, Господи, скоро услышь меня. Минули, как дым, дни мои...», прочее[23]. «Спаси меня, Боже, ибо поднялись воды до души моей. Оказался здесь как в глубине морской, словно буря потопила меня. Умножились более волос на голове моей ненавидящие меня безумно. А прежде этого хлеб мой ели и любовь мою видели, а ныне укрепились на меня враги мои, хотят погубить оклеветанном». Когда беззаконные стражники ночью забили в ту же колоду святые его руки, он не ожесточился, но, не переставая, читал Псалтырь, а один из отроков его[24], сидя рядом, переворачивал листы. Князь же усердно читал: «Господи, не отврати лица Твоего от отрока твоего, скорблю, скоро услышь меня. Вонми душе моей, избави ее от врагов моих. Ты один знаешь помыслы мои, стыд мой и позор мой: пред Тобой все оскорбляющие меня понапрасну. Ждал, кто бы поскорбел со мною, но утешающего не обрел, кроме Тебя, Господи. Воздают мне злом за добро. Пролей на них гнев Твой, и ярость гнева Твоего да постигнет их. Что хвалишься злодеяниями твоими, беззаконный Кавгадый, злые мысли держишь на меня целыми днями, язык твой подобен бритве острой, поступил коварно, возлюбил злодейство больше добра, забыл многие мои дары, оболгал меня перед ханом. За это сокрушит тебя Бог, вырвет тебя и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых. Но сношу, Господи, имени Твоего ради, да добро мне будет перед преподобными Твоими. Давно жаждал я пострадать за Христа. Вот вижу себя бедствующего и радуюсь о спасении Твоем, и во имя Господа Бога нашего прославимся. Но почему, Боже, прискорбна душа моя? Зачем смущаешь меня, душа. Уповай на Бога моего, ибо я буду славить Его, Спасителя моего и Бога моего». Так постоянно славил Бога со слезами. Днем его всегда видели ясным и радостным, речами приятными и веселыми тешил дружину свою. И видно было, что он не ожесточился, говоря: «Такое ли у вас единодушие было, дружина моя, когда прежде этого, как в зеркало смотрели на меня и радовались. Теперь же, видя на мне колоду эту, уны-

ваете и скорбите. Вспомните, как благоденствовали в жизни нашей, этого ли не сможем претерпеть? Что мне эта мука против моих дел?! Но больше этого должно мне приять, может быть за это и прощение получу, — и прибавил слова праведного Иова. — Как угодно Господу, пусть так и будет. Будет имя Господне благословенно отныне и до века. Не печальтесь, подождите немного, увидите и другие муки мои».

В несказанном страдании святого минуло 24 дня. Нечестивый же Кавгадый, имея яд змеиный под своими устами, опять досаждает душе долготерпеливого Михаила: повелел привести его на торговую площадь в таком бесчестии, созвал всех заимодавцев и повелел поставить святого на колени перед собою. Нечестивец торжествовал и, имея власть над праведным, много слов досадных говорил праведному, а затем сказал: «Знай, Михаил, таков ханский обычай: если он кого не взлюбит, хотя бы и из своего племени, то такую же колоду воскладает на него. Когда же гнев хана минует, то снова в первую честь введет его. Утром следующего дня тягота эта будет прекращена, и потом в большей чести будешь. — Взглянув, сказал стражникам, — почему не облегчите эту колоду?» Они же ответили: «Утром или на другой день так и сделаем по сказанному тобой». И сказал окаянный: «Поддержите ему колоду эту, да не отяготит ему плечи». Один из стоящих за ним, приподняв, держал колоду. Прошло много часов в вопросах, а праведный ответы давал, затем повелели увести блаженного. Когда увели его, он сказал слугам своим: «Подайте мне стул, дам отдохнуть ногам своим, изнурились от многого труда».

В это время съехалось бесчисленное множество людей различных народностей, они стояли и смотрели на святого. И сказал один из тех стоящих ему: «Господин, посмотри, как много людей собралось и видят тебя в таком бесчестии, а прежде слышали о тебе как о царствующем в своей земле. Господин, шел бы ты в свою вежу». Блаженный отвечал со слезами: «В позоре предстал перед ангелами и людьми, и все видящие меня кивали головами своими, — и дале, — Он уповал на Господа, пусть избавит его, если он угоден ему. Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование от груди матери моей». Встав, пошел к веже своей, говоря прочее псалма того. Видно было, что очи его полны слез, чуял сердцем, что уже

кончается доброе время. В несказанном терпении, в такой тяготе пребыл князь Михаил 26 дней за рекою Тереком, на реке Севенце, под городом Тютяковым, пройдя горы высокие Ясские Черкасские, близ Ворот Железных[25].

В среду рано повелел отпеть заутреню и канон, и часы. Сам же с плачем слушал правило причащения и сказал священнику: «Я бы сам почитал этот псалом». Он же дал ему книгу. Взяв книгу, начал читать тихо с умилением и многим воздыханием, и со многими слезами, испуская их из глаз, словно реку, и читая: «Сохрани меня, Господи, на тебя уповаю». (Псалом 2.) «Господь пастырь мой, ничего меня не лишит». (Псалом 3.) «Веровал, потому и говорил». Затем начал каяться к отцам своим духовным со многим смирением, очищая душу свою. Были с ним игумен и два священника. Затем сидели они вместе с сыном Константином. Он давал распоряжения княгине и сыновьям своим, приказывая об отчине, и о боярах, и о тех, которые с ним были до меньших из тех, что с ним были, не веля их обидеть.

И вот приблизился час, князь сказал: «Дайте мне Псалтырь, очень прискорбна душа моя». Чувствовал сердцем, что уже при дверях святой пришел звать его и по блаженную его душу. Открыв, нашел псалом: «Услышь, Боже, молитву мою... Внемли мне... я стенаю в печали моей и смущаюсь от вражьего голоса и от притеснения нечестивых... в гневе враждуют против меня». В этот момент окаянный Кавгадый, зайдя к хану, выходил с ответом на убиение блаженного Михаила. А этот читал: «Сердце мое трепещет во мне, и ужас смерти овладел мною». И спросил священников: «О чем говорит псалом этот, скажите мне». Не желая еще больше смущать его, они ответили ему: «Это, господин, знакомо, последние стихи говорят: «Возложи на Господа печаль свою, и Он тебя поддержит, не даст никогда поколебаться праведнику». Он же продолжал читать: «Кто даст мне крылья, как голубю, улетел бы и успокоился. Далеко удалился бы я и водворился бы в пустыне. Ожидаю Бога, спасающего меня». Когда водили блаженного в походе за ханом, говорили ему слуги его: «Господин, есть проводники и кони. Беги в горы, жив останешься». Он же ответил: «Не дай мне Бог сделать это, никогда так не поступал в жизни своей. Если я убегу, а дружину свою оставлю в такой беде, какую славу приобрету?! Но воля Господня да бу-

дет». И сказал: «Если бы меня враг Кавгадый поносил, стерпел бы. Но этот[26], ненавистник мой, величается надо мной, этот, ему нет примирения от Бога. Я же, Господи, уповаю на Тебя». И так окончил псалом и закрыл Псалтырь и отдал отроку. Тот час один отрок его вбежал в вежу с побледневшим лицом и прерывающимся голосом: «Господин, уже едут от орды Кавгадый и князь Юрий со множеством людей прямо к твоей веже». Он же быстро встал и, вздохнув, сказал: «Знаю, зачем едут — убивать меня». И отослал сына своего Константина к ханше. И страшно было в тот час, братья, видеть множество людей, со всех сторон устремившихся к блаженному князю Михаилу. Кавгадый же и князь Юрий послали убийц, а сами спешились на торговой площади. Торг был близко, как камень добросить.

Убийцы, как дикие звери, немилостивые кровопийцы, разогнали всю дружину блаженного, вскочили в вежу, увидели князя стоящим и схватили его за колоду, что была на шее его, ударили сильно и швырнули на стену, и проломилась стена. Он же опять вскочил. Тогда многие схватили его и повалили на землю, били его нещадно ногами. И вот один из беззаконных, по имени Романец, достал большой нож, ударил святого в правый бок и, обращая нож туда и сюда, отрезал честное и непорочное его сердце. И так предал святую свою блаженную душу в руки Господа великий христолюбивый князь Михаил Ярославич месяца ноября в 22 день, в среду, в 7 часов дня. И сопричислился с ликами святых и со сродниками своими, с Борисом и Глебом[27], и с тезоименитым своим Михаилом Черниговским[28]. И принял венец неувядаемый от руки Господа, его же жаждал.

А двор блаженного разграбили русские и татары, имущество русское повезли к себе в становище, а вежу всю разорили на части, честное тело его бросили нагим, никем не охраняемое. Один же приехал на торговую площадь и сказал: «Повеленное вами сделали». Кавгадый и князь Юрий сели на коней и быстро подъехали к телу. Кавгадый же, увидев тело неприкрытым, бранил яростно князя Юрия: «Не отец ли тебе князь великий?! Почему тело его брошено непокрытым?» Князь Юрий приказал своим, покрыть котыгой[29], которую носили еще при деде его, и якыптом[30] своим. И положили на большую вежу, и перенесли его на телегу, и крепко привяза-

ли веревками. И перевезли за реку, называемую Адеж [31], что значит — «печаль». Воистину, печаль нам была, братья, в тот час быть свидетелями такой позорной смерти господина князя Михаила Ярославича.

А из дружины нашей немногие избежали рук их: некоторые дерзнули убежать в Орду к ханше, а других схватили и потащили нагих, беспощадно терзая, словно каких-то злодеев, и привели в становище свое и оставили в оковах. Сами же князья и бояре в одной веже пили вино, рассказывая, кто какую вину возвел на святого.

О, возлюбленные князья русские, не прельщайтесь суетой мира сего и века этого скоропреходящего, который легче паутины прервется. Ничего не приносите в этот мир, ничего и взять не сможете: ни золота, ни серебра, ни жемчуга многоценного, ни городов и власти, а из-за них какое преступление совершено!

Но возвратимся к прежнему и о совершившемся чуде расскажем. В ту же ночь послал князь Юрий слуг своих сторожить тело святого. И когда начали сторожить, страх и ужас напал на них, не могли вытерпеть и убежали в становище. А утром пришли и не нашли тела святого на веже: телега стояла, и вежа на ней веревками была привязана, а тело в стороне лежало раною к земле, и много крови вышло из раны; правая рука под лицом его, а левая около раны, и одежда на нем. Преславно Господь прославил верного раба своего Михаила. Удивления достойно: всю ночь лежало тело на земле, но никто из зверей не прикоснулся к нему, хотя их здесь множество. «Хранит Господь все кости святых, ни одна из них не разрушится. Грешникам же — смерть злая», что и случилось с проклятым и нечестивым Кавгадыем: не прожил и полгода, испустил окаянный дух свой, принял вечные муки, негодяй. Многие православные и неправославные в ту ночь видели чудо преславное: два светлых облака всю ночь сияли над телом преблаженного, расходились и опять сходились вместе, сияя, как солнце. Утром говорили: «Свят князь, убит безвинно. Облака эти означают наблюдение ангельское над ним». Это рассказали нам со слезами и со многими заверениями, что случившееся — истина. И оттуда отправили тело в Маджары[32] со всеми боярами. Там купцы, знавшие его, услышали о случившемся, хотели покрыть тело его с честью плащаница-

ми дорогими и со свечами достойно поставить в церкви. Приставленные же немилосердные бояре не дали даже видеть блаженного, но с бесчестием поставили в хлеву под охраной. Но и тут прославил его Господь. Представители разных народностей, живущих в этом месте, всю ночь видели столп огненный, сияющий от земли до неба. Другие же видели радугу, склоненную над хлевом, где лежало тело.

А оттуда повезли его к Бездежу[33]. И когда приближались к городу, то многие горожане видели около саней святого множество людей со свечами, а некоторые на конях с фонарями по воздуху ездили. И привезли в город, но не поставили его в церкви, а во дворе сторожили его. Один из сторожей влез на сани с телом святого, но некая невидимая сила отбросила его далеко от саней святого. Он же в великом страхе едва встал, чуть живой пришел и рассказал находившемуся тут священнику все случившееся с ним. От священника мы и слышали это и написали. А оттуда повезли его на Русь. Везли его по городам русским и привезли в Москву, положили его в церкви святого Спаса в монастыре.

Княгиня же его с сыновьями не знали ничего о случившемся. Далеко орда, и некому было вести подать. На другой год вернулся на Русь князь Юрий, привел с собой князя Константина и дружину отца его. Узнав об этом, княгиня Анна и епископ Варсонофий и сыновья его послали разузнать в Москву. Посланные, вернувшись, рассказали, что христолюбивый великий князь Михаил убит. И плакали много дней неутешно. Когда князь Юрий был во Владимире, послал к нему князь Дмитрий[34] брата своего Александра и бояр своих, и едва договорились, и взял князь Юрий много серебра, а останки блаженного Михаила велел отдать тверитянам. Послали в Москву бояр с игуменами и со священниками. Они привезли останки святого в Тверь с честью. Встретили его Дмитрий, и Александр, и Василий, и княгиня Анна в корабле на Волге. А епископ Варсонофий с крестами, и с игуменами, и со священниками, и с дьяконами, и с бесчисленным множеством народа встречали его около храма архангела Михаила на берегу. И от многого плача не было слышно поющих, из-за тесноты не могли гроб донести до церкви, поставили его перед воротами церковными. И долго плакали. И едва внесли в церковь, певши надгробные песнопения, положили в церкви

Спаса в гробнице, которую сам создал на правой стороне, недалеко от гробницы епископа Симеона, месяца сентября в 6 день, на чудо архангела Михаила.

И чудо свершилось по несказанной милости Божией: из такой далекой стороны везли тело святого на телеге и в санях, потом год оно стояло в Москве, и оказалось тело целым, не истлевшим.

Как же сможем по достоинству восхвалить?! Блаженный князь Михаил, радуйся, воин Христов, непобедимый, но всегда побеждающий врагов, приходящих в твое отечество. Радуйся, страстотерпец Христов, что прошло святое имя твое по всей вселенной! Радуйся, что то, чего хотел, то и сделал, жизнь окончил, сохранив веру, принял венец от Христа Бога. Его же моли за отечество свое, поскольку имеешь дерзновение! Да избавимся от грехов и бед, и напастей твоими молитвами и молитвами всех святых! Да сподобимся царствию небесному, прославляя святую Троицу, Отца и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском — одно из лучших произведений в жанре повестей о княжеских преступлениях, или о князьях-страстотерпцах. Она посвящена весьма драматичному периоду русской истории, когда в ходе междоусобной борьбы тверских и московских князей решался вопрос о центре объединения Руси. Московские князья оказались более хитрыми и беспринципными политиками, в достижении своих целей они не смущались средствами. В повести речь идет о последнем этапе борьбы Михаила Ярославича и Юрия Даниловича, старшего брата Ивана Калиты. В ходе этой борьбы, в которой был еще и третий участник — Орда, проводившая политику террора в отношении наиболее сильных князей, Михаил и погиб 22 ноября (5 декабря) 1318 г. (официально канонизован в 1540 г.).

Повесть написана по горячим следам события его очевидцем, человеком духовного звания, хорошо знавшим тверского князя, на что автор не преминул указать во вступлении. Исследователи полагают, что это был один из духовников Михаила, сопровождавших его в поездке, игумен тверс-

кого Отроча монастыря Александр. Он проявил себя незаурядным мастером слова, умеющим построить и динамичные эпизоды, передающие враждебные отношения князей, особенно коварство Юрия, и психологически напряженные сцены последних дней и часов жизни Тверского князя.

Текст переведен по списку древнейшей редакции: РГБ, ф. 310, № 1254 (30-е годы XVI в.) и более раннему списку той же редакции: ГИМ, собр. А.С.Уварова, № 184 (нач. XVI в.).
Перевод и примечания Н.И. Пак.

1. Эпитет «блаженный» в данном тексте означает — достойный прославления, почитания; святой.

2. Ин. 15:13. В текстах древнерусской литературы постоянно встречаются прямые цитаты, аллюзии, реминисценции и парафразы из Священного Писания.

3. Мф. 25:14—30 — притча о талантах и ленивом рабе.

4. Списатель XVI в. указывает, что в его рукописном источнике приводится молитва автора повести. Это было закономерно, т.к. начало всякого богоугодного труда должно предваряться молитвой.

5. Речь идет о рождении князя Михаила в 1271 г. Если от этой даты отнять 34 года, то получим дату начала «жестокого пленения», т.е. 1237 г. — начало монголо-татарского завоевания, взятие Рязани.

6. Михаил Ярославич принадлежит к роду Мономашичей, его прадедом был Всеволод Большое Гнездо, он доводился племянником Александру Невскому.

7. Отец Михаила умер в год рождения сына, поэтому воспитанием его занималась мать. О том, что мать сыграла важную роль в формировании личности князя свидетельствует и сама повесть, и то, что на выходной миниатюре тверского списка хроники Амартола изображены в качестве предстоящих перед Спасом Михаил и его мать.

8. *Андрей* — сын Александра Невского, двоюродный брат Михаила Тверского.

9. *Юрий Данилович* — князь московский, внук Александра Невского, родной брат Ивана Калиты.

10. Успенский собор во Владимире.

11. *Узбек* — хан Золотой Орды, при котором Орда достигла своего военного могущества и приняла ислам в качестве официальной религии.

12. *Царские дети* — это «три отрока в пещи огненной», имеется в виду рассказ пророка Даниила о Вавилонском пленении: Дан., 3:32. Римский император Тит в ходе Иудейской войны (66—73) взял и разорил Иерусалим (70). Имеется в виду гражданская война в Византии при императоре Фоке (602—610).

13. Битва под Бортеневом 22 декабря 1317г.

14. В источнике пропущена частица «не», что является несомненной опиской переписчика.

15. Пс. 90:7, 10—12.

16. *Дмитрий Солунский* (Солунь — Салоники в Греции). Святой великомученик, воин и правитель города, пострадавший во времена императора Диоклетиана в 306 г.

17. *Сурожское* — Азовское море.

18. *Вежа* — легкая жилая постройка: кочевая кибитка, палатка, шатер.

19. Будучи в Орде в 1315—1317 гг., Юрий женился там на сестре Узбека Кончаке (Агафье), которая после битвы под Бортеневом попала в плен к тверичам. В плену она умерла, и ходили слухи, что ее отравили.

20. *Колода* — колодка для узника, состоявшая обычно из двух плах, имеющих посредине проемы, а по краям петли и замки.

21. В тексте — «на ловы», что значит «охота»; так называли и завоевательные набеги, в данном случае речь идет о походе Узбека на Северный Кавказ.

22. Имеется в виду молитвенное правило.

23. Пс. 101:1—4; слово «прочее» указывает, что князь прочитал псалом полностью. Далее приводятся стихи 68 и др. псалмов.

24. *Отрок* — это прислужник князя из младшей дружины.

25. *Севенца* — р.Сунжа на Северном Кавказе; *Тютяков* — город, находившийся на Северном Кавказе; горы Ясские Осетинские, *Черкасские* — Терский хребет; *Железные Ворота* — Дарьяльский перевал. Место убиения Михаила находится на левом берегу р.Сунжа, вблизи нынешних сел Плиева и Карабулак.

26. Имеется в виду Юрий Московский.

27. Сыновья Владимира-крестителя, погибшие от руки Святополка.

28. *Михаил Черниговский* — в момент нашествия монголо-татар был великим князем Киевским, убит в Орде в 1246 году.

29. *Котыга* — верхняя одежда типа хитона, плаща.

30. Значение слова *«якыпт»* неясно. Скорее всего, это род верхней одежды.

31. *Адеж* — река Ачалуки на Северном Кавказе.

32. *Маджары* — средневековый город, территория современного Буденновска.

33. *Бездеж* — предположительно город Бельджамен около современного города Дубовка на р. Волге.

34. *Дмитрий, Александр и далее Василий* — сыновья Михаила Ярославича; Дмитрий Грозные Очи был убит в Орде в 1325 г., а Александр с сыном Федором — в 1333 году.

ЗАДОНЩИНА*

Сойдемся, братья и друзья,
сыновья русские,
составим слово к слову,
возвеселим Русскую землю,
перенесем печаль на восточную страну,
воздадим поганому Мамаю хулу,
а великому князю Дмитрию Ивановичу славу и похвалу
и брату его, князю Владимиру Андреевичу,
и произнесем это слово.

Не лучше ли нам, братья,
начать поведовать словами похвальными, нынешней повестью
о походе великого князя Дмитрия Ивановича[1],
брата его князя Владимира Андреевича[2],
правнуков святого великого князя Владимира Киевского?
Начнем поведовать по делам и по былинам.
Разлетимся мыслью по землям
и вспомним прежние времена, похвалим вещего Бояна[3],
искусного певца в Киеве.
Тот вещий Боян
воскладал умелые свои персты
на живые струны
и пел князьям русским славы:
первому великому князю Игорю Рюриковичу,
великому князю Владимиру Святославичу,
великому князю Ярославу Владимировичу.
Похвалим песенными словами и гусленными напевами
великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его князя Владимира Андреевича,
правнуков прежних князей,
за их мужество и заботу
о земле Русской,
о вере христианской.
Этот князь великий Дмитрий Иванович

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

и брат его князь Владимир Андреевич
обуздали ум свой крепостью,
заострили сердца свои мужеством,
наполнились боевым духом,
создали храбрые полки в Русской земле,
помня князя своего Владимира Киевского.

О жаворонок-птица, лучших дней утеха,
возлети под синие небеса,
посмотри на сильный город Москву,
воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его князю Владимиру Андреевичу.
Не буря соколов занесла
из земли Залесской[4]
в поле половецкое!
Кони ржут в Москве,
звенит слава по всей Русской земле!
Трубы трубят в Коломне,
бубны бьют в Серпухове,
стоят стяги у Дона великого на берегу,
звонят колокола вечевые в Новгороде,
стоят воины новгородские
у святой Софии
и говорят:
«Уже нам, братья,
на помощь великому князю не поспеть».
Как орлы слетелись со всей северной стороны!
То не орлы слетелись,
а съехались все князья русские
к великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его князю Владимиру Андреевичу,
и сказали они такие слова:
«Господин князь великий, уже поганые татары
на поля наши вступают,
отчизну нашу у нас отнимают,
стоят между Доном и Днепром на реке Мече[5].
А мы, господин, пойдем за реку быстрый Дон,
храбрецов своих испытаем
в борьбе за землю Русскую,
за веру христианскую!»

И сказал великий князь Дмитрий Иванович:
«Братья и князья русские!
Гнездо великого князя Владимира Киевского!
Не для обиды вы были рождены,
ни соколу, ни кречету,
ни черному ворону —
поганому Мамаю».

О соловей, летняя птица!
Как бы ты, соловей, воспел славу
великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его князю Владимиру Андреевичу,
и земли Литовской двум братьям Ольгердовичам[6],
да Дмитрию Волынскому![7]
Это сыновья все храбрые,
соколы и кречеты в ратном деле,
полководцы известные,
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены
в Литовской земле.

И сказал Андрей Ольгердович
брату своему Дмитрию:
«Мы два брата — сыны Ольгердовы,
отберем удалых панов Литвы,
удалых панов — храбрых удальцов,
сядем на борзых своих коней,
да посмотрим на быстрый Дон,
напьемся шлемом воды из Дона быстрого,
испытаем мечи свои литовские
о шлемы татарские,
о кольчуги басурманские».
И ответил ему Дмитрий:
«Брат Андрей, не пощади жизни своей
за землю Русскую, за веру христианскую
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.
Уже, брат, стук стучит
и гром гремит
в каменной Москве.

То, брат, не стук стучит
и не гром гремит,
стучит сильная рать
великого князя Дмитрия Ивановича.
Гремят удальцы русские
золочеными доспехами,
красными щитами.
Седлай, брат Андрей,
своих коней борзых.
А мои уж готовы,
раньше твоих оседланы.
Выедем, брат, на чистое поле
да посмотрим на свои полки!
Ведь с нами храбрых литовцев
семь тысяч рати в броне».

Уже повеяли сильные ветры с моря,
с устья Дона и Днепра,
пригнали они великие тучи
на землю Русскую.
Из них выступают кровавые зори,
в них трепещут синие молнии.
Быть стуку и грому великому
на речке Непрядве[8],
между Доном и Днепром.
Падать людям трупами
на поле Куликовом!
Пролиться крови на речке Непрядве!
Уже заскрипели телеги
между Доном и Днепром,
идут ордынцы в Русскую землю.
И прибежали серые волки
от устья Дона и Днепра.
Воют они на реке на Мече,
хотят вступить на Русскую землю.
Но это были не серые волки,
а пришли ордынцы поганые,
хотят завоевать всю землю Русскую.
Тогда гуси загоготали
на реке на Мече,

и лебеди крыльями заплескали.
То не гуси загоготали,
не лебеди крыльями заплескали, —
то поганый Мамай
на Русскую землю пришел,
все свои войска привел.
А уже беда настигает птиц крылатых,
под облаками они летают.
Вороны часто грают,
галки своей речью говорят,
орлы клекочут,
волки грозно воют,
а лисицы на кости лают.
Но не бывать Мамаю на Русской земле!

Уже соколы и кречеты,
белозерские ястребы рвутся
от золотых колодиц
из каменного города Москвы.
Взлетели они под синие небеса,
загремели золоченые колокола.
Хотят ударить эти кречеты
на многие стада гусиные
и на стаи лебединые.
И богатыри русские удалые
хотят ударить на силы великие
царя Мамая поганого.
Тогда князь великий
вступил в золотое стремя,
взял свой меч в руку правую.
Солнце ему с востока сияет,
путь поведает.

Что шумит, что гремит
рано перед зорями?
Князь Владимир Андреевич
свои полки расставляет
и проверяет,
и ведет к Дону великому.
И молвил он брату своему:

«Князь великий, не ослабляй удары,
князь великий, ударь по татарам!
Уже поганые на поля наши наступают,
отчизну нашу отнимают».
Ответил ему Дмитрий Иванович:
«Брат мой, Владимир Андреевич!
Двое нас с тобой братьев.
Воеводы у нас расставлены,
дружина нам ведома,
под нами борзые кони,
на нас доспехи золоченые,
шлемы на нас черкасские,
у нас щиты московские,
сулицы немецкие,
копья фряжские,
мечи булатные.
Дороги нам ведомы,
перевозы изготовлены.
И мы хотим головы свои сложить
за землю Русскую, за веру христианскую.
Веют знамена наши,
поищем себе чести
и славного имени!»

Уже соколы и кречеты,
белозерские ястребы
быстро за Дон улетели
и ударили о многие стада
гусиные и лебединые.
Но это не соколы и кречеты,
не белозерские ястребы
быстро за Дон улетели,
это наехали русские сыны
на сильную рать татарскую
и ударили копьями харалужными
о доспехи татарские,
загремели мечи булатные
о шлемы ордынские
на поле Куликове, на речке Непрядве.
Черна земля под конскими копытами,

костями татарскими поля засеяны
и кровью политы.
Сильные полки в бой вступили,
притоптали холмы и луга,
замутились реки и озера.
Кликнул Див[9] в Русской земле,
велит послушать разным странам.
Дотекла слава до дунайских Железных ворот[10],
оттуда по морю до Торнова[11] и до Царьграда,
до Рима и Кафы[12],
на похвалу русским князьям.
Тогда тучи сильные сошлись,
из них часто сверкали молнии,
громы гремели великие.
Это вступили в бой сыны русские
за свою обиду
с ордынцами погаными.
Сияют доспехи золоченые,
гремят мечи булатные
о шлемы ордынские.
Не туры рыкают на поле Куликовом,
кричат князья у Дона великого
и бояре русские.
Воеводы великого князя
Дмитрия Ивановича посечены
татарами погаными,
побиты и князья белозерские
Федор Семенович и Тимофей Валуевич,
Семен Михайлович и Микула Васильевич,
Андрей Серкизович и Михайло Иванович
и другие дружинники,
лежат они у Дона на берегу.
Монах Пересвет[13], брянский боярин,
прислан на смертный час,
он сказал перед боем
великому князю Дмитрию Ивановичу:
«Лучше нам пасть на поле боя,
нежели в плен попасть к поганым!»
Так сказал и поскакал Пересвет
на своем борзом коне,

свистом поле огласил,
золотыми доспехами посвечивая.
И еще крикнул он:
«Добро, братья, в бою
старым помолодеть,
молодым чести добыть,
а удалым силу плеч испытать!»
Ответил ему монах Ослябя:
«Брат Пересвет!
Вижу на теле твоем раны тяжелые,
лежать, брат, твоей голове
на траве ковыле,
и сыну моему Якову[14]
также лежать
на зеленом ковыле
на поле Куликове
за веру христианскую и обиду
великого князя Дмитрия Ивановича».

* * *

В то время на Рязанской земле
около Дона великого
пахари и пастухи не кричат,
но часто вороны грают,
кукушки кукуют,
ожидая трупов человеческих.
Страшно и жалостно было смотреть на это.
Даже трава была кровью залита,
и деревья в печали к земле склонились.
Запели птицы жалостные песни,
по убитым заплакали все княгини,
боярыни и жены воеводские.
Жена Микулы Васильевича
Марья Дмитриевна
раньше других заплакала
в городе Москве у стены:
«Дон ты Дон, быстрая река,
ты пробил горы каменные,
течешь ты в землю Половецкую,

прилелей ко мне
государя Микулу Васильевича».
Жена Тимофея Валуевича
Феодосья запричитала:
«Уже веселье мое поникло
в Москве, славном городе,
уже не увижу живым
своего государя Тимофея Валуевича!»
Да Андреева жена Марья,
да Михайлова жена Аксинья
рано заплакали:
«Уже нам обеим солнце померкло
в славном городе Москве.
Прилетели к нам от Дона быстрого
вести печальные,
принесли они беду великую.
Сошли русские удальцы
со своих борзых коней
на место смертное в поле Куликовом».

Уже Див кличет под саблями татарскими,
а русские богатыри стонут от ран.

Не щуры рано запели жалостные песни
у городских стен Коломны,
то заплакали жены коломенские,
говоря такие слова:
«Москва, Москва, быстрая река,
почему ты наших мужей отняла у нас?
Можешь ли ты, князь великий,
веслами Днепр загородить,
Дон шлемами вычерпать,
а Мечу трупами ордынскими запрудить?
Замкни, князь великий,
Оке-реке ворота,
чтоб поганые к нам не ездили!
Мужья же наши исполнили
свое ратное дело».

Выскочил с криком князь Владимир Андреевич
с полком правой руки,
со своим князем Димитрием Волынским
и с семьюдесятью тысячами воинов
на Мамая поганого.
Смело врезались они в полки татарские,
золотыми шлемами посвечивая.
Гремят мечи булатные
о шлемы ордынские.
И восхвалил он брата своего:
«Брат мой Дмитрий Иванович,
в это время, злое и тошное,
ты нам железная защита!
Не уставай, князь великий,
со своими великими полками,
не потакай лихим крамольникам!
Ведь поганые топчут поля наши,
храбрую дружину нашу побили.
Жалостно, брат, видеть
кровь христианскую пролитую!»
И сказал князь Дмитрий своим боярам:
«Братья бояре, воеводы и дети боярские!
Не здесь ли, братья, сладкие московские меды,
не великое ли это место поле Куликово?
Здесь вы и добудете себе места и женам своим.
Здесь старый помолодеет,
а молодой чести добудет!»
Тогда как соколы полетели
за быстрый Дон.
То не соколы полетели за быстрый Дон,
то поскакал князь Дмитрий
со своими полками за быстрый Дон,
со всею силою своею великою.
И воскликнул князь Дмитрий Иванович:
«Брат мой князь Владимир!
Здесь испить чашу
медовую победную.
Наступаем, брат,
с полками своими сильными
на рать поганых!»

Тогда начал князь великий наступать.
Гремят мечи булатные о шлемы ордынские,
Поганые закрыли головы руками своими.
Тогда ордынцы быстро отступать начали.
Стяги ревут, а поганые убегают,
Русские сыны поле криком огласили,
золочеными шеломами осветили.
Так полки поганых князь вспять повернул,
начал их избивать сильно.
Князья их с коней попадали.
Трупами татарскими поля засеяли,
а реки кровью потекли.
Тут поганые побежали
в разные стороны к лукоморью,
скрежетали зубами своими,
раздирая лица свои и причитая:

«Уже нам, братие,
в земле своей не бывать,
детей своих не видать,
жен своих не ласкать,
а целовать нам траву-мураву,
а на Русь ратью не хаживать,
а дань нам у русских князей
не спрашивать!»

Уже застонала земля татарская,
бедами и печалями покрылася.
Уныние напало на их царей,
веселие их поникло.
Уж русские воины
захватили трофеи богатые:
доспехи и коней,
волов и верблюдов,
вино и сахар.
Дорогие ткани и узорочье
везут женам своим.
Уже по всей Русской земле
разлилось веселие и радость,
разнеслась слава русская,
а хула — бесславие ордынское.

Уже повержен Див на землю,
уже грозы великого князя
по всем землям текут.
Стреляй, князь великий,
со своею храброю дружиною
поганого ордынца Мамая,
за землю Русскую, за веру христианскую!
Уже поганые оружие свое побросали,
а головы свои склонили под мечи русские.
Трубы их не трубят,
а голоса их уныли.
Поскакал поганый Мамай
серым волком от дружины своей.
Прибежал он в город Кафу.
И сказали ему фряги[15]:
«Зачем ты, Мамай поганый,
посягаешь на Русскую землю?
Не бывать тебе царем Батыем.
Пошел ты на землю Русскую
со многими силами,
а ныне прибежал с девятью воинами.
Неужто князья русские
тебя славно попотчевали, —
нет с тобой ни князей, ни воевод?
Неужто ты сильно упился
на поле Куликовом,
на траве-ковыле?
Убегай, поганый Мамай, и от нас...»
И стал великий князь
Дмитрий Иванович
с братом своим с князем
Владимиром Андреевичем
и со всеми остальными воеводами
на могилах в поле Куликовом,
у речки Непрядвы и сказал:
«Скорбно и жалостно, братья,
смотреть, как лежат
трупы христианские,
как стога сенные,

а Дон-река три дня кровью текла!»
И еще сказал великий князь Дмитрий Иванович:
«Подсчитайте, братья,
сколько у нас воевод погибло,
скольких молодых людей нет».
Тогда говорит Михайло Александрович,
боярин московский,
князю Дмитрию Ивановичу:

«Государь князь великий Дмитрий Иванович!
Погибло у нас сорок бояринов московских,
двенадцать князей белозерских,
тридцать новгородских посадников,
двадцать бояринов коломенских,
сорок бояр серпуховских,
тридцать панов литовских,
двадцать бояр переславских,
двадцать пять бояр костромских,
тридцать пять бояр владимирских,
восемь бояр суздальских,
сорок бояр муромских,
семьдесят бояр рязанских,
тридцать три боярина дмитровских,
шестьдесят бояр можайских,
тридцать бояр звенигородских,
пятнадцать бояр углицких.
А посечено всего двести пятьдесят три тысячи,
и помиловал Бог Русскую землю.
А татар пало бесчисленно
многое множество».
И сказал князь великий Дмитрий Иванович:
«Братья, бояре и князья,
дети боярские!
Вам суждено было
между Доном и Днепром,
на поле Куликовом
сложить головы свои
за землю Русскую
и за веру христианскую!

Простите меня, братья,
и благословят нас в этом веке и будущем!
Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич,
в свою землю Залесскую,
к Москве городу славному,
сядем, брат, на свои княжения,
а чести мы, брат, добыли
и славного имени!»

ПРИМЕЧАНИЯ

«Задонщина» — лиро-эпическое произведение, созданное вскоре после Куликовской битвы, вероятно, между 1380 и 1392 гг. Она привлекла внимание исследователей прежде всего сходством со «Словом о полку Игореве», которым автор «Задонщины» пользовался как образцом.

Текст переведен по изданию: Адрианова-Перетц В.П. Задонщина. Текст и примечания / ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т.V. С. 193—205. Она же. Задонщина (Опыт реконструкции авторского текста) / Там же. Т.VI. С. 223—255.
Перевод и примечания Н.И.Прокофьева.

1. *Дмитрий Иванович* — Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) великий князь владимирский и московский, сын великого князя Ивана Ивановича, внук Ивана Даниловича Калиты.

2. *Владимир Андреевич* — двоюродный брат Дмитрия Ивановича Донского (1353—1410), князь серпуховской и боровский. Он прославился своими военными походами против татар. Летописи и сказания иногда называют его «Храбрым».

3. *Вещий Боян* — поэт XI в. В «Слове о полку Игореве» точно обозначены князья, которым Боян слагал песни, в «Задонщине» же указываются князья, жившие в разные исторические эпохи: Игорь Рюрикович княжил с 912 по 945 г., Владимир Святославич с 980 по 1015 г., Ярослав Владимирович Мудрый с 1019 по 1054 г.

4. *Земля Залесская* — Владимиро-Суздальская Русь, находившаяся к северу от Киева «за лесом» (имеются в виду знаменитые Брянские леса). Обычно московские и владимирские города назывались «залесскими».

5. *Река Меча* — приток Дона, ныне находящийся в Тульской области и носящий название Красивая Меча (ср. рассказ И. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи»).

6. *Литовские князья братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи* — находились на службе у московского князя и принимали участие в Куликовской битве.

7. *Дмитрий Волынский* — князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, литовец по происхождению, выехал на службу к московскому князю из Волыни, участник Куликовской битвы.

8. *Непрядва* — правый приток Дона, протекает в Тульской области.

9. *Див* — див «Слова о полку Игореве» (см.: прим. 11).

10. *Железные врата* — так назывались г. Дербент на западном побережье Каспийского моря, теснина в среднем течении Дуная и др. Здесь, видимо, имеются в виду «Железные ворота» на Дунае.

11. *Торнов* — Тырново, древняя столица Болгарии. В 1393 г. Тырново было завоевано турками.

12. *Кафа* — город в Крыму, ныне Феодосия.

13. *Пересвет и Ослябя* — монахи-воины из Троице-Сергиева монастыря, участники Куликовской битвы. Пересвет погиб в сражении.

14. *Яков* — сын монаха Осляби, погиб в битве на Куликовском поле.

15. *Фряги* — итальянцы.

СЛОВО О ВАВИЛОНЕ: О ГОНЦАХ, ПОСЛАННЫХ ЦАРЕМ ЛЕУКИЕМ[1], НАЗВАННЫМ ВАСИЛИЕМ ПРИ КРЕЩЕНИИ, КОТОРЫХ ОН ПОСЛАЛ В ВАВИЛОН ВЗЯТЬ ЗНАМЕНИТЫЕ ЦЕННОСТИ У ТРЕХ СВЯТЫХ ОТРОКОВ — АНАНИИ, АЗАРИИ, МИСАИЛА*.

Сначала царь посылал в Вавилон трех человек христианского рода, но сирийцев. Однако те отказались: «Не сможем мы туда дойти, но пошли из Греции грека, из Грузии грузина, из Руси русского». И он послал таких, каких ему посоветовали. Когда все они остановились в пятнадцати днях пути от Вавилона, царь Василий им передал: «Если мне доставите ценности от святых отроков, то я стану неотлучно защищать Иерусалим, буду образцом в христианской вере и заступником за христианский род против врагов-иноверцев».

И поехали дальше трое мужей — грек Гугрий, грузин Яков, русский Лавер. И скакали они три недели к Вавилону, и добрались до него, но не увидели города, потому что он так зарос растениями, что не было видно зданий. Тогда они отпустили коней, а нашли тропу, протоптанную мелкими зверями. А вокруг в зарослях кишело гадов вдвое больше, чем травы. Путешественники же, не чувствуя страха, пошли по той тропе и вышли к змию. К змию была приставлена кипарисовая лестница, а на ней было написано три фразы — по-гречески, по-грузински и по-русски. Начало надписи — по-гречески: «Если Бог приведет какого-нибудь человека к этой лестнице...» Середина надписи — по-грузински: «...то пусть лезет через змия без боязни...» Конец надписи — по-русски: «...и пойдет с лестницы через постройки к часовенке». У этой лестницы восемнадцать ступеней поднималось вверх — такова была толщи-

---

*© Перевод. Н.Ф. Дробленкова, А.С. Демин, 2000
© Примечания. А.С. Демин, 2000

на того змия. Путешественники взошли, а там — другая лестница, уже вниз, и написано на ней то же самое.

И проходили они через строения; и были палаты переполнены гадами, которые, однако, ничего им не сделали. Когда же они пришли и вступили в церковь, то наполнились их уста благоуханием. Множество деяний святых было изображено в церкви. Они поклонились гробам трех святых отроков — Анании, Азарии и Мисаила — и представились: «Мы к вам пришли по Божию изволению и от великого богохранимого царя Василия просить у вас знаменитых ценных вещей». И на гробе Анания возник золотой кубок, обложенный дорогим камнем и прекрасным жемчугом, наполненный мирром и ливаном.

«Стекла его, — рассказали путешественники потом, — нам не было видно. Мы же, немного попробовали из того кубка и стали навеселе. А встав после сна, мы решили забрать весь кубок с вином и нести к царю. Но раздался нам глас из гроба в девятый час (т.е. во второй половине) дня: «Здесь не берите ценных вещей, а идите в царский дворец, там и возьмете!»

Они глубоко ужаснулись. Но был им глас во второй раз: «Не ужасайтесь, идите!» И они, подхватились, пошли. Находился царский дворец недалеко от часовенки. И они вошли в царские покои и увидели там стоящий одр, и тут же лежали два венца — царя. Навуходоносора и его царицы. Они взяли их и увидели грамоту, в которой было написано на греческом языке: «Эти венцы были изготовлены тогда, когда царь Навуходоносор сделал золотого идола и поставил его на Дирелмесском поле[2]. Составлены же венцы из каменьев сапфира и изумруда, из крупного жемчуга и аравийского золота. Эти венцы были спрятаны до сих пор, а теперь выложены для богохранимого царя Василия и блаженной царицы Александры благодаря молениям трех святых отроков».

Когда путешественники вошли в следующую дворцовую палату и увидели царские багряницы с застежками, то все, что они взяли в руки, стало как прах. Но были тут и ларцы с золотом и серебром, и они открыли их, осмотрели золото, и серебро, и высокоценные дорогие каменья, и выбрали двадцать самых больших камней, чтобы доставить их к своему царю, а себе набрали сколько могли нести, да еще взяли кубок, точно такой, что в часовенке трех отроков.

И вернулись они к церкви и, войдя, поклонились трем отрокам. Однако не обратился к ним глас, и они загоревали. И снова немного попробовали из того кубка, а отпили — «и мы повеселели». А утром, когда начало рассветать в воскресный день, послышался глас и повелел им: «Умоем-ка свои лица!» И они обнаружили церковный кубок уже с водою, умыли свои лица и воздали хвалу Богу и трем отрокам, отпев заутреню и часы. И был им глас: «Раз взяли ценности, то и идите своей дорогой, Богом ведомы, к царю Василию». Они же, поклонившись, испили по три стеклянных кубка да и пошли назад, к змию.

И прислонив лестницу, полезли они через змия и перенесли через него все, что имели. Но человек грузинский по имени Яков споткнулся на пятнадцатой ступени, и слетел вниз, и пробудил змия, и всколыхнулись по змию чешуи, как волны морские. Гонцы же, подхватив своего друга, продирались сквозь заросли до полудня и наконец увидели своих коней и своих сотоварищей. Пока они принялись укладывать груз на своих коней, свистнул змий так, что они от страха пали, как мертвые.

А там, где остановился царь Василий, ожидая своих детей — он объявил их как бы детьми себе, — то свист того змия донесся и дотуда, и от такого свиста люди, попадав, ослепли, и коней в табунах их перемерло, пожалуй, до трех тысяч голов, а ведь стоял царь в пятнадцати днях пути от Вавилона. И отступили они с того места более чем в шестнадцать дней пути. И сожалел царь: «Мои дети, наверное, мертвы», — но добавил: «Подожду еще немного».

А путешественники, восстав, словно после сна, поскакали и застали царя через шестнадцать дней пути, и, приблизившись, поклонились царю. И рад был царь и все воины его. А они рассказали ему подробно. Патриарх же взял два венца и по прочтении грамоты возложил их на царя Василия и на царицу Александрию, родом армяне. Царь же, приняв кубок, повелел наполнить его сыпучим золотом, а пять драгоценных камней послал в Иерусалим к патриарху. Путешественники показали царю и то, что принесли для себя, — золото, серебро, и дорогие каменья, и крупный жемчуг. Царь же ничего не отобрал у них, а, напротив, подарил им по три меры золота, и

отпустил их, сказав им: «Вернитесь с миром туда, где живут ваши отцы и матери, и славьте Бога, и трех отроков, и царя Улевуя, наименованного Василием при крещении».

А потом царь задумал пойти походом на Индию, однако критский царь Давид[3] возразил: «Иди на северные страны[4], на врагов-иноверцев, за род христианский!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть была сочинена неизвестным автором в конце XIV — начале XV в. на основе устной византийской легенды о судьбе Вавилона, вскоре была включена в древнерусский цикл письменных сказаний о Вавилонском царстве и в составе этого цикла, вероятно, утеряла свои начало и конец, а в отдельном и более вразумительном виде не сохранилась.

«Слово о Вавилоне» издано: ПЛДР: Вторая половина XV в. М., 1982. С.182—187. А.С. Деминым использован, но с внесением множества изменений, помещенный там же перевод Н.Ф. Дробленковой.

1. *Царь Леукий* — нигде в повести не определен прямо, но подразумевается все-таки византийский царь. Он армянин, у него три имени: Василий — по крещению, Леукий — до крещения, Улевуй — армянское(?). Он, как и все остальные лица в повести, персонаж не исторический, а легендарно-сказочный. *Анания, Азария, Мисаил* — христианские отроки, посаженные языческим вавилонским царем Навуходоносором в огненную пещь, но не тронутые пламенем. Судя по повести, по прошествии многих веков их гробы находятся в Вавилоне.

2. *Дирелмесское поле* — в древнерусских исторических сочинениях оно названо Диорамским. Географические названия в повести тоже условны.

3. *Критский царь Давид* — внеисторический персонаж; условно и все обширное пространство, упоминаемое в повести, от Крита, Руси и Грузии до Иерусалима, Вавилона и Индии.

4. *Северные страны* — не ясно, что за страны врагов-иноверцев к северу от Вавилона, или от Крита, либо от Индии имелись в виду.

ИЗ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО*

Я, худой, недостойный, убогий инок, желанием одержим и любовью подвигаем, хотел бы написать малое, от многого, на воспоминание, к тому же и памяти ради, о добром и чудном житии преподобного отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми, о котором речь с самого начала пойдет: о рождении его, и о детстве, и о юности, и о монашестве, и о священничестве, и об учительстве, и о святительстве, и до самого преставления его; и о добродеяниях его, и похвала, которая подобает ему. Все это нашел я, здесь и там собрав, соединив то, что о житии его услышал, или от учеников его узнал, — о его учительстве и управлении, есть же и другое, что своими очами видел, об ином же и с ним самим беседовал многократно и от него узнал, а прочее выспросил у старых людей, как говорит Святое Писание: «Попроси отца своего, и возвестит тебе». Но молю вас, боголюбцы, простите меня и молитесь обо мне: я ведь умом груб, и словом невежда, худой имею разум и размышления безумные, не бывал я в Афинах в юности и не научился у философов их ни плетению, ни мудрым словам, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не узнал, ни философии, ни риторскому искусству не обучился, и просто — весь недоумения наполнился. Но надеюсь на Бога всемилостивого и всемогущего, для которого все возможно, который дает нам милость свою обильно, по своей благости, и молюсь ему, прося у него слова нужного; чтобы дал мне слово необходимое и отверз уста мои...

И я, грешный, со смирением немного побеседую с читающими и слушающими, молясь и прощения прося, если будет мною где-то предложена речь зазорная, или неустроенная, или неухищренная, — молю вас, не презрите моей грубости и не осудите меня: не от мудрости ведь, но от грубости, как выше сказано, написал, ибо неумел и негоден я, недостойный раб, простерший грешную свою руку, убедивший свое злостное неведение подробно писать, если Бог поможет и молитвами епископ поспоспешествует. Начнем основу слова и начало повествования.

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

НАЧАЛО ЖИЗНИ ЕГО

Преподобный отец наш Стефан был родом русский, народа славянского, от страны северной, называемой Двинской, из города именем Устюга, сын отца почтенного, некоего христолюбивого мужа, верного христианина именем Симеона, одного из клириков великой соборной церкви Святой Богородицы, что в Устюге, и матери также христианки, по имени Мария.

И еще ребенком малым отдан был учиться грамоте, и вскоре ею овладел, менее чем за год, и стал чтецом в соборной церкви; превзошел многих сверстников своих, хорошей памятью и скорым учением преуспевая, остротою ума и быстротою мысли превосходя. И был отрок доброразумный, рос и разумом душевным, и телом, и благодатью. К детям играющим не приближался, пустое ищущих и всуе трудящихся и за тщетою гоняющихся не слушал, и от всех детских обычаев и нравов и игр отвращался, но только в славословии упражнялся, и к грамоте прилежен был, и книжному учению отдавал душу. И так Божьим дарованием понемногу научился он, с помощью остроты ума своего, в городе Устюге, всей грамматической премудрости и книжной науке.

(В юности Стефан постригся в монастыре Григория Богослова в Ростове. Там он прославился не только совершенной иноческой жизнью, но и мудростью, книжными знаниями, как переписчик.)

И обучился сам языку пермскому, и создал грамоту пермскую, и азбуку новую сочинил, какая для пермского языка требуется, и книги русские на пермский язык перевел, и переложил, и переписал. Желая большего знания, с любомудрием своим научился Стефан и греческой грамоте, и книги греческие изучил, читая их и постоянно имея их у себя, и умел говорить на трех языках, и три грамоты знал: русскую, греческую, пермскую... И возник у него замысел идти в Пермскую землю и учить народ. Ради этого и язык пермский начинал изучать, этого ради и азбуку пермскую создал, потому что очень хотел идти в Пермь, и учить людей некрещеных, и обращать неверных, и приводить их ко Христу Богу в веру христианскую. Не только думал об этом, но и сделал... Нужно было разыскивать, и узнавать, и точно расспрашивать о Пермской

земле, где она, и в каких местах расположена, между какими пределами лежит, какие реки обходят ее и проходят сквозь нее, и какие народы населяют ее и живут в соседстве с ней...

(Стефан отправился в Пермь крестить пермский народ.)

Вначале же Стефан много зла претерпел от неверных пермяков некрещеных: озлобление, роптание, поругание, хулу, укоры, унижение, досаждение, поношение, пакости, иногда и угрозы: смертью угрожали ему, иногда убить его хотели, иногда окружали его с дубинами и с большими жердями, смерть ему принести желая, иногда же собиралось против него множество недовольных, приносили много охапок сухой соломы и огонь, и соломой той окружали Стефана, желая сжечь раба Божьего, замыслив огнем немилостиво умертвить его...

(Стефан воздвигает в Пермской земле христианскую церковь, сокрушает языческих кумиров, с терпением, кротостью сносит враждебность жителей и постепенно проповедуя им христианство, все больше пермяков склоняет на свою сторону. Особенно поражают пермяков его смелость, терпение и бескорыстие. Всех, принявших христианство, Стефан обучает грамоте и переписыванию книг.)

О СПОРЕ С ВОЛХВОМ

Пришел некий волхв, чародейный старец лукавый, известный кудесник, волхвам начальник, чародеям старейшина, отравителям старший, который в волшебных хитростях всегда упражнялся, чудесному чарованию верный помощник, именем Пам, сотником он был в стране той. Его пермяки некрещеные чтили больше всех прочих кудесников, наставником и правителем называя его себе, и говорили о нем, что его волхвованием управляется Пермская земля и его утверждением утверждается идольская вера. Он же неверным был и некрещеным, всегда ненавидел веру христианскую и не любил христиан, некрещеным же пермякам и неверным не велел веровать и креститься, желающим же верить возбранял и запрещал, веровавших же и крестившихся развращал. Если шел куда-нибудь и встречал христиан, пермяков новоученых и новокрещеных, но не утвержденных в вере христианской, начинал совращать их, и ослаблял веру их ветхим учением

своим, ложным и суетным, и многими словами чудесными и чародейными начинал увещевать их; если же кого не мог словами и спорами переубедить или прельстить, то обещания и посулы давал им; иначе ведь не мог никого отвратить от веры христианской, только мздою и подаянием: словами много раз не мог убедить, но посулами хотел одолеть. Было же учение его хулой и ересью, порчей и неверием, кощунством и на смех детям.

Об этом слыша, преподобный жалел очень и опечалился, и не любо ему было, потому что говорил: «Сколько я создаю, столько же он разрушает». И много раз спорили между собой, и не равна была беседа их, и не было конца речам их: один другому не покорялся, а другой ему не повиновался, один другого не слушал, а другой его неразумным называл, и, не договорившись, расходились, потому что один свою веру хвалил, а другой свою, один не принимал другого предания, а другой отказывался от того повеления. Но кудесник часто приходил, когда тайно, когда явно, совращал новокрещеных людей, говоря: «Братья, мужи пермские, отеческих богов не оставляйте, и жертв и треб их не забывайте, старых пошлин не покидайте, давней веры не бросайте, как делали отцы наши, так и вы делайте. Меня слушайте, а не слушайте Стефана, этого новопришедшего из Москвы. От Москвы может ли что хорошее быть нам? Не оттуда ли нам трудности пришли, и дани тяжкие, и насилье, и тиуны, и доводчики и приставники? Поэтому не слушайте его, но меня лучше послушайте, добра вам желающего, я ведь из рода вашего и одной земли с вами, одного племени, одного колена и одного языка, лучше вам меня послушать: я ведь ваш учитель давно, и подобает вам меня послушать, старца и вам как бы отца, а не этого русина, еще и москвитянина, — младше меня возрастом, малолетнего, летами предо мной как сына или внука, поэтому не слушайте его, но меня слушайте, моего предания держитесь и крепитесь, чтобы не быть побежденными, но победить его».

Люди же новокрещеные отвечали: «Не победили мы, но совсем побеждены были, старче, и боги твои, называемые кумирами, пали и не встали, низвержены были и не могут встать; мы же встали и исправились, сеть их сокрушилась, и мы избавлены были, и ныне помощь нам от Бога, сотворив-

шего небо и землю; не можем противиться мысли и разуму Стефана, говорившего с нами и крепко боровшегося словами евангельскими, апостольскими, пророческими, отеческими и учительными, и побеждены были словами его, и пленены были учением его. И ранены мы были любовью его, как стрелами, вонзившимися в нас, и как сладкою стрелою, пронзены утешением его, и потому не можем, не хотим слушать тебя и противиться, не можем стать против истины, но за истину». (Пам пытается устрашить пермяков гневом языческих божеств, но те смеются над ним и отвечают:)

«Ты же, чародейный старец, зачем, оставив голову, с ногами беседуешь? Если ты силен в споре, то с ним спорь, а не с нами. Если же немощен, то зачем обращаешься к нам и смущаешь нас? Отойди, не соблазняй нас. Знай, что не входишь в дверь двора овечьего, но в другом месте прокрадываешься, наполнен ты воровским голосом и разбойничье у тебя обличье; а мы овцы словесного стада и своего пастуха голос знаем, и его повеления слушаем, и за ним следуем, за тобою же, за чужим, не идем, но бежим от тебя, ибо не знаем чужого голоса»...

И был кудесник лютым врагом преподобному и злоратоборцем великим, неукротимым супостатом и борцом, хотел отвратить от веры христианской, и часто возмущал христиан, всегда спорил с ним, часто возражая ему о вере...

Волшебный кудесник говорил: «Боги наши, хоть и поруганы тобою, но милосердны и не погубили тебя; если бы не проявили милосердия, то давно бы тебя сокрушили и низвергли, а потому пойми, что они добры и милосердны, и вера наша намного лучше вашей веры. Ибо у вас, у христиан, один Бог, а у нас много богов, много помощников, много заступников: они дают нам ловлю и все, что в водах, и все, что в воздухе, и что в болотах, и в дубравах, и в борах, и в лугах, и в зарослях, и в чащах, и в березнике, и в сосняке, и в ельнике, и в прочих лесах, и все, что на деревьях, — белки, или соболи, или куницы, или рыси, и прочую ловлю нашу; от них же и к вам приходят ныне, от нашей охоты, и ваши князья, и бояре, и вельможи обогащаются, в меха облачаются и ходят и величаются, подолами одежд своих гордясь среди народа. Так долгое время изобилуют наши леса и промышляют в них. Не наши ли меха и в Орду посылают и доходят даже до самого мнимо-

го царя?[1] И в Царьград, и к немцам, и в Литву, и в прочие города, и страны, и к дальним народам».

И еще говорил: «Наша вера лучше вашей, потому что у нас один человек или сам — друг, много раз выходит на бой, борется с медведем, и, победив, повалит его и шкуру его принесет; у вас же на одного медведя много народу ходит, числом до ста или до двухсот, и иногда привезут медведя, иногда же возвращаются без успеха и ничего не привозят, но попусту трудятся, а это, нам кажется, смех и кощунство».

И еще говорил: «Наша вера лучше: вести у нас быстро доходят; если что случится на дальней стороне, в другом городе, в девятой земле, то сегодня произойдет, и сегодня же вести к нам полные доходят, которых вы, христиане, не сможете узнать, много дней и много времени не узнаете, и этим наша вера лучше намного, чем ваша, потому что много богов помогает нам»...

(Стефан, отвечая Паму, рассказывает о христианской вере.)

И пребывали они вдвоем, друг с другом состязаясь словесно, весь день и всю ночь без еды и без сна, не переставая, сну не предаваясь, но все время споря, в словопрениях упражняясь. И хотя много сказал Стефан, но казалось, что на воде сеял: в душу, говорится, безумного не войдет мудрость, и не укоренится она в сердце осквернённом. Кудесник же, хотя и много поучений слышал, но ни единому не верил и не внимал сказанному, и не принимал рассказанного, и возражал, говоря: «Я не верю, это все мне кажется ложью, баснями, обманом, вымышленными вами, христианами, и я не поверю, если не увижу испытания веры!» И после слов этих, когда закончился спор, после многих прений и противоречий, договорились они и решили оба принять испытание вер, и сказали: «Пойдем и зажжем огонь, и войдем в него, и сквозь огонь пламенный пройдем посреди пламени горящего, вместе пройдем, оба, и тут примем испытание, и тут возьмем испытание и доказательство веры. Вера того, кто выйдет цел и невредим, правая, и ему все последуем. И потом другое испытание примем таким же образом: пойдем оба, взявшись за руки, и войдем вместе в одну прорубь, и сойдем на дно реки Вычегды, и пойдем подо льдом, и через некоторое время, ниже плеса, через одну прорубь вместе выйдем. Чья вера правая, тот

выйдет цел и невредим, и ему прочие все подчинятся». И понравился этот уговор всем людям и сказали они: «Воистину хорошее слово сказали вы сегодня!»

(Стефан обращается с речью к пришедшим для испытания вер людям.)

...И обратился к стоящим перед ним людям, сказав: «Благословен Господь! Возьмите огонь, и принесите его сюда, и зажгите этот дом крайний, открытый, и хорошо разожгите его, пока весь не загорится»... И так пытался, дерзая, войти в огонь, и обратился к волхву, сказав: «Войдем оба вместе, взявшись за руки, как и обещали». Тот же не пошел: устрашился шума огня, испугался, поэтому и не вошел. Народ же стоял, собравшись, глядя в глаза им, огонь горел, и пламень распалялся, преподобный же еще больше старался войти, заставляя его, и рукою взяв за ризу волхва, и крепко сжал ее, и взглядом начал понуждать его идти. Чародей же отступал назад. И сколько бы это ни повторялось, волхв каждый раз вопил, говоря: «Не делайте этого, а то я умру!» Наконец в третий раз преподобный позвал его и сказал: «Пойдем, войдем оба в огонь палящий, по словам твоим и по решению твоему, как договорились». Он же не хотел слушать. И сказал ему Стефан: «Не ты ли сказал прежде эти слова, не сам ли ты избрал такое испытание богов? Почему же ныне выполнить не хочешь?» Волхв же пал, и бил челом, и припадал к ногам его, обличая вину свою, немощь свою, суетность и обман. Люди же, стоящие тут, троекратно просили его, говоря: «Пойди, несчастный, отчего не идешь?» Он же трижды отказался, говоря: «Не могу я идти, не дерзаю коснуться огня, боюсь приблизиться к пламени горящему, и, как сено сухое, не смею упасть, чтобы не растаять, как воск от огня, чтобы не опалиться, как воск и трава сухая, чтобы внезапно не сгореть и от огня не умереть. И какая будет польза во мне, когда истлею? Волхвование мое перейдет к нему. И будет двор мой пуст, и в погосте моем не будет живущего!»

Преподобный же Стефан, победив волхва в этом испытании, потом и в другом победил: взял его с помощью народа и привел к реке. И сделал две больших проруби: одну выше по реке, а другую дальше внизу. В ту, что вверху, нужно им было войти вместе, взявшись за руки, в ту же, что внизу, должны

они были выйти, пройдя подо льдом. Чародейный же волхв и там, побежденный, осрамился, трижды понуждаем был, и отказался войти, говоря: «Не могу я этого сделать, хоть тысячу раз меня виноватым считайте». Люди же спросили его: «Древний злой старик, вот ныне пришли твои несчастья, скажи, окаянный, почему не вошел ни в огонь, ни в воду, и всячески посрамлен?» Волхв же отвечал: «Я не привык побеждать огонь и воду, а учитель ваш, Стефан, в детстве и в юности своей научился от своего отца волхвованием и чарованием уговаривать огонь и воду, и ни огонь его не жжет, ни вода не топит, потому что он научен и хорошо умеет. Я же многим злокозненным хитростям обучился за свою жизнь, и умею чаровать, волхвовать, колдовать, заклинать, и прочее многое, а этого одного не умею — силою ума побеждать огонь и воду, у отца своего не научился».

Потом же люди спросили его: «Скажи нам, чародей, почему ты так сделал? Знал свою немощь и зловерие, неверием одержим, дерзко обещался пройти огонь и воду?» Он же отвечал им: «Перехитрил меня Стефан. Я спросил, умеет ли он такие хитрости творить, он же мне ответил: «Не умею я сдержать огонь и воду, не учился этому». Я же, услышав это, поверил слову его и, подумав про себя, решил: если он не умеет, как сказал, то я устрашу его, хотя сам не умею, но он-то не знает о моем неумении; надеялся своими хитростями перехитрить его и, одолев, осрамить его, а тех, кого он обратил, отторгнуть от него и привести в древнюю веру. Ничего этого не получилось, увы мне, и в яму, которую выкопал, я сам упал, и в сети, которую скрыл, увязла нога моя, и в ров, вырытый мною, сам упал, и было мне последнее горше первых, потому что Стефан, меня одолев, посрамил и суетность мою показал, и всего меня немощным явил, и ныне что делать и куда бежать, не ведаю...»

Люди же сказали ему: «Всюду, окаянный, сам предсказал свою погибель. Хочешь ли веровать и креститься, ведь уже переспорили тебя?» Очарованный же волхв нечестивый не захотел понять истинный разум и, не задумавшись, сказал: «Не хочу веровать и креститься!»

Преподобный же, обратившись к народу, сказал: «Вы свидетели всего, скажите мне: что с ним делать?» Они сказали:

«Повинен он казни». Тогда люди пермские, приступив к нему, взяли его и подвели к Стефану, говоря: «Возьми его и казни, ибо заслужил он казнь и по нашим обычаям должен умереть, потому что слова Божьего не слушает, Евангелие хулит, проповедью евангельскою укоряет, благовествование ругает, над верой христианской насмехается...»

И еще спросили его: «Будешь ли еще вредить и отвращать верующих?» Он же ответил: «Нет, отец честной, если буду вредить или от веры отвращать, тогда пусть умру под ногами твоими».

Тогда преподобный сказал ему: «Это засвидетельствую сегодня перед многими свидетелями, и запрещением тебе запрещаю, чтобы не провинился ты ни в чем вышесказанном, если же появишься через некоторое время и преступишь наш уговор, то подлежишь наложению епитимьи и будешь судим по городским законам. Сегодня приказываю отпустить тебя, уходи от нас цел и невредим, только берегись потом, чтобы хуже не пострадать».

И когда он это сказал, люди, державшие волхва, отпустили его. Тот же выскочил от них, как олень, и пошел прочь от народа...

(Пермяки просят Стефана поехать в Москву, чтобы в Пермь прислали епископа. В Москве решают, что лучшим епископом будет сам Стефан, крестивший пермяков.)

ОБ АЗБУКЕ ПЕРМСКОЙ

Не только святым крещением просветил, но и грамоте научил он их, книжный разум даровал им, и Святое Писание передал им, тот, кто неизвестную азбуку пермскую создал, и теми письменами книги многие написал, которых они во все времена не имели. До крещения ведь пермяки не имели грамоты и не знали Писания, и совсем не ведали, что такое книги, но только были у них сказочники, что басни сказывали о бытии и о сотворении мира, и об Адаме, и о разделении народов, и о прочем, но больше лгали, нежели истину говорили, и так весь век свой и все года свои растрачивали...

Стефан же создал им грамоту, новую азбуку пермскую сложил. И многие, видя и слыша о нем, удивлялись, не только жившие в Перми, но и в иных городах и землях, даже на

Москве, дивились, говоря: «Как он сумел книги пермские создать, откуда ему дана эта премудрость?» Другие же говорили: «Вот воистину философ новый. Был Константин или Кирилл философ, тот создал грамоту славянскую из тридцати восьми букв, так и этот сложил из двадцати четырех букв, подобно греческой азбуке, одни буквы похожи на греческие, другие на речь пермскую; первая же буква — а — как в греческой азбуке...»

Как много лет многие философы греческие собирали и составляли азбуку греческую, и едва составили с многими трудами, и за долгое время едва сложили! А пермскую азбуку один чернец создал, один составил, один сочинил, один черноризец, один монах, один инок, Стефан вечно памятный епископ, один в одно время, а не за много времен и лет, как и они, но один инок, один в уединении уединясь, один уединенный, один одного Бога на помощь призывая, один одному Богу молясь. ...И так один инок к единому Богу помолился, и азбуку сложил, и грамоту создал, и книги перевел за немногие годы, ибо Бог помогал ему...

Когда же пришел конец жизни его, и время ухода его настало, и пришло время кончины его, случилось ему в те дни приехать в Москву к Киприану митрополиту. Любим им был и сам любил его. К нему же пришел долгим путем советоваться о неких делах священнотайных, и о церковном управлении, и о законоправилах, и о прочих вопросах нужных, которые на спасение людям. И тогда случилось, что он в Москве несколько дней проболел и преставился...

И многие скорбели, тужили о нем, понимая добродетельное житие его, и душеполезное учение его, и благонравные обычаи его; больше же всех его стадо тужило по нему — новокрещеный народ пермский.

(Далее следует плач пермских людей о смерти Стефана и плач церкви пермской, в которых выражается скорбь и подчеркивается роль Стефана, как апостола, принесшего христианство в Пермскую землю.)

ПЛАЧ И ПОХВАЛА ИНОКА НАПИСАВШЕГО

Я же, отец господин епископ, хотя и умершему, тебе хочу хвалу принести и сердцем, и языком, и умом; когда жил ты,

был я тебе досадитель, ныне же похвалитель; некогда с тобою спорил о чем-то случившемся, или о слове каком-то, или о каждом стихе, или о строке, но теперь, поминая твое долготерпение и многоразумие и благопокорение, сам себя посрамляю и укоряю, сам рыдаю: увы мне, когда преставился ты, тогда среди многих братьев, обступивших одр твой, увы мне, не было меня; не удостоился последнего прощания и конечного прощения, увы мне, какое препятствие меня отторгло от лица твоего... Увы мне, как переплыву это море великое, пространное, широкое, печальное, многомутное, нестоящее, мятущееся? Как проведу душевную свою ладью между волнами свирепыми, как избегу треволнений страстей, погружаясь в глубины зла и потопляясь в бездне греховной? Увы мне, волнуясь посреди пучины житейского моря, как постигну тишину умиления, как дойду в пристанище покаяния? Но как добрый кормчий, отче, как правитель, как наставник, из глубины страстей меня изведи... и мое малое и худое, из уст грешных и скверных выносимое и приносимое, прими похваление...

Да и я, многогрешный и малоразумный, последуя словам похвалений твоих, слово плетущи, и слово плодяще и словом почтить мняще, от слов похвалы собирая, и приобретая, и приплетая, еще скажу: как еще тебя назову? Вождем заблудшим, находящим погибающих, наставником обманутых, руководителем умами ослепленными, чистителем осквернен-ным, искателем потерянных, стражем ратников, утешителем печальных, кормителем голодных, подателем требующим, настаьником несмысленым, помощником обидимым, молитвенником теплым, ходатаем верным, поганых спасителем, бесов проклинателем, кумиров истребителем, идолов попирателем, Богу служителем, мудрости рачителем, философии любителем, правде творителем, книгам сказителем, грамоты пермской создателем?

...Подобает уже оканчивать слова, но прежде молю вас, к письменам этим приникающих и листающих, и внимающих и слушающих, и внимающих и рассуждающих: господа мои, не удивляйтесь мне, окаянному, не кляните меня, грешного. Молю братолюбие ваше и Божью любовь: когда прочитаете грубые эти письмена, обратите за меня молитвы ваши к Богу, я ведь святых отцов житие восхваляю...

ПРИМЕЧАНИЯ

Житие представляет собой первый дошедший до нас памятник, написанный известным книжником конца XIV—начала XV в. Епифанием Премудрым. Герой его Стефан Пермский, один из русских просветителей XIV в., давший письменность народу коми-пермяков и крестивший Пермскую землю. Житие написано около 1396 г. и представляет собой образец риторического стиля «плетения словес», основанного на повторах и нанизывании различных стилистических приемов.

Текст переведен по изданию: Древнерусские предания (XI— XVI вв.). М., 1982. С. 230—281.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *«... до самого мнимого царя»* — мнимый царь — правитель Золотой Орды.

ИЗ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

(В обширном риторическом вступлении автор рассуждает о необходимости написать житие Сергия.)

...Дивлюсь я тому, что столько лет минуло, а житие Сергия не написано. Сожалею, что с того времени, как умер святой старец, пречудный и предобрый, уже 26 лет прошло, а никто не дерзнул писать о нем: ни дальние, ни ближние, ни великие, ни малые: великие не соизволили, а малые не смели. Через год или два по смерти старца я, окаянный и дерзкий, дерзнул сделать это. Обратившись к Богу и старца призвав в молитве, начал подробно записывать кое-что из жизни старца, про себя говоря: «Не возвеличиваю себя ни перед кем, но для себя пишу, про запас, ради памяти и ради пользы». Были у меня за 20 лет приготовленные таких записей свитки, в которых были написаны главы о житии старца для памяти: некоторые в свитках, другие в тетрадях, даже не по порядку, но начало в конце, а конец в начале.

И так ждал я в те годы, надеясь, что кто-то, разумнее меня, напишет, чтобы я пошел и поклонился тому, а он меня научил и вразумил. Но расспросив, услышал и узнал точно, что никто нигде не написал о нем... И пришло ко мне желание ненасытное хоть что-то и как-то начать писать, из многого малое, о житии преподобного старца...

(Далее следует рассказ о родителях святого, чуде, бывшем до его рождения и предсказывавшем необычную судьбу, рождении ребенка, названного Варфоломеем[1], детстве его, в котором с грудного возраста он соблюдал пост.)

И так рос отрок в то время, как положено в его возрасте, укрепляясь душою, и телом, и духом, наполняясь разумом и страхом Божьим, и милость Божия была на нем; когда же достиг семилетнего возраста, родители отдали его учиться грамоте... Но не быстро учился он грамоте, а как-то медленно и неприлежно. Учитель с большим тщанием учил его, но отрок не понимал и не мог научиться, не таким был, как те, кто учился с ним. Поэтому бранили его родители, учитель наказывал, а товарищи укоряли. Отрок же втайне часто со слеза-

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

ми молился Богу, говоря: «Господи! дай же мне выучить грамоту эту, научи и вразуми меня»...

В один из дней послал его отец искать жеребят... И увидел он некоего черноризца, старца святого, странного и неизвестного, саном пресвитера, благолепного и ангеловидного, на поле под дубом стоящего и молитву прилежно со слезами творящего. Отрок же, увидев его, прежде смиренно поклонился ему, потом приблизился и встал рядом, ожидая конца молитвы.

И когда кончил старец молиться и взглянул на отрока, прозрел он духовными очами, что будет тот сосудом избранным Святому Духу. И подозвал его к себе, и благословил его, и спросил его: «Чего ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же отвечал: «Желает душа моя больше всего научиться грамоте, которой отдан был учиться, а ныне скорблю я, потому что учусь грамоте, но не знаю ее. Ты же, отче святой, помолись за меня Богу, чтобы выучился я грамоте».

Старец же, воздев руки и очи на небо и обратясь к Богу, прочел молитву, а потом сказал: «Аминь». И взяв из сумы своей как бы некое сокровище, тремя перстами подал Варфоломею нечто, по виду как бы маленький кусочек хлеба пшеничного, частицу святой просфоры, и сказал ему: «Открой уста свои, чадо. Прими это и съешь, это тебе дается знамение благодати Божьей и знания Святого Писания. Хоть и малым кажется данное мною, но велика сладость вкушающему его». Отрок же открыл уста свои и съел; и была сладость в устах его, как мед сладкий... И сказал ему старец: «...О грамоте, чадо, не скорби: знай, что с этого дня дарует тебе Господь знание грамоты лучшее, чем у братьев твоих и у сверстников твоих»... Старец собирался идти дальше своей дорогой, отрок же бросился на землю к ногам его и со слезами молил старца, чтобы остановился он в доме родителей его...

Они же, увидев старца, вышли навстречу ему и поклонились. Старец же благословил их; они же готовили ему трапезу. Но старец, прежде чем пищи отведать, вошел в храм молитвенный, то есть в часовню, взяв с собой отрока. И начал он «Часы» петь[2], а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею, отче». Старец же ответил: «Я говорил тебе, что сегодня дарует тебе Господь грамоту. Ты же читай слово Божие без сомнения». И тогда случилось чудо: отрок, приняв

благословение старца, начал петь псалом очень хорошо, и с того времени хорошо знал грамоту...

(В юности Варфоломей жил с родителями, дав им обещание стать монахом лишь после их смерти. Когда они умерли, он вместе с братом Стефаном в пустынном месте в лесу ставит келью и церковь. Вскоре брат, не выдержав уединенной жизни, уходит в один из монастырей. Варфоломей остается один. Он принимает монашество, борется с бесами, не боится трудностей, в том числе и диких зверей, которые часто приходят к нему.)

И вот один зверь, именем аркуда, то есть медведь, взял обычай приходить к преподобному. Когда понял преподобный, что не из-за злобы приходит к нему зверь, но для того, чтобы взять что-нибудь из пищи, выносил ему из хижины своей маленький кусок хлеба и клал ему на пень, или на колоду, чтобы, когда придет зверь, он нашел готовую пищу; брал ее медведь и уходил. Когда же не оставалось хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного куска, то долгое время не уходил. Но стоял и оглядывался, как некий злой заимодавец, желающий получить долг свой. Если же оставался у преподобного один кусок хлеба, то делил он его на две части: одну себе, а другую зверю отдавал: ведь не было в пустыни у Сергия (монашеское имя Варфоломея) различной пищи, но только хлеб один и вода из источника, да и то понемногу. Много раз и хлеба не было, и когда такое случалось, оба оставались голодными, сам Сергий и зверь. Иногда же блаженный и о себе не думал и голодным оставался: если был у него один кусок хлеба, то отдавал его зверю. И предпочитал не есть и голодать в тот день, чем зверя обидеть и голодного отпустить. Не однажды, не дважды приходить привык зверь, но по многу раз каждый день, и более года так делал...

(Постепенно вокруг Сергия собираются монахи, он основывает монастырь и со временем становится в нем игуменом, являя собой образец всех добродетелей — скромности, трудолюбия, внимания к людям, терпения.)

Хочу с вами беседу продолжить о преславных чудесах, которые творил Бог через угодника своего. Как прежде мы вспоминали про этого великого пастыря и мудрую главу, когда он пришел в пустыню, желая один там жить в безмолвии, воды не было близ обители. Когда же братия умножилась, тяжело стало издалека воду приносить. Из-за этого некоторые роп-

тали на святого: «Почему, — говорили, — не подумав, решил на этом месте обитель создать, ведь здесь воды нет». И так много раз с досадой говорили, им же святой отвечал: «Я один хотел на этом месте жить в безмолвии, но Бог захотел здесь такую обитель воздвигнуть, чтобы славилось его святое имя. Молитесь и не отчаивайтесь! Если Бог непокорным евреям из камня воду источил, то неужели вас, работающих для него днем и ночью, оставит он?» И отпустил их в кельи.

Сам же вышел из монастыря, некоего монаха взяв с собою, и пошел в лесную чащу вблизи монастыря, и не было здесь проточной воды, как старые люди говорили. Увидел же святой в одном рве немного воды дождевой и, преклонив колени, начал молиться...

И внезапно источник большой появился, который и доныне всем известен, из него и черпают для всяких нужд монастырских, благодаря Бога и угодника Сергия. Много исцелений бывает от воды той приходящим с верою, от различных недугов исцеляет она... И с тех пор источник назывался именем Сергия 10 или 15 лет. Рассудительный же этот человек, не любя славу, возмущался этим, говоря: «Пусть никогда я не услышу от вас, как вы моим именем источник называете. Не я дал воду эту, но Господь даровал нам, недостойным».

(Сергий и его ученики основывают новые монастыри. Сергий благословляет Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой. Далее рассказывается о видениях, чудесах, исцелениях в монастыре даром Сергия, о кончине преподобного. Завершает житие похвала Сергию.)

... Преподобный игумен отец наш Сергий святой — старец чудный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имел, и смиренный, и добронравный, приветливый и благоуветливый, утешительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердечный, смиренномудрый и целомудренный, благоговейный и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; отцам отец и учителям учитель, вождь вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала... трудолюбивый подвижник, молитвенник крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образ, столп терпения; жил на земле ангельской жизнью и воссиял в земле Русской, как звезда пресветлая...

ПРИМЕЧАНИЯ

«Житие» написано Епифанием Премудрым около 1418 г. Сергий Радонежский (ум. в 1392 г.) — основатель Троице-Сергиева монастыря, значительный церковный деятель, сыгравший огромную духовную и политическую роль в жизни современной ему Руси, поддержавший объединение государства под властью Москвы.

Текст переведен по изданию: ПЛДР. XIV — сер. XV в. М., 1981. С. 256—428.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Варфоломей* — Сергий — первое имя дано было ребенку при крещении, второе имя давалось при пострижении в монахи.

2. ...*«Часы» петь* — «Часы» — одна из церковных служб. Псалом — песнопение из Псалтири, одной из частей Ветхого завета Библии.

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ*

(Из путевых записок Афанасия Никитина)

ПРЕДИСЛОВИЕ ЛЕТОПИСЦА

В том же году нашел написание тверского купца Афанасия, что был в Индии четыре года. А ходил, как говорят, с Василием Папиным[1]. Я же пытался узнать, когда Василий ездил с кречетами послом от великого князя, и сказали мне, что за год до казанского похода он возвратился из Орды, когда князь Юрий[2] был под Казанью, когда его (Василия Папина) под Казанью застрелили. Записей же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер. Говорят, что, не дойдя Смоленска, умер. А писание то своею рукою написал, и его рукою написанные тетради привезли купцы к Мамыреву Василию[3], дьяку великого князя.

* * *

Вот написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское. Пошел я от Спаса святого златоверхого[4] и с его милостию, от государя своего великого князя Михаила Борисовича тверского, и от владыки Геннадия тверского, и от Бориса Захарьича. Пошел вниз Волгою и пришел в монастырь Калязин[5], ко святой Троице живоначальной и к святым мученикам Борису и Глебу. У игумена Макария с братиею получил благословение. И с Калязина пошел на Углич, с Углича отпустили меня свободно. И оттуда приехал в Кострому к князю Александру[6] с другой грамотой великого князя. И отпустили меня беспрепятственно. И на Плес приехал свободно и в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву[7] и к пошлиннику Ивану Сараеву, и они меня отпустили беспрепятственно.

А Василий Папин уже проехал мимо города две недели тому назад, а я ждал в Нижнем Новгороде две недели шир-

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

ваншахова посла Хасан-бека[8]. Он ехал с кречетами от великого князя Ивана, а кречетов у него было девяносто. И поехал с ним на низ Волгою. Проехали беспрепятственно Казань, Орду, Услан, Сарай[9].

И въехали мы в Бузань-реку. Тут повстречались нам три поганых татарина и сообщили лживые вести: «Хан Касим в Бузани стережет купцов и с ним три тысячи татар». Посол ширваншахов Хасан-бек дал им по однорядке[10] и по куску полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, поганые татары, по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я тогда покинул свое судно и перелез с товарищами своими на судно послово. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас видел. Татары кричали нам: «Качма, не бегите!» А мы не слыхали ничего. А плыли на парусах. За наши грехи царь послал в погоню всю свою орду. И настигли нас на Бугуне, и начали в нас стрелять, у нас застрелили человека, а мы у них двух татар. Судно наше малое остановилось на езу[11], они его захватили и тотчас разграбили; а моя вся мелкая рухлядь была на этом малом судне.

В большом же судне дошли до моря и встали в устье Волги на мели. Татары тут нас настигли и судно назад велели тянуть вверх до еза. Здесь они судно наше пограбили, взяли четырех русских заложниками, а нас отпустили голыми головами за море. Вверх же нас не пропустили, чтобы мы не подали вести. И пошли мы, заплакав, к Дербенту на двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами и нас, русских, десять человек, а в другом судне шесть москвичей и шесть тверичей, да коровы, да корм наш. На море поднялась буря, и малое судно разбило о берег. А тут есть городок Тарки[12], и люди вышли на берег, и сбежались кайтаки и людей всех захватили.

А мы пришли в Дербент. Тут встретили Василия, он пришел благополучно, а мы пограблены. И били челом Василию Папину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они похлопотали о людях, захваченных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал, ездил на гору к Булат-беку, тот послал скорохода к Ширванша-беку, извещая: «Господин, русское судно разбило под Тарки, и кайтаки захватили людей, а товар их разграбили». И Ширванша-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку, князю кайтакскому: судно-де разбилось под Тарки, и твои люди, придя,

людей захватили, а товар их пограбили, и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебя, своего брата, не упрекаю, а этих людей пошли ко мне, отпусти их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей беспрепятственно в Дербент, а оттуда послал их к Ширван-шаху в орду, в его ставку.

Мы также поехали к Ширван-шаху в его ставку и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен там, тот пошел куда глаза глядят; иные же остались в Шемахе[13], а иные пошли работать в Баку.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый. Из Баку пошел за море в Чапакур[14], да тут и жил, в Чапакуре, шесть месяцев, да в Сари, в Мазандаранской земле, жил месяц. А оттуда пошел в Амулю и тут жил месяц; а оттуда — к Димованту, а из Димованта[15] — к Рею. Тут убили шаха Хусейна, Алеевых детей и внучат Мухаммедовых[16], и он их проклял, за что 70 городов развалилось. Из Рея пошел к Кашану и тут был месяц; а из Кашана к Найину, а из Найина к Йезду и тут жил месяц. Из Йезда к Сирджану, а из Сирджана к Таруму[17], где финиками кормят домашний скот, батман[18] по четыре алтына. А из Тарума пошел в Лару, а из Лары к Бендеру.

И тут есть пристанище Ормузское[19]; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза четыре мили. А Ормуз находится на острове, и заливает его море дважды в день. Тут я встретил Пасху, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Пасхи. Я не о всех городах писал — много городов великих. В Ормузе солнце варное, человека может сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда за Индийское море после Пасхи, в радуницу[20] неделю, в таве[21] с конями.

И шли мы морем до Маската[22] 10 дней; а от Маската до Диу 4 дня; а от Диу к Гуджерату; а от Гуджерата к Камбаю, тут родятся краски индиго и лакх; а от Камбая к Чаулу. От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли в таве 6 недель морем до Чаула.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все нагие: го-

лова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены все нагие и все черные. Я куда хожу, так за мной людей много и дивуются белому человеку.

А князь их — фата на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фата на плече обогнута, а другая — на бедрах. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а иные с копьями, а иные с ножами, а иные с саблями, а иные с луками и стрелами. И все нагие, босые да темные, а волос не бреют. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят нагими до семи лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали[23] 8 дней, то индийские горы; а от Пали до Умру 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира 7 дней. Тут находится Асад-хан джунирский, индийский Меликтучаров холоп; а управляет от Меликтучара семью тьмами. А Меликтучар управляет 20 тьмами[24]; 20 лет он бьется с индуистами, — то его побьют, то он их часто побивает. Хан Асад ездит на людях; много у него и слонов, и коней много добрых. Много у него людей, отменных хорасанцев. Привозят их из Хорасанской земли[25], или из Аравийской, или из Туркменской и Чагатайской[26]; а привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю; дошел же до Джунира благодаря Бога здоровым, а стоил мне он сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. В те же дни у них пашут и сеют пшеницу, рис (просо?), горох и все съестное. Вино же у них приготовляют в больших кокосовых индийских орехах, а брагу — из татны[27]. Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не родятся; в их земле родятся волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир расположен на каменном острове, крепость его никем не делана, а сотворена Богом; поднимаются на гору днем по одному человеку, дорога тесна, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушанья для них варят господарыни...

Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьего обертывают голову...

И в том Джунире хан взял у меня жеребца[28]. Узнав, что я не мусульманин, а русский, он сказал: «И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову; если не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых с твоей головы возьму». И учинил мне срок 4 дня, в пост Богородицы на Спасов день. И Господь Бог смилостивился на свой честный праздник, и не оставил своей милости от меня, грешного, и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и упросил его, чтобы меня в веру не обращали; он и жеребца моего у него взял. Таково Господне чудо на Спасов день. Вот, братья, русские христиане, кто хочет пойти в Индийскую землю, тот оставь свою веру на Руси, и, признав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Мне солгали псы-бусурмане: говорили, что много всяких нужных нам товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для мусульманской земли. Перец и краска дешевы. Но возят товар морем, иные же не платят за него пошлин, а нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлины высокие, и на море разбойников много. А разбивают все неверные, не христиане и не мусульмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

Из Джунира вышли в день Успения Богородицы к Бидару[29]... В Бидаре же торг на коней, на товар: на камки, на шелк и на всякий иной товар; можно купить на нем также людей черных. Иной купли здесь нет. Да весь товар их индостанский и съестное — все овощи. А на Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные и колдуньи; да всюду воровство, ложь и зелье, которым господарей морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы[30], и все бояре хорасанцы. Индостанцы все пешеходы, они ходят впереди

хорасанцев, которые только на конях, а все прочие пешие ходят быстро, и все наги в босы, да щит в руке, в другой — меч. А у иных луки большие с прямыми стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед. Хорасанцы же на конях, в доспехах и сами и кони. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в доспехи булатные, а на них сооружают башни; в каждой башне по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами.

Есть у них одно место — гробница шейха Алаеддина в Алянде, где раз в год устраивается базар, куда съезжается вся страна Индийская торговать, и торгуют 10 дней. От Бидара базар 12 ковов[31], приводят коней до 20 тысяч продавать, всякий товар свозят. В Индостанской земле это торг лучший; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, а на русский праздник Покрова святой Богородицы[32]. Есть в том Алянде птица гукук[33], летает ночью и кричит «кук-кук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А дикие кошки ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский[34], ходит со своей ратью. И если их кто тронет, тогда они жалуются князю своему, и они, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. А рать у них, говорят, весьма большая, и язык у них есть свой. Детей родят много, но которые родятся не в отца и не в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы тех подбирают и учат их всякому рукоделию, иных же продают ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат играть и плясать.

Весна же у них наступила с Покрова святой Богородицы; через две недели после Покрова празднуют восемь дней шейху Алаеддину. Весна держится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца. Бидар же их — столица мусульманского Индостана. Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, 20 лет[35], а управляют бояре, властвуют хорасанцы, воюют также все хорасанцы.

Есть хорасанец Меликтучар[36], боярин, — так у него 200 тысяч рати своей, у Мелик-хана — 100 тысяч, у Харат-хана — 20 тысяч. А у многих ханов рати по 10 тысяч. Да с султаном выходит 300 тысяч рати своей. Земля весьма многолюдна и

богата, сельские люди очень бедны, а бояре всесильны и утопают в роскоши; носят их на серебряных носилках и перед ними водят до 20 коней в золотой сбруе; и на конях за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним людей на конях 10 тысяч и пеших пятьдесят тысяч. А слонов водят двести человек, наряженных в золоченые доспехи. Перед султаном идет сто человек трубников, да плясунов сто человек, да коней простых 300 в золотой сбруе, да обезьян за ним сто, да наложниц сто, и все юные девушки.

В крепости султана семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-индусов: одни записывают, кто войдет, другие записывают, кто выйдет; чужестранцев в крепость не пускают. Дворец его весьма чудесный, всюду резьба да золото, и каждый камень резной и золотом расписан причудливо, а во дворце сосуды разные.

Город Бидар стережет по ночам тысяча военных надсмотрщиков градоначальника, а ездят они на конях, в доспехах и с факелами. Я жеребца своего продал в Бидаре, израсходовал на него 68 фунтов, кормил его год. В Бидаре змеи ползают по улицам, длина их две сажени. Пришел я в Бидар в Филиппов пост из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество. Пробыл я в Бидаре до великого поста. Тут познакомился со многими индийцами и сообщил им о вере своей, что я христианин, а не мусульманин и имя мое Афанасий, по-мусульмански ходжа Юсуф из Хорасани[37]. После этого они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных делах; и жен своих не стали скрывать.

Я о вере расспросил все, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это и есть Адам и весь его род. А всех вер в Индии 84[38], и все веруют в Бута. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и договорился с индусами пойти к Парвату — их Иерусалиму, и по-мусульмански Мекка, где их святыня (бутхана). Туда же ходят с индусами месяц. Торг у бутханы 5 дней. А сама бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней деяния Бутовы, вырезаны все 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся во

многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им с хвостом, вырезанным на камне, а хвост с сажень. К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. У бутханы бреются старые и молодые, женки и девочки, и бреют на себе все волосы; бреют также бороды, головы, хвосты. После идут к бутхане; с каждой головы берут по 2 шекшени пошлину на Бута, а с коней — по 4 футы[39]. Съезжается к бутхане всех людей 100 тысяч, а бывает время, когда и несметное число. В бутхане Бут вырезан из камня черного, весьма велик, да его хвост перекинут через него. Руку же правую он поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде[40], а в левой руке у него копье... Перед Бутом же стоит огромный вол, высеченный из камня черного, и весь позолочен. Целуют его в копыто и сыплют на него цветы.

Индусы не едят никакого мяса[41]: ни яловичины[42], ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же они в день дважды, а ночью не едят; ни вина, ни сыты[43] не пьют. С мусульманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и один с другим не пьет и не ест, и с женой не ест. Едят рис да кичири[44] с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою не примется ни за что; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге каждый варит себе кашу в отдельном горшке. А от мусульман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горшок, ни в еду. Если же мусульманин посмотрит на еду, то индусы уже ее не едят. А когда едят, то покрываются платом, чтобы никто не видел его.

А молитва у них на восток, по-русски, обе руки подымают высоко и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то омывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток, а Буты стоят на восток. А кто у них умрет, то и тех жгут, а пепел сыплют на воду. Когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Приходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту,

здесь их Иерусалим, а по-мусульмански — Мекка, по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все нагими, только на бедрах плат; и женки все голые, только на бедрах фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуга и яхонтов много, на руках же обручи и перстни — золотые, ей-Богу. А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее у него 300 колокольцев, да копыта подкованы медью. И тех волов «отцами» зовут. Индусы вола зовут «отцом», а корову — «матерью», а кизяком их пекут хлеб и еду варят себе, а пеплом этим мажут лицо, по челу и по всему телу рисуют знаки (ритуальные). В воскресенье же и в понедельник едят один раз днем. В Индии же малостоящими и дешевыми считаются женки: хочешь знакомства с женкою — два шетеля[45]; хочешь за ничто бросить деньги, дай шесть шетелей. Таков у них обычай. Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до мусульманского великого праздника. А Великого дня воскресения Христова не знаю и по приметам гадаю: Великий день христианский бывает раньше мусульманского байрама на 9 или 10 дней. Со мною нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собою из Руси, но когда меня пограбили, то и их захватили. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: ни Великого дня, ни Рождества Христова не знаю. И среди вер я молю Бога, чтобы он хранил меня: «Боже Господи, Боже истинный, Боже, ты Бог милосердный, Бог Творец, ты Господь еси. Бог един, то царь славы, Творец неба и земли».

Возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я мусульманским постом. Месяц март прошел, и я заговел в неделю с мусульманами, говел месяц, мяса не ел и ничего скоромного, никакой еды мусульманской, а ел 2 раза в день хлеб да воду. А молился я Христу-вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: Бог Творец наш, Бог милосердный, Боже, ты Бог всевышний.

Ормуз — пристань великая. Со всего света люди в нем бывают, всякий товар в нем есть. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, десятую часть со всего берут. А Камбай — пристань всему Индийскому морю, а то-

вар в нем все делают алачи[46], да пестряди[47], да бумажную набойную ткань, да делают краску индиго; в нем же родится лакх, сердолик и гвоздика. Дабул[48] — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Туркестана, Ормуза; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.

А Каликут[49] пристань для всего Индийского моря. Но пройти его не дай Бог никакому судну из-за пиратов. Если кто из пиратов его заметит, то поздорову не пройдет морем. А родится в нем перец, имбирь, краска, мускатный орех цинамон, корица, гвоздика, да пряного коренья в нем родится много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хорошие, черные.

А Цейлон же есть пристань Индийского моря немалая, а в нем лежит отец Адам на горе высокой. Да около него родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, белые агаты, смола, хрусталь, наждак. И слоны родятся, а продают их на локоть[50], да страусов продают на вес...

В Цейлоне родятся обезьяны, рубины, кристаллы, хрусталь, гвоздика, орехи пальм и краска. В Гуджарате родится индиго и лак, а в Камбае родится сердолик. В Райчуре же родится алмаз, старой и новой копи; продают почку[51] алмаза по 5 рублей, а доброго — по 10 рублей; почка нового алмаза только 5 кеней, черного — от 4 до 6 кеней, а белый алмаз — 1 деньга. Алмаз родится в горе каменной; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов за локоть, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Меликхана, от Бидара 30 ковов.

Евреи с удовольствием называют Шабат своим, еврейским, — и то лгут. Шабаитяне не евреи, не мусульмане, не христиане — иная у них вера индийская. Ни с иудеями, ни с мусульманами они не пьют и не едят и мяса никакого не едят. В Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки и обезьяны и по дорогам нападают на людей, поэтому ночью они по дорогам не могут ездить из-за обезьян и диких кошек...

В месяце мае встретил первый день Пасхи в Бидаре, в мусульманском Индостане. Мусульмане же байрам встретили в середине месяца мая, а заговел я месяца апреля в 1-й день.

О благоверные русские христиане! Кто по многим землям много плавает, тот во многие беды впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошли 4 великих поста и 4 Пасхи, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет, когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. Я же от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне пойти было не с чем, никакого товару у меня не осталось. Первую Пасху встретил я в Каине, другую в Чепакуре в Мазандаранской земле, третью — в Ормузе, а четвертую — в Бидаре, в Индии, вместе с мусульманами. И тут я много плакал по вере христианской.

Мусульманин же Мелик много понуждал меня обратиться в веру мусульманскую. Я же ему говорил: «Господин! Ты совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Он же мне сказал: «Истинно ты представляешься не мусульманином, но и христианства ты не знаешь». Я же впал во многие размышления и подумал: «Горе мне, окаянному, что от пути истинного заблудился, а другого пути не знаю, куда пойти. Господи Боже, вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи! Призри и помилуй меня, создание свое. Не отврати меня, Господи, от пути истинного и наставь меня, Господи, на путь твой правый, ибо ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, Господи Боже мой, и дни свои прожил все во зле. Господь мой, Бог покровитель, Бог всевышний, Бог милосердный, Бог милостивый. Хвала Богу! Уже прошли 4 Пасхи в мусульманской земле, а христианства я не оставил; а далее Бог знает, что будет. Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, Господи, Боже мой!»

В Индии мусульманской, в Великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Пасху Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стоит на восток. На байрам мусульманский выехал султан на прогулку, и с ним 20 везиров великих да 300 слонов, наряженных в доспехи булатные, с башнями, а башни окованы. В башнях же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищалями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 знамени больших, к клыкам привя-

заны большие мечи, по кентарю[52], да к хоботам привязаны тяжелые железные гири; между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него крюк большой железный, которым он правит. Да коней выехало простых тысяча в сбруе золотой, да верблюдов 100 с литаврами, да трубников 300, да плясунов 300, да дев из гарема 300. На султане кафтан весь унизан яхонтами, да на шапке большой алмаз, да сайдак[53] золотой с яхонтами, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золотое. А перед ним бежит индус и играет зонтом[54], а за ним много пеших. За ним же слон свирепый идет, наряжен весь в камку, отбивает людей, у него цепь большая железная во рту, и он отбивает ею людей и коней, чтобы к султану не подступали близко. А брат султанов сидит на носилках золотых, и над ним балдахин бархатный, маковка золотая с яхонтами. И несут его 20 человек. А султан сидит на носилках золотых, а балдахин над ним шелковый, с маковкой золотой. И везут его на 4 конях в сбруе золотой. Да около него людей великое множество, а перед ним идут певцы и плясунов много. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими. Кони же все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на бедрах, стыд завешен.

В Бидаре луна стоит 3 дня полная. В Бидаре же сладких овощей нет. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Египте, да в Арабстане, да в Ларе. В Хорасанской земле знойно, но не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе же да в Йезде, в Кашане знойно, но ветер бывает, а в Гуляни[55] душно очень и парит сильно, да в Шамахе пар сильный. В Вавилоне (Багдаде) знойно, а в Алеппо[56] же не так знойно. А в Севастей губе[57] и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле обильно и дешево; да Подольская земля обильна всем.

Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость. О Боже, Боже, Боже, Боже!

Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня, Господи! Пути не знаю. И куда пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а

из Ормуза на Хорасан — пути нет, ни на Чагатай пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни на Арабстан пути нет. Везде мятежно. Князей везде прогнали. Мирзу Джехан-шаха убил Узун-Хасан-бек[58], султана Абу-Саида отравили[59], Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед к нему не едет — остерегается. А иного пути нет никуда. А на Мекку[60] пойти — значит обратиться в мусульманскую веру; поэтому христиане и не ходят в Мекку, из-за своей веры. Жить же в Индостане — значит проесть все, что имеешь, так как у них все дорого; один я человек, и то 2 с половиною алтына на еду идет в день. А вина и сыты я не пивал...

В пятый же день Пасхи надумал я идти на Русь. Вышел из города Бидара за месяц до улу-байрама мусульманского, по вере пророка Мухаммеда. А пасхального дня христианского, Христова воскресения, не знаю, а говел с мусульманами в их пост и разговелся с ними. Пасху же встретил в Кульбарге, в 20 ковах от Бидары.

Султан пришел к Меликтучару[61] с ратью своею на 15-й день после улу-байрама, к Кульбаргу. И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей много погибло, и казны много истратили. А индийский же правитель очень силен[62], и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре[63]. И город у него весьма велик, около него 3 рва да сквозь него река течет; по одну сторону города джунгли непроходимые, а по другую же сторону пошла долина, чудная местами и весьма пригодная на все. Но на эту сторону прийти неоткуда; дорога идет сквозь город, а города взять неоткуда, так как подступила гора великая и дебрь злая, заросли колючие. Под городом стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы: на воду смотрят, да взять нельзя. Город же индийский взял ходжа Меликтучар, а взял его силою, день и ночь бился с городом 20 дней, рать ни пила, ни ела, под городом стояла с пушками. А рати его погибло 5 тысяч добрых людей. Когда город взяли, то вырезали 20 тысяч поголовия мужского и женского да 20 тысяч в плен взяли взрослых и малых. А продавали пленных по 10 тенек за голову, а ребят по 2 теньки. Казны же не было ничего, и большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура; а в Кулуре родится сер-

долик, и здесь его обрабатывают и затем на весь свет оттуда его развозят. В Кулуре же проживает алмазников 300, украшают оружие. И здесь пробыл я пять месяцев и отсюда пошел в Каилконду, тут базар весьма большой. Оттуда пошел к Гульбарге, а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина пошел к Камендрии, а от Камеядрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури, а от Сури пошел к Дабулу — пристани Индийского моря.

Дабул же город весьма большой, и к нему съезжается все поморье Индийское и Ефиопское. Тут я, Афанасий окаянный, рабище Бога вышнего, Творца неба и земли, поразмыслил о вере христианской, о крещении Христове, о постах, святыми отцами устроенных, и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И вошел на корабль, и договорился о плате корабельной, и дал со своей головы 2 золотых до города Ормуза дойти.

Вошел же на корабль в городе Дабуле до Пасхи за 3 месяца, мусульманского заговенья. Плыл же в таве по морю месяц и не видел ничего, на другой же месяц увидел горы Ефиопские. И тут люди все закричали: «Олло конькар бизим баши мудна наснп болмышьти», а по-русски молвить: «Боже государь, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

В той земле Ефиопской был 5 дней... А оттуда плыл 12 дней до Маската, в Маскате же шестую Пасху встретил. И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу, 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. Из Шираза пошел в Аберкух, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани. И пошел к Кашану, а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму, а из Кумы пошел в Саву. А из Савы пошел в Султанию[64]. А из Султании пошел до Тавриза, пошел в орду к Хасан-беку[65], в орде же пробыл 10 дней, а далее пути нет никуда. На турецкого султана послал Хасан-бек рати двора своего 40 тысяч, и они Сивас взяли и Токат взяли да сожгли, Амасию взяли и много пограбили сел. И пошли, воюя, на Караман. А я из орды пошел к Арзинджану, а из Арзинджана пошел в Трапезунд[66].

В Трапезунд же пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и пробыл же в Трапезунде 5 дней. На корабль пришел и сговорился о плате — дать золотой со своей головы до Кафы[67], а золотой взяли за харчи, а отдать его в Кафе. В Трапезунде же субыши[68] и паша много зла учинили: хлам мой весь к себе унесли в город, на гору, да и обыскали[69] все; что мелочь добренькая — они ограбили все, а искали грамот, потому что пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью пришел я до третьего моря Черного, а по-персидски дория Стамбульское. Плыл же морем по ветру 10 дней и доплыл до Вонады, но тут нас встретил сильный ветер северный и возвратил нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны выходили на море, но ветер нас встречал злой и не давал нам по морю идти. Боже истинный, Боже покровитель! Кроме него, иного Бога не знаю. И морем же доплыл до Балаклавы[70], а оттуда к Гурзуфу[71], и тут стояли 5 дней.

Божиею милостью пришел в Кафу за 9 дней до Филиппова поста[72]. Прошел я милостию Божией три моря...

ПРИМЕЧАНИЯ

Афанасий Никитин, тверской купец, совершил путешествие в Персию и Индию в 1466—1472 годах. Возвращаясь на родину, он скончался под Смоленском, но его записки купцы доставили в Москву, их бережно сохранили и включили в Московскую летопись.

Перевод отрывков текста приводится по изданию: Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 362—383.

Перевод и примечания Н.И.Прокофьева.

1. *Василий Папин* — посол Ивана III ко двору ширван-шаха Фаррух Ясара в Шемахе. Василий Папин был убит под Казанью между 1466—1470 гг.

2. *Князь Юрий* — князь Георгий Васильевич (1441—1473), младший сын великого князя Василия Васильевича Темного, в 1463—1471 гг. принимал участие в походе на Казань и затем на Новгород.

3. *Василий Мамырев* — дьяк посольского приказа при Иване III, один из образованных людей XV в.; родился в 1430 г., скончался в 1490 г., с почестями похоронен в Троице-Сергеевом монастыре.

4. *Спас Златоверхий* — кафедральный собор в Твери. Михаил Борисович княжил в Твери с 1461 по 1485 г.; в 1485 г. Тверское княжество вошло в состав Московского государства. Борис Захарович — посадник в Твери, во время княжения Михаила Борисовича. Геннадий — тверской епископ.

5. *Монастырь Калязин* — Троицкий Калязинский монастырь был основан Макарием в 1459 году на берегу Волги, поэтому нередко назывался Макарьевским. В этом монастыре находилась церковь в память Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича, убитых в 1015 году после смерти отца братом Святополком.

6. *Князь Александр* — наместник великого московского князя в Костроме; кроме проезжей грамоты от тверского князя, нужно было иметь разрешение («иную грамоту») на поездку и от костромского наместника московского князя.

7. *Михаил Киселев* — наместник московского князя в Нижнем Новгороде.

8. *Асанбег* — Хасан-бек, посол Фарруха Ясара, владетеля Ширванского царства, находившегося на территории современного Азербайджана, в Прикаспийском Закавказье с городами Шемаха, Нуха, Куба, Дербент.

9. *Сарай* — одна из столиц Золотой Орды. Здесь, видимо, имеется в виду Сарай, основанный в XIII в. ханом Беркаем, братом хана Батыя, в нижней излучине Волги, на Ахтубе, близ нынешнего города Ленинска. Сарай-Берке был большим торгово-ремесленным городом, где находилась зимняя резиденция хана. В городе проживали купцы и ремесленники разных народов. Здесь было много и русских, угнанных в рабство. В 1395 г. Сарай-Берке был захвачен войсками Тимура. Окончательно город был разрушен в 1480 г. соединенными войсками Ивана III и крымского хана Менгли-Гирея.

10. *Однорядка* — мужская верхняя длинная и широкая одежда, без воротника, с длинными рукавами, изготавливалась из шерсти, надевалась на зипун или кафтан. Эта одежда была отменена в конце XVII в. царем Федором Алексеевичем, запретившим появляться в однорядке при дворце и в пределах Кремля.

11. *Ез* — перекрытие реки вбитыми в дно бревнами или брусьями, на которые прикрепляются сети для рыбной ловли.

12. *Тарки* — крепость на дагестанском побережье Каспийского моря, входит в черту современного города Махачкала. Кайтаки — народность княжества Кайтак, или Кайтаг, находившегося на территории современного Дагестана.

13. *Шемаха* — город в Ширване, ныне районный центр в Азербайджане. *Бака* — Баку, ныне столица Азербайджана.

14. *Чебокар* — Чапакур, портовый город на южном берегу Каспийского моря, в иранской области Мизандран.

15. *Сари, Амили (Амуль), Димовант (Димовенд)* — города северного Ирана.

16. *...к Рею. Тут убили шаха Хусейна, Алеевых детей и внучат Мухаммедовых...»* — Дрей (Рей) — один из великих городов средневекового Ирана, развалины его сохранились и находятся вблизи нынешнего Тегерана. В связи с этим городом Афанасий Никитин упоминает сюжет персидской мистерии, на представлении которой он, видимо, присутствовал.

17. *Кашан, Найин, Йезд (Диес), Тарум* — города центральной и южной Персии (Ирана), по которой Афанасий Никитин проехал или прошел более тысячи семисот километров к северо-восточной части Персидского залива.

18. *Батман* — единица веса восточных народов, употреблявшаяся и на Руси. В Бухаре батман равнялся более чем 120 кг.

19. *Ормуз* — город и небольшой остров в Персидском заливе, важнейший средневековый центр мировой торговли Востока и Запада. Ормуз, несмотря на тяжелые климатические условия (страшная жара, отсутствие питьевой воды, бесплодность почвы), утопал в роскоши и неге.

20. *Радуница* — день поминовения усопших во вторник на второй неделе после Пасхи.

21. *Тава* — парусный и весельный корабль; плавать в таких судах было опасно. Не случайно Афанасий Никитин говорит о конях, погруженных в таву. Если на корабле, прибывшем в Индию, было 20 коней, то все остальные товары освобождались от пошлины. В случае гибели коня в таможню предоставлялся хвост погибшего животного.

22. *Маскат* — город на берегу Аравийского полуострова, крупный порт Аравии, откуда Афанасий Никитин прибыл в Индию.

23. *Пали* — город в 40 милях к юго-востоку от Бомбея. *Умри* — неясно, какой город этим именем называет Афанасий Никитин.

Чюнер — Джунир, т.е. «Старый город», развалины которого сохранились к юго-востоку от современного Джуннара; в XV в. Джуннар входил в одну из восьми областей Бахманидского царства.

24. *Тьма* — десять тысяч.

25. *Хорасанская земля* — северо-восточная область Ирана. В XV в. эта область входила во владения Тимуридов, населена персами и таджиками, а также кочевыми тюркскими племенами.

26. *Чагатайская земля.* — Так обычно называлась в XII—XV вв. Средняя Азия. Собственно же Чагатайское государство, названное так по имени сына Чингисхана Чагатая, состояло из территории нынешнего Узбекистана, Таджикистана, юго-восточной части Казахстана и восточного Туркестана. В XV в. во главе государства стояла династия Тимуридов, а не Чагатаидов.

27. *Татна* — кора или растение, из которого приготовляли опьяняющий напиток.

28. *Хан у меня взял жеребца* — в мусульманских странах верхом на лошадях разрешалось ездить только мусульманам, а немусульмане могли ездить лишь на ослах, мулах и верблюдах. Это мусульманское право послужило, видимо, предлогом, чтобы отобрать у Афанасия Никитина коня.

29. *Бидар* — столица Бахманийского царства, куда Афанасий Никитин выехал 15 августа по старому календарю. Из Бидара он выезжал в другие города Индии (Аленд, Кульбарга, Кулур, Парвата) и возвращался обратно в Бидар.

30. *Княжат все хорасанцы* — имеются в виду выходцы из мусульманских неиндийских княжеств: тюрки, афганцы, персы, которые занимали чиновные посты в правящей династии бахманидов в Декане.

31. *Ков* — мера длины, разная в различных частях Индии, у Афанасия Никитина ков — 10 верст.

32. *На память шейха Алаеддина, а на русский праздник Покрова...* — 1 октября по старому календарю. Алаеддин — родоначальник династии бахманидов (1347—1418), в его честь был установлен в царстве праздник.

33. *Птица гукук* — имеется в виду особая разновидность отряда сов.

34. *Князь обезьянский* — запись об обезьянском князе основывается, видимо, на знакомстве Афанасия Никитина со знаменитой древнеиндийской поэмой «Рамаяна», один из героев кото-

рой, бог Хануман, выступил в облике обезьяны. В Индии обезьяны с древнейших времен, наряду с другими животными, считались священными, им посвящались храмы, куда приносились различные лакомства для обезьян.

35. *Салтан невелик — 20 лет.* — Во время пребывания в Бидаре Афанасия Никитина султаном был Мухаммед-шах III из династии бахманидов. На престол он вступил в 1463 г. девяти лет, следовательно, в 1471 г. ему было не более 16 лет.

36. *Хорасанец Меликтучар* — первый сановник и фактический правитель Бидара, при юном султане Мухаммед-шахе III, полное имя его было Махмуд Гаван Малик-аттуджар. Индо-персидский историк XVI в. Фериттэ, идеализируя Махмуд Гавана, передает исторические предания о том, как этот иранец (хорасанец) знатного рода вошел в доверие к султану и сделался первым сановником в царстве.

37. *Ходжа Юсуф из Хорасани* — Афанасий Никитин по каким-то соображениям назывался ходжей Юсуфом из Хорасана.

38. *А вер в Индии всех 80 и 4 веры* — по подсчетам исследователей, в Индии насчитывается примерно 90 сект, касты же исчисляются сотнями.

39. *Фута, фуна, кень* — серебряные монеты.

40. *Как царь Юстиниан в Царьграде* — имеется в виду знаменитая статуя византийского императора Юстиниана (527—565), установленная перед Софийским собором в Константинополе.

41. *Индусы не едят никакого мяса* — по древним индуистским правилам браминам запрещалось употреблять в пищу свинину, некоторых рыб, вино, касаться левой рукой до пищи, надлежало еду принимать в одиночестве, тайно. Совместная трапеза допускалась только в пределах одной касты. Опьяняющие напитки позволялись на празднествах низших каст. Сведения, приводимые Афанасием Никитиным, находят подтверждение в древних индийских шастрах.

42. *Яловичина* — телятина.

43. *Сыта* — разварной мед; опьяняющий напиток.

44. *Кичири* — индийское блюдо из риса, пряностей и масла.

45. *Шетель* — медная монета.

46. *Алачи* — ткань из шелковых и бумажных сученых ниток.

47. *Пестряди* — разноцветная пестрая ткань.

48. *Дабул* — торговая пристань и крепость на Малобарском побережье Индии, находившаяся во власти бахманидов. В начале XVI в. город был разрушен португальцами. В феврале 1472 г. Афанасий Никитин с попутчиками выехал из Дабула и покинул Индию.

49. *Каликут* — Калькутта, порт в юго-восточной части Индии. Возможно, что Афанасий Никитин не был в Калькутте и писал об этом городе по рассказам других людей.

50. *Локоть* — мера длины, в московской системе — 38 см, в новгородской — 44—46 см.

51. *Почка* — старинный русский вес драгоценных камней (около 1 г).

52. *Кентарь* — мера веса, около 50 г.

53. *Сайдак* (сагадак) — вооружение конного воина, состоящее из седла, лука и колчана со стрелами.

54. *Да играет зонтом* — зонт считался символом власти султана. Во время выхода султана человек с зонтом идет впереди процессии. На древних восточных рисунках нередко изображается скачущий человек с зонтом при въезде султана.

55. *Гулян, Гилян* — северо-западная область Ирана, между Каспийским морем и горами, отличается влажным и жарким субтропическим климатом.

56. *Алеппо* — город в северной Сирии.

57. *Севастей губа* — Севасть, Севастия, город в восточной части Малой Азии на большой караванной дороге; *губа* — здесь: округ.

58. *Мырзу убил Узун-Хасан-бек* — Мирза Джеханшах, владевший в 1453—1467 гг. Азербайджаном, Арменией и западным Ираном, был разгромлен Узун-Хасаном и убит. Мирза Джеханшах, прозванный «черной пиявкой», был ставленником и союзником Тимура. Узсасанбег — Узун-Хасан (1453—1478) — правитель верхней Месопотамии, Армении и Курдистана, в 1467 г. разгромил Мирзу Джеханшаха и присоединил его владения к своим.

59. *Абу-Саида отравили* — речь идет о султане Абу-Саиде, из династии тимуридов, государе Средней Азии, Хорасана и восточного Ирана. В сражении с войсками Узун-Хасана Абу-Саид потерпел поражение, был захвачен в плен и выдан своему сопернику и родичу царевичу Мухаммед-Ядигиру, который и казнил Абу-Саида. Сообщение Афанасия Никитина об отравлении ошибочно.

60. *Мекка* — религиозный центр мусульман, доступ к которому был запрещен для людей иных вероисповеданий.

61. *Меликтучар* — см. прим. 36. В 1469 г. Махмут-Гаван в результате длительной осады овладел двумя индийскими крепостями Кельну и Гоа. Нападение преследовало грабительские цели, о чем и пишет Афанасий Никитин. В результате длительного и изнурительного для войск сражения было захвачено много драгоценностей и к Бахманидскому царству присоединены важные индийские крепости и территории.

62. *А индийский же правитель очень силен...* — Афанасий Никитин подробно рассказывает о втором походе бахманидского войска на индийское Виджаянагарское царство. После первого похода, победоносно закончившегося в июне 1471 г., когда были захвачены две крепости на Малабарском берегу (Гоа и Белгаон) и огромная добыча, второй поход, закончившийся перед отъездом Афанасия Никитина из Индии, был неудачным для Бахманидского царства. По подсчетам Афанасия Никитина, в бахманидской армии находилось около двух миллионов воинов, шестьсот пятьдесят боевых слонов, много конницы, специально обученные хищные звери. На войну были брошены все люди, способные носить оружие. Эта огромная армия пожирала все на своем пути. В трудном положении она оказалась во время длительной и неудачной осады города Виджаянагар: люди умирали от голода, болезней и от безводия, так как в ту пору была засуха и все окрестные водоемы и источники иссякли.

63. *Виджаянагар* — мусульманское название Биджанагар, город, крепость и столица Виджаянагарского царства. Ко времени войны с бахманидами Виджаянагар поражал своим могуществом. Это была неприступная крепость, окруженная семью стенами. Виджаянагар являлся индусским оплотом против распространения мусульманского владычества в южной Индии. Город сдерживал натиск до 1565 г., когда он пал под ударами соединенных войск султанов Бидара, Биджапура, Голконды и Ахмеднагара. Виджаянагар ныне утратил былое могущество, но сохранившиеся развалины роскошных памятников среди тропической растительности подтверждают восторженные отзывы современников, давших описания города в пору его процветания. Видел роскошь Виджаянагара и Афанасий Никитин, но он поведал главным образом о трагической и страшной войне, в других источниках эти сведения отсутствуют.

64. *Султания* — город в Ираке Персидском.

65. *Хасан-бек* — правитель объединения туркменских племен Ак-Койюнлу, куда входили Верхняя Месопотамия, Курдистан и часть Армении. Афанасий Никитин был вынужден при возвращении на родину отклониться от известного ему и удобного пути в

силу сложившейся военно-политической обстановки и оказался в это время на территории, где развертывались боевые действия и складывалась весьма неустойчивая обстановка.

66. *Трапезунд* — город и порт на южном побережье Черного моря, сюда Афанасий Никитин прибыл 1 октября. Это был центр Трапезундской империи, населенной православными греками, грузинами и лазами. В 1461 г. Трапезундская империя была завоевана турецким султаном Мухаммедом II и вошла в состав оттоманской Турции. Во время пребывания в Трапезунде Афанасия Никитина город опустел, две трети его состоятельного населения были силой переселены в Константинополь (Стамбул), а молодые люди отданы в рабство.

67. *Кафа* — город и порт в Крыму, ныне Феодосия. В XV в. во время посещения Кафы Афанасием Никитиным город находился во власти генуэзцев, хотя население его состояло не только из итальянцев-генуэзцев, но и из греков, армян, татар, постоянно посещалась Кафа и русскими купцами. В 1475 г. Кафа была захвачена османской Турцией.

68. *Субыши* — начальник охраны города.

69. *Обыскали* — в Трапезунде Афанасия Никитина задержали на пограничной заставе, заподозрив в нем лазутчика или гонца, везущего секретные письма Узун-Хасана.

70. *Балаклава* — порт в Крыму, древнейшая греческая колония.

71. *Гурзуф* — поселок на Южном берегу Крыма.

72. *Филиппов пост* — начинался с 14 ноября по старому календарю, следовательно, Афанасий Никитин прибыл в Кафу 5 ноября.

СЛОВО О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ*

Был некий человек, молодой возрастом, по имени Меркурий, в городе Смоленске: благочестив в заповедях Господних, поучающийся им днем и ночью, процветающий преподобным житием, постом и молитвой, сияя, как звезда богоявленная среди всего мира. И был он кроток душою и чувствителен сердцем, часто приходил к кресту Господню молиться за мирян Петровского прихода[1]. Ибо тогда злочестивый царь Батый пленил Русскую землю, безвинную кровь проливая, будто воду обильную, и христиан замучивая[2]. И пришел тот царь с великой ратью на богоспасаемый город Смоленск[3], и стал от города за 30 поприщ[4], и многие святые церкви пожег и христиан убил, и твердо намеревался силой оружия захватить город тот.

Люди же пребывали в великой скорби, не покидая, находились в соборной церкви Пречистой Богородицы[5], милосердно взывая с плачем великим и со многими слезами ко всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери, и ко всем святым, дабы сохранили они город тот от всякого зла.

И вот случилось некое видение Божие горожанам. Вне города оно было, но невдалеке — за Днепром-рекою, в Печерском монастыре[6]. Преславно явилась Пречистая Богородица пономарю той церкви и сказала: «О, человек Божий! Скоро иди к тому кресту, где молится угодник Мой Меркурий, и скажи ему: «Зовет тебя Божья Матерь!» Он же пошел туда и нашел его у креста, молящегося Богу, и позвал его по имени: «Меркурий!» Тот же спросил: «Что тебе угодно, господин мой?!» Говорит ему: «Иди скорее, брате, зовет тебя Божья Матерь в Печерскую церковь».

После чего пришел богомудрый в святую церковь и увидел Пречистую Богородицу на золотом престоле сидящую, Христа у груди держащую и ангелами и воинами обстоящую. Он же упал пред ногами Ее, поклонился с великим трепетом и страхом.

Подняла его с земли Пресвятая Матерь Божья и говорит ему: «Чадо Меркурий, избранник Мой! Посылаю тебя — иди

---

*© Перевод, примечания. А.Н. Ужанков, 2000

скоро, сотвори отмщение за кровь христианскую: ступай, победи злочестивого царя Батыя и все воинство его! Потом придет к тебе человек, прекрасен лицом, отдай же ему в руки все оружие твое. И отсечет тебе голову, ты же ее возьми в руки свои и приди в город свой, и там примешь кончину и положено будет твое тело в Моей церкви».

Он же сильно о том затужил и заплакал, и сказал: «О Пречистая Госпожа, Мать Христа Бога нашего! Как я, окаянный и недостойный, непотребный раб Твой на такое Твое великое дело способен буду? Неужто не хватило Тебе небесных сил, Владычица, победить злочестивого царя?» И взяв благословение у Нее, и вооружившись весь, отступил, поклонившись Ей до земли, и вышел из церкви. И обнаружил тут стоящего у крыльца коня и, воссев на него, покинул город.

И достигнув войска злочестивого царя, с помощью Божьей и Пречистой Богородицы побивал врагов, собирая пленных христиан и отпуская их в город свой, прехрабро скакал он по полкам, словно орел по воздуху летая. Злочестивый же царь, уведав[7] таково поражение людей своих, великим страхом и ужасом одержим был и поскорее отбежал от города того Смоленска без удачи и с малой дружиной. И пришел в Угорскую землю, и был там убит злочестивый, Стефаном-царем[8].

Тогда же предстал пред Меркурием прекрасный воин. Меркурий же поклонился ему и отдал все оружие свое, и преклонил голову свою, и отсечена она была. И затем блаженный, взяв голову свою в одну руку, а в другую руку поводья коня своего, пришел, обезглавленный, в город свой.

Люди же, видев такое, поражались промыслу Божьему.

И когда дошел он до ворот Молочинских[9], то вышла по воду некая девица и, увидев святого без головы идущего, стала святого нехорошо бранить. Он же в тех воротах лег и честно предал душу свою Господу, конь же, бывший у него, невидим стал.

Архиепископ того города пришел с крестами и со множеством народа, желая взять честное тело святого. И не дался им святой. Тогда возник великий плач среди людей и рыдание, поскольку не захотел святой, чтобы его подняли. Также был и архиепископ в великом недоумении, молясь Богу об этом, и был голос ему, сказавший: «О, слуга Господень, о том

рабе Божьем не скорби: кто послал его на победу, тот и погребет его».

Святой же лежал так три дня не погребенный, а архиепископ все ночи без сна пребывал, молясь Богу, дабы явил ему Бог тайну эту. И поглядел с опаской в свое окошко, находящееся напротив соборной церкви, и увидел отчетливо, как в ярком сиянии, будто в солнечной заре, вышла из церкви Пречистая Богородица с архистратигами[10] Господними Михаилом и Гавриилом. И дойдя до места того, где лежало тело святого, взяла Пречистая Богородица в полу Свою, честное тело святого и, принеся в Свою соборную церковь, положила на уготованное ему место в гробнице, где оно пребывает и доныне, будучи всеми обозреваемо, совершая чудеса во славу Христа, Бога нашего, благоухая, как кипарис.

Архиепископ же, к заутренней[11] войдя в церковь, увидел чудо преславное: святого, лежащего на своем месте, почивающего. Так же и собравшиеся люди видели чудо то и прославили Бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Слово о Меркурии Смоленском» написано во второй половине XV века в период переосмысления эпохи монголо-татарского владычества и новой оценки духовного подвига защитников отечества. В основу его положено устное предание XIII в. об избавлении города Смоленска от Батыева нашествия в 1237—1240 гг. На самом деле, т.е. исторически, войска Батыя не осаждали Смоленск. И это обстоятельство было воспринято его жителями как проявление заступничества Покровительницы русской земли — Пресвятой Богородицы. Ее чудотворные иконы — Смоленская, Владимирская и Казанская — уберегли Москву от разорения в 1398 и 1521 гг. В случае со Смоленском ее избранник — праведный горожанин Меркурий — ценой жертвы собственной жизни во имя спасения жителей Смоленска побеждает вражеское войско. За свой духовный и ратный подвиг Меркурий Смоленский удостаивается святости и народного почитания.

Текст переведен по изданию: Белецкий Л.Т. Литератур-

ная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. ПГр., 1922. С. 55—57.

Перевод и примечания А.Н. Ужанкова.

1. *Молиться за мирян Петровского прихода.* — В рукописи: *«молиться за миръ, зовомый Петровского ста».* — Надо полагать, «Петровского ста» — это «Петровской сотни». Смоленск, подобно древнему Новгороду, делился на «концы» и «сотни» — по корпорациям жителей. «Петровское сто» находилось на правом берегу Днепра. Как правило, каждый «конец», улица или «сотня» строили свою церковь, организуя собственный приход. Поэтому «Петровское сто» и переведено как Петровский приход.

2. *...христиан замучивая...* — Речь идет о походе Батыя в 1237—1240 гг. на Древнюю Русь, когда были разорены многие древнерусские города: Рязань, Владимир, Суздаль, Киев, Чернигов и др.

3. *...богоспасаемый город Смоленск...* — Войска Батыя не осаждали Смоленск, равно как и Новгород, находящиеся в труднодоступном месте. Этот факт и стал предлогом позднейшего религиозно-философского осмысления.

4. *Поприще* — древнеруская мера длины, равная приблизительно 1480 м.

5. *Соборная церковь Пречистой Богородицы* — имеется в виду Успенский собор, заложенный еще в 1101 г. Владимиром Мономахом.

6. *Печерский монастырь* — монастырь на Днепре, невдалеке от города Смоленска.

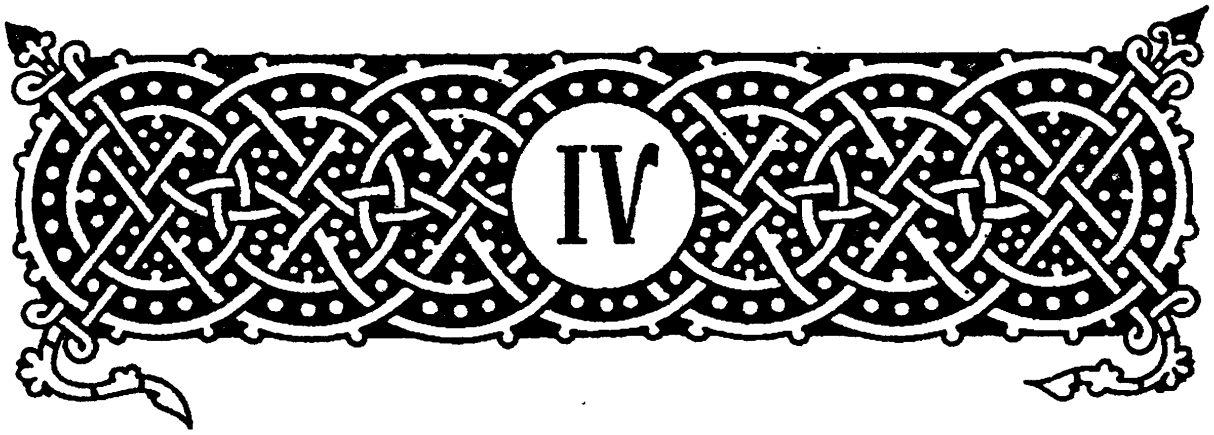
7. *Уведав* — узнав.

8. *...и был там убит злочестивый Стефаном-царем.* — После разорения в декабре 1240 г. Киева Батый пошел в Западную Европу. В 1241 г. он вторгся в Венгрию и нанес поражение на р. Сайо объединенной венгерско-польской армии. Два года он опустошал эти земли, а затем вернулся на Русь и основал на р. Волге свое государство — Золотую Орду со столицей в Сарае. Убийство Батыя венгерским королем Стефаном — легендарный вымысел.

9. *...ворот Молочинских...* — По-видимому, имеются в виду Молоховские ворота, через которые шла дорога из Смоленска на Молоховскую волость и далее на Мечислав.

10. *Архистратиги* — предводители воинства небесного, архангелы Михаил и Гавриил.

11. *Заутреня* — утренняя служба.



ЖИТИЕ ИСИДОРА ТВЕРДИСЛОВА, РОСТОВСКОГО ЮРОДИВОГО*

Месяца мая, 14.

Житие и подвижничество и некоторые чудеса блаженного Исидора Христа ради юродивого, называемого Твердисловом, ростовского чудотворца.

Стих: Твердислов правильно так назван, потому что он утвердил свой ум, который вместе с его же словом был обращен к Богу. Исидор прошел играя через суетную жизнь и достиг Небесного Царства.

О святой муж! ты воплотил богоугодное, равное ангельскому житие, подобно блаженным и приснопамятным, просиявшим в посте и духовном подвиге, и великую победу над врагами показавшим, и красоту и суетность мира сего отвергшим ради будущей жизни, — что с Богом и ангелами святыми его, — которая от сложения мира уготована ради их памяти любящим его.

Хорошо слышать и насыщаться этим, потому что в том немалая пища и польза слушателям и сказателям.

Сведущим известно, более же тем, которые трудятся над житиями тех святых, что если не написать для памяти житие, то из памяти все уйдет. Ныне же из нас, последних, кто сможет прославить их житие? Или описать по достоинству? Ведь их житию ангелы удивились и прославили их. Их имена написаны на небесах, потому что силою Духа Святого они крест на плечо взяли и шли вослед Христу. Им же двери райс-

---

*© Перевод, примечания. О.В. Гладкова, 2000

кие открыты были. И они вошли в радость Господа своего[1], и сподобились Царства Небесного. Ибо пишет Василий Великий в поучении, говоря: «Будьте ревнителями правоживущим и имена их и дела напишите на сердце своем».

Пока я не достиг этой меры и не дошел до такой степени, чтобы невидимо писать на неведомых скрижалях сердца, но дерзнул описать сие на обычном пергамене, помянув малую часть от великих чудотворений блаженного и праведного Исидора, светильника всесветлого, который с детства еще, в неверии, вел добродетельную жизнь. А тем более в вере, странствуя по городам Христа ради. И много стерпел — и когда на земле и на море чудотворение совершал, и до самого преставления.

На месте, где и доныне святое и многострадальное тело его пребывает, более всего после преставления его возносится похвала чудесам. И неоскудеваемо текущим от святого гроба его, обращающему благие мысли к Христу Богу нашему, дай и доныне надежду и любовь. И когда мы приходим к блаженному молебнику с верою, подобает нам, собрав, писать, потому что слышали, а более того, сами видели своими глазами чудотворения Божии, совершаемые молитвами преподобного у целебноносного гроба его. С тем же молим Бога, возлюбленные, прося, чтобы открывающиеся наши уста изрекали благопотребное слово, дабы похвалить блаженного, как в древности сказал пророк Исайя: «Господь даст мне дар сокровенного языка, чтобы я знал, когда подобает прибегать к слову»[2]. Так и Давид сказал: «Господь даст слово, благовествующему многую силу»[3], потому что «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный»[4], сходя свыше от Отца светом и Сыном Его единородным, и Святым Духом, а в Отце вся Святая Троица, и без Него ничего бы не было, что есть, ибо Он сказал: «Без Меня не можете ничего сделать, просите и дано будет вам»[5]. С тем же ныне и просим и молимся: «Господи, отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою[6], да очисти сердца наши от грехов и страстей»[7]. И по силе нашей постараемся похвалить доброго праведника, страстотерпца по Божьему произволению, блаженного Исидора чудотворца, чьи молитвы помогают уповающим на Бога.

Да приступим к началу.

* * *

Сей блаженный, как рассказывают, был из западных стран, от латинского языка, из немецкой земли. Он родился и воспитывался у богатых и известных родителей, говорят, был из местерского[8] рода. И возненавидел он богомерзкую отеческую латинскую веру, возлюбил же истинную нашу христианскую православную веру и помышлял в сердце своем Господнее слово, говорящее: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее[9]. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»[10].

Эти слова положил блаженный на свое сердце. И тайно ото всех ушел из своего дома и, пройдя немного, сбросил одежды, а вместе с ними и влекущую долу земную премудрость. И принял жизнь в юродстве и глупости Христа ради, которые понимаются людьми по апостолу, говорящему: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее»[11].

И так ушел он от своей земли и от своего отечества и пошел к восточным странам, чтобы обрести потерянное отечество.

И переходя из города в город, с одного места на другое, блаженный терпел многую досаду и принимал укорение и побои от людей неразумных, считающих его безумным юродом. И выказывал он большое терпение, перенося студеную зиму или жаркое солнце. Днем он ходил как юрод, а ночью непрестанно воссылал молитву к Богу и, плача, говорил про себя: «О Исидоре, многими скорбями надлежит войти в Царство Небесное, ибо Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»[12]. И такими словами блаженный утешался и так и переходил из города в город. Дошел блаженный до славного и многолюдного города Ростова, где и решил жить. Все же считали его юродом, погубившим свой ум, и всячески досаждали ему: и корили, и наносили раны. Блаженный же (будто бы в чужом теле!) терпел все с благодарностью, взирая на стоящий перед его внутренним

взором подвиг Того, Кто начальствует в вере, свершителя Иисуса. И никаким злом не отвечал он досаждающим ему, только в уме своем говорил Богу: «Господи, не поставь им это во грех»[13]. А добродетельного его жития никто не знал.

Блаженный устроил себе шалаш из хвороста, даже не прикрытый сверху, на сухом месте в городе, посреди какого-то болотца, где и ныне лежит его святое тело. А когда он творил молитву, становился для людей невидим. Так и проходил святой через суетную жизнь и славу мира сего, ни во что не ставил. Днем его оскорбляли и унижали многие озлобленные люди, а как только наступала ночь, святой приходил в свою хворостяную хижину и всю ночь, без сна, в молитвах и слезах пребывал коленопреклоненным. А как только приходило утро, святой опять выходил из хижины и весь день предавался юродству. Когда же от больших трудов ему требовался телесный покой, тогда на улицах города, в мусоре и навозе или в своем шалаше повергал он тело свое на землю и немного спал, ничего не имея у себя в хижине, кроме одного своего тела, которое окружал хворост, столь же неприкрытый.

И когда был мороз, или снег, или дождь, у святого и тело, и хижина были непокрыты. И так пребывал он все дни своей жизни. И насколько возлюбил блаженный Бога, настолько Бог его в сем мире прославил. В другом же Царствии, непреходящем и бесконечном, сторицей ему воздал.

Святой принял от Бога дар прозорливости, благодаря которому он смог творить чудеса.

Мне известно так много изрядных чудес святого, что здесь трудно все описать, но я хочу вспомнить хотя бы понемногу о некоторых из них.

Чудо святого о купце, которого он спас из морской глубины

Случилось некоему купцу из того города, где у святого было жилище, плыть морем по торговым делам. И когда они плыли на корабле, корабль внезапно остановился и волны принялись разбивать его. Когда все уже ожидали смерти, замыслили корабельщики метать жребий, чтобы узнать, из-за кого остановился корабль. Жребий пал на того купца, его посадили на доску и спустили в море. Корабль сейчас же сошел с

места, и никто не пострадал. Перед тем же человеком, который стал тонуть, и его в море носили волны, и он отчаялся остаться в живых, и уже не надеялся ни на чью помощь, внезапно предстал блаженный Исидор, идя по морю как по суху. Взял он купца за руку и сказал: «Знаешь ли меня, человече?» Купец едва только смог сказать: «О, раб Божий Исидоре, живущий в нашем городе, помоги мне окаянному и избави меня от горькой этой смерти, и не оставь меня в этом море, чтобы я утонул».

Святой вытащил его из морской глубины и посадил на доску, и быстро пустил его по морю вослед кораблю, и возвратил его на корабль целым и невредимым.

Святой повелел ему никому не рассказывать об этом до тех пор, пока он не уйдет из сей жизни. Когда же после всего пришел тот купец домой, радуясь и славя Бога, он никому ничего не рассказал, но говорил так: «Некая Божественная сила спасла меня из морской глубины». И когда встретил святого, творящего юродство на городских улицах, святой, укрепляя его, шел мимо, говоря ему: «Никому не рассказывай, что было на море». Человек же только про себя прославил Бога и угодника его Исидора и никому не смел рассказать о чуде, а по преставлении святого рассказал всем, как было на самом деле.

Чудо святого о князе, которому по приходе святого было дано изобилие пития

Не следует предавать забвению и второе чудо святого, из числа тех, которые я видел сам.

Однажды князь из этого города милостиво повелел епископу прибыть к нему со всеми своими домашними, и пригласил его на обед со всем клиросом.

После литургии прежде прихода епископа пришел в княжеский дом блаженный Исидор и стал просить что-то у княжеского прислужника. Все подумали, что он испытывает жажду. Но не пития желал блаженный, а хотел подать благословение дому благоверного князя. Слуга же не только не дал ему пить, но отогнал, укоряя дурными словами: «Уходи, безумный юрод, уходи! Уходи, лишенный чести человеческой жизни! Уходи и не докучай мне!» Святой ушел, радуясь и славя Бога и не помышляя ни о каком зле.

Бог же в полной мере проявил своего угодника перед князем, когда тот сидел с епископом за обедом, и пришло время питию. Тогда князь повелел виночерпиям подавать питие. Прислужники пошли и не нашли ничего ни в одном сосуде. Князю рассказали о приходе Исидора и о его просьбе. Пребывая в великой печали и недоумении, князь искал святого по всему городу, но его никто не мог найти. Уже обед подходил к концу, а пития не было. Князь опечалился, а еще более печали был одержим стыдом. В этот момент пришел блаженный Исидор, и в руке он держал просфору. Он отдал ее епископу и, как юродивый, сказал ему: «Прими, о епископ, сию просфору, которую я принял в сей час из руки святейшего митрополита в Киеве». И тотчас же с приходом Исидора прислужники увидели, что сосуды, как и раньше, наполнены питием, о чем они и возвестили князю. Князь с епископом возрадовались, и все прославили Бога, творящего такие чудеса через угодника Своего Исидора.

О преставлении святого

Через некоторое время открылось ему от Бога о преставлении его — от уз телесных разрешение и окончательное к Богу приближение. И, довольный, пребывал он в хижине своей в молитвах, в коленопреклонении и в посте. И слезы из его очей текли, как быстрая река.

И лег он так — принял руки крестообразно, говоря: «Господи Боже, Вседержитель Иисус Христос, в руки Твои предаю дух мой»[14]. И вместе с этими словами испустил дух, святая же и непорочная его душа святыми ангелами была вознесена на небеса, радуясь, востекая туда. А блаженное его тело осталось на земле, подавая и до сего дня исцеление верным христианам.

Когда же его святое тело лежало в хижине, тогда внезапно весь город обошло благоухание. И все, кто там были и ужасались благоуханию, не ведали, как и откуда оно явилось, ибо не знали о святом преставлении. И лишь когда кто-то проходил мимо, он увидел в хижине святого, уже отошедшего в мир иной и лежащего на земле. И от тела его исходило благоухание. Тогда этот человек пошел возвестить всем, что произошло. Некие богобоязненные люди, которые верили блаженному, спрятали трудолюбное и честное его тело и положили его

во гроб на том месте, где он преставился. Поставили там и церковь, взяв благословение у епископа, во имя преславного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа.

Чудо святого о пресвитере, дерзнувшем проверить святость его тела

Чудеса были не только при жизни сего дивного мужа, но и по отшествии его от мира сего. Многочисленнейшие чудеса совершаются от святого гроба его над приходящими с верою. С их слов немного скажем.

Прошло много лет. В церкви Святого Вознесения, где лежит святой Исидор, служил некий иерей. И замыслил тот иерей проверить святого Исидора — лежит ли он во гробе во плоти или нет. По замыслу иерея и дела его последовали. Както раз он уединился ото всех, взял с собой все приготовленное заранее, пришел к гробу святого и начал копать землю. Тут некая Божественная сила неожиданно отринула пресвитера от гроба святого. Пресвитер стал нем и безгласен и вместе с тем и расслаблен. И лишь через много часов едва пришел он в чувство, и взирал очами на гроб святого, говоря про себя: «О, блаженный Исидор! помилуй меня, раба своего, согрешившего перед тобой, дерзнувшего прикоснуться к святому твоему гробу!» В тот же час он получил от святого прозрение и, радуясь, пошел здоровым домой.

Много и других бесчисленных чудес бывает у святого его гроба. Многие верные христиане до сих пор берут от его гроба или от покрова на гробе частицу и приносят домой, с верой кладут на тяжелобольных, на страдающих глазной болезнью, или лихорадкой, или жаром. И все быстро исцеляются.

Чудо святого о сошедшем с ума

Добро есть человеколюбие Божее, и чудеса святых, угодивших ему, нужно помнить всегда.

Это было в последний год, и из многих избранных чудес святого это новейшее и преславное чудо из тех, которые видели наши глаза.

Некий человек из села, называемого Соли, под городом, от большого пьянства сошел с ума. И до того ничего уже не понимал, что принимался бить людей. С трудом несколько

человек усмирили его, связали и так привели к гробу блаженного Исидора. Он же кричал и говорил бессвязные речи, глаза у него были дики, и на всех, бывших с ним, он наводил страх. И едва смогли его заставить приблизиться к чудотворному гробу. А как начали петь канон святому, то понемногу он начал приходить в чувство и осмысленно отвечал спрашивающим его. Когда его отпустили, он припал к гробу святого и, целуя его образ, высказал много благодарных слов. И как ни в чем не бывало, вместе со своими близкими, радуясь, вернулся он домой.

И все, кто только тогда видели дивное это чудо, шли, веселясь, и так разошлись — каждый к себе домой, славя Бога и угодника его, творящего такие дивные чудеса.

Другое чудо святого — о страдавшем от болезни глаз и головы

Через некоторое время, одного человека, по имени Федор, из села под тем же городом, одолела болезнь глаз. Он долго страдал, от сильного недуга его глаза отекли так, что он ничего не мог видеть, и голову ему ломило так тяжко, что не мог он ни лечь спать, ни даже нормально ходить, а только переступал с места на место. Днем и ночью он беспрестанно кричал и стонал. Привели его к гробу святого уже поздним вечером, и он остался там. Рассвело. На утрене иерей начал петь канон святому. Тотчас понемногу начала уступать и болезнь, как он сам потом рассказывал. Когда же читали Святое Евангелие, прозрел тот человек. И в ответ на вопросы стоящих там: «Что видишь?» — говорил: «Вижу людей — как столпы, а огонь — как кровь». И как совершили пение канона святому, тотчас открылись его глаза, и увидел он так же все ясно, как и прежде. И припал он к образу Владыки Христа Бога нашего, говоря: «О Владыко, Господи, Творец Богу и земли! Как воздать Тебе ото всех, кому Ты даровал благо? Не по нашему недостоинству, но Твоего ради великого милосердия! Это же относится и к чудотворному гробу, и к образу святого». И так говорил он со слезами похвальные слова: «О скорый помощник, о теплый предстатель, богоблаженный Исидор! помогший мне, недостойному, в святых твоих молитвах к Христу Богу нашему. Какую же хвалу и благодарность тебе воздать? Не знаю, как назвать тебя, — источником ли веч-

нотекущих живых вод, что тем больше изливается и изобилует, чем больше мы черпаем из него? Никогда не оскудевает богатство неотдаваемое или сокровище неоскудеваемое». И долго молившись столь множественнейшими словами, радуясь, пошел он к себе домой, славя Бога и угодника его блаженного Исидора.

Исцеления от прикосновения к честному гробу или одеянию и от окропления святой водой бывают не только с находящимися здесь, но и с теми, кто далеко с верою призывают его святое имя. Как сказал Господь: «Прославляющего Меня прославлю»[15]. И еще сказал: «Если вы умолчите о благодеяниях Божиих, камни возопиют»[16]. Надеющимся же на милость Божию помогут молитвы праведного.

Постарались мы по силе нашей написать о части избранных чудес святого во славу и благодарение Христу Богу нашему и угоднику Его и молебнику о грехах наших блаженному Исидору чудотворцу.

Похвала святому

И как смогу описать, о блаженный, твою равную ангелам жизнь и твои преславные чудеса — я, многогрешный и гнусный, как душой, так и телом? Или как восприму бесценный бисер твоего святого имени в свои скверные уста? Но я еще надеюсь на твое беззлобие, о блаженный юрод, и ныне ничтожную малость добавлю в похвалу тебе.

Радуйся, светозарное солнце, взыскавший еще на западе и пришедший к востоку, и наследовавший потерянное когда-то отечество.

Радуйся, непобедимый Христов страстотерпец, но вечно побеждающий дьявола своим терпением!

Радуйся, подающий многие чудеса от своего гроба, как источник вечнотекущих живительных вод!

Радуйся, ибо ты кипишь мудростью как живое сокровище, и нет в тебе ни всякой нечистоты, ни плотского желания!

Радуйся, ибо в вышнее ум твой воскрылил, и сердце свое ты отдал всенощному стоянию!

Радуйся, ибо в тленном мире довелось тебе быть юродивым, блаженный, потому что прошел ты добрую жизнь по Христу!

Радуйся, ибо жизнь свою здешнюю прошел — днем смеялся над ней, в ночи же оплакивал ее!

Радуйся, изменивший земному ради небесного!

Радуйся, ибо ты как тот нищий Лазарь, который ныне почивает в лоне Авраамовом!

Радуйся, ибо многострадальному Иову ты уподобился терпением!

Радуйся, ибо когда в бедах и скорбях тебя призывают, то находят готового предстоятеля и заступника!

Радуйся, ибо чего ты желал, то и свершилось, окончив течение!

Ты сохранил веру и принял венец своей победы от Царя всех — Христа Бога, молись Ему за город свой, в котором ты хорошо жил и угодил Господу, и принял конец своей тленной жизни. Молись, о блаженный, поскольку тебе сейчас доступен Царь всех Христос Бог! Да избавимся мы от грехов, и бед, и напастей, от душевных же, с ними вкупе и телесных ран. Твоими молитвами и молитвами всех святых да сподобимся Царствия Небесного, славя Святую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа, и ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Подвиг юродства был одним из почитаемых на Руси, особенно в XVI в. Юродивый отказывался от благ мира сего, от обычного человеческого ума, но получал от Бога дар прозорливости. «Неразумные» люди юродивого поносили, а «разумные» слушали.

Исидор Твердислов — ростовский юродивый, подвизавшийся в XV в., умерший в 1474 или в 1484 г. Его почитание началось, по-видимому, с местной традиции, затем утвердилось как общерусское между 1552 и 1563 гг.

Облик этого святого несколько загадочен в своей отстраненности, немаловажную роль играет здесь его происхождение: по свидетельству Жития, Исидор пришел на Русь «из Западных стран». По всей вероятности, это первый случай «западного» происхождения русского святого, и в то же время его Житие, составленное неизвестным автором, одно из первых, а возможно, самое первое русское житие, описывающее достаточно полно подвиг юродства.

Житие построено по традиционной схеме: стих, объясняющий происхождение имени святого, вступление со сложными богословскими рассуждениями, которое встречается, кстати, и в других русских житиях, собственно житие, чудеса и похвала. В Житии Исидора нет особой интеллектуальной изысканности, оно обращено к читателю, ценящему прямое описание и конкретный рассказ.

Житие Исидора Твердислова переведено по рукописи: РГАДА, собр. Московского государственного архива Министерства иностранных дел (ф.181), № 692/1204. 1560 г. Лл.366—378.

Перевод и примечания О.В. Гладковой.

1. *И они вошли в радость Господа своего...* — ср.: Мф. 25:21.

2. *«Господь даст мне дар... чтобы я знал, когда подобает прибегать к слову».* — Ср.: Ис. 50:4.

3. *«Господь даст слово, благовествующему многую силу»...* — ср.: Пс. 67:12.

4. *«...всякое даяние доброе и всякий дар совершенный»...* — Иак. 1:17.

5. *«...просите и дано будет вам»...* — ср.: Мф. 7:7; и др.

6. *...уста мои возвестят хвалу Твою...* — Пс. 50:17.

7. *...очисти сердца наши от грехов и страстей...* — ср.: Пс. 20:9.

8. К сожалению, в Житии нет больше никаких пояснений относительно родителей Исидора. Слово «местер» могло обозначать как магистра духовнорыцарского ордена, так и должностное лицо в магистрате средневекового западноевропейского города.

9. *«Если кто хочет идти за Мною... потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее».* — Лк. 9:23—25.

10. *«...какой выкуп даст человек за душу свою?»* — Мк. 8:36—37.

11. *«...ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».* — 1 Кор. 1:27—28.

12. *«...употребляющие усилие восхищают его».* — Мф. 11:12.

13. *«Господи, не поставь им это во грех».* — Близко Чис. 12:11.

14. *«...в руки Твои предаю дух мой».* — Лк. 23:46.

15. *«Прославляющего Меня прославлю».* — 1 Цар. 2:30.

16. *«Если вы умолчите о благодеяниях Божиих, камни возопиют».* — Ср. Лк. 19:40.

ИЗ ЖИТИЯ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ*

ЧУДО ЗОСИМЫ О ИНОКЕ ДЬЯКОНЕ[1]

Жил в обители некий монах по имени Мартирий. Пребывал он еще в юности, молод был душой и телом. И стал бес влагать в его ум грешные помыслы покинуть монастырь и отречься от обетов своего пострижения. Он же внял этим помышлениям и ушел из обители с купцами, там пребывавшими, и так вновь оказался в миру. Некоторое время спустя случилось игумену быть в Москве у великого князя и митрополита. И пришел тот инок Мартирий в Москву, и стал ходить к братьям, прибывшим вместе с игуменом, и стал умолять их, чтобы били они челом игумену о грехе его, поскольку он без благословения из монастыря вышел. Братья же спешно возвестили о нем игумену. Игумен сразу повелел призвать инока того к себе и простил его, радуясь, что погибшая овца из ограды монастыря его была возвращена к нему. Вскоре тот инок, а был он тогда простым клириком[2], стал напоминать братьям, бывшим вместе с игуменом, что хотелось бы ему принять чин дьякона. Братия же возвестили игумену о его желании, а игумен повиновался воле братии. И пришел он к митрополиту вместе с братией, и стал он бить челом о Мартирии — клирике, чтобы удостоить его чина дьяконского. Митрополит благословил Мартирия и повелел посвятить его в дьяконы. Игумен, приняв от митрополита благословение, отправился вскоре в свой монастырь на Соловки. Дьякон же Мартирий остался тогда в местных монастырях, и пробыв там довольно долго, тоже вернулся на Соловки. И стал он жить в монастыре, превозносясь от гордыни своей. И принялся он вскоре поносить и укорять братию, говоря: «Тот брат плох, и этот неладен, во зле пребывает!» И потом стал злословить на игумена и хулу на него возносить, говоря: «И игумен наш во зле пребывает!» И после того, прожив еще в монастыре лет пять или шесть, стал проситься у игумена, чтобы пустил его в мир. Игумен же спросил его: «Что такое, брат, с тобой? Дав-

---

*© Перевод, примечания. С.В. Минеева, 2000

но ли ты из мира пришел? Или кто тебя оскорбил, чем? Может быть, келарь[3], или казначей? Скажи, брат, мне, и я утешу тебя и упокою духовно и телесно, только живи в монастыре!» И ответил дьякон: «Не хочу, ничего не хочу, только отпусти в мир!» И разозлившись на игумена, ушел. И ходил по монастырю, вознося хулу на игумена и на всю братию. Спустя несколько дней вновь пришел тот дьякон к игумену, говоря: «Отпусти меня в мир отсюда!» Игумен же ему вновь отвечал: «Зачем тебе, брат, в мир? Живи в монастыре! В Писании говорится: «Пока не выйдет овца из ограды, не съедена будет волком». Так и ты, брат, — если не выйдешь из обители, в добре пребывать будешь, если же уйдешь, жестоко пострадаешь!» Дьякон же, разъярившись, бесом понуждаемый, ответил: «Знай же, игумен: если даже ты меня не отпустишь, я все равно уйду отсюда!» И ушел от игумена в ярости и гневе великом. Вскоре игумен решил послать братию в Великий Новгород на службу. И благословил игумен посланников рукою своею, и повелел им собрать необходимое для дороги в ладью. Они же, исполнив все повеления игумена, отправились в путешествие по морю. И поднялся ветер противный, и пришлось им вернуться в монастырь и оставаться там дня два или три. Затем ветер стих, и была тишина великая в море. Утром, получив благословение от игумена, посланники отправились в море и в тот день плыли без отдыха до вечера, так что гребцы утомились от работы. Наконец приблизились они к острову, и обнаружив тихое и спокойное место, уже хотели было пристать к берегу. Вдруг поднялась страшная буря, сильный ветер, и отбросило их от берега. День же уже совсем клонился к вечеру, вскоре наступила ночь, страшная, мрачная и темная. И поднялся ветер, пошел снег с дождем, казалось, ладья в любой момент может перевернуться. Мы же говорили друг другу[4]: «Горе! Горе нам! Настал уже наш час смертный!» И так носило нашу ладью по огромным волнам в море всю ту долгую ночь осеннюю. Мы же не знали, куда нас несет. И стали мы молиться Богу и основателю нашей обители, призывая его к себе на помощь: «О отец наш Зосима! Моли за нас Владыку Христа Бога и святую Богородицу, за рабов своих, спаси нас от страшной гибели сей!» И так мы молились много часов подряд: «Господи, помилуй!» И тут явился перед нами Мартирий дьякон. Мы же, увидев его, ужаснулись, — его слу-

га обнаружил у нас в ладье, где он укрылся. Мы же стали бранить его, говоря: «Как же ты, брат, оказался здесь с нами?» Он же ничего не отвечал, только сказал: «Да, я теперь с вами здесь!» Мы же ему говорили: «Неправедное дело ты сотворил! Как дерзнул ты поехать без игуменского благословения? Ведь игумен тебя не благословил, ты же с игуменом много спорил, перечил ему со злобой великой. А нынче чего ты с нами? Сколько зла ты учинил! Хотел и нас погубить, и себя! Видишь, и море нас не носит за наш обман и неправду!» И пока говорили мы, внезапно обнаружили, что вновь оказались возле острова, где и был наш монастырь. И вышли на остров, и послали дьякона в монастырь, чтобы просил прощения у игумена. Он же пришел в монастырь, игумену не покорился, но вновь стал ходить по обители, величаясь гордынею своей. Игумен же побеседовал с ним, пытаясь словами вразумить его и видеть в нем смирение, но убедившись в его непокорности, повелел посадить его в темницу в затвор для наказания. Несколько дней дьякон находился там. Братья же, приходя к нему, говорили ему: «Бей челом братии, чтобы они челом били игумену о тебе!» Он же так и не хотел смириться. Игумен же повелел продержать его там несколько дней, надеясь на его смирение, но все было напрасно. Тогда игумен повелел его из монастыря изгнать. Нам же, братья, слéдует знать, сколько зла происходит из-за того, если кто покинет обитель без игуменского благословения, сколько душ могло погибнуть по вине одного человека, — если бы молитвы отца нашего Зосимы не избавили от той страшной беды, все бы погибли. И мы, помня об этом, воздадим хвалу Богу и отцу нашему Зосиме.

ПРОРОЧЕСТВО ОТЦА НАШЕГО ЗОСИМЫ, ОСНОВАТЕЛЯ МОНАСТЫРЯ НАШЕГО

Он сказал так ученику своему: «Ныне, чадо, отхожу от вас телом, а душою всегда с вами пребывать буду. И да будет известно вам: если обрету я дерзновение перед Богом, то расширит и укрепит он место сие, и будет здесь монастырь великий, если же нет, то оскудеет он и придет в запустение». И мы, братья, наблюдая, должны понимать: Бог прославил место это и монастырь, славный величием, всем богатством ис-

полнил молитв ради отца нашего Зосимы. И промолвил те последние слова, вздохнул преподобный и сказал мне: «Чадо, будет нелюбовь великая среди вас и будут бранить многие».

Затем, братья, пишу я это для вас сейчас, чтобы не забывали вы пророчества отца нашего Зосимы. Исполнилось же это пророчество его о нас через 32 года после преставления его. Пришел к нам некий человек боярского рода, и потом еще двое, и спустя год еще двое, и все приняли пострижение. И один из них спустя тридцать лет получил священнический чин. И стали те монахи, бывшие раньше боярами, жить в монастыре. И превозносились они, гордясь высокоумием своим. И привлекли они на свою сторону других братьев, лестью по своему обычаю. И стали они роптать на игумена, который их постриг, имя ему было Исайя, и перед другими братьями стали превозноситься гордынею своей. И подняли против игумена брань великую, хотели своего священника поставить на игуменство. И продолжалась эта брань из-за них не один год. Много скорби претерпел от них игумен Исайя. И не мог уже больше терпеть, и оставил игуменство. Вскоре поставили они на игуменство своего священника и затем отправились в Великий Новгород к владыке просить благословения[5]. Но владыка его не благословил на игуменство, а послал своего игумена в монастырь. Однако, вскоре и против него подняли брань великую, и также согнали его с места игуменского. Затем вновь поставили они своего игумена, того, которого не благословил владыка, поскольку были они его ближайшими сторонниками, другие же братья выступили против него. И снова среди братии началась брань и нелюбовь великая. Поставленный же игумен невзлюбил братьев, которые были против его поставления. А к владыке посылал он в течение двух лет трижды, все просил грамотой благословить его, но владыка ему той грамоты не дал. И стали говорить игумену братья, не хотевшие его поставления: «Много убытка ты монастырю творишь, посылаешь к владыке за благословением уже второй раз, а владыка тебе грамоты не дает и не благословляет тебя. И ты нам больше не игумен!» Игумен же стал бранить братьев с озлоблением. И братья у него отняли посох игуменский, силой и сами, собравшись, поехали в Москву к великому князю. Игумен же после их отъезда отправил своего старца с посланием на берег, велел тех братьев бить и грабить — хотел их унять, чтобы не ходили к Москве.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ И ОТЧАСТИ ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ЗОСИМЫ, ОСНОВАТЕЛЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ[6], И ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЯ ТОГО; ЗАЛОЖЕНА ЖЕ БЫЛА ЭТА СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ ЖИТИЕМ И ТРУДАМИ РАБА БОЖЬЕГО СТАРЦА САВВАТИЯ И СПОДВИЖНИКА ЕГО ГЕРМАНА, НЕКОГО БОГОЛЮБИВОГО ИНОКА. ЖИТИЕ НАПИСАНО СПИРИДОНОМ, МИТРОПОЛИТОМ КИЕВСКИМ[7]. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

Было то в дни правления благочестивого и великого князя Василия Васильевича[8] Владимирского и Московского, и великого князя Бориса Александровича Тверского[9], и великого князя Федора Олеговича Рязанского[10], в 6944 (1436) году, когда архиерейским престолом правил на Руси некий от греков митрополит Фотий[11], а в Новгороде архиепископом был Евфимий Брадатый[12]. В одном из монастырей Белозерских, именуемом Кириллов[13], пребывал упомянутый нами Савватий. Название же города или села, где жили его родители, нам неизвестно. Много времени прошло до тех пор, когда стали мы составлять его житие, поэтому не смогли мы также выяснить, сколько лет было Савватию тогда, когда он принял пострижение. Здесь мы собрали все, что удалось нам узнать о святом Савватий из бесед с благочестивыми монахами и иноками, приезжающими с Соловецкого острова, записали же на пользу духовную хотящим спасения душам своим, стремящимся следовать примеру добродетельной жизни святых по Божественным заповедям.

Преподобный Савватий пребывал в упомянутой обители с другими иноками в послушании ко игумену и всему Христову братству, выполняя порученные ему службы, изнуряя воздержанием и постом тело свое, борясь со страстями и бесовскими кознями, и своей благочестивой жизнью немало вреда нанес самому дьяволу. Любим же и прославляем он был всеми местными иноками и самим игуменом монастыря того, за великое его послушание, кротость и смирение все почитали его и называли примером добродетельной жизни для братии. И опечалился Савватий, говоря: «Славу от людей принимая, славы от единого Бога не ищете!». Много лет про-

жил уже блаженный Савватий в монастыре том, и стремился он к лучшей жизни, говоря вслед пророку: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает их благословением; приходят от силы в силу». И стал молить игумена и местную братию, чтобы отпустили его с благословением.

Слышал же он от неких пришельцев такие рассказы: есть озеро в окрестностях Новгорода, называемое Ладожское, на том озере — остров, именуемый Валаам, на острове же том — монастырь[14] в честь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, и там иноки ведут суровую жизнь, работают и живут собственными трудами, пения и молитвы беспрестанно к Богу возносят. И поверил тем рассказам раб Божий Савватий, и возникли у него угодные Богу помыслы отправиться туда.

С Божьей помощью пришел он в монастырь тот, именуемый монастырем святого Спаса, что на Валааме. И принят был Савватий игуменом и братией монастыря того. И пребывал он там, работая с братиею, прилагая к трудам труды, и был любим всеми. И прожил там Савватий немало времени, усердно исполняя заповеди и службы, порученные ему в обители той с великим смирением и кротостью. Но и эти труды казались ему недостаточными, чтобы изнурить тело и совершенно поработить плоть духу: покорив ее окончательно, он стремился стать прибежищем Духа Святого.

Видели игумен и братия монастыря того, что он в таких трудах столько времени неуклонно пребывает, и удивлялись, размышляя: «Что же нам делать? Видим, как изнуряет себя в трудах человек сей. Без слов, с великим усердием, без всяких возражений и награды трудится он здесь, подобно рабу — воистину он раб Божий есть, великий исполнитель всех заповедей его!» Услышав подобные разговоры, сильно опечалился блаженный Савватий, в тяжких грехах обвинив себя, подумал: «Что делать мне? Не знаю, что и думать! Ведь за грехи мои подвергнусь я тому же наказанию, что и прародители наши, изгнанные из рая[15]. Сам Владыка Христос нам этот пример показал как образец для нас: Он был богат, нас же ради стал нищим, чтобы мы затем через нищету Его обогатились, — таковы повеления и заповеди Его, их же подобает соблюдать всем непреложно. Он сам изрек своими пречистыми устами:

«Кто хочет идти за Мной, пусть возьмет крест свой и последует Мне». Лучше мне удалиться от места сего, чем честь принимать, похвалы и покой от мне подобных. Иначе напрасен будет труд мой: тело изнурив, воздаяния лишен буду. Как не может укрыться город, стоящий на вершине горы, от хотящих любоваться им, так добродетельных христиан богоугодная жизнь не может остаться незамеченной: они обращаются к Господу втайне, Бог же делает их труды явными. Сказано же Господом: «Славящих Меня Я прославлю». И мучился в душе блаженный Савватий, видя, что почитают его игумен и братия, и решил он стремиться к подвигам безмолвия.

Слышал он от местных жителей об острове, называемом Соловки: лежит, — рассказывали они, — остров тот в мореокеане, далеко от земли, на расстоянии двух дней пути. Говорили также, что остров в окружности имеет около ста верст или больше, что длина острова около тридцати верст, что озер там большое количество и рыбы в них множество разнообразной — это рыбы не морские, вокруг острова также много удобных мест для ловли рыбы, там ловятся рыбы морские. И приплывали туда с побережья местные жители на промысел — рыбаки и ловцы на зверя морского, и каждый с добычей возвращался в дом свой. Остров тот красив большим разнообразием деревьев, вершины гор его покрыты густым лесом. В долинах же растут разные деревья и ягодные кустарники и сосны огромные, которые можно использовать для строительства храмов и на другие нужды. Благодатен во всем для жизни человека был, по их словам, этот остров, и мог он стать удобным пристанищем для тех, кто решится поселиться там. Преподобный же Савватий, услышав это, был охвачен стремлением к подвигам безмолвия и желанием отправиться туда, вспомнились ему речения из Псалтири: «Удалился, бежав, и вселился в пустыне, возложив надежду на Бога, спасающего меня».

И стал Савватий умолять игумена и всю братию, чтобы отпустили его с благословением на поиски острова того. Их же совершенно не трогали его мольбы, — не захотели они отпустить его, добродетельного, ради жития его. Поняли они, что он истинный раб Божий есть и образом, и делами своими и для них является добрым примером, потому уход праведника из обители они считали большой потерей для себя.

Он же воспылал душою отправиться в желанное место, Богом указанное ему для упокоения. И говорил он вослед Давыду: «То покой мой, здесь вселюсь. Вселилась душа моя в покой твой, как благоизволил тебе Бог». И пробыл там еще немного времени, а сам размышлял про себя, как бы ему добраться до острова того, — так и не удалось ему умолить игумена и братию той обители, чтобы отпустили его с молитвой и благословением. Но доверившись воле Божьей, святой решил: «Как угодно Господу, так пусть и будет. Благословенно имя Господне отныне и вовеки». И осенил он себя крестным знамением, говоря: «Господи Исусе Христе, Сын ты и Слово Отчее, родившийся от Отца предвечного и затем воплотившийся от Девы Пречистой Богородицы, непреложное и неизреченное рождество имея на небесах и несказанное на землю сошествие. Владыка, пришел Ты не спасать спасенных, но призвать грешников на покаяние. Направь меня, Господи, на путь праведный, ведь Ты принял к Себе душу мою, и спаси меня, уповающего на Тебя!». И так тайно ночью бежал Савватий из монастыря, возсылая в душе молитвы к Отцу, поручив себя Божьей воле, вырвался, как птица из силка и как серна из сетей[16], и очень рад был тому.

Так покинул блаженный Савватий монастырь Валаамский, преисполненный стремлением к безмолвным подвигам, отправился в дальний путь — от монастыря до побережья морского расстояние было около семисот верст или больше. И так путешествовал блаженный Савватий, надеясь на помощь Божию, храним заступничеством Святого Духа и направляем благодатью Христовою до самого моря. И стал расспрашивать он живущих на побережье о расположении острова Соловецкого в море и о расстоянии до него от берега. Местные жители, живущие на побережье, ближайшем к Соловецкому острову, стали рассказывать ему: «Остров тот далеко лежит отсюда, даже в благоприятную погоду за два дня с трудом достигают его в плавании.» Блаженный же Савватий стал подробно расспрашивать их об этом острове, о том, каковы размеры его, о лесах и сладких источниках и других запасах. Они же поняли, о чем помышляет блаженный, столь прилежно расспрашивая их, что хочет он поселиться там, и сказали ему: «О старче, остров тот велик, и есть там все необходимое для существования человека. Но многие в последнее время

хотели поселиться на острове и не смогли жить там из-за страшного и трудного морского пути». Другие же говорили ему: «К тому же, святой отец, видим тебя в полной нищете и убожестве. Чем же будешь ты питаться, во что одеваться? Ведь стар ты уже, в почтенных сединах пребываешь, как же сможешь ты сам о себе позаботиться? Да и холодна земля та!» И ответил им преподобный Савватий: «Я, чада, такого Владыку имею — Христа, Сына Божьего, укрепляющего дух мой, который старого может омолодить и младенца до старости почтенной может взрастить, Он убогих обогащает, голодных насыщает, нагих одевает — все видит вокруг и всем помогает, боящимся Его и исполняющим заповеди Его. Однажды он пятью хлебами 5 тысяч человек насытил, не считая женщин, и 12 корзин кусков, оставшихся в избытке, ученики собрали тогда, а в другой раз Он семью хлебами 4 тысячи накормил и 7 корзин осталось, потом и воду в вино превращал». Люди же те, услышав слова святого, разумные, дивились божественному человеколюбию и премудрости учения его, неразумные же ругались и поносили его, считая безумным. Он же в ответ еще сильнее проникся любовью к ним, непрестанно проповедуя Божьи чудеса, вспомнив речения Давыдовы: «Возложи на Господа печаль свою, и он тебя насытит вовеки». И сотворив молитву, благословив их и мир даровав всем, отправился Савватий в путь свой, радуясь, что исполнилось желание его.

И пришел Савватий на реку Выг, место же то называлось Сорока[17], там был храм молитвенный — часовня. И встретил он там некого монаха, упомянутого нами ранее, по имени Германа, был же он родом из корельских людей. И помолившись вместе, они сели. И стал расспрашивать блаженный Германа с великой осторожностью о расположении острова Соловецкого и о путешествии до него. Герман же рассказал все, что было известно ему, то же, о чем и раньше говорили, к тому же старец и сам бывал на острове том. И договорились они тогда, что Герман не только проводит блаженного на остров, но и останется там жить с ним на острове Соловецком.

И вскоре отправились они в путешествие по морю в малой ладье, называемой карбас[18]. С Божьей помощью плавание их было благополучным, Бог сохранял рабов своих. И на третий день достигли они острова Соловецкого. Блаженный же Савватий возрадовался радостью великой, поскольку не

презрел Бог молений его. И вышли на берег, и там поставили шатер свой, и водрузили крест на месте том, где пристали к острову[19].

И стали ходить они по острову в поисках удобного места, где бы хижину себе устроить для временного пристанища. И нашли они подходящее место, и стали строить кельи для себя на берегу озера, недалеко от моря — на расстоянии примерно одного поприща[20], над озером же тем возвышалась гора великая[21].

Раб же Божий Савватий с другом своим Германом стали строить кельи для себя возле озера на побережье морском и завершили их, вскоре, с благодатью Христовою. И начал преподобный усердно к трудам труды прилагать, охваченный подъемом душевным, радуясь, что исполнилось его желание сердечное. К помыслам высоким устремлял свой ум преподобный, плоть духу порабощая, посвящая себя всенощным бдениям и молитвам беспрестанным, поучаясь всякий час в псалмах и песнях духовных, прославляя день и ночь Господа в душе своей: «На Тебя же, Господи, уповала душа моя, и Ты мне помощником был». И так трудился он с другом своим Германом, землю возделывали они мотыгами и кормились трудами своими, по Божественным заповедям «в поте лица снискали хлеб свой», и Бог кормил их с обилием многим.

Увидели же их труды люди, живущие на побережье, ближайшем к острову Соловецкому, поняли, что основательно решили поселиться иноки на острове том, и стали завидовать им. И решили изгнать их с острова, говоря: «Мы, карелы родом, ближе всех живем к острову тому. Станем же мы его владельцами и наследниками, сохранив его для себя и детей наших и для последующих поколений, чтобы никто не смог отнять его у нас вовеки, а пришельцев этих изгоним оттуда!» И посовещавшись, отправили одного из жителей, карела родом, на остров тот с женою и детьми его. Он же отправился туда по совету соседей своих и стал строить на острове жилище для себя и рыбу ловить на озерах. Преподобный же Савватий ничего не знал о приходе их на остров, также как и друг его Герман.

Однажды в воскресный день на заре служил преподобный заутреню. В положенное время вышел он из кельи своей, чтобы покадить честный крест, установленный вблизи для по-

клонения. И услышал он крик и вопль великий: с мольбою кричал кто-то. Старец же был страшно удивлен и испуган из-за крика и вопля того. И позвав Германа из кельи, он сказал ему: «Кажется, послышались мне крики, голос человеческий!» Тот же ответил старцу: «Откуда бы могли эти крики здесь слышаться? Ведь на острове нет жителей и других людей, кроме нас!» И осенив себя крестным знамением, они удалились в келью, удивляясь случившемуся и рассуждая так: «Что бы это могло быть? И откуда был этот крик?» И окончив заутреню, завершили молитвы свои. Крики же вновь повторились, громче, чем в первый раз. Тогда Герман, получив благословение от святого, пошел на звуки голоса того. И когда достиг он места, которое искал, то нашел женщину, лежащую на земле и плачущую с криком великим. И стал Герман расспрашивать ее: «Что случилось с тобой, о женщина? Почему ты так плачешь и кричишь?» Она же с великими восклицаниями стала рассказывать ему: «О святой отец, шла я на озеро к мужу своему, и встретили меня два юноши, светлы и страшны обличьем своим, и стали бить меня палками, говоря: «Уходите скорее с острова этого! Вы недостойны жить здесь, но для иноческого пребывания предназначено Богом место сие! Вы же уходите быстрее отсюда, пока злой смертью не погибли. На острове же этом иноки жить будут, и соберется здесь множество братии и будет прославляться ими имя Божие на месте этом и храм во имя Исуса Христа воздвигнут ими будет». И сказав это, юноши исчезли. Герман же, выслушав женщину, оставил ее и поспешил к рабу Божьему Савватию и рассказал ему все подробно, что слышал. Так поняли они, что не оставит Бог своею благодатью этот остров. И с того времени никто из мирян не смел приближаться к острову тому с намерениями обосноваться там. Преподобный же Савватий, услышав все это от Германа, поднялся с места своего, прослезился, и вместе они сокрушенным сердцем общую хвалу воздали Господу и Пречистой Его Матери, и с тех пор с великой благодарностью пребывали они на месте том в различных трудах и бедах с терпением многим.

Спустя несколько лет Герман, обычное благословение испросив у святого Савватия, отправился на побережье, на Онегуреку[22], по какому-то делу. Старец же Савватий один остался на острове и провел так долгое время. И сначала печалился

он в мыслях об отъезде Германа, затем еще сильнее к подвигам устремился, слезами каждый день постель свою орошая, говоря вослед псалмам Давыда: «Господи Боже мой, на Тебя уповал, спаси меня, ведь Ты взял к себе душу мою от юности моей. Не лиши меня места сего святого, о чем много лет мечтала душа моя».

Увидели духи нечистые себя униженными от страдальца, крепко оружием честного креста вооружившегося, стали ему пакости многие творить и пугать его, и ополчились против него всею силою своею, одни обличие змей приняв, другие в различных зверей диких обратившись, стремясь поглотить его. Святой же, оградившись от них крестным знамением, стал петь псалом: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его!». И так от слов псалма все козни лукавых бесов прекратились. Преподобный же Савватий пребывал невредимым от них, день и ночь проводил в молитвах беспрестанных.

Герман же осенью пришел на побережье морское, собравшись отправиться на остров Соловецкий, и не смог — наступили холода, поднялся ветер противный, начались снегопады, в море же было волнение великое. И вынужден был Герман возвратиться на Онегу и перезимовать там. На следующее лето вновь хотел Герман отправиться в путешествие свое и разыскать старца, но был тяжело болен в течение долгого времени и снова не смог отплыть на остров, хотя и стремился туда всей душой.

Однажды преподобный Савватий стоял на обычных молитвах, исполняя правило свое, душою наедине беседуя с Богом, и получил извещение от Бога о скором своем отрешении от плотских уз и отшествии к Господу, к которому с юных лет были направлены все помыслы его. И стал молиться святой, говоря: «Господи Боже Вседержитель, услышь меня, человеколюбец, не презри молитву недостойного раба Твоего! Удостой меня причастия пречистых и животворящих Твоих Таинств[23] — пречистого Твоего Тела и пречестной Крови Твоей, Господа моего Исуса Христа, которую Ты пролил за нас. Ведь много времени был лишен я сладкого сего просвещения, с тех пор, как ушел с Валаама и пребывал на острове этом».

И помолившись, вышел святой на берег морской и увидел на берегу карбас со всем необходимым, готовый к плаванию.

И понял он, что была на то воля Божия, не возвратился в келью, а сел в карбас и отправился в путешествие по морю, возложив упование на Бога, надеясь, что он наставит его в пути и поможет обрести желаемое. И было плавание его благополучным, в море была тишина великая, тихо ветер веял. Блаженный же молился, говоря: «О Владыка, Ты утвердил силою своею море, возмущением волн Ты его украшаешь!». И так, сохраняем Божиею благодатью, вскоре преодолел он пучину морскую, за один день достигнув Выга-наволока[24].

И нашел он на Выгу-реке у часовни игумена некого по имени Нафанаила, который пребывал там ради нужд местных православных христиан. И увидев священника, возрадовался духом преподобный Савватий, сказав: «Славит душа моя Господа, за то что не презрел великий Бог моления моего!» И сотворив молитву, обменялись они с Нафанаилом святым целованием, друг у друга просив благословения. Затем сказал преподобный Савватий: «Тебе подобает, о святой отец, наше смирение благословить, поскольку удостоился ты просвещения благодатью Духа Святого, принял великий священства[25] чин, дающий право тебе судить и миловать грешных, потому можешь ты нашу худость просветить и направить к исполнению Божьих велений и к сохранению святых заповедей Его». Понял тогда игумен Нафанаил, что старец этот истинный раб Божий есть, и спросил его: «Кто ты, отец, откуда и куда направляешься?» Блаженный же отвечал ему: «Меня, о святой отец, многогрешным Савватием нарекли, пребывал я на одном из морских островов страны этой и прожил там несколько лет с братом одним по имени Германом, он уже второй год как уехал с острова и не вернулся, не знаю, что случилось с ним. Я же, грешный, молил Господа Бога, чтобы удостоил Он меня причастия пречестным Своим Таинствам, поскольку понял я, что время отшествия моего к Господу приближается, но не знаю я дня кончины моей. И вот наставила меня благодать Божия прийти к тебе. И ныне молю твою святость: очисти меня от грехов моих исповедью чистой, и если Бог благоизволит и твое священство, удостой меня причастия святых и животворящих Таинств пречистого Тела и честной Крови Господа Бога моего. Уже много лет желаю я напитаться душепитательной сей пищей. Поскольку человеколюбец Бог изъявил мне твое боголюбие, душам очистителя и врачевате-

ля, очисти меня от моих согрешений, что согрешил я с юности словом и делом и в помыслах моих, от самого рождения моего и до сего дня». И ответил игумен преподобному Савватию: «Бог тебя простит, святой отец, мною, недостойным рабом своим!» И возвел он к небесам очи свои, промолвив: «О сколько у Господа рабов тайных, которых не достоин весь мир!» И долго стоял так, удивляясь, глядя на преподобного, затем со слезами сказал ему: «Мне бы твои грехи, отец, для очищения недостоинства моего!» И очень рад был игумен, что удостоился видеть блаженного Савватия и слышать от него Богом вдохновенные речения, — уже всюду слава великая прошла о нем добродетельного ради жития его. Тогда стал просить преподобный игумена: «Святой отец, уже время настает и конец жизни моей приближается. Молю твою святость, подай мне причастие пречистого бисера Тела и Крови Господа нашего Исуса Христа. Прошу тебя, не откладывай ни на минуту!» Игумен же ответил ему так: «Пойди ты, отец мой Савватий, на Выг-реку, к часовне и подожди меня там, а я завтра постараюсь поскорее вернуться к тебе», — пришел в тот день человек некий от местных жителей за игуменом звать его к тяжело больному, молящему о приходе отца духовного. Блаженный же Савватий стал просить игумена, говоря о себе так: «Не отлагай, отец духовный, молю тебя, не отлагай до завтра моего причащения божественным таинствам причастия. Не можем мы знать, суждено ли нам собрать воздух от дыхания моего до утра завтрашнего!» — так предсказал блаженный Савватий свое отшествие к Господу, — «Ты говоришь мне пойти на Выг-реку к часовне? Так я пойду туда, а что случится со мной дальше, не ведаю, поскольку немощен я и обессилел совсем». Игумен понял уже тогда, что говорит с рабом Божьим, и, услышав от святого предсказание его скорой кончины, тотчас причастил его пречистым и животворящим Таинствам Тела и Крови Христа Бога нашего. И дав ему целование о Христе, отпустил его Нафанаил, сказав ему: «Молю тебя, раб Божий, дождись меня на Выгу у часовни!» Святой же отвечал: «Если будет на то воля Божия, непременно подожду тебя у часовни. Ведь сам мой Владыка Христос сказал: «Небо и земля преидут, но слова Мои не преидут».

Игумен же тот отправился посетить больного, о котором мы выше сказали, и стремился он скорее возвратиться к бла-

женному. Савватий же пришел на предназначенное ему от Бога место, на Выг к часовне, возрадовавшись радостью великой, что удостоился он пречестных Таинств причастия. И вошел он в часовню, молился долго, славу вознося Господу и Пречистой Его Матери Богородице, затем удалился в келью малую и, затворившись от всех, там беспрестанно молитвы возносил к Господу, готовился к отшествию своему в жизнь вечную.

В то время прибыл на Выг некий купец из Новгорода по имени Иоанн, плывший мимо в насаде своем. И оставил он насад, пришел в часовню поклониться святым образам Господа нашего Исуса Христа и Пречистой Его Матери и другим святым иконам, которые были там. И пришел Иоанн в келью блаженного Савватия, хотел получить благословение от него. Старец же отворил двери кельи своей и принял его. Человек же тот благочестив был и богат, имея имущества много и слуг, и принес он старцу милостыню. Старец же не захотел принять ее. Тогда купец стал умолять старца, чтобы тот принял что-нибудь от него: или одежду, или пищу, или же деньги. И отказался блаженный, только сказал ему: «Если хочешь дать милостыню, то найди нуждающихся в ней», — и поучал его долго о милостыни, и о любви, и о целомудрии, и о милосердии к ближним, и о заступничестве вдов и сирот, и о других вещах, для души полезных. И благословив, старец отпустил его. Иоанн же покинул святого, очень сожалея, что не принял от него ничего старец, и сокрушался, так как он всегда почитал монахов. Блаженный же понял, почему опечалился Иоанн, и, позвав его к себе, сказал ему: «Не скорби, сын мой Иоанн, но послушайся меня. Останься на берегу до утра, и увидишь ты благодать Божию, которая должна исполниться здесь, а завтра отправишься в путешествие, и счастливым будет путь твой!» И вскоре поднялась буря великая, и гром, и молния, и сильное волнение в море и на реке, и продолжалась непогода эта всю ночь. Иоанн же, увидев, что поднялся ветер и волнение великое в море и на реке по предсказанию старца, был испуган очень, хотел отправиться в путь свой, но не смог. И, приняв благословение от старца, он удалился в шатер свой и заночевал там.

Святой же беспрестанно пел псалмы и молился в ту ночь, воздавая Владыке Христу молитвы предсмертные, и, взяв ка-

дильницу, фимиам на угли насыпал, и пошел в часовню, там молился долго, затем вновь возвратился в келью свою, покадив святые иконы, вновь обратился с молитвами ко Господу. И ослабев немного, сел на привычном месте в келье своей, кадильницу возле себя поставил, простер руки свои к небесам и сказал: «В руки Твои, Господи, я предаю душу свою!» И так предал честную свою душу в руки Господни, в бесславии прославляя Бога, славно сей мир оставил.

Утром ветер стих и солнце воссияло всем светом своим. Пришел Иоанн в часовню поклониться святым иконам и потом пошел к келье преподобного, хотел принять от него благословение и отправиться в путь свой. И сотворил молитву, и не было ему ответа, и снова помолился, и опять никто не ответил ему. Тогда Иоанн толкнул дверь кельи, и она открылась перед ним. Он же, помолившись, вошел в келью и почувствовал благовоние великое, и, увидев святого Савватия сидящим, испугался, считая его живым. И обратился Иоанн к старцу: «Прости меня, святой отец, что я без позволения вошел к тебе, великою верою одержим к твоей святости! Не смею я отправиться в путь свой, не приняв благословения от тебя!» И стоял перед святым Иоанн, и опять не услышал ответа от него. Блаженный же сидел в мантии и в куколе, и кадильница стояла возле него, келья же была наполнена благоуханием неслыханным. Иоанн же подошел и сказал преподобному: «Благослови, отец Савватий, в путь отправляющегося раба твоего!» И наклонившись к старцу, увидел, что тот скончался. И стоял Иоанн, размышляя про себя, и затем обратился к образу иконы Господней: «О Владыка Господи, что делать мне, как лучше поступить? Если оставлю тело преподобного без заботы и внимания, то Бога боюсь, а прикоснуться не смею к святому телу его недостойными руками своими, как бы не пострадать жестоко за свою дерзость». И вспомнил он слова, сказанные Господом женщине кровоточивой: «Вера твоя спасет тебя!» — и решившись с верою, подошел и возложил на плечи свои тело преподобного, словно легкий ярем Христов, отнес и положил его посреди часовни, и, облобызав его, со слезами вышел оттуда.

В то время вернулся игумен Нафанаил к часовне, которому преподобный Савватий открыл до этого скорое отрешение свое от телесных уз, когда принял от рук его причастие

пречистых Таинств Тела и Крови Господа нашего Исуса Христа. Игумен же Нафанаил, облобызав честные мощи[26] святого со слезами, стал расспрашивать купца о преставлении его. Он же рассказал ему все, что было известно ему о блаженном: как пришел он на Выг, когда был еще жив святой старец, какими вдохновенными от Бога словами он поучал его, о божественных предзнаменованиях, о волнении ветра, как предсказал его преподобный, о том, как видел святого сидящим после смерти, словно живого. Игумен же, вздохнув, сказал из глубины сердца своего: «Слава тебе, Боже, прославляющему святых Своих!» И так с псалмами и пением с честью похоронили они святые мощи преподобного Савватия, покрыв их землею, месяца сентября в 27 день, прославляя Христа Бога.

По преставлении преподобного сели Иоанн с игуменом вместе. И сказал игумен Иоанну: «Понимаешь ли ты, Иван, какой благодати удостоились мы от Владыки Христа, послужив такого старца погребению!» И стал игумен рассказывать ему о жизни святого на острове, о его путешествии с острова, как один он по морю плыл, и все, что слышал из уст блаженного. Иоанн же удивился очень, говоря: «Воистину, святой отец, он много меня, недостойного, поучал от Божественного Писания, как подобает жить православному христианину и сохранять чистоту и целомудрие, иметь милость к ближнему. Предсказал он своими устами святыми скорую милость Божию и человеколюбие и повелел мне не удаляться никуда от кельи его, чтобы увидел я честное его преставление. И я благодарю всемилостивого Бога, что удостоил Он меня чести увидеть преставление земного ангела, небесного человека, и после смерти увидеть его, как живого сидящего, а затем отнести в часовню честные и трудолюбивые мощи его». И дал Иоанн игумену милостыни довольно.

И так удивляясь, воздали они хвалу Богу, творящему святыми Своими угодниками дивные и преславные чудеса, которых глаза человека не видывали, и уши не слыхивали, и даже мысленно невозможно представить себе той благодати и чудес, которые уготованы Богом для любящих Его. И так разошлись Нафанаил с Иоанном по домам своим, храня в душе, как сокровище многоценное, молитвы святого Савватия, прославляя Святую Троицу, Отца, Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Житие преподобных Зосимы и Савватия посвящено основателям знаменитого Соловецкого монастыря. Первоначальный вариант текста принадлежал старцу Герману, приехавшему на остров вместе с Савватием и ставшему затем ближайшим сподвижником Зосимы. Герман был неграмотен, и его рассказ под диктовку записал инок Досифей, ученик преподобного Зосимы, бывший в течение некоторого времени игуменом Соловецкого монастыря, однако этот вариант был утерян, и Досифей создал новую редакцию произведения. Полный литературно обработанный вариант принадлежит Спиридону-Савве, известному публицисту и церковному деятелю второй половины X V — начала XVI в., который создал его по просьбе Досифея в 1503 г.

Житие Зосимы и Савватия Соловецких было необычайно популярно. Оно интересно в стилистическом отношении и особенно ценно тем, что содержит большое количество сведений об истории Русского Севера, о жизни святых подвижников и Соловецком монастыре, конкретные подробности в описании монастырской жизни и быта, отражают противоречия в среде братии.

Фрагмент из Жития Зосимы и Савватия Соловецких (начальная часть — Чудо Зосимы, Пророчество Зосимы и Житие Савватия) в переводе С.В. Минеевой воспроизводится с авторскими изменениями по изданию: Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / Сост., вступит. ст., подгот. текстов, пер. с древнерус. яз. и примеч. С.В. Минеевой. Курган, 1995. С. 85—100. Примечания (в сокращении) — с. 231—245.

1. *Дьякон* — духовный сан, низший священнослужитель в церкви.

2. *Клирики* — духовенство; служители, причт одного храма.

3. *Келарь* — должностное лицо в православном монастыре, занимающееся кельями и их устройством.

4. *Мы же говорили друг другу...* — Далее о тех же монахах говорится в первом лице, повествование ведется от их имени.

5. *...отправились в Великий Новгород к владыке просить благословения.* — Соловецкий монастырь находится в ведении новгородского архиепископа (владыки).

6. *Соловецкий монастырь* — располагается на западной оконечности Соловецкого острова, находящегося в группе меньших островов, лежащих при входе в Онежскую губу в Белом море.

7. *Спиридон, митрополит Киевский* — Спиридон-Савва, писатель и публицист второй половины XV — начала XVI в.

8. *Василий Васильевич II Темный* — великий князь Владимирский и Московский (1425—1462).

9. *Борис Александрович Тверской* — время княжения — 1425—1461 гг.

10. *Федор Олегович Рязанский* — время княжения — 1402 — ок. 1427 гг.

11. *Митрополит Фотий* — был поставлен на русскую митрополию «по старому обычаю» — из греков, в 1408 г., прибыл в Москву в марте 1410 г.

12. *Евфимий Брадатый I* — новгородский архиепископ с 1423 по 1429 г.

13. *Кирилло-Белозерский монастырь* — расположен в черте современного города Кириллова Вологодской обл., основан в 1397 г.

14. *Валаамский монастырь* — расположен на одном из островов Валаамского архипелага на Ладожском озере. Время основания Валаамского монастыря точно неизвестно, его относят к периоду X—XII вв.

15. *...подвергнусь я тому же наказанию, что и прародители наши, изгнанные из рая.* — Имеется в виду изгнание из рая Адама и Евы.

16. *...вырвался, как птица из силка и как серна из сетей...* — Использованы традиционные библейские сравнения.

17. *Река Выг, место Сорока* — Река Выг протекает на территории Карелии. Сорока — погост, основанный в XV в. при впадении р. Сороки в р. Выг, ныне г. Беломорск.

18. *Карбас* — от финск. «карвас» — лодка, гребное парусное судно для речного и прибрежного морского плавания.

19. *...пристали к острову.* — Место, где первоначально жили Савватий с Германом, расположено в 12 км от территории самого монастыря вблизи горы Секирной.

20. *Поприще* — ок. 1480 м; расстояние, равное примерно одной версте.

21. *...гора великая.* — Имеется в виду оз. Долгое и расположенная недалеко от него самая высокая гора острова — Секирная.

22. *Онега-река* — протекает на территории современной Архангельской обл.

23. *Таинства* — священные обрядовые действия в христианстве. В православии и католицизме признаются семь таинств: крещение, причащение, священство, покаяние (исповедь), миропомазание, брак, елеосвящение (соборование).

Причащение (греч. евхаристия) — одно из важнейших христианских таинств, приобщение верующих к хлебу — «телу Бога» — и вину — «его крови».

24. *Наволок* — выдающийся в море, озеро, реку или возвышающийся над ними мыс, коса, крутой берег.

25. *Священство* — одно из семи таинств в христианстве, посредством которого совершается возведение в сан священнослужителя.

26. *Мощи* — останки тел умерших, сохраняющиеся долгое время нетленными. По церковному учению, нетленность тел праведников является доказательством их спасения и освобождения от наказания за грехи.

ПОВЕСТЬ О ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ*

ПОВЕСТЬ О ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ[1], ЧТО ВО ПСКОВЕ, И О ЯВЛЕНИИ ЭТОГО СВЯТОГО МЕСТА ПОВЕДАЛИ ТАК

Человек некий по имени Селица, старец города Изборска[2], поведал о таком происшествии, говоря: «Когда-то я ходил с отцом на охоту в то пустынное место, которое было около пещеры. Тогда там было огромное пустынное место и прилегающий к нему лес. И случилось нам прийти к ручью на край горы, где ныне церковь Богородицы стоит. И в час, когда бывает церковное пение, слышим голоса поющих, поистине прекрасные и благочинные. Голоса слышим, а поющих не видим. Все это происходило около святого места, исполненного благоухания как от сильного фимиама, — но нам казалось, будто некое явление ангелов и благодать Святого Духа освящают это место, будто Бог хочет показать милость в этом месте через Пречистую Богородицу».

Потом землю ту и лес по решению вече городские и сельские земцы[3] взяли у всех псковичей под слободу незадолго до создания церкви Богородицы. А то место около пещеры отдали вскоре некоему человеку Ивану Дементьеву сыну. Иван же этот в подгорье, близ пещеры, на речке Пачковке поставил деревню.

И пришел он однажды на холм той горы пещерной и начал рубить лес, огромный прежде. Одно из срубленных деревьев, валясь, задело другое, стоящее на краю горы, это дерево, падая с горы, как со стены, и повлекло с собой и с корнями волоком дерн от корней и густой мох, и от этого открылось отверстие пещеры, где ныне гробница. Над входом в пещеру показались изваянные на стене письмена, написано было так: «Богом созданная пещера».

Об этом явлении поведал нам монах Патермуфий Снетогорского монастыря[4], пасынок прежде названного Ивана, от него же слышали и другое.

Слух об этой пещерной находке в городе Пскове дошел

---

*© Перевод, примечания. Л.Н. Коробейникова, 2000

до некоего священника по имени Иван, род которого, как говорят, был издавна московским, и поэтому псковичи звали его Шестник[5]. А недавно он пришел во Псков из немецкой земли[6], из города Юрьева[7]. Ибо в том городе Иван служил священником два с половиной года в церкви святого Николы чудотворца, поставленной христианами русской земли. Он услышал о том пещерном месте, также и о некоей реке, находящейся недалеко от немецкой земли, по названию Каменец[8], которая течение имеет прямо к востоку и глубока, как ров. С обеих сторон этой реки высокие песчаные горы, где есть такие места, будто стена, ровная сверху донизу, — там же и богосозданная пещера. И захотелось ему это увидеть. И увидев, возлюбил он очень это место; пошел в город, взял жену свою и двух сыновей, пришел к прежде названному Ивану подгорскому и оставил у него жену свою. Сам же, пришел в то святое место, начал копать церковь за богосозданной пещерою, к западу. В скором времени разболелась жена его и была пострижена в монахини, и было наречено ей в монашестве имя Василиса, и от той болезни она преставилась. И раскопали землю в богосозданной пещере, и положили ее туда. Той же ночью она была выставлена из земли невидимой силою Божией. Иван же поразмыслил с отцом ее духовным и сказал — наверно, согрешила в надгробном мире. Отец произнес разрешительную молитву[9] и после отпевания ее опять погребли, и опять, второй раз, она оказалась на поверхности земли. Иван же, недоумевая на это, выкопал, однако, землю с левой стороны пещеры, в стене, и положил гроб ее непогребенным. А потом и он постригся, и облачился в монашеское одеяние, и наречен был Ионой. Выкопанная священноиноком Ионою в горе церковь тогда была небольшой. И в ней было две келии, сделанные прямо на столбах пещерной церкви. Сам же он пошел в город и просил Святую Троицу[10], протопопа и священников, чтобы освятили храм в горе. Но они не захотели из-за необычного места. Не получив того, что просил, он тогда идет в Великий Новгород к архиепископу и припадает к ногам святителя, прося, чтобы повелел освятить храм в горе. И архиепископ повелел и благословил освятить храм троицким священникам.

Освящена же церковь была в горе во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и славно-

го ее Успения 15 августа, в 6981 (1473) году, при архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыке Феофиле[11] и при псковском князе Ярославе Васильевиче[12].

А на освящении церкви Бог Милосердный послал первые свои великие дары через Пречистую Богородицу: слепой женщине свет очей даровал.

Прежде же названный Иван передал церкви Пречистой удел земли своей деревни на память о себе.

Сразу же после этого умер священноинок Иона. На нагом теле умершего появился панцирь колчатый; тело его было будто сковано кольцами. Погребен он был в той же богосозданной пещере, и панцирь его повешен над гробом был.

После его смерти пришел священноинок Мисаил[13] служить Пречистой Богородице, монастырь же старый, который был на горе, переставил в долину, и создал новую церковь преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских[14].

Но в том монастыре было тогда два или три старца из-за бедности, убожества и пограничности места.

И служба в церкви Пречистой в горе была не каждый день, но когда священник захочет.

Однажды на эту землю пришли войной немцы, пленили ее и пожгли, игумены же и братья убежали из монастыря, а церковь преподобных разобрана была для сожжения, потому что еще не была освящена.

Эти немецкие воины были и у гробницы, панцирь же, повешенный над гробом, они не нашли. Затем они вошли в церковь Пречистой и начали бесчинствовать. И с самого начала Бог и Пречистая Богородица чудом ее охраняли: в церкви возгорелся таинственный огонь и опалил иноверных. Они же от страха побежали, как обезумевшие, и слышали, как непонятная сила вслед за ними гонится. Некие же 15 человек из наших из города Изборска, посланные тогда за языками[15], увидели, как они побежали, погнались вслед за ними и многих из них поубивали.

Все это было поддержкой и помощью Пречистой Богородицы. Много было и других чудес Богородичных: одни подлинно слышали пение и видели горящие свечи в церкви пещерной, другие же — исходящее из нее благоухание и дышали различным благоуханием, некоторые же из нашей братии

много раз видели ночью свет в монастыре Пречистой в долине, и не только наши видели, но и мирские.

Так, некий человек по имени Иван Долгий однажды ночью видел свет, как облако стоящий над новым монастырем в долине, и ему показалось, будто это настоящий огонь и что-то горит в монастыре, он захотел помочь и прискакал туда на коне. И свет тут же поднялся к небесам. Об этом он сам нам поведал, мы же прославили Бога и Пречистую Богородицу.

Когда прошло лет 50 от освящения первой церкви, а от взятия Пскова[16] — лет 13, Бог захотел помиловать страдающих людей и приобщить эту землю псковскую Божьим дарам, как и всю землю русскую, прославленную Богом и Пречистой Богородицей, ибо во многих городах творились чудеса: либо Пречистой Богородицей, либо же Святителями и Преподобными отцами. Эта же земля была скудна таковой благодатью, ныне же красуется этим святым местом, которое светится, сияя во все концы, благодаря чудесам Пречистой.

И послал Бог таких строителей на это святое место, которые могли строить монастыри. Игуменство же принял Дорофей[17] по желанию дьяка великого князя Михаила Мисюря[18] — так, увидев место и церковь Пречистой Богородицы, он показал Пречистой великое рвение к устроению монастыря. По совету игумена с братиею и Мисюря, церковь Пречистой выкопали в горе великой. В той же церкви приделы поставили преподобных Антония и Феодосия Печерских, и освящена была вторая церковь Пречистой в горе в 7031 (1523) году, 15 августа; в том же месяце освятили и храм Преподобных.

Монастырь же решили устроить прямо в церкви, и старый перенести на это место — захотели они также, чтобы по слову и дело было. Прежде же место нового монастыря было неровное — то горы, то ров и лес огромный, но все это с помощью Пречистой разровняли. А потом воздвигли церковь деревянную с трапезною во имя Сорока святых великомучеников из Севастии[19].

На второй год после освящения великой церкви начала Богородица чудеса свои являть людям: исцелила монаха бесноватого и на праздник Успения женщине и отроку даровала зрение, а нищего человека из Изборска освободила от

страданий на новый месяц. С того праздника в другие праздники бывало не только три или пять чудес, но и 50, и 60 исцелений мужчин и женщин от различных недугов. Свидетели же чудес ныне — не я один недостойный, но православные люди всего великого Новгорода и Пскова и всей русской земли христиане — свидетели и проповедники чудес. Но не только давалось исцеление христианскому роду (это говорили православные, искренние верой, разумеющие и почитающие Святую Троицу и Святую и Пречистую Деву Богородицу, и верующие в них), но и отнимались скверные, хулящие уста еретиков, которые неправедное исповедовали, и давалось исцеление иноверцам латинской ереси[20], приходящим из немецкой земли с верою к Пречистой Богородице и чудотворному ее образу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть о Псково-Печерском монастыре — литературный памятник, сложный по составу и истории создания. В него входят как собственно Повесть, так и другие сказания печерского цикла. Свод этих сказаний образует своего рода историческую хронику о жизни монастыря-крепости порубежной Руси на протяжении более одного столетия, которая, начинаясь в последней трети XV в., обрывается в двадцатом году XVII в. Над созданием повести-хроники, коллективного средневекового произведения, трудились более полутора столетий (с первой трети XVI в. и на протяжении всего XVII в.) известные и безымянные писатели.

Основным ядром цикла является собственно Повесть о Псково-Печерском монастыре, в которой, в первую очередь, рассказывается об истории возникновения монастыря, а также о некоторых эпизодах, связанных с отражением нападений на монастырь иноземных завоевателей. Важную роль в произведении играют различные чудеса и таинственные явления.

Представленный текст — наиболее краткая, начальная редакция собственно Повести, которая создавалась сразу «по свежим следам» событий монастырской жизни как исторического, так и легендарного характера около 1525—1526 гг.

(во время правления великого князя Василия Ивановича) монахом Корнилием, ставшим около 1529 г. печерским игуменом.

Текст переведен по изданию: Малков Ю.Г. Повесть о Псково-Печерском монастыре: К истории сложения свода монастырских сказаний // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI вв.: Различные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 185—188.

Перевод и примечания Л.Н. Коробейниковой.

1. *Псково-Печерский мужской монастырь* г. Печоры Псковской области, возникший ок. середины XV в., когда в пещерах поселились первые монахи-пустынники. В 1473 г. здесь была построена пещерная церковь Успения Богородицы.

2. *Изборск* — древний русский город, находится в 30 км к западу от Пскова: в летописи упоминается под 862 г.

3. *Городские и сельские земцы* — представители местного самоуправления, земства.

4. *Снетогорский монастырь* — мужской монастырь, основан в XIII в. Расположен на правом берегу р.Великой, рядом с Псковом (ныне его северная окраина). Название получил по горе Снетной, на которой был основан монахом Иоасафом. С 1804 г. — резиденция псковских архиепископов.

5. *Шестник* — посыльный.

6. *Немецкая земля* — имеется в виду Ливония — со второй четверти XIII в. по 1561 г. — вся территория Латвии и Эстонии, завоеванная немецкими крестоносцами. Ливонией называют конфедерацию пяти феодальных государств, которая номинально находилась под властью римского папы и германского императора.

7. *Юрьев* — название города Тарту в XI—XIII вв. В «Повести временных лет» впервые упоминается под 1030 г. как г.Юрьев, занятый и перестроенный Ярославом Мудрым.

8. *Каменец* — скорее всего это р.Камёнка, левый приток р.Великой. Русло Камёнки от истоков до устья проходит по дну глубокого каньона из серого камня-известняка.

9. *Разрешительная молитва* — в этой молитве священника испрашивается прощение грехов, содеянных усопшим, над телом которого она читается.

10. *Святую Троицу* — имеется в виду кафедральный собор Святой Троицы во Пскове, впервые построенный в XII в. Именно на нем висел вечевой колокол.

11. *Феофил* был поставлен на Новгородскую архиепископию митрополитом Филиппом в 1471 г.

12. *Ярослав Васильевич Оболенский-Стрига* — псковский князь (середина 70-х гг. XV в.).

13. *Мисаил* был игуменом Псково-Печерского монастыря в 70—80-е гг. XV в.

14. *Антоний и Феодосий Печерские* — основатели и игумены Киево-Печерского монастыря (XI в.).

15. *Язык* — пленный.

16. *...от взятия Пскова...* — имеется в виду падение независимости Пскова и присоединение его к Москве в 1510 г.

17. *Дорофей* был игуменом Печерского монастыря (1523—1526).

18. *Дьяк Михаил Мисюрь* — Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин, псковский великокняжеский дьяк, занимавший государственные посты во время правления великого князя Василия III (годы правления 1505—1533); в 1519 г. возобновил Псково-Печерский монастырь после его разгрома во время ливонского нашествия.

19. *...во имя Сорока Святых великомучеников из Севастии.* — Согласно преданию, 40 святых мучеников-воинов из армянского г. Севастии приняли страдание от рук язычника-воеводы Агриколая и его приспешников в 320 г. при императоре Константине.

20. *...иноверцам латинской ереси...* — то есть католикам.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ*

Повесть из жития новых муромских чудотворцев: благоверного и преподобного и достохвального князя Петра, нареченного в иноческом чине Давидом, и супруги его, благоверной и преподобной и достохвальной княгини Февронии, нареченной в иноческом чине Евфросинией.

Благослови, Отче!

Бог Отец с вечносущим Словом Божием Сыном
и Пресвятой Животворящий Дух —
единое Божие естество безначальное,
купно в Троице воспеваемое,
и хвалимое,
и славимое,
и почитаемое,
и превозносимое,
и исповедуемое,
и веруемое и благодаримое;
Создатель и Творец,
невидимый и неописанный,
искони самосильно обычной Своей премудростью
свершающий и строящий всяческое,
и просвещающий,
и прославляющий того, кто хочет, Своим самовластьем,
ибо как сперва сотворил на небесах
ангелов своих — духов,
и слуг своих — огонь палящий[1],
умные чины[2] — бестелесное воинство,
их величие неизведано.

Так сотворил и все невидимое, которое не дано постигнуть уму человеческому.

Сотворил и видимую небесную стихию — солнце, и луну, и звезды.

---

*© Перевод, примечания. О.В. Гладкова, 2000

И на земле давно создал человека по своему образу и в подобие Своему трисолнечному Божеству, тричисленно даровав ему ум, и слово, и дух жизненный.

И пребывает в людях ум — как отец слову, слово же исходит от него, как сын посылаемо, на нем же почиет дух, потому что у каждого человека слово из уст без духа исходить не может, а дух со словом исходит, ум же начальствует.

Но не будем продолжать рассуждение об устройстве человека, но возвратимся к предыдущему.

Бог же безначальный, создав человека, почтил его — над всем земным существом царем поставил. И любил в человеческом роде всех праведников, грешных же миловал, ибо хотел всех спасти и в разум истинный привести[3].

Когда же по благоволению Отца и по своему желанию и по тщанию Святаго Духа, единый из Троицы Сын Божий, — не кто-то еще, но тот же Бог Слово, Сын Отца, благоволил родиться на земле, — плотью Он был от Пречистой девицы Марии. И был человеком, который не изменил своего Божества и который, хотя и ходил на земле, не отлучался никак от Отеческих недр. И во страсти Божественное Его естество бесстрастно пребывает. Бесстрастие же Его неизреченно, и его невозможно выразить ни в иносказании, его нельзя ни с чем сравнить, потому что все — Его творение. В Его же творении разумеем бесстрастие, ибо если есть дерево, стоящее на земле, на которое сияет солнце с неба, и в то же время если случится так, что его срубят и оно пострадает, эфир солнечный от дерева того не отступит, и его не срубают вместе с деревом, и он не страдает.

Мы можем объяснить солнце и дерево, потому что это Его творение, но сам Основатель и Создатель не объясним. Он пострадал за нас плотью, грехи наши на кресте пригвоздил, выкупил нас у лжеца-миродержителя[4] ценою своей честной крови. Об этом еще сказал Павел, сосуд избранный: «Не будьте рабами человеков, ибо вы куплены ценою»[5]. После распятия Господь Наш Иисус Христос на третий день воскрес и в сороковой день вознесся на небеса, и сел по правую руку Отца, и в пятидесятый день послал Духа Святого на святых Своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И кто во Христа крестился — во Христа облекся, а если во

Христа облекся, то не отступайте от заповедей его, как лжецы и соблазняющиеся, которые после крещения оставляли заповеди Божии и соблазнялись красотами мира сего, но как святые пророки и апостолы, а также и мученики, и все святые, Христа ради страдавшие в скорбях, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроении, в трудах, в бдениях, в посте, в очищении, в разуме, в долготерпении, в благости, в Духе Святом, в любви нелицемерной, в словах истинных, в силе Божией — во всем, что ведомо Единому, ведающему тайны сердечные. Ими же Он просветил землю — как небо звездами украсил, и почтил их чудотворением: одних молитв их ради и покаяния, и трудов, других же мужества ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых нам предстоит слово сказать.

* * *

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. В нем самодержавно правил благоверный князь, как рассказывали, по имени Павел. Искони ненавидящий добрый род человеческий, дьявол послал неприязненного летающего змея[6] к жене князя того на блуд. И представлялся он ей в таком виде, каким и был на самом деле, а приходящим людям представлялся как сам князь, сидящий со своею женою. Эти видения продолжались много времени. Жена однако того не утаила, а рассказала князю, мужу своему, все приключившееся с ней. А змей неприязненный осилил над нею.

Князь стал думать, что сделать со змеем, но оставался в недоумении. И сказал он жене: «Думаю, жена, но недоумеваю, что сделать этому неприязненному змею? Потому что не знаю, какую смерть ему принести? Если будет змей говорить с тобою, спроси его как-нибудь с обманом вот о чем — знает ли он неприязненным духом своим, от чего к нему смерть придет? Если узнаешь и нам расскажешь, освободишься не только в нынешнем веке от злого его дыхания и сипения, и всей мерзости, о которой и говорить противно, но в будущем веке нелицемерного судию Христа милостивого обретешь. Жена твердо приняла в сердце слово мужа своего, подумав: «Так тому и быть».

Однажды пришел к ней неприязненный змей, она же,

хорошо все помня, льстиво обратилась к этой неприязни, говоря много о чем постороннем, но, улучив момент, с почтением спросила его, расхваливая, так: «Ты много знаешь, а знаешь ли свою кончину, какова она будет и от чего?» Он же, — неприязненный прелестник, прельщен хорошим прельщением от верной жены, — собираясь открыть ей тайну, сказал: «Смерть моя от Петрова плеча, от Агрикова же меча».

Жена, услышав эти слова, сохранила их твердо в сердце своем и по отшествии неприязненного, поведала мужу своему, как сказал змей. Князь же, услышав то, недоумевал, что это за смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча.

А у него был родной брат по имени князь Петр. Однажды Павел позвал его к себе и начал рассказывать о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь Петр, услышав от своего брата, что змей назвал одноименного ему виновника своей смерти, начал, не колеблясь, мужественно думать, как бы ему убить змея. Но была у него и еще одна мысль — он не знал Агрикова меча.

У Петра был обычай ходить по церквам, уединяясь ото всех. Была же за городом церковь в женском монастыре — Воздвижения Честного и Животворящего креста, и пришел Петр к ней один помолиться. Явился ему отрок, говоря: «Князь! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, намереваясь исполнить желаемое, сказал: «Да увижу, где он есть!» Сказал ему отрок: «Иди вслед за мной». И показал ему в алтарной стене углубление между плитами, в нем и лежал меч. Благоверный князь Петр взял тот меч, вернулся и все рассказал брату своему. И с того дня только искал удобное время, чтобы убить змея.

Каждый день он приходил к брату своему и к снохе своей на поклон. Как-то случилось ему войти в горницу к брату своему. А потом тот час же пошел к снохе своей, в другую горницу и увидел, что у нее сидит брат его. И так вышел от нее , встретив какого-то человека из служащих брату его, и сказал: «Вышел я от брата моего к снохе моей, брат же мой остался в своей горнице. Я, нигде не задерживаясь, пришел в горницу к снохе моей, и не ведаю, и удивляюсь, как мой брат вперед меня оказался в горнице у снохи моей?» Этот же человек сказал ему: «Никак, господин, после твоего ухода не выходил брат твой из своей горницы!» Он же разумел пронырство лукаво-

го змея и пришел к брату, говоря ему: «Когда ты пришел сюда? Я вышел от тебя из твоей горницы и, нигде не медля, пришел к жене твоей в горницу и видел тебя, сидящего с ней и удивлялся, как ты вперед меня оказался? Я пришел немедленно, ты же, не знаю, как меня опередил и вперед меня здесь оказался». Он же говорит: «Никак, брат, из горницы после твоего ухода не выходил и у жены своей никак не был». Князь же Петр говорит: «Это все, брат, пронырство лукавого змея, он мне показывается тобою, чтобы я не захотел убить его, думая, что это мой брат. Ныне, брат, отсюда никуда не ходи: я иду туда бороться со змеем, пусть будет убит с Божьей помощью лукавый сей змей!»

И взял меч, называемый Агриков, и пришел в горницу к снохе своей, и увидел змея, по виду точно своего брата, и твердо уверился, что это не его брат, но змей прельщающий, и ударил его мечом. Змей же появился в своем обличии, и затрепыхался, и стал мертв, и окропил блаженного князя Петра своею кровью. Он же от неприязненной крови той покрылся струпьями, и у него появились язвы, и пришла на него очень тяжкая болезнь. И искал он в своих владениях исцеления от многих врачей, и ни от кого его не мог получить.

Слышал он, что много есть врачей в пределах Рязанской земли, и повелел отвезти себя туда, потому что не мог сам сидеть на коне из-за своей великой болезни. Привезли его в пределы Рязанской земли, и послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один юноша из служащих ему попал в селение, называющееся Ласково. И пришел к воротам некоего дома, и никого не увидел. И вошел в дом, и не было никого, кто бы его услышал. И вошел в горницу, и узрел чудное видение: сидела одна девица и ткала холст, перед нею же скакал заяц.

И сказала девица: «Нехорошо быть дому без ушей, а горнице без очей!» Этот же юноша никак не мог взять в ум тех слов и сказал девице: «Есть ли какой-нибудь человек мужского полу, живущий здесь?» Она же сказала: «Отец и мать мои пошли взаймы плакать, брат мой ушел через ноги к мертвым смотреть».

Юноша не понял слов ее, удивлялся, видя и слыша такие чудесные вещи, и сказал девице: «Вошел я к тебе, вижу тебя за делом и увидел, что заяц перед тобою скачет, и слышу из

уст твоих слова какие-то странные, и не ведаю того, что ты говоришь. Первое, что ты сказала: «Нехорошо быть дому без ушей, а горнице без очей!» Про отца же твоего и мать сказала, будто пошли взаймы плакать, о брате сказала — «через ноги к мертвым смотреть». И ни единого слова у тебя не понял! Она же говорит ему: «Этого ли не понимаешь? Пришел в дом сей и в горницу мою вошел и увидел меня, сидящую по-простому. Если бы был в доме нашем пес и услышал, как ты подходишь к дому, он лаял бы на тебя, — это дому уши. И если бы был в горнице моей ребенок и увидел, как ты подходишь к горнице, сказал бы мне, — это горнице очи. А ежели сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать моя пошли взаймы плакать — то они ушли на погребение мертвого и там плачут. Когда же за ними смерть придет, другие над ними начнут плакать — это занятый плач. Про брата же тебе сказала, так отец мой и брат древолазцы, в лесу мед из деревьев достают. Брат же мой ныне и пошел на это дело, а как лезть на дерево, в высоту, так через ноги смотреть на землю, думая, как бы не сорваться с высоты. Если же кто сорвется, тот жизни лишится, из-за этого я и сказала, что он пошел через ноги к мертвым смотреть».

Говорил ей юноша: «Вижу, что ты девица, мудра. Скажи мне свое имя». Она же говорит: «Имя мне Феврония». А юноша говорит ей: «Я муромского князя Петра, служу ему. У князя моего тяжкая болезнь и язвы. Покрылся он струпьями от крови неприязненного летящего змея, которого он убил своими руками. И, одержимый недугом, он искал исцеление от многих врачей и ни от одного не получил его. Ради этого он велел себя привезти сюда, потому что слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем, как их зовут, не знаем, где они живут, поэтому спрашиваем о них». Она же говорит: «Если бы кто потребовал князя твоего себе[7], мог бы его уврачевать». Юноша же говорит: «Что ты говоришь, — «ежели кто потребовал князя моего себе!» Если его кто уврачует, князь мой даст ему много богатства. Но скажи мне имя врача того, кто он и где живет?» Она же говорит: «Приводи князя твоего сюда. Если будет мягкосердечен и смирен в ответах, будет здоров!» Юноша быстро возвратился к князю своему и рассказал ему все подробно, что видел и что слышал.

Благоверный же князь Петр сказал: «Везите меня к деви-

це». И привезли его в тот дом, где была девица. И послал он к ней слуг своих, говоря: «Расскажи мне, девица, кто тут хотел меня вылечить? Пусть вылечит меня и возьмет много богатства». Она же, не колеблясь, сказала:

Я хотела его врачевать,
Но богатства не хочу от него принять,
А имею к нему слово таково —
Если мне не быть супругой ему, не требуется мне врачевать его!

Пришел слуга и передал князю своему, что сказала девица.

Князь Петр пренебрег ее словами и подумал: «Как это князю взять себе в жены дочь древолазца!» И, посылая к ней, сказал: «Скажите ей, что, если она может врачевать, пусть врачует, если уврачует, возьму ее себе в жены». Пришедшие к ней, передали ей слова князя. Она же взяла малый сосудец, черпнула своей хлебной закваски и дунула на нее. И сказала: «Пусть устроят князю вашему баню, и пусть помажет этим тело свое, где есть струпы и язвы. И один струп пусть оставит, не помазав. И будет здоров!»

И принесли ему эту мазь. И повелел он устроить баню. Девицу же хотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал из рассказа юноши своего.

Послал он с одним из своих слуг один пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет, чтобы я взял ее в супруги за ее мудрость. Если она мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, порты и полотенце за то время, пока я буду в бане». Слуга принес ей пучок льна, дал и сказал княжье слово. Она же говорит слуге: «Поднимись на нашу печь и сними с гряд[8] поленце, снеси сюда». Он, послушав ее, снес поленце. Она же, отмерив пядью, сказала: «Отсеки столько от этого поленца». Он отсек. Она же говорит: «Возьми обрубок от поленца этого, пойди и дай князю своему от меня и скажи ему: «За тот час, в который я расчешу этот пучок льна, пусть твой князь приготовит из этого обрубка стан и все строение, на котором соткется полотно его».

Слуга принес к князю своему обрубок поленца и пересказал девичью речь. Князь же говорит: «Пойди и скажи девице, что невозможно из такой маленькой деревяшки и за такой короткий срок такое строение сотворить». Слуга же пришел

и передал ей речь князя. Девица же отвечала: «А возможно ли для взрослого человека из одного пучка льна за то малое время, пока он пробудет в бане, сотворить сорочку, порты и полотенце?» Слуга же пошел и передал князю. Князь же дивился ее ответу.

Через некоторое время князь Петр пошел в баню мыться и, как сказала девица, помазал он мазью язвы и струпы свои.

И один струп оставил непомазанным, по повелению девицы. Выйдя из бани, он не чувствовал никакой болезни. Наутро он увидел, что тело его здорово и гладко, разве только кроме одного струпа, который он не помазал по повелению девицы. И дивился князь скорому исцелению. Но не захотел взять ее себе в жены из-за ее происхождения и послал к ней дары. Она же их не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, в добром здравии. На нем же был один струп, который он не помазал по повелению девицы. И от того струпа начало расходиться много струпов по телу его с самого первого дня, как он поехал в вотчину свою. И острупило его многими струпами и язвами, как и раньше. И пришлось ему вернуться к тому же лечению у девицы. И поспешив к дому ее, со стыдом послал к ней, прося врачевания. Она же, нимало гнева не держа, говорит: «Если будет мне супругом, будет уврачеван». Он же с твердостью дал ей слово, что возьмет ее себе в жены. Она дала ему то же лечение, что было предписано и раньше. Он же, вскоре получив исцеление, взял ее себе в жены. Так Феврония стала княгиней.

Прибыли они в вотчину свою, город Муром, и жили во всяком благочестии, ни в чем не отступая от Божиих заповедей.

Через некоторое время князь Павел, о котором уже говорилось раньше, уходит из сей жизни. После брата благоверный князь Петр остается одним самодержцем в городе своем.

Его княгиню Февронию бояре не любили из-за своих жен, поскольку она была княгиней не по своему происхождению, а из-за того, что Бог прославил ее ради доброй ее жизни.

Однажды некто из служащих ей пришел к благоверному князю Петру наговаривать на нее. «Из-за каждой, — говорит, трапезы своей не по чину выходит; когда встает, взимает в руку свою крохи, будто голодная».

Благоверный же князь Петр, желая испытать ее, повелел, чтобы она обедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она по своему обычаю взяла со стола крохи в руку свою. Князь Петр взял ее за руку, развел ее. Видит ливан благоуханный и фимиам. И с того дня перестал он ее в этом испытывать.

Спустя много времени пришли к нему бояре его в ярости, говоря: «Хотим все, князь, правдой служить тебе, и чтобы ты у нас был самодержцем, но не хотим, чтобы княгиня Феврония господствовала над женами нашими! Если хочешь быть самодержцем, пусть у тебя будет иная княгиня. Феврония же, взяв себе довольно богатства, пусть уйдет, куда хочет!» Блаженный Петр, поскольку по своему обычаю никогда не приходил в ярость, отвечал со смирением: «Скажите Февронии, как она скажет, так и будет». Они же, неистовые, наполнившиеся бесстыдства, задумали устроить пир. Так и сделали. И когда они уже были навеселе, начали кричать бесстыдными своими голосами, как псы лающие, порицая у святой Божий дар, с которым Бог ей обещал и после смерти ее не разлучать. И говорили: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: дай нам того, кого мы у тебя просим!» Она же отвечает: «Возьмите того, кого просите!» Они же в один голос говорили: «Мы, госпожа, хотим все князя Петра — пусть правит нами. Жены же наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними! Бери себе богатства довольно и иди куда хочешь!» Она же говорит: «Обещаю вам, что сколько просите — получите. А я вам говорю: дайте мне того, кого я попрошу у вас». Они же, злые, рады были, не ведая будущего, и говорили с клятвою так: «Что назовешь, то беспрекословно возьмешь». Она же говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего князя Петра!» Говорят они: «Если он сам захочет, ничего тебе не скажем». Потому что враг наполнил их мысли, что если не будет князя Петра, то поставят они другого самодержцем, а каждый боярин в уме своем держал, что сам хочет быть самодержцем.

Блаженный же князь Петр не возлюбил временной власти кроме Божиих заповедей, но по заповедям Его следовал, держался их, как и богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает, говоря: «Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодейству-

ет». Сей блаженный князь поступил по Евангелию: властью своей пренебрег как сором, а заповедь Божию не нарушил.

Злочестивые бояре дали им суда на реке (была под городом этим река, по названию Ока). И они поплыли в судах.

Был на судне у блаженной Февронии некий человек, и жена его на том же судне была. Тот человек воспринял помысел от лукавого беса, взглянув на святую с помыслом. Она же, уразумев его злой помысел, вскоре обличила его, говоря ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна». Он зачерпнул. И повелела ему испить. Он пил. И сказала она: «Зачерпни воды с другой стороны судна». Он зачерпнул. И повелела ему еще испить. Он пил. Она же говорит: «Одинакова ли вода, или какая слаще?» Он же говорит: «Одинакова, госпожа, вода». Тогда она сказала так: «И едино естество женское. Что же ты, оставя свою жену, о чужой думаешь?» Тот человек, увидя, что у нее есть дар прозрения, побоялся поэтому помышлять о том.

Подоспел вечер, начали они располагаться на берегу. Блаженный же князь Петр по размышлении призадумался: «Как же будет, если по своей воле власти лишился?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, князь, милостивый Бог, Творец и Промысленик всему, не оставит нас в нищете!»

На этом же берегу блаженному князю Петру на ужин готовили еду. И срубил его повар малые деревца, на которые повесили котлы. После ужина святая княгиня Феврония ходила по берегу и увидела те деревца. И, благословя, сказала: «Да будут они на утро великими деревами, имеющими ветви и листья».

Так и было. Когда они встали утром, обнаружили не те деревца, но великие дерева, имеющие ветви и листья.

И только хотели люди их вещи переносить в суда с берега, пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин князь! Ото всех вельмож и ото всего города прищли к тебе, да не оставь нас, сирых, но вернись в свое отечество. Потому что многие вельможи в городе погибли от меча — кто хотел править, сам себя погубил. А оставшиеся все со всем народом молят тебя, говоря: «Господин князь! Если и прогневали тебя, и обидели тебя, не хотя, чтобы Феврония господствовала над женами нашими, нынче же со всеми домами своими рабы твои! И хотим, и любим, и молим — да не оставь нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в свой город. И правили они в городе том по всем заповедям и наставлениям Господним без исключения, в непрестанных мольбах и милостынях. И ко всем людям, бывшим в их власти, они были как чадолюбивые отец и мать. Имели ко всем равную любовь, не любили ни гордости, ни грабительства, не жалели тленного богатства, но в Боге богатели. Были же городу своему истинными пастырями, а не как наемники. Городом своим управляли в истине и кротости, а не в ярости — странников принимая, голодных насыщая, нагих одевая, бедных от напасти избавляя.

Когда же подоспело благочестное преставление их, умолили они Бога, чтобы в один час было их преставление. И вместе решили, что будут они положены в одном гробу. И повелели сделать себе в одном камне два гроба, одну только преграду имея между собой. Сами же одновременно облеклись в монашеские ризы. И наречен был блаженный князь Петр в иноческом чине Давид, преподобная же Феврония наречена была в иноческом чине Евфросинией.

В то время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Евфросиния, в храм пречистой соборной церкви своими руками шила воздух[9], на нем же были лики святых. Преподобный и блаженный князь Петр прислал к ней сказать: «О сестра Евфросиния! Хочу уже отойти от тела, но жду тебя, чтобы вместе отойти». Она же отвечает: «Подожди, господин, вот дошью воздух во святую церковь». Он же во второй раз послал к ней, говоря: «Уже мало могу тебя подождать». И в третий раз прислал к ней, говоря: «Уже хочу преставиться и не жду тебя!» Она же оставшуюся часть воздуха того святого шила, уже только у одного святого ризу не вышила, лицо же дошила. И перестала и воткнула иглу свою в воздух и обернула ее нитью, которой шила. И послала к блаженному князю Петру, нареченному Давидом, сказать о совместном преставлении. И, помолившись, предали святые свои души в руки Божии месяца июня в двадцать пятый день.

После преставления их хотели люди, чтобы блаженный князь Петр был положен в городе у соборной церкви Пречистой Богородицы, Феврония же — за городом, в женском монастыре у церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста, говоря, что в монашеском образе неудобно положить

святых в одном гробе. И сделали им отдельные гробы и положили в них их тела: святого Петра, нареченного Давидом, тело положили в особый гроб и поставили в городе в церкви Святой Богородицы до утра, святой же Февронии, нареченной Евфросинией, тело положили в особый гроб и поставили за городом, в церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Общий же гроб, который они сами повелели вытесать им в одном камне, остался пуст в том же храме пречистой соборной церкви, которая в городе. Наутро встав, люди обнаружили, что отдельные гробы их, в которые их положили, пусты. Святые же тела их были найдены в городе, в соборной церкви Пречистой Богородицы, в одном гробу, который сами себе велели сделать. Люди же неразумные, которые как при жизни о них беспокоились, так и после честного их преставления, опять переложили их в отдельные гробы и опять разнесли по разным местам. И опять на утро оказались святые в одном гробе. И после этого не смели прикоснуться к святым их телам и оставили лежать в одном гробе, в котором они сами повелели себя положить, у соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы в городе. Их же дал Бог на просвещение и на спасение городу этому: те, кто с верой припадают к раке с мощами их, неоскудеваемо приемлют исцеление.

Мы же по силе нашей да приложим похвалу им:

Радуйся, Петр, потому что дана была тебе от Бога власть убить летящего свирепого змея!

Радуйся, Феврония, потому что в женской голове имела ты мудрость святых мужей!

Радуйся, Петр, потому что, нося на теле своем струпы и язвы, доблестно претерпел скорби!

Радуйся, Феврония, потому что от Бога имела дар в девственной юности недуги целить!

Радуйся, славный Петр, потому что заповедей ради Божиих по своей воле от самодержавства отступил, но не оставил супруги своей!

Радуйся, дивная Феврония, потому что по твоему благословлению за одну ночь малое дерево велико возросло и принесло ветви и листья!

Радуйся, честная глава, потому что в воздержании вашем и смирении, и молитвах, и в милостыни без гордости пожи-

ли, за то и Христос дает вам благодать — после смерти тела ваши неразлучно во гробе лежат, духом же предстоите перед владыкой Христом!

Радуйтесь, преподобные и преблаженные, потому что и после смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вас, преблаженные супруги, помолитесь о нас, творящих верою память вашу!

Да помяните и меня прегрешного, написавшего сие, сколько слышал, не ведая, если другие что написали, знающие выше меня. Потому что грешен и груб, но на Божию благодать и на щедроты Его уповая и на ваше моление ко Христу надеясь, трудился я мыслями.

Хотел вас на земле хвалами почтить, и хвалы не коснулся.

Хотел вам ради вашего смиренного правления и преподобства после преставления вашего венцы сплести, и плетения не коснулся. Потому что прославлены вы и венчаны на небесах истинными нетленными венцами от общего для всех владыки Христа, Ему же подобает с безначальным Его Отцом, вместе с Пресвятым благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть о Петре и Февронии была написана писателем, богословом и публицистом Ермолаем-Еразмом в 40-е гг. XVI в. по мотивам муромских преданий, рассказывающих о событиях XII — начала XIII в.

Ермолай-Еразм творчески подошел к житийному канону, что выразилось в необычном художественном решении многих тем, в широте проблематики: в «Повести о Петре и Февронии» разрабатывается тема возможностей человеческого ума — земной мудрости, возвышающейся до «разума истинного», т.е. понимания Божественного Промысла. Примечательно, что в Повести пройти этот путь удается в первую очередь женщине — Февронии. Тема ума и разума тесно связана с другой темой произведения — супружеской верности, а также с проблемой княжеской власти, отношений князя и боярства и даже с проблемой милосердия не только к людям, но и к природе.

Повесть о Петре и Февронии переведена по изданию: Повесть о Петре и Февронии // Подг. текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л., 1979. С.209—223 и по рукописи: ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 147Д. 60-е гг. XVI в. Лл. 406 об.—425.
Перевод и примечания О.В. Гладковой.

1. *...огонь палящий...* — см. Пс. 103:4.

2. *...умные чины...* — согласно церковному учению, небесные силы распределяются по девяти ангельским чинам.

3. *...в разум истинный привести.* — См. I Тим.2:4.

4. *...у лжеца-миродержителя...* — то есть у дьявола. Ермолай-Еразм почти во всем тексте при упоминании дьявола предпочитает эвфемизмы.

5. *...ибо вы куплены ценою.* — См. 1 Кор.7:23.

6. *...дьявол послал неприязненного летающего змея...* — В переводе оставлено древнерусское слово («неприязненаго») — прилагательное от существительного «неприязнь», то есть дьявол.

7. *...потребовал князя твоего себе...* — т.е. чтобы князь женился на той, кто его вылечит.

8. *Гряда* — две жерди в черной избе над челом печки для сушки дров (В.Даль).

9. *Во́здух* — покрывало, которым в церкви в определенный момент службы покрывают Святые Дары — хлеб и вино.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ИВАНА ГРОЗНОГО С АНДРЕЕМ КУРБСКИМ*

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ А.М.КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ 1564 г.

Царю от Бога прославленному, во православии пресветлому, ныне же по грехам нашим, сопротивным ставшему[1] — разумеющий да разумеет — совесть прокаженную имеющему, какой нет и у безбожных народов. И больше того говорить обо всем по порядку не позволил языку моему, но из-за гонения жестокого от власти твоей и понуждаемый великим горем сердечным постараюсь немногое сказать тебе.

Зачем, царь, сильных во Израиле[2] побил воевод, от Бога данных тебе на врагов твоих, различным смертям предал и победоносную святую кровь их в церквах Божьих пролил, и мученической кровью пороги церковные обагрил, и на доброжелателей твоих, души свои за тебя полагающих, неслыханные от века муки, и казни, и гонения умыслил, в изменах и чародействе и других неподобных делах обвиняя православных и стремясь с усердием свет во тьму превратить и тьму — в свет, и сладкое горьким называя, а горькое — сладким[3]? А чем провинились перед тобой и чем прогневали тебя христианские заступники? Не прегордые ли царства разорили и в подданство твое привели тех, у которых прежде в рабстве были предки наши[4]? Не старанием ли разума воевод неприступные грады германские[5] от Бога получил ты? За это ли нам, бедным, воздал, губя нас и родню нашу? Или бессмертным, царь, считаешь себя, в небытную ересь обратившись[6], словно не желая предстать перед неподкупным Судьей и надеждой христианской, богоначальным Иисусом; Он будет судить мир по правде, не взирая на прегордых гонителей, «Бог сокрушит главу врагов своих, волосатое темя закоснелого в своих беззакониях»[7], как о том сказано. Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную Величайшего из высших, — судья между мной и тобой.

И какого зла, каких гонений от тебя я только не претер-

---

*© Перевод, примечания. А.В. Каравашкин, 2000

пел! И каких бед и напастей на меня не навлек ты! Каких наговоров и обвинений в измене на меня не возвел ты! И приключившихся по твоей вине различных несчастий моих из-за множества их не могу перечислить, ибо горем еще душа моя объята. Но в конце концов решаюсь сказать все: всего лишен был и из земли Божьей напрасно тобою изгнан был. И за добро мое воздал мне злом[8] и за любовь мою отплатил мне непримиримой ненавистью. Кровь моя, как вода, пролитая за тебя, вопиет на тебя к Богу моему[9].

Бог — сердцевидец[10]: во уме моем прилежно размышлял и совесть мою в самовидцы представил[11], и искал, и посмотрел в душу свою, на себя мысленно обратившись, и не знаю, не нашел, в чем перед тобою виноват я и согрешил. Впереди войска твоего многократно ходил и никакого тебе бесчестья не сделал, но только победы пресветлые с помощью ангела Господня в славу твою одерживал и никогда полки твои спиной к чужим полкам не обращал, но, более того, врагов со славою в похвалу тебе одолевал. И это не один год, и не два, но в течение многих лет потрудился в поте лица с терпением так, что мало родителей своих видел, с женой своей не бывал и отечества своего не посещал, но всегда в дальноконных градах твоих с врагами твоими сражался и страдал от болезней, чему Господь мой Иисус Христос свидетель; сверх же того многократно уязвляем был[12] от варварских рук в различных битвах, и покрыто ранами тело мое. Но тебе, царь, все это — ни во что.

Хотел рассказать по порядку о моих ратных делах, которыми прославил я тебя, но потому не сделал этого, что Бог обо всем и так знает. Он, мздовоздатель, отплатит за все и не только за это, но и за чашу студеной воды[13]. И еще, царь, скажу тебе: уже не увидишь лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что я стану молчать: до скончания жизни моей буду непрестанно со слезами обличать тебя перед Безначальной Троицей, в которую верую, и призываю в помощь Херувимского Владыки Матерь, надежду мою и Заступницу, Владычицу Богородицу и всех святых, избранников Божиих, и государя моего князя Федора Ростиславича[14].

Царь, не помышляй и не мудрствуй, будто уже погибли и казненные тобой безвинно и заточенные и прогнанные без правды. Не радуйся, хвалясь этим: казненные тобой у пре-

стола Господня предстоят, отомщения просят, заточенные же и прогнанные от земли к Богу взывают, обличая тебя день и ночь.

Без меры хвалишься в гордости своей во временной, скоротекущей жизни, уготовив христианам орудия мучений, надругавшись над ангельским образом, попираешь его в согласии с ласкателями и товарищами по трапезе бесовской[15], согласными с тобой боярами, губителями души твоей и тела, детьми своими хуже жрецов Крона жертвующими. Обо всем сказал я. А послание это, слезами омытое, во гроб велю с собою положить, идя с тобою на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано в Вольмере, городе государя моего, короля Августа Сигизмунда, от которого надеюсь много пожалованным быть; и утешен я от всех скорбей милостию его государевой, к тому же помощью Божьей заручившись.

Известно мне из Священного Писания, что будет губитель пущен от дьявола на род христианский, от блуда зачатый богоборный Антихрист: ныне же видел советника всем известного, который от прелюбодеяния рожден, шепчет на ухо ложь царю и льет кровь христианскую, как воду, и погубил уже сильных во Израиле, уподобившись пособнику Антихриста. Непригоже таким потакать, о царь! В законе Божьем в первом писано: «Моавитянин и аммонитянин и выродок[16] до десятого колена в церковь Божию не входят» и прочая.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ

Широковещательное и многошумящее твое послание получил и уразумел и понял: оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами отрыгнуто, что не только царю, такому великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину никак не пристало; сверх же того от многих священных словес нахватано со многою яростью и лютостью, и то — не строками и не стихами, как это принято между искусными и учеными, если о чем случится кому писать, в кратких словах большой разум заключая, но выше меры, с избытком, навязчиво и крикливо, целыми книгами, паремиями,

целыми посланиями! Тут же о постелях, о телогреях и иное без числа; воистину, как бы неистовых баб басни; и так варварски, что не только ученым и искусным мужам, но и простым и детям на удивление и смех, а тем более (посмеются над этим) в чужой стране, где есть люди, не только грамматике и риторике, но и диалектике и философии обученные.

Но еще к тому же мне, человеку, совершенно смирившемуся, в странствиях много оскорбленному и без правды изгнанному, хотя и многогрешному, но очи сердечные и речь ученую имеющему, так осудительно и многошумяще прежде суда Божия угрожать! И вместо того, чтобы утешить принявшего великие скорби, твое царское величество, отступив в беспамятстве от слов пророка, который сказал: «не поноси бедствующего, довольно ему»[17], мне, неповинному изгнаннику, угрожаешь. И так-то меня ты милуешь? Да будет в том Бог тебе судьей и так грызть кусательно за глаза неповинного мужа, от юности бывшего верным слугой твоим! Не верю, чтобы то было Богу угодно.

И уже не знаю, чего от нас ты хочешь. Уже не только единородных князей из рода великого Владимира различными смертями уморил, но и все имущество их, движимое и недвижимое, которое не успели твои дед и отец разграбить, присвоил, все до последних рубах[18] (так скажу с дерзновением евангельскими словами). И в том твоему прегордому царскому величеству мы не препятствовали.

А хотел на каждое твое слово ответить, о царь, и мог бы сделать это кратко и выборочно, ведь благодатию Христа моего по мере сил освоил язык древних[19], хотя уже на старости лет научился ему, но удержал руку с пером, потому что, как написал тебе в прежнем послании, возложил на Божий суд упование мое: рассудил и решил здесь молчать, а говорить там, перед престолом Христа моего, с дерзновением, вместе с избиенными и гонимыми тобой; недаром Соломон сказал: «встанут праведники перед лицом мучителей»[20] тогда, когда придет Христос судить, и смело будут обличать мучителей и обидчиков, и не будет лицеприятия, о чем ты знаешь, на суде том, но правда и ложь каждого человека станут явными, вместо же свидетелей совесть каждого возглаголет и свидетельствовать будет.

К тому же еще должен сказать, что недостойно благород-

ных мужей браниться, подобно рабам, тем более нам, христианам, не подобает осквернять уста словами нечистыми и злобными, о чем и прежде не один раз говорил тебе. Лучше, рассудил я, возложить упование мое на всемогущего Бога, в трех лицах прославляемого и поклоняемого, ибо Он — свидетель, знающий мою душу, а я не считаю себя перед тобой виноватым ни в чем. Но подождем немного, поскольку, во что я верю, близок тот час, ведь мы на самом пороге пришествия надежды христианской, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО АНДРЕЮ КУРБСКОМУ 1577 г.

ТАКАЯ ГРАМОТА ПОСЛАНА ГОСУДАРЕМ ИЗ ВЛАДИМИРЦА КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ СО КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ ПОЛУБЕНСКИМ[21]

Всемогущей и вседержительной десницей содержащего все стороны земли Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, с Отцом и Святым Духом во единстве равно покланяемого и прославляемого, милостью Своей благоволил нам удержать скипетр Российского царства смиренным и недостойным рабам Своим, и от его вседержительной десницы христоносной хоругви так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных земель, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и государь и вотчинный обладатель земли Ливонский Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель — бывшему нашему боярину и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Напоминаю тебе, о князь, со сирением: смотри на величие Божьего Промысла, который милует меня, не взирая на

мои прегрешения и тем более — беззакония, ожидая моего покаяния, ибо я повинен в беззакониях больше, чем Манассия[22], хотя и не отступал, как он, от веры. И надеюсь на милосердие Создателя во спасение моей души, ибо сказал Господь во святом Своем Евангелии, что Он радуется о едином кающемся грешнике более, нежели о девяноста девяти праведниках, о том же говорится в притчах про овец и про драхмы[23]. И хотя многочисленнее песка морского беззакония мои, надеюсь на милость благоутробия Божия: Господь может в пучине милости Своей потопить беззакония мои. Также ныне меня грешника, и блудника, и мучителя помиловал и животворящим Своим крестом Амалика и Максенция низложил[24]. Крестоносной шествующей хоругви никакая бранная хитрость не надобна, о чем не одна Русь, но и немцы, и Литва, и татары, и многие другие народы знают. Сам, спрося их, узнаешь это; всех же побед перечислять не хочу, ведь не моя это победа, но Божия. Тебе же от многого малое напомню. На все упреки, которые обратил ты ко мне, прежде ответил я тебе доподлинно, ныне же от многого малое напомню. Вспомни сказанное в книге Иова: «прошел землю и прохожу поднебесную»[25], так и вы хотели с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Русскую землю видеть: Бог же дает власть тому, кому хочет[26].

Писал ты, что я растлен разумом[27], чего нет и у безбожных народов; и я тебя судьей поставлю между мной и тобой: вы ли растленны или я, потому что я хотел вами владеть, а вы не хотели под моей властью быть, и за то вы оказались у меня в опале? Или вы растленны, потому что не только не захотели быть мне подчиненными и послушными, но и мной владеть, и всей власти меня лишить, и сами править, как вам угодно, а меня отвести от правления государством: чтобы я только считался государем, а на самом деле ничем не владел? Сколько напастей я от вас принял, сколько оскорблений, сколько обид и укоризн! И за что? В чем моя перед вами изначальная вина? Кого и чем оскорбил? В том ли моя вина, что Прозоровского полтораста четей земли моего сына Федора вам дороже? Вспомни и рассуди: с какой обидой для меня судили вы Сицкого с Прозоровским[28] и как допрашивали, словно злодея! И та земля наших жизней была вам дороже! И сами Прозоровс-

кие кто пред нами?..... А у батюшки Божиим милосердием, и Пречистой Богородицы милостию, и великих чудотворцев молитвою, и Сергиевою милостию, да и у меня батюшкиным благословением, Прозоровских таких была не одна сотня. А Курлятев чем меня лучше? Его дочерям всякое узорочье покупай (то благословенно и хорошо), а моим дочерям — проклято и за упокой. Да много того было от вас: всех бед моих не исписать.

А с женою вы меня зачем разлучили? Если бы вы у меня не отняли юницы моей, то Кроновых бы жертв не было. А скажешь, что я во вдовстве не терпел[29] и чистоты не сохранил — все мы люди. Ты зачем взял стрелецкую жену? Только бы вы с попом на меня не восстали, ничего бы этого не было: все то злое повелось от вашего самовольства. А князя Владимира на царство зачем хотели посадить, а меня с детьми извести? Я разве обманом, войной и с помощью пролития крови взошел на престол? Родился по Божьему изволению на царстве и не вспомню того, как меня батюшка пожаловал, благословил на царство (так давно это было), да и вырос на царском престоле. А князю Владимиру[30] разве положено быть царем — от четвертого удельного родился! Разве он достоин того, чтобы быть государем и по праву наследует? И случилось бы то разве от вашей измены и его дурости. В чем моя вина пред ним? В том ли, что ваши дядья и господа отца его уморили в тюрьме, а его с матерью также держали в тюрьме? И я его с матерью от заточения освободил и держал в чести и всяком подобающем устроении, а он было уж того лишился. И я такие обиды стерпеть не смог — за себя решил постоять. И вы стали противиться мне больше прежнего да изменять, и я потому еще ожесточеннее вам сопротивлялся. Я хотел подчинить вас своей воле, и вы за то святыню Господню осквернили и поругали! Осердясь на человека, на Бога восстали. Сколько церквей и монастырей и святых мест осквернили и поругали! Сами о том Богу ответ дадите. Об этом же теперь умолчу; ныне же о настоящем напишу. Смотри, о князь, на то, каковы судьбы Божии, Бог ведь дает власть, кому хочет. Вы вот, по-дьявольски, с Сильвестром попом и с Алексеем Адашевым хвалились, говоря словами из книги Иова: «Обошел землю и прошел поднебесную и вся земля под ногами моими», а забыли, что сказал ему Господь: «а знаешь ли ты раба моего

Иова?» Так и вы хотели попирать ногами всю Русскую землю; но вся мудрость ваша оказалась напрасной Божьим изволением. Потому и заострил я свое перо, чтобы тебе написать. Вот вы говорили: «Нет людей на Руси, некому за нее постоять». Но вас самих нет, а кто претвердые города германские берет? То сила животворящего креста, победившая Амалика с Максенцием, города берет. Не дожидаются города германские осады, но перед явлением животворящего креста головы склоняют. А где по грехам случалось, не было животворящего креста явления, тут и бой был. Много отпущено из плена всяких людей: спроси их, узнай.

А писал ты с обидой, что мы тебя в дальноконные грады, как бы объявив опалу, посылали, — и ныне мы с Божьей помощью при своих сединах и дальше твоих дальноконных градов прошли, и коней наших ноги прошли по всем вашим дорогам, из Литвы и в Литву, и по тем дорогам мы пешком ходили и воду во всех тех местах пили, — уж теперь в Литве не скажут, что не везде коня нашего ноги прошли. И где хотел найти успокоение от всех твоих трудов, в Вольмере, и тут на покой твой Бог нас принес, и где надеялся найти убежище, — мы тут и с Божьей помощью тебя согнали, ты тогда дальноконнее поехал.

И это мы тебе от многого малое написали. Сам рассуди, что ты и как сделал, и за что Божий Промысел не обошел нас своей милостью; рассуди, что ты натворил. Об этом сам поразмысли и сам себя спроси обо всем. А мы тебе писали все это, не гордясь, не надмеваясь (Бог о том ведает), но чтобы ты опомнился для исправления, чтобы ты о спасении души своей помыслил.

Писано в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмаре, лета 7086-го, <на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м Казанского, 24-м Астраханского>.

ПРИМЕЧАНИЯ

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским относится к числу наиболее известных памятников русской средневековой литературы. Начало полемики двух непримиримых оппонентов было положено весной 1564 г. Князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1583) покинул свое воеводство в городе Юрьеве и перешел на сторону польского короля Сигизмунда II Августа. Из ливонского города Вольмара боярин отправил Ивану Грозному (1530—1584) письмо, в котором упрекал царя за немилостивое обращение с подданными, говорил о том, что московский государь нарушает Божественные заповеди и грозил справедливым наказанием на Страшном суде. Упреки Курбского не остались без внимания. Летом этого же года царь ответил. Его письмо превосходило, пожалуй, все полемические сочинения этого жанра не только по объему, но и по силе аргументации, и по многообразию использовавшихся литературных источников. Фактически царь осуществил детальнейший разбор всего послания князя Андрея: каждый довод противника получил подробное опровержение. Подобная манера ведения спора отвечала канону дипломатической грамоты: многие документы Посольского приказа строились сходным образом.

Вероятно, через пять лет А.М. Курбский ответил. В небольшом втором послании он не касался существа обвинений, брошенных ему Иваном IV. Курбский ограничился тем, что высмеял литературный стиль своего бывшего сюзерена. С точки зрения князя Андрея, главным достоинством образцового письма является краткость, отсутствие повествовательных вставок и бытовых деталей, умеренное цитирование авторитетных авторов.

Полемика продолжалась и в 70-е гг. XVI в. В 1577 г. Иван IV захватил большую часть ливонских городов и отправил письмо из города Вольмара, где некогда укрывался Курбский. Судя по всему, царь не был знаком со вторым посланием Курбского. Ивану не стало известно и так называемое третье послание князя, завершенное в 1579 г. Каждый из участников полемики был уверен в том, что сказал последнее слово, поставил точку в столь долгой дискуссии, длившейся приблизительно 15 лет.

Эпистолярный жанр русского Средневековья остается одним из наименее изученных. Своеобразие письма состо-

ит в том, что оно находится между литературой и бытом. В Древней Руси послания рассматривались часто как факт *литературной жизни* и помещались в рукописные сборники, становившиеся достоянием читательской аудитории. Переписка Грозного и Курбского сохранилась в книжной традиции XVII в.

В новейшее время она неоднократно издавалась и комментировалась. В этом издании выборочно публикуются лишь отдельные послания, полно характеризующие тем не менее индивидуальную авторскую манеру каждого из оппонентов.

Тексты первого и второго письма А.М. Курбского и второго письма Ивана Грозного переведены по изданию: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Лурье Я.С. и Рыков Ю.Д.Л., 1979. С. 7—9, 101—102, 103—105.

Перевод и примечания А.В. Каравашкина.

Первое послание А.М. Курбского Ивану Грозному

1. *«Стать сопротивным»* — отвергнуть Божьи заповеди, выступить против Бога. Это обвинение в антихристианских поступках больно задело Ивана Грозного, о чем свидетельствует первое «широковещательное» послание царя Курбскому.

2. *...сильных во Израиле...* — Речь идет о представителях нового богоизбранного народа, избранных. Возможно, Курбский говорит здесь о казнях бояр в предопричные годы.

3. *...сладкое горьким называя, а горькое — сладким.* — Ис. 5:20; Иак. 3:10—12.

4. *...тех, у которых прежде в рабстве были предки наши.* — Имеется в виду завоевание Казани и Астрахани.

5. *...неприступные грады германские...* — В 1558—1564 гг. были завоеваны многие ливонские города.

6. Под *«небытной ересью»* Курбский подразумевал неверие в Страшный суд, нежелание отвечать за грехи. Об этом опасном заблуждении князь писал в комментариях к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина.

7. *...закоснелого в своих беззакониях...* — см. Пс. 67:22.

8. *И за добро мое воздал мне злом...* — Известны многие биб-

лейские параллели к этим словам Курбского. Главным источником, возможно, была Псалтырь (Пс. 34: 12; 108: 4—5).

9. *Кровь моя...вопиет на тебя Богу моему.* — Быт. 4: 9; Пс. 78: 3.

10. *Бог-сердцевидец...* — оборот «сердцам зритель» также восходит к Библии. Одна из параллелей — 1 Цар. 16:7.

11. *...и совесть мою в самовидцы представил...* — представление о совести, свидетельствующей на суде, находим в апостольских посланиях (Рим. 2:15—16).

12. *...многократно уязвляем был...* — Курбский имеет в виду свои многочисленные воинские подвиги. Он был участником похода на Казань и Ливонской войны.

13. *...отплатит...и за чашу студеной воды.* — См. Мф. 10:41—42; Евр. 11:6; Апок. 22:12.

14. *Федор Ростиславич Черный* (1240 — ум. после 1299), святой предок Курбского, основатель рода ярославских князей. Канонизирован в XV в.

15. *...по трапезе бесовской...* — возможно, здесь имеется в виду насильственное пострижение в монахи.

Слова о жертвах Крону, древнему доолимпийскому божеству, поглощавшему своих новорожденных детей, становятся сквозным мотивом переписки Грозного и Курбского. Князь Андрей склонен изображать окружение Грозного как собрание язычников, приносящих жертвы бесам.

16. *...выродок...* — Нельзя исключать того, что в данном случае Курбский намекал на незаконность второго брака Василия III. Источник слов — Втор. 23:2—3.

Второе послание А.М. Курбского Ивану Грозному

17. *...не поноси бедствующего, довольно ему...* — см. Сирах. 4:2; 7:11.

18. *...присвоил все до последних рубах...* — Имеется в виду присвоение московскими князьями владений других Рюриковичей. Курбский ссылается на евангельские слова (Лк. 4:29; Мф. 5:40).

19. *...язык древних...* — Латынь как язык классиков, грамматически выверенный и насыщенный риторическими оборотами.

20. *...встанут праведники перед лицом мучителей...* — см. Прем. 5:1.

21. *Князь Александр Полубенский* — литовский полководец, плененный в 1577 г. Был отправлен Иваном Грозным к Баторию с передачей условий мира.

22. *Манассия* — царь Иудеи, обратившийся в язычество, возводивший жертвенники богам и занимавшийся гаданиями (4 Цар. 21:1—16;2; Пар. 33:1—9). Манассия покаялся в темнице и после освобождения вернулся к истинной вере.

23. *Притчи про овец и про драхмы.* — См. Лук. 15:7—9.

24. *...животворящим Своим крестом Амалика и Максенция низложил.* — Здесь Грозный сравнивает победу Моисея над Амаликом и знамение животворящего креста, позволившее римскому императору Константину Великому сокрушить своего противника Максенция. Молитвенное положение рук Моисея во время битвы с Амаликом помогало евреям и, согласно христианским толкованиям, прообразовывало крест (Исх. 17:9—13).

25. *...прошел землю и прохожу поднебесную...* — см.: Иов. 1:7—8.

26. *Бог же дает власть тому, кому хочет.* — Слова пророка Даниила, обращенные к вавилонскому царю Вальтасару. Это высказывание было очень распространено в древнерусской книжности и часто приводилось без указания источника (Дан. 4:22; 5:21. Ср.:1 Кор. 12:11).

27. *...растлен разумом...* — Здесь Грозный неточно воспроизводит первое письмо А.М.Курбского. Слов «растлен разумом» у князя Андрея нет.

28. *...судили вы Сицкого с Прозоровским...* — Речь идет о суде между Сицким и Прозоровским по поводу земельных владений. Сицкий в этом споре представлял интересы царевича Федора. Оборот «Ино то уж мы в ногу их не судны» непонятен и оставлен без перевода.

29. *...что я во вдовстве не терпел...* — Оправдания Ивана Грозного касаются его браков. К 1577 г. он был женат уже пять раз. С церковной канонической точки зрения это было серьезным нарушением. Так, в 1572 г. церковный собор с трудом разрешил Ивану четвертый брак.

30. *Владимир Андреевич Старицкий* — двоюродный брат Ивана Грозного, сын четвертого брата Ивана III, Андрея Старицкого. Казнен Грозным в 1569 г.

ИЗ КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ*

Новое сказание, вкратце повествующее о начале Казанского царства, и о войнах с казанскими царями великих московских князей, и о победах их, и о взятии Казанского царства, что было недавно

Прекрасную и новую повесть эту послушайте радостно, о христоименитые люди, о содеявшихся преславных делах в нашей земле и во дни наши, в годы преславного и благочестивого и державного царя и великого князя Иоанна Васильевича, Богом возлюбленного и Богом избранного, и Богом венчанного, владимирского и московского и всей великой России самодержца, которому даровал Бог всемирную победу и славное одоление презлого царства сарацинского, предивной Казани, ради правой его веры во Христа. И молю вас, о боголюбцы, не презреть грубости моей. О любви Христове рассказать чаял я и постарался не знающим сего последующим поколениям писанием своим пояснить разумно о начале Казанского царства: откуда впервые, в какие годы, и как возникло оно, и о прежних великих победах великих наших самодержцев московских. Пусть же, прочитав, братия наши, воины, скорби свои оставят, а прочие возвеселятся и прославят Бога Иисуса Христа, и разумеют все дивные чудеса его и великие милости, что подает истинным рабам своим верным. Начну же теперь. А вы внимайте разумно сладкой повести моей...

...О первом начале царства Казанского, в какое время и как началось, не нашел я сведений в летописцах русских и мало в казанских увидел. И много спрашивал у мудрейших людей русских: один говорил так, а другой иначе, но никто не ведал истины.

За грехи мои случилось мне плененному быть варварами, и отвезли меня в Казань. И отдали в дар царю казанскому Сапкирею. И взял меня царь к себе служить во дворец свой. И был я там двадцать лет. Во взятие же казанское вышел из

---

*© Перевод, примечания. Н.В. Трофимова, 2000

Казани на имя царя московского. Царь меня крестил и немного земли мне в удел дал. И начал я служить ему верно.

И я, когда жил в Казани, часто и прилежно расспрашивал царя и премудрейших и честнейших казанцев — ведь царь знал меня и любил, а вельможи его уважали меня. И слышал много раз от самого царя и вельмож его...

Был на Каме старый город Брягов, оттуда пришел царь Саин Булгарский. И поискал и нашел в год 1177 место на Волге, на самой окраине русской, на этой стороне Камы реки, одним концом прилегающее к Булгарской земле, другим же концом к Вятке и к Перми. Место хорошее и красиво очень, и скотопажитно[1], и пчелисто, и все земные семена рождает, и овощами изобильно, и зверями, и рыбой, и всего в нем много, так что не обрести другого такого места во всей Русской нашей земле...

(На этом месте царь Саин[2] — легендарный персонаж — решает возвести город. Но место оказывается занято двуглавым змеем, которого царь изгоняет с помощью волхва. Тогда на этом месте возникает Казань, что символично но: змей олицетворяет зло, злое и Казанское царство.

Далее повесть подробно рассказывает о взаимоотношениях казанских и русских правителей, о войнах и перемириях между ними, о преданности одних и предательстве других.

Один из самых драматических эпизодов в истории отношений двух царств представляет собой описание судьбы татарского хана Улу-Ахмета[3]).

Спустя 18 лет после смерти Зеледии-султана, царя великой Орды, и через 30 лет после взятия Казани князем Юрием[4], прибежал от восточной страны, Большой Золотой Орды, изгнанник царь Улу-Ахмет, с малой дружиной и с царицами и детьми своими, изгнанный великим старым Едигеем[5], князем заяицким, царства своего лишенный и едва смерти избежавший. И ночь и день скитался по полям, переходя с места на место, ища, где бы поселиться, но не находил. И не смел ни к одной стране приблизиться, ни к одной державе, но между ними скитался, как хищник и разбойник. И приблизился к пределам Русской земли, и послал моление смиренное к великому князю Василию Васильевичу[6] московскому, в шестой год великого княжения его, в десятый год своего царствования. Не рабом, но господином и любимым сыном и братом

называл его Улу-Ахмет, прося позволения на пределах земли Русской недолгое время оставаться, чтобы отдохнуть от трудов своих, собрать воинов множество и возвратиться скорее в Орду, против врага своего, заяицкого князя Едигея, и выгнать его с царства. Было у того Едигея 70 сыновей от 30 жен, и у меньшего из сыновей было воинов до 10 000, и за силу их были прозваны мангитами сильными, потому и покоряться царю не захотели, и Орду большую дерзнули взять.

Князь же великий не противился царю, позволил ему приблизиться к земле своей и принял его с честью, не как беглеца, но как царя и господина своего, и дарами его почтил, и дружелюбие к нему высказал, как сын к отцу, и брат или раб к господину своему. Ибо на княжение им посажен был с сыном своим названым, 10 лет не взимал с него царь дани и оброков, и надеялся князь великий не только приятелем быть ему, но и иметь с ним, как говорил, любовь верную и дружбу великую. Но не подумал о том князь великий, что волк и агнец вместе не питаются, не спят, не живут, и сердце слабого уязвлено боязнью до тех пор, пока один из них не погибнет.

И обещание и клятву дали царь и князь великий ничем друг друга не оскорблять, до тех пор пока царь от Русской земли уйдет. И дал князь великий царю для кочевья Белевские земли. Царь же, кочуя там, начал собирать воинов своих, желая отомстить врагу. И сделал ледяной город, из реки вынимая толстый лед, осыпая его снегом и водой поливая, ибо опасался еще погони за собой: нужна была ему крепость в то время. И уходя, пленял земли чужие, как орел, улетая от гнезда своего далеко пищу искать.

Князь великий, услышав об этом, испугался, возмутился и смятение ощутил в мыслях своих, и подумал, что Улу-Ахмет начал собирать против него воинов и хочет воевать Русскую землю. И некие ближние советники смущали его, говоря: «Князь, великий государь, ведь когда зверь утопает, тогда его и убить спешат. Если же на берег выплывет, то многих уязвит и сокрушит, а сам то ли убит будет, то ли убежит». Князь послушал горького совета этого всех советников своих и послал посла, требуя, чтобы ушел царь из земли его, не воюя. Тот же умолял его немного подождать. Князь великий грозил ему и посылал к нему и во второй, и в третий раз. Царь не слушался и умолял еще подождать, не ведая, что готовится и вооружа-

ется великого князя войско, мечи острятся на него, смиренно говорил: «Брат, господин мой, немного помедли, скоро уйду я из земли твоей. Ведь никакого зла я тебе не сделал, по обещанию нашему и по любви; и впредь до смерти моей, если даст мне Бог вновь царствовать, рад буду иметь с тобою дружбу верную и любовь сердечную и неизбывную. И еще и сыновьям моим прикажу служить тебе и угождать после тебя детям твоим, и грамоту тебе дам на себя, на сыновей моих и на внуков за печатями золотыми, чтобы дани и оброков с тебя не брать и землю твою не воевать. И если замыслю я какое-то зло на тебя, малое или великое, решу, как ты думаешь, обидеть тебя, сделавшего мне добро и накормившего меня, как просителя нищего, то пусть Бог твой, в которого я верую, убьет меня».

И увидел князь великий, что не слушает его царь и добром по воле своей не хочет уйти из земель державы его. И не поверил в истинность его слов и обещания, поскольку тот был язычником, подумал, что лукавит и лжет царь, позабыв слова о том, что покорное слово сокрушает кости, а смиренного сердца и сокрушенного Бог не унизит. И послал на царя брата своего князя Дмитрия Галицкого, по прозвищу Шемяка[7], а с ним вооруженных воинов 20 000, и князей тверского и рязанского, а с ними по 10 000 воинов, и всех воинов 40 000, чтобы прогнать царя из пределов Русских. Он же, злой царь, увидев, что великий князь не внемлет смиренному его молению, и воины его уже готовы и приближаются, послал смиренно к брату великого князя, прося не наступать до утра, поскольку он хочет уйти прочь. Тот же хотел скорее исполнить повеление брата, надеясь на силу свою.

Царь отчаялся просить милости у смертного человека и возвел очи свои звериные на небо, молясь. И пришел к русской церкви (случилось, что она стояла на пути в некоем селе) и припал к порогу пред дверями храма, не смея войти в него, и, вопия и плача, со слезами говорил: «Боже русский, слышал я о Тебе, что милостив Ты и праведен, не на лица людей зришь, но правду в сердцах ищешь. Узри ныне скорбь и беду мою, и помоги мне, будь нам истинный судья, и суди по правде меня и великого князя, и обличи вину каждого из нас. Ведь хочет он убить меня неповинного, выбрав для этого удобное время, и стремится неправедно погубить меня, преступая данные

раньше обещание и клятву; и уважение и прежнюю любовь мою к нему, как к любезному сыну, забывая, видит меня в великих напастях и бедах притесняемого зло и погибель принимающего отовсюду. И не ведаю я, в чем преступил клятву или солгал ему». И плакал долго, стеная, и восстал с земли от коленопреклонения своего мерзкого, и собрался с воинами своими, и затворился в городе ледяном. И вскоре внезапно напали на него воины русские. Он же, начав бой, увидел, что успех на его стороне, и тогда отворил врата городские, и сел на коня, и взял копье и оружие в руки, и заскрежетал зубами, как дикий свирепый зверь, и грозно засвистал, как страшный змей великий, ожесточил сердце свое и закипел злобою, он, повиновавшийся и братом и господином называвший великого князя, а теперь в бою с его войском встретившийся, — как лев ревущий, как змей, страшно огнем дышущий от великой горести.

И против многих воинов русских вышел царь с 3000 всех, тысяча из тех вооруженных не дрогнула, не побежала от множества воинов московских, но отчаялась в жизни своей, а еще больше надеялась на Бога, и на правду свою и храбрость, и на, злое умение свое ратное. И когда сошлись оба войска — увы мне, что говорю! — одолели они войско великого князя, и побили всех русских воинов в год 1438, декабря в 5 день. И осталось на том побоище от 40 000 воинов великого князя восемь его воевод с немногими воинами, скитались они по дебрям, стремнинам и лесам. И едва живыми не взяли и самих воевод, но избавил Господь от этого. Покорность царя Бог смирением наградил и победил свирепосердие князя нашего московского, ибо клятвы не преступают, даже если и иноверцу дают. О блаженное смирение, ведь не только нам христианам, Бог помогает, но и язычникам по правде способствует.

(Затем Улу-Ахмет становится властителем Казани, воюет с русскими. Его политику продолжает сын Мамотяк. Столкновения с казанцами продолжаются на протяжении следующего столетия.

Основное место уделено рассказу о подготовке Иваном Грозным похода на Казань, который рассматривается автором в первую очередь как заслуга самого царя. Автор особенно подчеркивает, что Казань приносила много бед русским людям на протяжении веков):

...И как мне сказать или написать о напастях тех грозных и страшных русским людям во время то. Страх меня охватывает, и сердце мое горит, и плач смущает, и сами слезы текут из очей моих. И кто может исчислить все беды за многие годы от казанцев православным христианам, пуще Батыя. Батый единожды Русскую землю прошел, как стрела молнии, как темная головня, попаляя и сжигая, и города разрушая, пленяя христиан, мечом губя, казанцы же не так губили Русь, но никогда из Русской земли не уходили: то с царем своим, то с воеводами воевали Русь, и иссекали, как сады, русских людей, и кровь их, как воду, проливали. Из наших же христиан, воевод, московских князей и бояр, против них встать и сражаться никто не мог из-за свирепости их и суровости. И всем тогда беда и тоска велика, кто жил на окраине, от варваров тех; у всех русских людей из очей слезы текли, как реки; скрывались в пустынных лесах, в горах, в тесноте горькой жили с женами и с детьми, покидая род и племя и отечество свое, бежали в глубину Руси. Много варвары городов русских разрушили, травой и быльем зарастили села и деревни, многие селения заросли быльем из-за варваров...

(Таким образом, решение Ивана Грозного захватить Казань несет спасение русским людям. Автор подробно рассказывает о подготовке неудачного похода на Казань, бывшего в 1550 г., а затем о втором — победоносном походе 1552 г. Перед началом его Иван IV простился с женой, царицей Анастасией[8]:)

И тогда благоверный царь князь великий оставил свою царицу Анастасию с миром и любовью и сказал ей слово такое: «Я тебе, жена, повелеваю не скорбеть о моем уходе, но пребывать в подвигах духовных, и в посте, и в воздержании, и часто ходить в церкви Божии, и многие молитвы творить за меня и за себя, и милостыню убогим давать, и бедных миловать, и от царских опал освобождать, и из темниц заключенных отпускать, дабы сугубую награду принять от Господа в будущей жизни». То же и брату своему наказывал.

Царица, услышав все это от благочестивого царя, супруга своего любимого, нестерпимою скорбью уязвлена об уходе его, не могла стоять от великой печали, и пала бы на землю, если бы не сам царь супругу свою поддержал. И долго молчала она, а потом заплакала горько, и не могла удержаться от

слез и проговорила: «Ты, благочестивый мой господин царь, заповеди Божьи хранишь, и стараешься один, больше всех, душу положить за людей своих. Я же, свет мой дорогой, как стерплю долгую разлуку с тобой? И какая птица в час один пролетит дальний твой путь, дабы возвестить мне сладкую весть о здравии твоем, когда с погаными будешь биться и одолеешь их. О всемилостивый Господи Боже мой, узри мое смирение и услышь молитву рабы твоей, и прими рыдания мои и слезы, и дай мне услышать о преславной победе супруга моего, царя, над врагами, и позволь мне здоровым его дождаться, и светлым и веселым ему вернуться, радуясь и хваля милость Твою».

Царь князь великий, утешив царицу словами и наставлением, простился с ней, и вышел от нее из палат своих и вошел в церковь Пресвятой Богородицы, честного ее Благовещения, что стоит на Сенях близ царских палат. Благоверная царица Анастасия, проводив до церкви той супруга своего царя и возвратившись в палату свою, как ласточка в гнездо, с великим горем, и печалью, и многими сетованиями, как светлая звезда темным облаком, скорбью и печалью покрылась в палате своей, в ней и жила, все оконца закрыв, света дневного видеть не желая, доколе царь с победою возвратится. И в посте и молитвах пребывала, день и ночь Бога моля о супруге своем, дабы непогрешимым было оружие его против врагов, и с веселием и радостью вернулся к ней царь, и оба они оставили печаль свою и сетования и горе.

(Рассказу о последней, решающей битве за Казань предшествует рассказ о вещих снах казанского царя и сеита — главы мусульманского духовенства, — предсказывающих захват города.)

В первую ночь, когда к Казани пришел царь и великий князь и град обступили войска, видел страшный сон казанский царь. Лег он с печалью немного поспать, и взошел с востока месяц, мал и темен, тонок и мрачен, и встал над Казанью. Другой же месяц, который от запада взошел, светел и велик, пришел и тоже над градом встал, выше темного месяца. Темный месяц от светлого побежал и сотрясался, большой же месяц долго стоял и, как крылатый, полетел от места своего и, догнав, ударил темный месяц, и, как будто поглотив, в себя его принял, и тот в нем засветился. А большой месяц,

светлый, испустил как бы звезды огненные и искры вниз с небес, на город, и сжег всех людей казанских. И опять встал над городом большой месяц, и еще вырос, и сильнее, чем прежде, сиял неизреченным светом, как солнце.

В ту же ночь сеит казанский сон видел. Стеклось множество стай больших многообразных зверей и люто рыкали: львы, и гепарды, и медведи, и волки, и рыси, и наполнились ими луга и поля все казанские; против них вышли из города небольшие стаи единошерстных зверей — волков воющих. И принялись они биться с многоразличными теми зверями, и в один час все, вышедшие из города, лютыми теми зверями ранены были...

(Автор возносит хвалу воинам и боярам, принимавшим участие в походе. Например, он восхваляет князя Симеона Микулинского[9].)

...Превеликий воевода князь Симеон всех превзошел воевод и начальников полков храбростью и твердостью ума своего; за мудрые советы его любим был царем и великим князем. А воинам русским был доброратным воеводой, победами сияющим. И многие русские воины и противники видели его издалека: когда в бою полки сходились, как огненный, ездил он на коне своем, а меч и копье его, как пламя, метались по сторонам и секли противников, пролагая среди них улицы. А конь его, мнилось, как змей крылатый, летающий выше знамен; противники же видели это и быстро бежали от него, не умея устоять против него, и думали, что это не человек, но ангел Божий или некий святой заступник русский...

(Последние дни осады Казани описаны особенно подробно, так же как сам решающий бой. Подчеркивается мужество и русских воинов, и казанцев, защищавших город.)

Царь князь великий, взяв благословение и прощение у духовного отца своего, мужа добродетельного, по имени Андрей, и, как гепард, ярости наполнившись ратной, сел на избранного своего коня, с мечом, и поскакал, размахивая мечом и воеводам крича: «Что долго стоите без дела? Пришло время потрудиться недолго и обрести вечную славу». И хотел в ярости дерзнуть сам с воеводами идти на приступ в великом полку и своею храбростию ободрить всех, но удержали его воеводы силою, и воли ему не дали, чтобы грех какой не случился, и отвели в стан его, и увещевали тихими словами: «Тебе,

царь, подобает спасти себя и нас; если мы все убиты будем, а ты будешь здоров, то нам будет честь и хвала во всех землях, и останутся у тебя сыновья наши и внучата и родственники, и будет вместо нас без числа служащих тебе. Если же мы все спасемся и тебя, единственного самодержца нашего, погубим, какая нам будет слава и похвала? Будет стыд и срам, укор во всех народах, унижение вечное, и останемся как стадо овец, не имеющее пастыря, в пустынях и горах блуждающее, съедаемое волками». Он же пришел в разум от ярости чрезмерной, и понял, что не на добро его безумное дерзновенье, и пустил к городу впереди великий полк, пеших вооруженных за огромными щитами деревянными, по 30 человек ко всем воротам, и приказал туры подвести ко всем стенам города близко, чтобы воинам взойти с них на стены проломленные, — царевичам астраханским с татарами, а за ними и всему воинству. А всем полкам не велел спешить, чтобы не гибли люди из-за стеснения у города. Сам царь отъехал с братом своим, князем Владимиром, и с царем Шигалеем, и стоял, издалека глядя на происходящее.

Воеводы же с пешими воинами к городу приступили и в один час девять ворот проломили, и в город вошли, и пути всюду открыли русскому воинству. И самодержцево знамя, вознеся, на город поставили, победу христиан над погаными показывая всем. И быстро с теми царевичами поспешили в проломы, с полками их варварскими, и вошли в город через пустые места в мгновение ока без боя, и не дали загореться городу, угасив силу огненную.

Пока казанцы еще во страхе метались, и сами собой не владели, и с умом не собрались, другие воеводы стояли, ожидая подходящего времени; и когда увидели, что огонь угас, и дым по воздуху ветром разносит, и воины русские уже по городу скачут, бьются с казанцами врукопашную, тогда двинулись с мест тех, где стояли с полками своими, с криком громким.

И вошли во град на конях своих, как грозные тучи с великим громом, лились со всех сторон, как вода сильная, во все врата и проломы, с обнаженными копьями и мечами, друг друга подбодряя и крича: «Дерзайте и не бойтесь, друзья и братья, поспешите на дело Божье; ведь Христос невидимо помогает нам!» И не удержали их ни реки, ни глубокие рвы,

ни все укрепления казанские, но как птицы через них перелетали и к граду припадали и прилипали. И если Господь не сохранит град, то всуе бдят стерегущие его. Пешие же воины лестницы бесчисленные приставляли к стенам и лезли по ним неудержимо, другие же, как птицы или белки, зацеплялись всюду, как ногтями, железными баграми за стены и залезали в город и били казанцев, те же со стен городских падали на землю. И смерть свою очами видя, веселились и лучше жизни смерть считали, ибо честно за веру свою, и за отечество, и за город свой стояли. С некоторых казанцев сошел смертный страх, и осмелели и стали во вратах града и у пустых мест, и схватились с русскими, и смешались войска великие, и крепко сражались, как звери дикие рыкая. И страшно было видеть обоих войск храбрость и мужество: одни войти во град хотели, другие же пустить их не желали, и, отчаявшись жизни своей, крепко бились и неотступно говорили себе, что один раз человек умирает. И трещали копья, и сулицы[10], и мечи в руках их и, как гром сильный, голоса и крик обоих войск звучали...

(После рассказа о взятии Казани автор говорит о преобразованиях, которые произошли там, и о возвращении русского войска в Москву. Царя встречает весь народ. Особенно ярко показана его встреча с царицей Анастасией):

Царица христолюбивая Анастасия встретить приготовилась царя самодержца, по царскому обычаю своему. На преддверие палат выйдя, с благоверными женами, с княгинями, с боярынями, веселия полна, на землю проливала слезы, как печальная горлица, видя супруга своего, давно разлученного с ней и вновь прилетевшего к подруге своей; и плач и тоска обоих прекратились. И радостны были оба, друг друга видя; как прекрасная денница[11] узрела пресветлое солнце, во вселенной с востока в палаты свои входящее, и помраченное облако уныния и печали, прежде бывшее на ней, светлостью лица своего и веселым взором прогоняющее, и разлуку, как дым, рассеивающее...

(В конце автор подводит итог всему сказанному, обобщенно рассказывая о значении взятия Казани и произнося похвалу предводителю похода Ивану Грозному:)

Таков был тот царь князь великий; и много по себе памяти и похвалы достойного оставил: города новые создал и ста-

рые обновил, и церкви пречудные и прекрасные воздвиг, и монастыри общежительные инокам устроил. И от юных лет не любил никакой потехи царской: ни охоты с птицами или псами, ни звериных боев, ни гусельного звона, ни гудков пения, ни музыкального голоса, ни пищания невнятного, ни скоморошьих, что от бесов, скакания и пляски; и всякое смехотворное зрелище от себя удалил, и скоморохов прогнал, и вконец все это возненавидел.

И только всегда о воинстве попечение имел, и поучение о битвах творил, и почитал добрых конников и храбрых пеших воинов, и о том с воеводами совещался и во все дни жизни своей с мудрыми советниками размышлял, как бы избавить землю свою от нашествия поганых и частого пленения ими. К тому же тщился всякую неправду, и бесчестье, и неправосудие, и взятки, и ростовщичество, и разбои, и кражи по всей своей земле извести, а правду и благочестие в людях посеять и вырастить. И для того по всей великой державе своей, по всем городам и селам разыскав, поставил разумных людей верных сотниками и пятидесятниками и к присяге привел всех, как Моисей израильтян[12], дабы каждый соблюдал людей своих, как пастырь овец, рассматривал и изыскивал всякое зло и неправду и обличал виноватого перед судьями. И если не оставит обличенный злого обычая своего, то смерть примет неумолимую. И так укрепил землю свою. Иначе нельзя злые обычаи, издавна укоренившиеся среди людей, до корня истребить.

И была тогда во царствии его великая тишина по всей земле Русской, прекратились всякие беды и мятежи, и великие разбои, и хищения, и воровство. И частые набеги варваров прекратились: убоялись его крепкой силы языческие цари, и устрашились меча его нечестивые короли, военачальники нагайские мурзы испугались блеска копий его и щитов, и затрепетали и побежали немцы с магистром от искуснейших ратоборцев... И стесненные супостатами русские пределы во все стороны он расширил и продолжил их до краев морских и наполнил бесчисленными селениями. И многие победы над противниками одержал, и даже имен воевод его боялись и трепетали. И звали его во всех странах крепким царем и непобедимым, и боялись враги его войной приходить на Русь, слыша, что жив он еще, и силу его зная, как племена, заточенные

македонским царем Александром[13] за великие горы, на край Чермного моря. Если же приходили на землю нашу, то не явно, как при отце его и прадеде, когда по всей земле не уходя на русских окраинах жили, но как воры приходили и нечто украдкой похищали и убегали, как звери гонимые. Воеводы же московские, где услышат о приходе варваров, там, собравшись, прогонят их и, как мышей, давят и побивают. То ведь от века и от рождения дело варварское и ремесло — кормиться войною. Конец о взятии казанском.

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведение написано около 1563—1565 гг. Автор поставил перед собой задачу рассказать об истории взаимоотношений Казанского ханства и Руси начиная с XII века и кончая победоносным походом на Казань Ивана Грозного в 1552 г. Сам автор — свидетель осады Казани, со взятием которой закончилось его двадцатилетнее пребывание в плену у татар. Это весьма образованный человек, хорошо знавший русскую историю по летописям, знакомый со множеством литературных произведений предшествующих веков. В основе многих эпизодов произведения лежат предания казанских татар, использованы в ряде случаев элементы русского фольклора.

Текст «Казанской истории» переведен по изданию: Казанская история / Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н. Моисеевой. М. — Л., 1954.
Перевод и примечания Н.В. Трофимовой.

1. *Скотопажитно* — обильно пастбищами для скота.

2. *Саин* — в переводе означает «могучий», «смелый». Рассказ о хане Саине, основавшем Казань, легендарного происхождения.

3. *Улу-Ахмет* — хан Золотой Орды с 20-х гг. XV в. Улуг-Мухаммед. В 1436 г. был изгнан в результате феодальной войны Борак-ханом, а затем, после возвращения на короткий срок, Саид-Ахмедом. В 1438 г. появился у г. Белева и ответил отказом на предложение московского князя покинуть пределы Руси. В битве с его войском русские потерпели поражение. В 1445 г., незадолго до смерти, Улу-

Ахмет захватил булгарские поселения по р. Казанке. После его смерти казанский престол занял сын Мамотяк.

4. *Юрий* — сын Дмитрия Донского, князь звенигородско-галицкий (1374—1432).

5. *Едигей* — военачальник Белой Орды из племени мангыт (1352—1419). Стремился восстановить полный контроль Орды над Русью. В борьбе с Улу-Ахметом участвовать не мог, поэтому рассказ автора о нем, вероятно, основан на татарской легенде.

6. *Василий Васильевич* — великий московский князь Василий Темный (1415—1462). Продолжал политику объединения русских земель. В 1446 г. ослеплен Дмитрием Шемякой, от чего произошло прозвище «Темный».

7. *Дмитрий Шемяка* (1420—1453) — князь галицкий, великий князь московский (1446—1447), но на княжении в Москве не удержался, княжил в Новгороде. В 1437 г. в союзе с Василием II воевал против Улу-Ахмета у г. Белев.

8. *Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева* (ок. 1530/32—7.08.1560) — первая жена Ивана IV.

9. *Симеон Микулинский* (ум. в 1562 г.) — потомок тверских князей, участник ряда казанских походов 40-х гг. XVI в. и победоносного похода 1552 г.

10. *Сулица* — метательное копье.

11. *Денница* — утренняя заря.

12. *...к присяге привел всех, как Моисей израильтян...* — автор проводит аналогию нового порядка, установленного в государстве Иваном IV, с устроением Моисеем порядка среди израильтян (Исх. 18:25—26).

13. *...как племена, заточенные... Александром* — упоминание об этих народах встречается в «Повести временных лет» под 1096 г., затем летописцы неоднократно повторяли его, отождествляя с этими народами монголо-татар, пришедших на Русь.

ИЗ ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,* ИМ САМИМ НАПИСАННОГО

По благословению отца моего старца Епифания[1] писано моею рукою грешною протопопа Аввакума. И если сказано просто, вы, Господа ради, чтущие и слышащие, не позазрите просторечию моему, так как люблю свой русский природный язык, виршами философскими не привык речь украшать, ибо не красивые слова Бог слушает, но дел наших хочет. И Павел[2] пишет: «Если человеческими языками говорю или ангельскими, а любви не имею — ничто это». Вот, что много рассуждать: не латинским языком, не греческим, не еврейским, не другими какими хочет речей от нас Господь, но любви с прочими добродетелями требует. Поэтому и я не забочусь о красноречии и не уничижаю своего языка русского...

...Рождение мое в Нижегородской земле, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец мой был священник Петр, мать — Мария, в иночестве Марфа. Отец мой любил питие хмельное, мать же была постница и молитвенница, всегда учила меня страху Божьему. Однажды увидел я у соседа скотину умершую и в ту ночь, встав, перед иконой плакал о душе своей, думая о смерти, ибо и мне придется умереть. И с тех пор привык всякую ночь молиться. Потом мать моя овдовела, а я осиротел молодым, и своими соплеменниками изгнан был. Мать хотела меня женить, а я Пресвятой Богородице молился, чтобы дала мне жену — помощницу в спасении. И была в нашем селе девица, тоже сирота, все время в церковь ходи-

*© Перевод примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

ла, имя ей Анастасия. Отец ее был кузнец по имени Марк, очень богатый, но после смерти его все богатство оскудело. И она в бедности жила и молилась Богу, чтобы выйти за меня замуж, и так и было по Божьей воле.

После этого мать моя отошла к Богу, я же, изгнанный, переселился в другое место. Рукоположен был в дьяконы двадцати одного года, а через два года в попы поставлен, в попах был 8 лет, а потом поставлен в протопопы православными епископами, тому назад двадцать лет, а всего тридцать лет, как имею священство.

А когда в попах был, тогда было у меня детей духовных много, за все время сотен пять или шесть будет. Без устали я, грешный, проповедовал в церквях, и в домах, и на распутьях, по городам и селам, и в царствующем граде, и в земле сибирской, уча слову Божьему, лет тому будет с двадцать пять...

(Из своей жизни в молодости Аввакум рассказывает несколько эпизодов, в том числе символический сон, который он видел:)

...Очи сердечные при реке Волге[3]. Вижу: плывут стройно два корабля златых, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по одному кормчему на них сидит. И я спросил: «Чьи корабли?» И они отвечали: «Луки и Лаврентия». Это были мои духовные дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодно.

А потом вижу третий корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красный, и белый, и синий, и черный, и пепельный — ум человеческий не в силах вместить красоты его и доброты; юноша светлый, на корме сидя, правит; бежит корабль ко мне по Волге, как будто наехать хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидевший на нем отвечал: «Твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я, затрепетав, рассуждал: «Что же видел? И каково будет плавание?»

(Далее Аввакум рассказывает о гонениях, обрушившихся на него за ревностное исполнение обязанностей священника: он заступился за дочь вдовы, обиженную начальником, выступил против скоморохов, пришедших на праздник в село, обличал людей за безнравственность.

Основная часть «Жития» посвящена жизни Аввакума после реформы церкви, предпринятой патриархом Никоном, ко-

торый сначала привечал духовенство, а начав проводить реформу, отрекся от прежних друзей, ставших его врагами, и отправил многих в изгнание.)

...Меня взял от всенощной Борис Нелединский[4] со стрельцами: человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на цепь посадили ночью. Когда ж рассвело в день недельный, посадили меня на телегу, и растянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[5]. И тут в цепи кинули в темную палатку, ушла в землю. И сидел три дня, не ел, не пил. Во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Был же я в третий день приалчен, — есть захотел, — и после вечерни стал предо мною, не знаю — ангел или человек, и по се время не знаю, только в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с цепью к лавке привел, посадил, ложку в руки дал и хлеба немножко и щец похлебать, — зело вкусны, хороши! И сказал: «Полно, довольно тебе для укрепления!» Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Дивно, если человек, а если ангел? Тогда нечему дивиться — нигде ему не загорожено.

Наутро архимандрит[6] с братьею пришли и вывели меня. Журят меня, что патриарху не покорился, а я от писания его браню да лаю. Сняли большую цепь да малую наложили. Отдали чернецу под начало, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, а за цепь дергают, и в глаза плюют. Бог их простит в сей век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукавого. Сидел тут я четыре недели...

Тогда послали меня в Сибирь с женою и детьми. И сколько дорогою нужды было, того всего не скажешь, разве малую часть помянуть.

Протопопица младенца родила. Больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысячи верст недель с тринадцать волокли телегами и водою и санями половину пути...

Потом указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену везти за то, что браню от писания и укоряю ересь Никонову...[7]

Тогда сел опять на корабль свой и поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры везти — двадцать тысяч и больше будет от Москвы. И отдали

меня Афанасию Пашкову[8] в полк, — людей с ним было 600 человек. И грехов ради моих, суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я его много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Когда поехали из Енисейска, то прибыли к большой Тунгузке, реке. В воду загрузило бурею дощаник[9] мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало — одна палуба над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на палубу из воды робят кое-как вытаскала, простоволосая ходит. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помоги!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том не стоит говорить! На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде. Потом, оправясь на берегу, и опять поехали вперед.

Когда приехали на Шаманский порог[10], навстречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и больше: плывут постригаться в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж отдавать». И чем бы ему, послушав меня, вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге стал меня из дощаника выбивать: «Из-за тебя-де дощаник худо идет! Еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!»

О, горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный, как стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перья красные, вороны черные, а галки серые. В тех же горах орлы, и соколы, и кречеты, и курята индейские, и пеликаны, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие. Видно, а взять нельзя!

На те горы выбивал меня Пашков, со зверями и со змеями, и со птицами витать. И я ему малое писаньице написал, так начал: «Человече! Убойся Бога, сидящего на херувимах и призирающего в бездны, коего трепещут небесные силы и вся тварь со человеки, один ты презираешь его и наперекор ему делаешь», — и прочее, там многонько написано, и послал к нему. А вот бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощаник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши

наварил да кормлю их. И они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя на меня, плачут, жалеют меня.

Привели дощаник; взяли меня палачи, привели к нему. Он со шпагою стоит и дрожит. Начал мне говорить: «Поп ли ты или роспоп?» И я отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, как дикий зверь, и ударил меня по щеке, потом по другой и по голове. Сбил меня с ног и, топор ухватя, лежачего по спине ударил трижды. И, раздев, по той же спине семьдесят два удара кнутом.

А я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, но посреди побоев вскричал я: «Полно бить тово!» Так он велел перестать.

И я промолвил ему: «За что ты меня бьешь? Ведаешь ли?» И он еще велел бить по бокам, и отпустил. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощаник оттащить: сковали руки и ноги и на бревно кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелью лежал...

Стало у меня в ту пору кости щемить и жилы тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред Владыкою, и Господь-Свет милостив: не поминает наших беззаконий первых покаяния ради; и опять не стало ничто болеть.

Наутро кинули меня в лодку и дальше повезли. Когда приехали к порогу, к самому большему — Падуну[11], река в том месте шириною с версту, три порога чрез всю реку очень крутые, не протоками что поплывет, то в щепы изломает. — Меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а мне на плечи накинуто кафтанишко простое. Льет вода по брюху и по спине. Из лодки вытаща, по камням скованного около порога тащили. Грустно, да душе добро: не пеняю уж на Бога...

Потом привезли в Братский острог[12] и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста[13] в студеной башне; там зима в ту пору живет, да Бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: когда накормят, когда нет. Мышей много было, я их скуфьею[14] бил, — и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» — да сила Божия возбранила, — велено терпеть.

Перевел меня в теплую избу, и я тут с заложниками и с собаками жил скованным зиму всю. А жена с детьми верст с двадцать была сослана от меня. Баба ее, Ксенья, мучила зиму ту всю, — лаяла, да укоряла. Сын Иван[15] — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть его в студеную тюрьму, где я сидел: ночевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я его и не видал. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобил.

На весну потом поехали дальше. Запаса немного осталось, а первый разграблен весь: и книги и одежда отнята была. На Байкале море потом тонул. По Хилке[16], по реке заставил меня лямку тянуть: очень тяжек ход ее был, — ни поесть было некогда, ни спать. Лето целое мучились. От водяной тяготы люди погибали, и у меня ноги и живот синими были. Два лета по водам бродили, а зимами чрез волоки волочились.

На той же Хилке третий раз тонул. Барку от берега оторвало водою, — у других людей стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном. И я на ней ползаю, а сам кричу: «Владычица, помоги! упование, не утопи!» То ноги в воде, то выползу наверх. Несло с версту и больше; да люди перехватили. Все размыло до крохи! Да что делать, если Христос и Пречистая Богородица изволили так?

Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-то охают, платье мое по кустам развешивая, шубы атласные и тафтяные, и кое-каких безделиц много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех пор перегнило — нагими остались. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаешь насмех!» И я паки Свету-Богородице докучать: «Владычица, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера[17]: волок тут, — стали зимою волочиться. Моих работников отнял, а иным у меня наняться не велит. А дети маленькие были, едоков много, а работать некому: один бедный горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю работал на волоке. Весною на плотах по Ингоде реке[18] поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаваю. Лес гнали хоромный и городовой. Стало нечего есть; люди начали с голоду умирать и от работы. Река мелкая, пло-

ты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска. Люди голодные; лишь станут мучить — ан и умрет! Ох, время то!

У протопопицы моей однорядка московская была, не сгнила, — по-русскому рублей 25 и больше по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нее, и мы год-другой тянулись, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Всех людей Пашков с голоду поморил, никуда не отпускал промышлять. По степям скитались и по полям, траву и корение копали, и мы — с ними же; а зимою — сосну. Иногда кобылятины Бог даст, и кости находили съеденных волками зверей. И что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых замерзших ели волков, и лисиц, и всякую скверну. Ох, время то! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими скитались по горам, по острым камням, нагими и босыми. Травою и кореньями перебивались кое-как, мучились. И сам я, грешный, волею и неволею причастен кобыльям и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе!..

С Нерчи реки[19] назад возвратились на Русь. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под ребят и под рухлишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убиваясь о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — скользко гораздо! В иную пору, бредя, повалилась, а другой человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохнув, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила ребятам на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая. На нарте везя, в то время задавили ее. И нынче мне жаль курочки той, как на память придет. Не курочка, а чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плевое дело, железо! А эта птичка одушевленная, Божье творение, нас кормила, сама с нами кашку сосновую из кот-

ла тут же клевала, или рыбки случится, и рыбку клевала; а нам взамен того по два яичка на день давала.

А не просто нам она и досталась. У боярыни куры все переслепли и подыхать стали. Так она, собравши в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я и подумал: кормилица то есть наша, детки у нее, надобны ей курочки. Молебен пел, воду святил, кур кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чего есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры исцелели и исправилися. От того-то племени и наша курочка была. Да полно об этом говорить!..

Десять лет Пашков меня мучил или я его — не знаю; Бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Один поедет, и его-де, убьют иноземцы». Он в дощаниках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи иноземцев дрожали и боялись. А я, месяц спустя после него, набрав старых и больных, и раненых, которые там негодны были, человек с десяток, да я с женою и с детьми — семнадцать нас человек, в лодку сев, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, куда Бог наставит, ничего не боясь. Книгу Кормчую[20] дал приказчику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал, и крови проливал, и моей головы искал. В иную пору, бивши меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после казаки Пашкова хотели его до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а приказчику выкуп дав, на Русь его вывез, от смерти спас...

Поехали из Даур[21], стала пища оскудевать, и с братиею Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большого зверя, — тем и до Байкала моря доплыли. У моря на артель русских людей наехали мы, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищами. Плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетров с сорок свежих для меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть Бог в ловушке нам дал, — возьми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На что мне столько?»

Погостил у них и с нужды запасцу взяв, лодку починя и

парус скропав, чрез море пошли. Погода установилась на море хорошая, и мы переплыли: не очень в том месте оно было широко — сто или восемьдесят верст. Когда к берегу пристали, восстала буря ветреная, и на берегу насилу место обрели от волн.

Около моря горы высокие, утесы каменные и очень высокие. Двадцать тысяч верст и больше волочился, а не видал таких нигде. Наверху гор постройки, ворота и столпы, ограда каменная и дворы, — все Богоделанно. Лук на них растет и чеснок[22], — больше романовского луковицы, и сладок весьма. Там же растет и конопля дикая, а во дворах травы красивые и цветны и благовонны гораздо.

Птиц очень много, гусей и лебедей по морю, как снег, плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерляди, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, и нерпы и зайцы великие в нем: во окияне море большом, живучи на Мезени[23], таких не видал. А рыбы густо в нем: осетры и таймени жирные, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа того-света наделано для людей, чтоб, успокоясь, хвалу Богу воздавал.

А человек, суете который уподобится, дни его, как тень, проходят. Скачет, как козел; раздуется, как пузырь; гневается, как рысь; съесть хочет, как змея; ржет, глядя на чужую красоту, как жеребец; лукавит, как бес; насыщается довольно; без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает и неведомо куда отходит: или во свет, или во тьму...

Тогда в русские городы приплыл...

В Енисейске[24] зимовал и потом, проплыв лето, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и селам, во церквах и на торгах кричал, проповедовал слово Божие, учил и обличал безбожную лесть. Так и приехал к Москве. Три года ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды. На восток все ехали между иноземных орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземных руках. На Оби, великой реке, предо мною 20 человек погубили християн, а меня отпустили совсем. Потом, на Иртыше реке, собрание их стоит: ждут березовских наших с дощаником и побить. А я, не ведая, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: они с луками и окружили нас. Я вышел и обниматься с ними, как с монахами, начал, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами тоже!» И

они до меня добры стали, и жен своих к моей жене привели. Жена моя также с ними целуется, и бабы подобрели. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы свои и торговать со мною стали, товаров я у них накупил — да и отпустили меня...

Так и в Москву приехал, и, как ангела Божия, приняли меня: государь и бояре — все мне рады... Государь меня к руке поставить велел и милостивые слова говорил: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де видеться Бог велел!» И я руку его поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив Господь, и жива душа моя, царь-государь, а впредь — что изволит Бог!» Он же, миленький, вздохнул, да и пошел, куда надобно ему. И иное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле, и, мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолись обо мне!» И шапку однажды, мурманку, снимая с головы, уронил, едучи верхом. А из кареты высунется, бывало, ко мне. Так же и все бояре после него челом да челом; «Протопоп, благослови и молися о нас!»

Как же мне царя того и бояр тех не жалеть! Жаль ведь! Видишь, каковы были добры! Да и ныне они не лихи до меня; дьявол лих до меня, а люди все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтобы я с ними соединился в вере; я же все это, как грязь, отверг, чтобы Христа приобрести, и смерть вспоминая, ведь все мимо проходит.

(Аввакума пытались заставить принять новую веру или, по крайней мере, молчать, посулив ему работу справщика книг в Печатном дворе. Около полугода Аввакум прожил в Москве, а затем, не выдержав, послал письмо царю, чтобы вернуть истинную веру и изгнать Никона.)

И с тех пор царь на меня сердит стал: не любо стало, как я опять начал говорить, любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, как козлы, пырскать стали на меня и замыслили опять сослать меня из Москвы, потому что рабы Христовы многие приходили ко мне и, уразумев истину, не стали к ложной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Власти-де на тебя жалуются, церкви де ты запустошил, поезжайде в ссылку опять»... Да и повезли на Мезень.

(После полутора лет пребывания на Мезени Аввакума

вновь привезли в Москву. Вновь уговаривали принять «новую» веру. Затем возили по монастырям, привезли на суд вселенских патриархов и, наконец, ничего не добившись, сослали в Пустозерск. Здесь начались казни сторонников Аввакума.)

Чудо, как понять не хотят: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, чтобы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить... И те учителя явны, как бесы антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же...

ПРИМЕЧАНИЯ

Протопоп Аввакум Петров (1621—1682) — автор знаменитого «Жития» и многих посланий. Литературное творчество Аввакума пронизано страстным обличением официальной церкви и светской самодержавной власти с позиций сторонника старообрядчества. За обличения Аввакум подвергался гонениям, его ссылали в Сибирь, а затем на Север, в Пустозерск, где он вместе со своими единомышленниками и был по приказу царя сожжен. В сборник включены отрывки из «Жития». Язык сочинений протопопа Аввакума точный, выразительный, он передает живую разговорную народную речь этой эпохи.

Отрывки из «Жития» переведены по изданию: ПЛДР: XVII век. Кн. II. М., 1989. С. 351—397.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Епифаний* — единомышленник Аввакума и его духовник в пустозерской ссылке. Сожжен вместе с Аввакумом 14 апреля 1682 г.

2. *Павел* — апостол, дается ссылка на его Первое послание к коринфянам.

3. ...*Очи сердечные при реке Волге...* — сон Аввакума содержит в себе символы: река — жизнь, корабль — судьба человека.

4. *Борис Нелединский* — Борис Иванович Нелединский, патриарший боярин, высший чиновник при патриархе Никоне.

5. *Андроньев монастырь* — Андроньев Спасов монастырь в Москве, где ныне находится Государственный музей имени Андрея Рублева.

6. *Архимандрит* — настоятель монастыря.

7. *Укоряю ересь Никонову* — Никон, московский патриарх, организатор нововведений в практику церковного богослужения, противник Аввакума, который не принимал церковных реформ Никона.

8. *Афанасий Пашков* — Афанасий Филиппович Пашков (ум. в 1664), воевода в Енисейске.

9. *Дощаник* — плоскодонное судно с палубой.

10. *Шаманский порог* — порог на реке Ангаре.

11. *Падун* — самый опасный порог на Ангаре. Ныне здесь построена Братская ГЭС.

12. *Братский острог* — деревянная крепость, находившаяся около г. Братска. В одной из крепостных башен содержался протопоп Аввакум. Башня перевезена в московский музей в Коломенском.

13. *Филиппов пост* — в декабре месяце.

14. *Скуфья* — головной убор священника.

15. *Сын Иван* — старший из детей Аввакума, которому было в то время 12 лет.

16. *Хилка* — река Хилка — приток р. Селенги, впадающей в Байкал.

17. *Иргень озеро* — небольшое озеро, входящее в систему других маленьких озер на болотистом плоскогории и водоразделе между озером Байкал и р. Амур.

18. *Ингода река* — Ингода в соединении с р. Онон образует большую реку Шилку.

19. *Нерчь река* — левый приток р. Шилки.

20. *Книга Кормчая* — книга, в которой содержится свод церковных законов, основанных на византийском церковном праве.

21. *Даур* — Даурия, так называлось Забайкалье и Приамурье в XVII в.

22. *Лук на них растет и чеснок* — черемша, разновидность лука и чеснока.

23. *Мезень* — река и населенный пункт на ее берегу. Ныне районный центр в Архангельской области.

24. *Енисейск* — острог и город на р. Енисее, ныне районный центр в Красноярском крае.

ПОВЕСТЬ О ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ*

Во дни благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича[1] всея Руси, при его царском дворе, был муж благоверный и нищелюбивый, именем Устин, по фамилии Недюрев, саном ключник[2], и жена у него была, такая же Боголюбивая и нищелюбивая, именем Стефанида, дочь Григория Лукина из града Мурома. И жили они в благоверии и чистоте, были у них сыновья и дочери, и много богатства, и слуг множество. У них и родилась блаженная Ульяния.

Когда ей было шесть лет, умерла мать ее и взяла ее к себе в Муромскую землю бабка, мать ее матери, вдова Настасья, дочь Никифора Дубенского, и воспитывала ее в благоверии и чистоте шесть лет. И потом умерла бабка ее, и взяла ее к себе тетка Наталья, жена Путилы Арапова. А блаженная Ульяния, с детства Бога возлюбив и Пречистую Его Мать, чтила тетку свою и дочерей ее, была послушна и смиренна, молитвы и посты прилежно исполняла. И за это тетка ее бранила, а дочери ее над ней насмехались. И говорили ей: «О безумная! Что ты, такая молодая, плоть свою изнуряешь — красоту свою девственную погубишь!» И понуждали ее есть и пить, она же не подчинялась воле их, с благодарностью слова их принимала и молча отходила: послушна была всякому человеку. Смолоду была она кротка и молчалива, не заносчива и не горда, от смеха и от всяких игр отрекалась. Много раз принуждали ее сверстницы к играм и песням, но она не следовала советам их, притворяясь неумеющей, тем желая утаить свои добродетели. Только в прядении и вышивании прилежна была, и не угасала свеча ее всю ночь. Сирот и вдов немощных, что в той деревне были, обшивала и всех нуждающихся и больных нужным снабжала, так что все дивились разуму ее и благоверию. И вселился в нее страх Божий. Не было близ той деревни церкви, только за два поприща[3], и не случилось ей в девическом возрасте ни в церковь приходить, ни слышать слово Божье читающих, ни учителей, учащих спасению, но умом благим была наставлена нраву добродетельному.

Когда же достигла шестнадцати лет, была отдана замуж «за человека добродетельного и богатого, именем Георгия, по

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

фамилии Осорьина, и обвенчаны были попом Потапием, в церкви праведного Лазаря, в селе мужа ее. Он дал им наставление по правилам святым. Она послушала учения и наставления и все исполняла. Тогда еще были живы свекор и свекровь ее и, увидев, что она добротою наполнена и разумна, повелели ей управлять домашним хозяйством. Она со смирением подчинялась им, ни в чем не ослушалась, ничего вопреки им не говорила, но почитала их и все, что повелевали, безотказно выполняла, так что все дивились ей. И многие искушали ее речами и вопросами, она же на всякий вопрос благочинный и разумный ответ давала, и все дивились разуму ее и славили Бога. Каждый вечер долго она Богу молилась и поклоны по сто и более творила и, вставая рано, каждое утро так же делала с мужем своим.

Когда муж ее на царской службе бывал год или два, а иногда и три года в Астрахани, она в то время все ночи без сна проводила, в молитвах и рукоделии — прядении и вышивании. И, продав свою работу, нищим деньги давала и на церковные нужды, много же милостыни тайно раздавала по ночам, а днем домом управляла. О вдовах и сиротах, как истовая мать, пеклась, своими руками омывала, и кормила, и поила. Слуг же своих снабжала пищею и одеждою, и работу по силам давала, и никого уменьшительным именем не звала, и не требовала, чтобы воду для мытья рук ей подавали, ни чтобы обувь снимали, но сама все для себя делала. А неразумных слуг со смирением и кротостью наказывала и исправляла, и себя винила, и ни на кого не клеветала, но всю надежду на Бога и Богородицу возлагала и великого чудотворца Николу на помощь призывала, и от него помощь принимала.

Однажды ночью встала Ульяния на молитву одна, без мужа. Бесы же страх и ужас великий напустили на нее. Она, молодая и неискушенная, испугалась и легла спать и уснула крепко. И увидела множество бесов, пришедших на нее с оружием, желающих ее убить, говоря: «Если не перестанешь так жить, погубим тебя!» Она помолилась Богу и Пречистой Богородице и святому Николаю чудотворцу. И явился ей святой Никола, держа книгу большую, и разогнал бесов, и исчезли они, как дым. И поднял правую руку и благословил ее: «Дочь моя, мужайся и крепись, и не бойся бесовского запрета. Христос мне повелел тебя беречь от бесов и злых людей!» Она же,

тотчас ото сна пробудившись, увидела наяву человека, вышедшего из дверей дома быстро, как молния. И встала, и быстро пошла вслед за ним, но тот невидим стал; да и сени дома крепко заперты были. Тогда она, весть от него приняв, возрадовалась, славя Бога, и еще больше добрых дел совершала.

Вскоре Божий гнев Русскую землю постиг за грехи наши: был великий голод, и многие от голода того умерли. Она же втайне много милостыни раздавала, брала пищу у свекрови на утро и на день, и все это голодным нищим отдавала. Свекровь говорила ей: «Как твой нрав переменился! Когда было хлеба изобилие, тогда не могла тебя заставить утром и днем поесть, а теперь, когда мало пищи, ты и утром, и днем еду берешь». Ульяния хотела утаиться, отвечая: «Когда не родила детей, не хотела есть, а когда начали дети рождаться, обессилела, и не могу наесться. Не только днем, но и ночью часто хочу есть, но стыжусь у тебя просить». Свекровь, услышав это, рада была и посылала ей пищу не только днем, но и ночью, ибо было у них в доме всего достаточно: и хлеба, и всего необходимого. Ульяния от свекрови пищу принимала, но сама не ела, а голодным все раздавала. И когда кто-то умирал, она нанимала омывать, и на погребение давала деньги, а когда в селах погребали кого-нибудь, молилась об отпущении грехов.

Вскоре мор начался сильный, и многие умирали от моровой язвы, и оттого многие в домах запирались и больных язвой в дома не пускали, и к одежде их не прикасались. Ульяния же втайне от свекра и свекрови больных многих своими руками в бане омывала, леча и об исцелении Бога моля. И если кто умирал, она многих сирот своими руками омывала и одевала и погребать нанимала, и сорокоуст[4] давала.

Свекор ее и свекровь в глубокой старости монахами умерли, она же погребла их честно: много милостыни и сорокоусты по них раздала и повелела служить литургию[5], и в доме своем отдых давала монахам и нищим все сорок дней, и в темницу милостыню посылала. Муж ее в то время был на службе в Астрахани более 3 лет, она много имения в милостыню отдала, не только в те дни, но и все годы творя память по умершим.

И так прожила Ульяния с мужем много лет в добродетели и чистоте по закону Божьему, родила сыновей и дочерей. Ненавидящий же добро враг старался препоны ей творить:

часто ссоры поднимал среди слуг и детей. Она же всех, разумно и смышлено рассуждая, смиряла. Враг же подстрекнул слугу их, и убил тот сына их старшего. Потом и другого сына убили на службе. И хотя она и скорбела, но о душах их, а не о смерти, и почтила их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом начала молить мужа, чтобы отпустил ее в монастырь. Он же не отпустил, а договорились вместе жить, но плотских отношений не иметь. И устроила она ему обычную постель, сама же с вечера после многих молитв ложилась на печи без постели, только дрова острыми сторонами к телу подкладывала и ключи железные под ребра себе клала, и на всем этом недолго спала, пока слуги ее не засыпали, а потом вставала на молитву всю ночь и до рассвета. И после в церковь шла к заутрени и к литургии, а потом рукоделием занималась, и дом свой богоугодно вела, слуг своих пищею и одеждою наделяла и дело каждому по силам давала, о вдовах и сиротах заботилась и бедным всем помогала.

И еще через десять лет муж ее умер, она похоронила его по обычаю и почтила пением и молитвами, сорокоустами и милостыней. И еще пуще от мирской жизни отошла, пеклась о душе, как угодить Богу, постилась, милостыню безмерную творила, и часто не оставалось у нее денег, и, взяв взаймы, давала милостыню, и в церковь каждый день ходила. Когда приходила зима, брала у детей своих деньги, чтобы сшить теплую одежду, и все раздавала нищим, сама же без теплой одежды зимой ходила и сапоги на босые ноги обувала, только под ноги себе ореховую скорлупу и черепки острые вместо стелек подкладывала, и тело мучила.

Один раз зима была очень студеная, земля трескалась от мороза, Ульяния некоторое время в церковь не ходила, но дома молилась Богу. Однажды рано утром, когда один только поп пришел в церковь, был ему голос от иконы Богородицы: «Пойди и спроси милостивую Ульянию, почему в церковь она не ходит на молитву? И домашняя ее молитва приятна Богу, но не так, как церковная. Вы почитайте ее, уже ведь ей больше шестидесяти лет, и дух святой на ней почивает». Поп же в великом страхе был, тотчас пришел к ней, пал к ее ногам, прося прощения, и сказал ей о видении. Она с опасением все то выслушала, что он поведал, и сказала: «Ошибся ты, если так говоришь, я грешница и недостойна такого обращения». И

умоляла его не рассказывать никому. Сама же пошла в церковь, со слезами молитву совершила, поцеловав икону Святой Богородицы. И еще более поклонялась Богу, ходя в церковь.

И всякий вечер молилась Богу в уединенной горнице: были здесь иконы Богородицы и святого Николая. Однажды вечером вошла, как обычно, на молитву, а горница была полна бесов с оружием: хотели они убить ее. Она же помолилась со слезами Богу, и явился ей святой Николай с палицей и прогнал их, и, как дым, они исчезли. Одного же беса, поймав, мучил. А святую благословил крестом и стал невидим. Бес же, плача, вопил: «Я тебе много бед творил каждый день: поднимал ссоры среди детей и слуг, а к самой тебе не смел приближаться из-за милостыни твоей, смирения и молитвы». Она же непрестанно читала молитву Исусову, перебирая четки. Ела ли, пила ли, делала ли что-то — всегда молитву читала. Даже когда спала, уста ее двигались, душа устремлялась к слову Божьему: много раз видели мы ее спящей, а рука ее перебирала четки. Бес убежал от нее, вопя: «Много бед сегодня принял из-за тебя, но устрою и тебе беду в старости: сама начнешь от голода умирать, не то что чужих не будешь кормить». Она перекрестилась, и исчез бес от нее. Она же к нам пришла в сильном страхе и лицом переменившись. Мы, увидев ее смущенной, спрашивали — и не сказала она нам ничего. А через некоторое время сказала втайне, и велела никому не рассказывать.

И прожила во вдовстве девять лет, многие добродетели проявив, и много богатства в милостыню раздала, только то, что необходимо для дома, оставляя и пищу от года до года рассчитывая, а избыток весь нуждающимся отдавала. И дожила она до царствования царя Бориса.

И был в то время голод великий во всей Русской земле, и нечего многим было есть, и неисчетное множество людей от голода умерло. В доме Ульянии была великая скудость: не взошли посеянные хлеба. Кони и скот умерли. Она же молила детей и слуг, чтобы воровству и грабежу не предались, но что осталось у нее скота, и одежды, и сосудов — все распродала, купив хлеб, и всех домочадцев кормила, и милостыню давала, и ни одного из просящих с пустыми руками не отпускала. Дошла и до последней нищеты, что ни одного зернышка в

доме не осталось, но и это ее не смутило: все упование свое на Бога полагала.

В тот год переселилась она в другое село в пределы Нижегородские, и не было тут церкви ближе, чем за два поприща. Она же, старостью и нищетою измучена, не ходила в церковь, но дома молилась: немало печалилась о том, но вспоминала святого Корнилия[6], которому не повредила и домашняя молитва, и иных великих святых.

Бедность же увеличилась в доме ее. И она отпустила слуг на волю, чтобы не умерли от голода. Одни остались с нею, обещая терпеть, другие ушли, она с благословением и молитвою отпустила их, нисколько не держа на них гнева. И повелела оставшимся слугам собирать лебеду и кору древесную, и из нее хлеб печь, и этим с детьми и слугами питалась, и по молитве ее был хлеб тот сладок. Его и нищим давала и никого с пустыми руками не отпускала, хотя в то время без числа нищих было. Соседи ее говорили нищим: «Чего ради в Ульянин дом ходите? Она сама от голода умирает!» Они же отвечали: «Многие села обошли и чистый хлеб пробовали, а такого сладкого, как хлеб вдовы этой, не ели». Многие и имени ее не знали. Соседи ее, имевшие в достатке хлеб, посылали в дом Ульянии просить хлеба, испытывая, действительно ли хлеб ее сладок. И, дивясь, говорили: «Горазды слуги ее хлеб печь!» А не понимали того, что по молитве хлеб ее сладок. И прожила Ульяния в такой нищете два года, не печалясь, не ропща, не согрешив устами своими на Бога, и не изнемогла от нищеты, но весела была более, чем раньше.

Когда же приблизился ее смертный час, разболелась она декабря в 26 день и лежала шесть дней. Днем лежа молилась, а ночью, вставая, молилась Богу, сама стояла, никем не поддерживаемая, говоря: «И от больного Бог требует молитвы духовной».

Января во второй день, на рассвете, призвала отца духовного и причастилась. И сев, призвала детей и слуг своих и наставляла их о любви, о молитве, о милостыне и о прочих добродетелях. Сказала еще: «Хотела я принять ангельский образ иноческий, но не сподобилась из-за грехов моих, потому что недостойна была — грешница и убогая, Бог так судил, слава праведному суду его». И повелела приготовить кадило и фимиам, простилась со всеми бывшими с ней, всем мир и

прощение дала, легла, перекрестилась трижды, обвив четки вокруг руки, и последнее слово сказала: «Слава Богу, в руки твои, Господи, предаю дух мой, аминь». И предала душу свою в руки Бога, которого возлюбила. И все видели вокруг головы ее круг золотой, как на иконах вокруг голов святых пишут. И, омыв, положили ее в клети и в ту ночь видели свет и свечи горящие, и благоуханием веяло из клети той. И положили ее в гроб дубовый, повезли в пределы Муромские и погребли у церкви праведного Лазаря подле мужа ее (а до церкви Лазаря четыре версты от города) в лето 1604 января в 10 день.

Потом поставили над ней церковь зимнюю во имя архистратига Михаила. И случилось так, что над гробом ее сделали печь. И в год 1615 августа в 8 день умер сын ее Георгий. И начали в церкви копать ему могилу в притворе между церковью и печью, — потому что был тот притвор без настила, — и нашли гроб ее поверх земли цел и невредим. И недоумевали, чей он, потому что много лет не было здесь погребений. Того же месяца в 10 день погребли сына ее Георгия подле гроба ее и пошли в дом. Женщины же, бывшие на погребении, открыли ее гроб[7] и увидели, что полон он мирра благовонного, и в тот час от ужаса не сказали ничего, когда же ушли гости, рассказали о случившемся. А мы, услышав, удивились и, открыв гроб, увидели то, о чем жены сказали, почерпнули в небольшой сосуд мирра того и отвезли в город Муром в соборную церковь. И днем мирро выглядело, как квас свекольный, ночью же густело, как масло багряновидное. Тело же Ульянии до конца не смели осмотреть от ужаса, только видели, что ноги ее целы, а голову не видели, потому что на конце гроба бревно печное лежало. От гроба под печь шло отверстие, через которое гроб на восток лежал на сажень в подпечье. В ту ночь многие слышали в церкви той звон, и думали, что пожар, и прибежали, и не видели ничего, лишь благоухание исходило. И многие, услышав, приходили и мазались мирром тем, и облегчение от недугов принимали. Когда же мирро иссякло, начал около гроба прах рассыпаться, как песок. И когда приходят больные различными недугами и обтираются песком тем, облегчение получают и до сего дня. Мы же не смеем об этом писать, ибо не было церковного свидетельства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть о Юлиании Лазаревской имеет второе название — «Повесть об Ульянии Осорьиной». Написана в 20—30-х гг. XVII в. сыном героини, Дружиной Осорьиным. Произведение написано в форме жития, но по содержанию отступает от традиции этого жанра, представляя собой первый в древнерусской литературе образец биографической повести.

Повесть переведена по изданию: ПЛДР: XVII в. Кн. 1. М., 1988. С. 98—104.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Великий князь Иван Васильевич* — Иван IV (Грозный).

2. *Ключник* — служащий Дворцового приказа.

3. *Поприще* — путевая мера.

4. *Сорокоуст* — плата за церковные службы в течение 40 дней после смерти.

5. *Литургия* — одно из христианских богослужений.

6. *Корнилий* — один из первых христиан, его молитва дома была принята Богом.

7. *Женщины же... открыли ее гроб...* — далее рассказывается о чудесах у гроба Юлиании, но в конце автор замечает, что официального церковного свидетельства о чудесах не было, хотя Юлианию Лазаревскую уже в XVII в. почитали как местночтимую святую.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ*

Изволением Господа Бога и Спаса нашего.
Исуса Христа вседержителя
от начала века человеческого.
А в начале века его тленного
сотворил Бог небо и землю,
сотворил Бог Адама и Еву,
повелел им жить во святом раю,
дал им заповедь Божественную:
не велел вкушать плода виноградного
от Едемского древа великого.
Человеческое сердце
несмысленно и неуимчиво:
прельстился Адам со Евою,
позабыли заповедь Божию,
вкусили плода виноградного
от дивного древа великого;
и за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама со Евою
из святого рая из Едемского,
и вселил он их на землю на низкую,
благословил их раститься-плодиться,
и от своих трудов велел им сытыми быть,
от земных плодов.
Учинил Бог заповедь законную,
велел он бракам и женитьбам быть
для рождения человеческого
и для любимых детей.
Ино зло племя человеческое
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
И роды пошли слабы, до ору Божливы,
на безумие обратились
и начали жить в суете,

---

*© Перевод, примечания. Н.Н. Прокофьева, 2000

и в правде верчение великое,
а прямое смирение отринули.
И за то Господь Бог на них разгневался,
положил на них напасти великие,
попустил на них скорби великие,
и срамные позоры безмерные,
бедность злую, врагов нападения,
злую безмерную наготу и босоту
и бесконечную нищету,
и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя,
и приводя нас на спасенный путь.
Таково рождение человеческое
от отца и от матери.

Был молодец уже в разуме, в беззлобии.
И возлюбили его отец с матерью,
Учить его стали, наказывать,
На добрые дела наставлять.
«Милое ты наше чадо,
Послушай учения родительского,
Ты послушай советы добрые,
И хитрые, и мудрые.
Не будет тебе нужды великой,
Ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и братчины;
Не садися ты на место большее;
Не пей, чадо, двух чар за едину;
Не прельщайся, чадо, на добрых, красных жен,
На отеческих дочерей;
Не ложися, чадо, в место пустынное,
Не бойся мудрого, бойся глупого,
Чтобы глупые на тебя не подумали,
Да не сняли б с тебя дорогих портов,
Не чинили бы тебе позора и стыда великого,
И племени укору и поношения бездельного.
Не ходи, чадо, к костарям[1] и корчемникам;
Не знайся, чадо, с головами кабацкими;
Не дружися, чадо, с глупыми, немудрыми;
Не думай украсть и ограбити,

Обмануть, солгать и неправду учинить;
Не прельщайся, чадо, на злато и сребро;
Не сбирай богатства неправого;
Не будь никогда лжесвидетелем;
Не имей зла на отца с матерью
И на всякого человека, —
Да и тебя спасет Бог от всякого зла.
Не бесчести, чадо, богатого и убогого,
Принимай всех равно, одинаково.
А знайся, чадо, с мудрыми и разумными,
Водися, чадо, с друзьями надежными,
Которые б тебя злу не наставили».
Молодец был в то время мал и глуп,
Не в полном разуме и несовершен умом:
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися;
А хотел жити как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
Завел он себе пятьдесят дружков;
Честь его как река текла;
Дружков к молодцу прибилося,
В род-племя причиталися.
Еще у молодца был мил надежен друг;
Назвался молодцу названым братом,
Прельстил его речами обманными,
Зазвал его на кабацкий двор,
Завел его в избу кабацкую,
Поднес ему чару зелена вина,
И кружку поднес пива пьяного,
Сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названый,
В радость себе, в веселие и во здравие,
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашей меду сладкого;
Хоть и упьешься, братец, допьяна,
А где пил, тут и спать ложись;
Надейся на меня, брата названого.
Я сяду стеречь и досматривать:
В головах у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку меду сладкого,

С краю поставлю зелена вина,
Близ тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я, мил друг, тебя накрепко,
Сведу я тебя ко отцу и матери».
В ту пору молодец понадеялся
На брата своего названого;
Не хотелось ему друга ослушаться.
Принимался он за питье за пьяное.
И испивал чару зелена вина,
Запивал он чашей меду сладкого,
И пил он, молодец, пиво пьяное.
Упился он без памяти,
И где пил, тут и спать ложился:
Понадеялся он на брата названого.
Как шел день уже к вечеру,
А солнце стояло на западе,
От сна молодец пробуждается;
В ту пору молодец озирается:
А сняты с него дорогие порты,
Чиры и чулочки — все поснимано,
Рубашка и порты — все слуплено,
И вся собина у него ограблена,
А кирпичик положен под буйну его голову,
Он накинут гункою кабацкою[2],
В ногах у него лежат лапотки-отопочки;
В головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
Начал молодец наряжатися:
Обувал он лапотки-отопочки,
Надевал он гунку кабацкую,
Покрывал он свое тело белое,
Умывал он лицо свое белое;
Стоя, молодец закручинился,
Сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое,
Ести-кушати стало нечего!
Как не стало деньги, ни полуденьги,
Так не стало ни друга, ни полдруга;
Род и племя отрекаются,
Все дружки прочь отпираются!»

Стало срамно молодцу появитися
К своему отцу и матери,
И к своему роду и племени,
И к своим прежним милым дружкам.
Пошел в чужую страну, дальну, незнаему,
Нашел двор, что́ град стоит;
Изба на дворе, что высок терем;
В избе идет велик пир почестен:
Гости пьют, едят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
Крестил он лицо свое белое,
Поклонился чудным иконам,
Бил челом он добрым людям
На все четыре стороны.
А и видят молодца люди добрые,
Что горазд он креститися,
Ведет он все по писаному учению.
Берут его люди добрые под руки,
Посадили его за дубовый стол,
Не в бо́льшее место, не в меньшее,
Сажают его в место среднее,
Где сидят дети гостиные.
Как пошел пир на веселие,
И все на пиру гости пьяны, весе́лы,
И сидя все похваляются;
Молодец на пиру невесел сидит,
Кручиноват, скорбен, нерадостен,
А не пьет, не ест он, не тешится,
И ничем на пиру не хвалится.
Говорят молодцу люди добрые:
«Что еси ты, добрый молодец,
Зачем ты на пиру невесел сидишь,
Кручиноват, скорбен, нерадостен?
Не пьешь ты, не тешишься,
Да ничем ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
Или место тебе не по отчине твоей?
Или малые дети тебя изобидели?
Или глупые люди немудрые
Чем тебе, молодцу, насмеялися?

Или дети наши к тебе не ласковы?»
Говорит им добрый молодец:
«Государи вы, люди добрые!
Скажу я вам про свою нужду великую,
Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питие пьяное.
Я как принялся за питье за пьяное, —
Ослушался я отца своего и матери,
Благословение мне от них миновалося;
Господь Бог на меня разгневался,
И послал на мою бедность великие
Многие скорби неисцельные
И печали неутешные,
Скудость и недостатки, и нищету последнюю.
Укротила скудость мой речистый язык,
Иссушила печаль мое лицо, тело белое:
Ради того мое сердце невесело,
А белое лицо унылое,
И ясные очи замутилися;
Все взгляды мои изменилися,
Достоинство мое потерялося,
Храбрость молодецкая миновалася.
Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите, как мне жить
На чужой стороне, в чужих людях.
И как найти мне добрых дружков».
Говорят молодцу люди добрые:
«Добрый еси ты, и разумный молодец!
Не будь ты спесив на чужой стороне:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися стару и молоду,
А чужих ты дел не объявливай;
А что слышишь иль видишь — не сказывай,
Не льсти ты другам и недругам;
Не имей ты повадки хитрой —
Не вейся змиею лукавою;
Смиренье ко всем имей с кротостью.
И держися истины с правдою,
То тебе будет честь и хвала великая.

Первое, тебя люди сведают
И начнут тебя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиренье и за вежество[3];
И будут у тебя милые други —
Названые братья надежные».
И пошел молодец на чужу сторону,
И научал он жити умеючи.
От великого разума
Наживал богатства больше старого,
Присмотрел невесту по обычаю,
Захотелося молодцу женитися.
Срядил молодец честен пир,
Отчеством и вежеством,
Любимым своим гостям и друзьям бил челом.
И по грехам молодцу,
И по Божью попущению,
А по действу дьявола,
Пред своими гостьми, перед другами
И названными братьями бахвалился.
А всегда гнило слово похвальное:
Похвала человеку на пагубу.
«Наживал-де я, молодец,
Богатства больше старого!» —
Подслушало Горе-Злочастие
Хвастанье молодецкое,
Само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
Не хвастай своим богатством.
Бывали люди у меня, Горя,
И мудрее тебя и досужее,
И я их, Горе, перемудрило.
Учинилось им злочастие великое:
До смерти со мною боролися,
Во злом злочастии позорились, —
Не могли от меня, Горя, уехати;
Нагими во гроб вселилися,
От меня крепко землею накрылися:
Босоты, наготы натерпелися,
И от них Горе миновалось,

А Злочастие на них в могиле осталось!»
Еще Горе возграяло:
«Я, Горе, к иным привязалося,
А мне, Горю-Злочастию, не в пусте же жить:
Хочу я, Горе, в людях жить;
И батогом меня не выгоните,
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молодцу появиться?»
Еще зло то Горе излукавилось,
Во сне молодцу привиделось:
«Откажи ты молодец, невесте своей;
Быть тебе от невесты отравлену,
Еще быть тебе от жены удавлену,
Из-за злата и сребра быть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак:
Не жалей, пропивай свои деньги,
А скинь ты платье гостиное,
Надень ты гунку кабацкую;
Кабаком-то Горе изведется,
Да то, злое Злочастие отстанет,
За нагим-то Горе не погонится,
Да никто к нагому не привяжется:
А нагому, босому шумит разбой».
Тому сну молодец не поверил.
Ино зло то, Горе излукавилось,
Архангелом Гавриилом молодцу явилось,
Вновь Злочастие привязалося:
«Или тебе, мóлодец, неведома
Нагота, босота безмерная,
Легота, свобода великая?
На себя что купить, то проторится,
А ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучают нагих-босых,
И из раю нагих-босых не выгонят,
С того свету сюда не вытепут[4];
Да никто к нему не привяжется;
А нагому-босому шумит разбой!»
Тому сну молодец поверил.
Пошел пропивать свое богатство,

А скинул он платье гостиное,
Надевал он гунку кабацкую,
Покрывал свое тело белое.
Стало молодцу срамно появитися
Своим милым друзьям.
Пошел молодец на чужую страну,
Страну дальнюю, незнаему,
На дороге встретилась ему быстра река,
За рекою перевозчики,
А просят с него перевозного;
Но дать-то молодцу нечего,
Не везут молодца безденежно.
Сидит молодец день до вечера,
Весь день молодец не обедывал,
Не едал молодец ни полукуска хлеба.
Вставал молодец на ноги скорые,
Стоит молодец, закручинился,
А сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
До беды меня, молодца, домыкало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною.
Уже три дни мне были нерадостны,
Не едал я, молодец, ни полукуска хлеба!
Лучше кинусь я, молодец, в реку быструю:
Полощи мое тело, быстра река!
И ешьте, рыбы, тело мое белое!
Это лучше мне житья позорного!
Уйду ли я от Горя злочастного».
И в тот час у быстры реки
Скочило Горе из-за камня,
Босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
Еще лычком Горе подпоясано,
Богатырским голосом воскликнуло:
«Стой ты, молодец,
От меня, Горя, не уйдешь никуда!
Не мечися ты в реку быструю,
Да не буди в горе кручиноват,
А в горе жить — некручинну быть!
А кручинину в горе погинути!
Вспомни, молодец, житие свое первое:

И как тебе отец говоривал,
И как тебе мать наказывала.
Почему ты тогда их не послушался?
Не хотел ты им покоритися,
Постыдился им поклонитися,
А хотел ты жить, как любо тебе!
А кто родителей своих не слушает,
Того выучу я, Горе злочастное!
К немилым он начнет попадать,
И начнет он недругу покорятися!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
Поклонися мне, Горю, до сырой земли,
А нет меня, Горя, мудрее на сем свете;
И ты будешь перевезен за реку быструю;
Напоят тебя, накормят люди добрые».
И видит молодец беду неминучую, —
Покорился он Горю нечистому,
Поклонился Горю до сырой земли.
Пошел, поскочил добрый молодец
По крутому по красному бережку,
По желтому песочку;
Идет весел, некручиноват;
Утешил он Горе Злочастие;
А сам, идучи, думу думает:
— У меня же нет ничего,
И тужить мне не о чем!
Да еще молодец не печалится,
Запел он хорошую напевочку,
От великого крепкого разума:
«Беспечального меня мать родила,
Гребешком кудри расчесывала,
В дорогие порты одевала меня,
И, отойдя, под ручку посматривала:
«Хорошо ли мое чадо в дорогих портах?
А чаду в дорогих портах и цены нет!»
Как бы до веку она так пророчила!
То я знаю сам и ведаю,
Что не класти скарлату без мастера[5],
Не утешити дитяти без матери,

Не бывать бражнику богатому,
Не бывать костарю в славе доброй;
Завечен я у своих родителей[6],
Что мне быти белешеньку,
А что родился головéнькою!» —
Услышали перевозчики молодецкую напевочку, —
Перевезли молодца за реку быструю,
А не взяли с него перевозного.
Напоили-накормили люди добрые,
Сняли с него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянские.
Говорят молодцу люди добрые:
«А что если ты, добрый молодец,
Ты поди на свою на сторону,
К честным своим родителям,
Ко отцу своему и к любимой матери,
Попроси прощение у них, у родителей,
Возьми от них благословение родительское!»
И пошел молодец на свою сторону.
Как вышел молодец на поле чистое,
А уж злое Горе наперед зашло,
В чистом поле молодца встретило,
Начало над молодцом граяти,
Что злая ворона над соколом;
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, добрый молодец!
Не на час я к тебе привязалося,
Хоть до смерти с тобою помучаюся!
Не одно я Горе, — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Все мы гладкие, умильные;
А кто в семью к нам примешается, —
Тот с нами замучается!
Такова у нас участь и лучшая.
Хоть стань ты птицей воздушною,
Хоть пойди ты рыбою в море синее, —
Я с тобой пойду под руку под правую».
Полетел молодец ясным соколом,
А Горе за ним белым кречетом;
Молодец полетел сизым голубем,

А Горе за ним серым ястребом;
Молодец пошел в поле серым волком,
А Горе за ним с борзыми собаками,
Молодец стал в поле ковыль-травой,
А Горе пришло с косою вострою,
Да еще Злочастие над молодцем насмеялося:
«Быть тебе, травонька, посеченной,
Лежать тебе, травонька, скошенной,
И буйным ветром быть тебе развеянной».
Пошел молодец в море рыбою,
А Горе за ним с частым неводом,
Еще Горе злочастное насмеялося:
«Быть тебе, рыбоньке, уловленной,
Быть тебе да и съеденной,
Умереть тебе смертью напрасною!»
Молодец пошел пеш дорогою,
А Горе под руку под правую;
Научает молодца богато жить —
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повесили,
Или с камнем в воду бросили.
Вспоминает молодец спасенный путь.
И пошел в монастырь постригатися,
А Горе у ворот остается,
К молодцу вперед не привяжется!..

ПРИМЕЧАНИЯ

В рукописи произведение названо «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин».

Повесть создана в купеческой среде, видимо, во второй половине XVII в. Это литературное произведение, хотя оно и создано в традиционном стиле устной народной поэзии. Повесть написана народным стихом, на бытовой сюжет, сопровождаемый лирическими поучениями. В устной народной поэзии имеются сказки и лирическая песня, близкие к повести.

Текст переведен по изданию: ПЛДР: XVII в. Кн. 1. М., 1988. С. 28—38.

Перевод и примечания Н.И. Прокофьева.

1. *Костарь* — игрок в кости, азартную игру.

2. *Гунка кабацкая* — рубище, выдававшееся в кабаках в обмен на пропитую одежду.

3. *Вежество* — знание, образованность.

4. *Не вытепут* — не выбьют (от древнего глагола тепи, тепу). В XVII в. это слово было в употреблении.

5. *Не класти скарлату без мастера.* — Скарлат — дорогая ткань.

6. *Завечен я у своих родителей* — заветное желание было у родителей.

ПРИТЧА О СТАРОМ МУЖЕ И МОЛОДОЙ ДЕВИЦЕ

Бысть старый муж, велми стар, и сватался ко прекрасной девице, брадою сед, а телом млад, костью храбр, плотию встанлив, умом свершен. И рече старый муж ко девице: «Поиди за меня, девица. Носить тебе у меня есть что, слуг и рабынь много, и коней и портищ[1] дорогоценных много, есть тебе у меня в чем ходити; пити, и ясти, и веселитися». И рече девица ко старому своему мужу: «О безумный и несмысленный старый старик, матерой материк! Коли меня, прекрасную девицу, поимешь за себя, храбрость твоя укротитца, и образ твой померкнет, и седины твои пожелтеют, тело твое почернеет, и кости твои изсохнут, и уды твои ослабеют, и плоть твоя облениться, и неугоден будеши младости моей и всему моему животу[2] не утеха будеши; ум твой от тебя отидет, и учнешь ходити, аки лихая понурая свиня, на добро и на любовь не помыслишь, и уды твои ослабеют, и плотскому моему естеству не утеха будеши; тогда аз, девица, от распаления, впаду в преступление со младым отроком, с молодцом хорошим, а не с тобою, старым мужем, с вонючею душею, с понурою свинею».

И рече старый муж ко девице: «На что, девица, словеса сия сложила, аки древа листвием украсила, аки цвет по земли расцветила? А в дому моем рабы, государынею будеши; и станешь, моя миленкая, на многоценних коврах сидеть, пити, и ясти, и веселитися со мною неизреченна многоразличные яствы; не дам тебе, миленкая, у печи от огня рукам твоим упечися и ногам твоим о камень разбитися. Сядешь, моя миленкая, в каменной полате; и начну тебя миленькая, согревати в теплой бане, по вся дни, украшу тебя, миленкая, аки цвет в чистом поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу реку при дубраве, и упокою тя во всем наряде; и сотворю тебе пир великий; и на пиру велю всякую потеху играти гуселником и трубником и пляску; и начнут тебя тешить; и начнешь, моя миленкая, всем моем имением владети; не дам тебе, миленкая, оскорбети, твоему по вся дни и животу твоему». И рече девица ко старому своему мужу: «О безумны и несмысленны стары старик, матерой материк! Хощешь со мною любовь сотворити, а так не спешишь о будущем веце и о смер-

ти, как душа своя спасти; хощешь угодити жене, а не Богу. Пора тебе раздать имение свое нищим; а сам постригися в почестный монастырь, раб и рабынь отпусти на волю, и оне за тебя Богу молить».

И рече старый муж ко девице: «Как ты, девица, поидешь за меня, и аз твоего отца и матерь одарю многоценными дары и честь воздам великую». И рече девица ко старому мужу: «О безумный и несмысленный старой старик, матерой материк! Аще ли одолеиши отца моего и матерь мою многоценными дарами, и отец мой и мати моя выдадут меня за тебя по неволи, и яз стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю, и повеления твоего не сотворю; аще велиши сделать кисло, аз сделаю пресно; а мякова тебе у меня хлеба не видать, всегда тебе сухая крома[3] глодать, зазкалом[4] зубам твоим пагуба, скорыням[5] твоим погубит; пагуба ж и кончина, а телу духота, а самому тебе, старому смерду, исчезновение; а младому отроку моему, молодцу хорошему, советнику, мяхкия крупичетые колачики и здобныя пироги, и различныя овощи, да сахар на блюде, да вино в кубце, в золотом венце, да сверх тово ему мяхкая хорошая лебединая перина, да чижовое зголовье, да соболиное одеяло, а тебе у меня, старому смерду, спать на полу или на кутнике[6] на голых досках с собаками, а в головы тебе из-под жернов дресваной[7] камень; да пожалую тебя, велю тебе дать соломеную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлеб, да квашеные поскрепки, а в место тебе место, старому смерду, мостолыга[8] старые коровы, и та недоварена; а младу отроку молодцу, хорошему моему советнику, калачи крупичетые, да сахар на блюде, да вино в купце, в золотом венце, и яз пред миленким стою с трепетом и з боязнию, чтобы меня миленкой любил, и жаловал, и дрочил почесту. А няньки и мамки учнут милова на руках носити, а тебе, старому смерду, по берещеной[9] роже, неколотой потылице[10], жаравной[11] шее, лещевым скорыням[12], сомове губе, щучим зубам, понырой свине, раковым глазам [...] опухлым пятам, синему брюху, рогозинным руковицам, посконная борода, желтая седина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пастух, сидел бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сопело; жил бы ты, что желна[13] в дупле, что червь за корою, что сверчек за опечью,

костям бы твоим ломота, зубам щепота». И рече старой муж ко девице: «Коли ты, девица, за мною будеши, и ты не такова будешь».

И стал старый муж свататца ко девице и все имение свое на сватовство отдал, а прекрасной девицы за себя не засватал: и как девица старому мужу говорила, так над ним и сотворила.

И вы, старые мужи, сами себе разсудите, младых жен не понимайте[14]: младая жена лишная сухота; от людей стар бегает, в пиру не сидит, к людем не пристанет, а от ворот не отстанет, в избу не лезет, а хотя и влезет, и он не сядет, вверх глядит, голову закинул, язык закусил, кропчетца[15], что лихая собака из под лавки, а укусить не смеет, чтоб самое не зашибли; не говорит, дметца[16].

Сам себе досадил старой муж, три годы бегал и удавился. А красная девица вышла замуж за молотца хорошева, с молодым прощаючись, а старова проклинаючи. И как девица старому говорила, так над ним и сотворила. Младому девица честь и слава, а старому мужу коровай сала. А хто слушал, тому сто рублев, а хто не слушал, тому ожег, четцу калачик мягкой. Сей сказке конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данная Притча представляет собой диалог богатого старика и молодой девицы, отвергающей его притязания на ее молодость. В Притче слышны иногда отголоски средневековых представлений о женском коварстве, но в целом симпатия автора на стороне молодой девицы. Ее речи близки народным песням о молодой жене старого мужа, пересыпаны прибаутками, рифмующимися словами. Произведение возникло, вероятно, в демократической среде в середине или второй половине XVII в. Оно перекликается со Сказанием о молодце и девице (см.: ПЛДР: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 231—233), также в форме диалога изображающим сватовство молодца к девице.

Текст публикуется по изданию: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 2. СПб., 1860. С. 453—454.

1. ...*портищ* — одежды.

2. ...*животу* — жизни.

3. ...*крома* — корка.

4. ...*зазкалом* — видимо, ошибка писца, следует читать: с закалом.

5. ...*скорыням* — челюстям.

6. ...*на кутнике* — на лавке.

7. ...*дресваной* — здесь, возможно, имеются в виду мелкие камни, отколовшиеся во время работы жерновов.

8. ...*мостолыга* — мосол.

9. ...*берещеной* — берестяной.

10. ...*неколотой потылице* — здесь: неотесанному(?) затылку.

11. ...*жаравной* — журавлиной.

12. ...*скорыням* — см. прим. 5.

13. ...*желна* — дятел.

14. ...*не понимайте* — здесь: не берите.

15. ...*кропчетца* — ворчит.

16. ...*дметца* — пыжится.

ВИРШИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Вежество[1]

Вежеству образ[2] древний давали —
Зрящую в ночи сову писали —
Как бо она во тьме созерцает,
Так и в трудностях вежда дело знает.

Гордость

Говор на воде быстро исчезает,
Гордый в мире также погибает.

Честь

Родителей честь на сына не прехождает,
Если добродетелей их не подражает.
Лучше честь свою каждому стяжати,
Нежели предков честию сияти.
Честь родителей бесчестна сыну бывает,
Если он бесчинно жизнь препровождает.

Яма

Если кто под другом яму копает,
Сам многократно в нее попадает.

Многоглаголание

Во многом глаголании грех бывает,
Ибо язык вещает, что и ум не знает.
Лучше же язык от словес держати,
Нежели много оном глаголати.
Молчание мало повреждает,
А обилие слов многих погубляет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Симеон Полоцкий (1629—1680), белорус по национальности, сыграл большую роль в истории русской литературы и просвещения. Он считается основателем русского силлабического стихосложения. Включенные в сборник вирши — образцы силлабического стихотворства. Симеону Полоцкому принадлежат многочисленные вирши, объединенные в сборники «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион». Он переложил стихами псалмы в книге «Псалтирь рифмотворная», которую М. В. Ломоносов считал «вратами своей учености», наряду с «Арифметикой» Магницкого и «Грамматикой» Смотрицкого. В 1680 г. композитор В.П. Титов написал на эти псалмы музыку.

Тексты стихотворений приводятся по изданию: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения / Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Еремина. М. — Л., 1953.
Примечания П.И. Прокофьева.

1. *Веждество* — знание, просвещенность, образованность.

2. *Образ* — пример, образец.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВМЧ — Великие Минеи Четии.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГАДА — Российский Государственный архив древних актов (Москва).

РГБ — Российская Государственная библиотека (Москва).

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

О.В.Гладкова. Непривычная литература 5

I

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона.
Перевод А.Н. Ужанкова 15
Житие Ефстафия Плакиды. 56
Перевод О.В. Гладковой .....

II

Из «Повести временных лет».
Перевод А.С. Демина 70
Сказание о Борисе и Глебе.
Перевод Л.А. Дмитриева, А.М. Ранчина 88
Житие Феодосия Печерского.
Перевод О.В. Творогова, А.М. Ранчина 109
Житие и хожение Даниила, игумена Русской земли.
Перевод Н.И. Прокофьева 174
Поучение Владимира Мономаха.
Перевод Д.С. Лихачева 188
Повесть об убиении князя Андрея Боголюбского.
Перевод Н.И. Пак 205
Слово о полку Игореве.
Перевод Н.И. Прокофьева 215
Слово Даниила Заточника.
Перевод А.Н. Ужанкова 245
Из Киево-Печерского патерика.
Перевод А.М. Ранчина 254

III

Слово о погибели Русской земли.
Перевод Н.И. Прокофьева 280
Подвиг Евпатия Коловрата (Из «Повести о разорении Рязани Батыем».)
Перевод Н.И. Прокофьева 283

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра.
Перевод А.Н. Ужанкова 287
Повесть об убиении в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского.
Перевод Н.И. Пак 297
Задонщина.
Перевод Н.И. Прокофьева 315
Слово о Вавилоне.
Перевод Н.Ф. Дробленковой, А.С. Демина 330
Из «Жития Стефана Пермского».
Перевод Н.И. Прокофьева 334
Из «Жития Сергия Радонежского».
Перевод Н.И. Прокофьева 346
Хожение за три моря Афанасия Никитина.
Перевод Н.И. Прокофьева 351
Слово о Меркурии Смоленском.
Перевод А.Н. Ужанкова 373

IV

Житие Исидора Твердислова, ростовского юродивого.
Перевод О.В. Гладковой 377
Из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких».
Перевод С.В. Минеевой 388
Повесть о Псково-Печерском монастыре.
Перевод Л.Н. Коробейниковой 408
Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии.
Перевод О.В. Гладковой 415
Из «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским».
Перевод А.В. Каравашкина 429
Из «Казанской истории».
Перевод Н.В. Трофимовой 441

V

Из «Жития протопопа Аввакума».
Перевод Н.И. Прокофьева 454
Повесть о Юлиании Лазаревской.
Перевод Н.И. Прокофьева 466
Повесть о Горе-Злочастии.
Перевод Н.И. Прокофьева 474
Притча о старом муже и молодой девице 487
Вирши Симеона Полоцкого 491

Список сокращений 492

Слово Древней Руси / Состав., вступ. статья
С 48 О.В. Гладковой. — М.: Панорама, 2000. — 496 с. — (Библиотека славянской литературы).

ISBN 5-85220-373-4

В сборник вошли шедевры древнерусской литературы, как хорошо знакомые, например, «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и др., так и малоизвестные, рисующие картину не только военно-героической, но и религиозной, торговой и просветительской жизни древнерусского государства.

Почти все произведения даны в новом современном литературном переводе.

ББК 84 (2 Рос — Рус) 6
УДК 882

40-00

БИБЛИОТЕКА СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор *Г. Полубинская*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Технический редактор *Л. Никитина*

Корректоры *И. Нагибина, И. Саможенкова, И. Могилевкина*

Компьютерный набор и верстка: *Н. Богомолова (руководитель), О. Кулагина, Е. Козлова*

**ЛР № 010208 от 06.03.97 г. Подп. в печать 27.06.2000 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурский. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Уч.-изд. л. 27,51. Изд. № 044500757. Тираж 5000 экз. Заказ № 1830.**

Издательство «ПАНОРАМА». 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.**